

**Стратегия и тактика реализации
социально-экономических реформ
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**VI Международная
научно-практическая конференция**

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Часть II

**Вологда
2011**

Российская академия наук
Отделение общественных наук –
Секция экономики

Правительство
Вологодской области
Администрация города Вологды

Институт
социально-экономического
развития территорий РАН

Санкт-Петербургский
государственный
инженерно-экономический
университет

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

**Материалы
VI Международной научно-практической конференции
(г. Вологда, 6 – 8 октября 2011 г.)**

В трёх частях

ББК 65.9(2Рос-4Вол)

С83

Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект [Текст]: материалы VI Междунар. науч.-практ. конференции, г. Вологда, 6 – 8 октября 2011 г.: в 3-х ч. – Часть II. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011. – 440 с.

Редакционная коллегия:

В.А. Ильин (руководитель), К.А. Гулин, Н.В. Костыгов,
В.И. Маевский, М.Ф. Сычев, Т.В. Ускова, Ван Юйци

В сборнике представлены материалы VI Международной научно-практической конференции «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект», проходившей в г. Вологде в октябре 2011 г., и состоявшейся в ее рамках IX Международной конференции по социально-экономическому развитию регионов России и Китая.

Сборник состоит из трех частей. В первой части публикуются доклады участников IX Международной конференции по социально-экономическому развитию регионов России и Китая. Вторая часть сборника содержит доклады и выступления, представленные на пленарном заседании и заседаниях секций конференции «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект». В третьей части продолжена публикация материалов секционных заседаний.

Тексты выступлений приводятся в авторской редакции.

Издание материалов осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-02-14009 г.

ISBN 978-5-93299-187-9

ISBN 978-5-93299-185-5

© ИСЭРТ РАН, 2011

© СПбГИЭУ, 2011

© Правительство Вологодской области, 2011

**СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Часть первая

**IX Международная конференция по социально-экономическому
развитию регионов России и Китая**

Сессия 1. Актуальные задачи социально-экономического реформирования России и Китая

Сессия 2. Устойчивое развитие социально-экономических и общественных систем

Сессия 3. Направления повышения эффективности и качественного роста реального сектора экономики. Проблемы и перспективы российско-китайского сотрудничества. Развитие социально-экономических и общественных систем

Часть вторая

**VI Международная научно-практическая конференция
«Стратегия и тактика реализации социально-экономических
реформ: региональный аспект»**

Пленарные доклады

Секция 1. Проблемы устойчивого социально-экономического развития территорий

Секция 2. Задачи и направления повышения эффективности и качественного роста реального сектора экономики

Секция 3. Роль интеллектуального капитала и научно-технической сферы в решении задач социально-экономической модернизации

Часть третья

VI Международная научно-практическая конференция «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект»

Секция 4. Проблемы качественного роста человеческого потенциала российских регионов

Секция 5. Активизация социального потенциала и развитие гражданского общества

Секция 6. Модернизация механизмов государственного и муниципального управления развитием социально-экономических систем

Обращение к читателям

Двадцатилетие реформ привело к глубоким изменениям во всех сферах экономики и общественной жизни России и ее регионов. Предпринятая в 2000 г. корректировка экономической стратегии позволила увеличить производство валовой продукции в регионах, повысить уровень доходов и сбалансированность региональных бюджетов. Однако мировой финансовый кризис внес свои коррективы. Многие качественные индикаторы регионального развития приобрели неустойчивый характер. Понижился реальный жизненный уровень населения, сократился объем инвестиций в развитие человеческого потенциала.

В условиях преодоления кризисных процессов мировой экономики как никогда актуальным является определение сбалансированных стратегических ориентиров развития России и ее регионов. Стратегию социально-экономического развития можно выработать и успешно реализовать только при конструктивном взаимодействии всех секторов общества. Немаловажную роль здесь играет диалог между государственной властью и наукой.

С середины 1990-х гг. активно развивается сотрудничество между отделениями РАН и Правительством Вологодской области. Расширяются совместные исследования по наиболее значимым проблемам регионального реформирования. С 1997 г. в г. Вологде проводятся научно-практические конференции на тему «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект».

Финансово-экономический кризис показал, что проблемы российских регионов созвучны с проблемами других стран, пути выхода из создавшейся ситуации следует искать вместе, используя опыт друг друга. В этой связи в нынешней, шестой конференции принимали участие представители зарубежных стран.

Участие в подобных мероприятиях ведущих российских и зарубежных ученых, работников научных и образовательных учреждений, руководителей и специалистов федеральных, региональных и местных органов управления, представителей хозяйствующих субъектов позволяет рассмотреть самые различные точки зрения и сформировать широкий взгляд на рассматриваемые проблемы, глубже понимать вопросы реализации стратегии и тактики развития территориальных систем и хозяйствующих субъектов в современных экономических условиях.

Уверены, что состоявшееся на конференции обсуждение широкого круга вопросов будет способствовать повышению эффективности реализации социально-экономических реформ.

Сопредседатели конференции

Губернатор
Вологодской области
В.Е. Позгалев

Вице-президент
Российской академии наук академик
А.Д. Некипелов

**Материалы VI Международной
научно-практической конференции**

**Стратегия и тактика реализации
социально-экономических реформ:
региональный аспект**

Вологда

6 – 8 октября 2011 г.

Пленарные доклады

В.И. Маевский

Ключевые проблемы формирования стратегии социально-экономического развития России до 2020 года

В настоящее время поставлен вопрос о необходимости переосмыслении стратегии социально-экономического развития России не только в территориальном аспекте, но и в целом в федеральном плане. Этот вопрос подняли экономисты либерального толка, которые обратились с письмом к В.В. Путину, где выразили некоторые сомнения в целесообразности проводимой ныне политики (макроэкономической и региональной) нашего государства. По их мнению, в предшествующие несколько лет и в текущее время доминирующей тенденцией является усиление роли государства в экономическом развитии.

Государство определяет приоритеты, концентрирует на них политические и финансовые ресурсы, выстраивает финансовую систему, опираясь на принадлежащие ему банки и биржи, напрямую руководит ключевыми производственными компаниями, определяя спрос не только на товары и услуги, но и на институты. И это, они считают, плохо.

Письмо было написано Я.И. Кузьминовым (ректором Высшей школы экономики) и В.А. Мау (ректором Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). В.В. Путин откликнулся на это письмо. Была создана 21 экспертная группа по доработке и совершенствованию стратегии.

Я хочу высказать мнение по поводу некоторых тезисов ключевой (первой) экспертной группы, которую возглавляют наши либеральные экономисты, очень авторитетные, очень известные – В.А. Мау и Е.Г. Ясин. Как они оценивают в контексте глобальной конкурентоспособности ситуацию в России? Цитирую: «У России нет реального шанса сохранить конкурентоспособную промышленность в тех отраслях, где существует свободная торговля и международная конкуренция. По ВВП на душу населения Россия находится в зазоре между бедными и богатыми странами.

Маевский Владимир Иванович – академик РАН, руководитель Центра эволюционной теории и экономического развития Института экономики РАН.

В результате Россия не является страной с дешевой рабочей силой и, соответственно, будет проигрывать развивающимся странам в сфере массового промышленного производства. Но в то же время Россия является страной с немодернизированной экономикой, а потому не может конкурировать с развитыми странами в их нишах».

Возникает вопрос, как себя будет позиционировать Россия в такой ситуации: на одном полюсе у нее места нет, на другом — также. Что делать с нашей социальной сферой, что делать с нашим промышленным комплексом? Ситуация непонятная, настраивающая на крайне пессимистический лад.

Дальше идут рассуждения о конкуренции за инвестиции. Либеральные авторы пишут: «Даже самый поверхностный анализ платежного баланса России подтверждает тезис о том, что россияне вкладывают деньги в зарубежные активы, предпочитая последние внутренним инвестициям». Действительно, это факт. Идет бегство капитала. Но настораживает следующее. Авторы пишут: «Недостаток инвестиций обусловлен тем, что предприниматели считают соотношение — инвестиционный климат и риск относительно возможной доходности инвестиций недостаточно привлекательным в России. Таким образом, поскольку рассчитывать на скорые, значительные улучшения инвестиционного климата в России не приходится, то и резкий приток инвестиций в модернизацию экономики также маловероятен».

Я не знаю, читал ли Владимир Владимирович этот текст: он был выставлен в Интернете на сайте «Стратегия 2020». Потом его почему-то убрали, и сейчас его нет. Может быть, текст снят в связи с выступлением Путина по поводу инвестиционной политики и привлечения иностранных инвестиций в Россию, где премьер отметил, что реакция западных инвесторов на вложения в российскую экономику вполне положительная. Значит, убрали просто потому, что их (либеральных экономистов) текст грубо расходился с тем, что заявил В.В. Путин, с тем что реально происходит.

Далее, либеральные авторы связывают экономический рост с демографическим фактором: «Россия, трудовые ресурсы которой в ближайшие десятилетия будут сокращаться, не сможет поддерживать темпы роста свыше 4% в среднем за год. При условии пятипроцентного ежегодного роста производительности труда, достигнутого в прошлом десятилетии, более высокий рост невозможен».

Вроде бы все верно: если происходит сокращение трудовых ресурсов хотя бы на 1% в год, то для достижения 4%-го прироста ВВП нужно, действительно, иметь пятипроцентный рост производительности труда.

Как полагают либеральные экономисты, до 2050 г. рост может составить 3-3,5% в год. Я не демограф, но все же могу сказать, что тенденция к спаду трудовых ресурсов предопределена примерно до 2018 г. Дальше (с 2018 по 2050 г.) такой предопределенности нет. Если сейчас мы начнем снижать детскую смертность, наладим наше здравоохранение, в будущем возможен перелом тенденции. Другими словами, пессимизм наших либералов малообоснован, на его основе вряд ли стоит строить долгосрочную стратегию.

Наконец, интересно показать, как рассуждают либеральные экономисты по поводу природных ресурсов: «Природные ресурсы и экспорт сырья пока остаются единственными козырями российского экспорта и экономики в целом. Цены на сырье будут расти, но вдвое ниже темпов роста мировой экономики. У нас на сырьевых рынках появятся новые конкуренты». Удивляет безапелляционная уверенность по поводу роста цен на сырье. Надо иметь в виду, что запасы нефти ограничены, и с каждым годом этот дефицит будет все более и более остро проявлять себя. Я не уверен, что в этих условиях мировые цены на нефть будут расти медленнее, чем темпы роста ВВП. Пока что последние годы говорят об ином.

Рассмотрим теперь, какие варианты экономического роста предлагают наши уважаемые либералы. Прежде всего, они отрицают возможность модели, в которой государство стимулирует спрос и выступает организатором инвестиционного процесса. Это, вообще говоря, не только позиция Ясина и Мау. Аналогичным образом мыслит А.Л. Кудрин. Еще будучи вице-премьером, Кудрин заявил, что он за введение системы стратегического планирования, что закон о стратегическом планировании находится в Правительстве и в ближайшее время будет в Государственной Думе. Но при этом, по его мнению, одной из важнейших задач стратегического планирования является *сокращение* участия государства в экономике.

Одна из форм такого сокращения — это аутсорсинг государственных услуг. Суть аутсорсинга: цель ставит государственный орган, а её исполнение осуществляет коммерческая структура. То есть нужно создать большое количество коммерческих структур, которые, действуя на рыночных началах, будут проводить решения руководителей федерального и областного уровня в жизнь. Мне кажется, что такая модель стратегического планирования опасна для российской экономики.

Она грозит ростом сети посредников, ростом транзакционных издержек. Причем частные структуры не будут нести уголовной ответственности за неисполнение правительственных решений на федеральном и региональном уровнях управления. Они могут только лишь разориться, стать банкротами, увести деньги и т.д.

В марте текущего (2011-го) года в третьем номере журнала «Вопросы экономики» А.Л. Кудрин в обоснование того, почему вообще надо сокращать государственные расходы на экономику, привел следующий пример. Финляндия тратит 9,5 доллара на ремонт одного километра дорог, а Россия — до 55 долларов на один километр дорог. То есть расходы в России чуть ли не в пять раз выше, чем расходы в Финляндии.

Вместо того чтобы проанализировать, почему это так происходит, и попытаться устранить причины, Кудрин приходит к выводу о необходимости отказа государства от вложений в производственную инфраструктуру.

Продолжим цитирование либеральных экономистов. «В последние годы, — пишут они, — в России широко обсуждалась возможность решения проблемы долгосрочного роста за счет перераспределения доходов от экспорта сырья в пользу специфических производственных ниш — наукоемкой и капиталоемкой продукции, которая могла бы стать ресурсом наращивания несырьевого экспорта... Такой вариант вызывает сомнения с точки зрения наличия у государства соответствующих инвестиционных ресурсов на фоне роста социальных обязательств». То есть государству нельзя много тратить на инвестиции, поскольку велики социальные расходы.

В пользу сокращения государственных инвестиций приводится еще и тот аргумент, что государственные инвестиции обязательно разворуют. Фраза, что, мол, такой у нас народ, звучит убийственно. Но это либеральная фраза, и она мне кажется несправедливой и ложной.

В России живут и работают по преимуществу честные люди. Именно они поддерживают конкурентоспособное производство вооружений: мы на мировом рынке являемся далеко не самыми последними игроками в этой области. Честные люди обеспечивают конкурентоспособное производство космической техники и средств доставки на орбиту. Они же только что завершили создание российской системы ГЛОНАСС. Наконец, кто до сих пор, несмотря на невзгоды, поддерживает высокотехнологичное атомное машиностроение?

Не надо пугать фразой «разворуют». Государственные расходы необходимы. На мой взгляд, в первую очередь они необходимы для поддержки отечественного машиностроительного комплекса. Его необходимо модернизировать. Благодаря В.А. Ильину я побывал на Вологодском оптико-механическом заводе. Завод работает, выполняет госзаказы. Однако на каких станках он работает? Оказывается, на станках, закупаемых в Швейцарии, Японии, Италии, на Тайване. Я спросил: «А как дела на знаменитом Ивановском заводе тяжелого станкостроения»? Он предлагает Вам что-нибудь?»

Ответ такой: «К сожалению, завод в плохом состоянии, не дает продукции такого качества, которого бы нам хотелось». Получается, у нас провисло станкостроение, а В.А. Ильин к этому добавил, что не только станкостроение, но и инструментальная промышленность тоже провисла. А ведь это – сердцевина нашей индустрии. Так что, мы должны отдать проблему возрождения станко-инструментальной промышленности на откуп рыночной самоорганизации? Да нет же! Надо спасти эту отрасль, ее надо под «стеклянный колпак» господдержки посадить!

Нужно, в первую очередь, профинансировать затраты по воссозданию высококвалифицированных специалистов, а также научно-исследовательские и проектно-конструкторские разработки. Нужно сделать все, что только можно, чтобы восстановить наше станкостроение. Недопустимо оставаться без своего собственного ядра, ядра нашей индустрии.

А что предлагают наши уважаемые либералы: Мау, Ясин и их команда? Они предложили опираться на развитие двух макросекторов экономики, которые могут быть конкурентоспособны. Это экспорт сырья всех видов и так называемый сектор «неторгуемых» товаров, то есть тех товаров и услуг, которые в практическом смысле невозможно вывезти из-за рубежа.

Напомню: «неторгуемые товары и услуги» – это, например, услуги ЖКХ, парикмахерских, ресторанов, это продукция жилищного строительства. Именно такие два сектора предлагаются в качестве приоритетных в долгосрочную стратегию до 2020 г. В отношении первого сырьевого макросектора либералы ставят задачу стать развитым поставщиком ресурсов на мировой рынок, таким как Канада, Австралия, Норвегия или развивающиеся Нигерия, Индонезия, страны-экспортеры Латинской Америки (дожили, Россию сравнивают с Нигерией, Индонезией). Либералы полагают, что таким способом вполне можно обеспечить устойчивое развитие экономики, ее выход в мировые лидеры по уровню жизни,

даже опираясь на сырьевой сектор. Для этого необходимо оптимизировать, в смысле минимизации, налогообложение сырьевого сектора и повысить его инвестиционную привлекательность.

Короче говоря, они предлагают стратегию сокращения бюджетных расходов, так называемую политику консолидации бюджетов. Заодно либералы не прочь отказаться от наращивания социальных расходов. Я видел по одной из новостных телевизионных программ, как резко среагировал Путин, услышав от Мау предложение сократить социальные расходы, прекратить их рост. Он заявил, что это абсолютно неприемлемо. Но в этом-то состоит суть либеральной политики.

Пора подвести итоги. Мой доклад называется «Ключевые проблемы формирования стратегии». Так вот проблема номер один: надо отказаться от односторонних либеральных иллюзий. Эти иллюзии опасны тем, что их носителями являются люди, близкие к высшим эшелонам власти, агенты влияния.

Второй стратегической задачей является переосмысление проблемы рисков. Что важнее: наращивать подушку безопасности, сохраняя зависимость экономики от мировых цен на нефть, или минимизировать размеры подушки, рискуя, конечно, попасть в трудную ситуацию, создать благоприятные финансовые условия для роста обрабатывающих производств и таким образом ослабить зависимость России от мировых цен на нефть?

По-видимому, здесь нужно искать компромиссное решение. В.К. Сенчагов, бывший министр цен, с которым я имею честь работать в Институте экономики, предложил вариант компромисса, а именно: законодательно закрепить положение, согласно которому 60% сверхдоходов от нефтегазового комплекса должно идти на обрабатывающую промышленность, 40% – в подушку безопасности. Возможно, будут приняты другие проценты. Но главное, чтобы они были установлены и неукоснительно исполнялись.

Наконец, третья задача – нужно посоветовать господам-либералам, вместо того чтобы настаивать на ограничении государства в управлении экономикой, озаботиться совершенствованием рыночных механизмов макрорегулирования. Здесь много нерешенных проблем. Например, недопустимо, что Центральный банк России до сих пор не является кредитором последней инстанции, а занимается формированием денежного предложения на основе приобретения валюты на ММВБ.

В этом смысле мы похожи на банановую республику, так как зависим от интенсивности притока долларов на ММВБ. Например, усиливается приток долларов – усиливается эмиссия, и мы начинаем думать, что делать, чтобы не взорвать экономику от большого количества денег, которые могут прийти на внутренний рынок. Ослабевает приток – уменьшается эмиссия, и возникает противоположная задача, как сделать так, чтобы насытить развивающуюся экономику деньгами. Получается, денежное предложение не зависит от внутреннего спроса.

Это то, над чем должны думать либералы, это их компетенция, им нужно совершенствовать рыночные инструменты, усиливать действие рыночных регуляторов. Вместо этого они зациклены на ослаблении действия государства.

С.С. Сулакшин

О новой модели экономического роста России (в связи с поручением В.В. Путина научному сообществу России)

В феврале этого года премьер-министр страны обратился к ученым России с просьбой о конкретных предложениях по модернизации экономики, повышению эффективности социальной сферы и выбору модели, по которой страна будет жить дальше. Документом, который предполагается корректировать, является «Концепция социально-экономического развития до 2020 г.», утвержденная постановлением правительства в 2008 г.

В результате поручения премьера под эгидой двух институтов – Высшей школы экономики и Академии народного хозяйства – были сформированы экспертные группы, которые должны представить премьер-министру соответствующие интеллектуальные продукты.

По сути, цель работы групп – выбрать, по какой модели страна будет жить дальше, разработать новую модель экономического роста России. Таким образом, речь идет о некотором своде идей, стратегических целевых установлений и приоритетов, а также системных предложений, которые касаются более широкого контекста, чем просто экономический рост.

Настоящий доклад преследует цель презентации варианта новой модели России, разработанного экспертным составом Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

Обычно анализ ситуации и динамики развития социально-экономического состояния страны сводится к известным всем статистическим и динамическим показателям. Нам это представляется ограничением, которое возможно преодолеть. Сводя в целое всю эту традиционную, хорошо известную картину статистического портретирования, можно увидеть в рамках существующей на сегодня парадигмы развития страны интегративную динамику развития России (рис.1).

Сулакшин Степан Степанович – д.ф.-м.н., д.п.н., профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

Куда ведет страну сегодня ее модель?

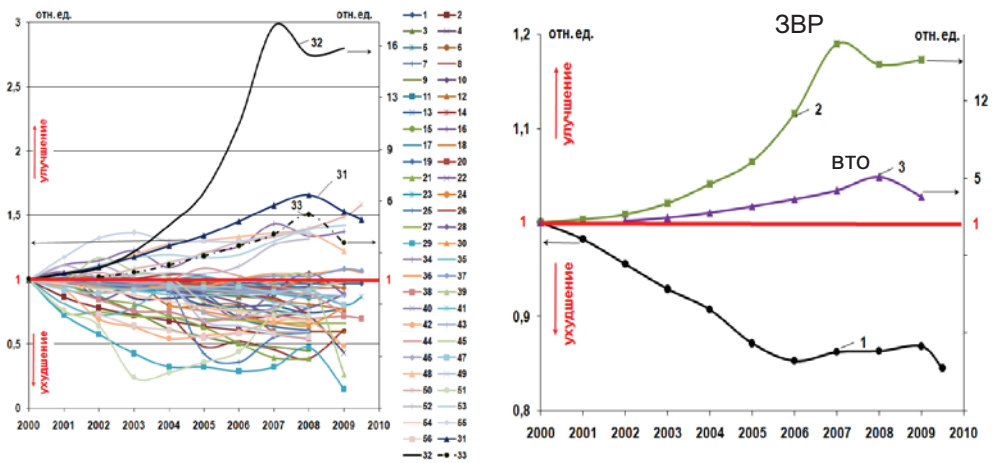

Рис. 1. Основные показатели развития России¹
 ЗБР – золотовалютные резервы, WTO – внешнеторговый оборот,
 СРД – среднее значение трендов.

¹ 1 - численность населения РФ; 2 - инфляция; 3 - степень износа основных фондов; 4 - обеспеченность сельскохозяйственных организаций тракторами; 5 - число организаций, выполнявших исследования и разработки; 6 - обеспеченность сельскохозяйственных организаций зерноуборочными комбайнами; 7 - товарная структура экспорта (минеральные продукты); 8 - товарная структура экспорта (машины, оборудование и транспортные средства); 9 - удельный вес сельских населенных пунктов, не обслуживаемых сетью почтовой связи; 10 - число почтовых ящиков на 10 тыс. чел. сельского населения; 11 - численность дошкольных образовательных учреждений; 12 - численность государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений; 13 - численность больничных учреждений; 14 - численность амбулаторно-поликлинических учреждений; 15 - число больничных коек на 10 тыс. чел.; 16 - заболеваемость населения; 17 - численность персонала в России, занятого исследованиями и разработками; 18 - численность библиотек в России; 19 - библиотечный фонд России; 20 - численность учреждений культурно-досугового типа; 21 - численность киноустановок; 22 - коэффициент замещения пенсий; 23 - реальная заработная плата; 24 - прожиточный минимум; 25 - доля семейных и материнских пособий в общих расходах на выплату пособий и социальную помощь; 26 - коэффициент Джини (социальное расслоение); 27 - ветхий и аварийный жилищный фонд; 28 - ввод в действие газовых сетей в сельской местности; 29 - ввод в действие автомобильных дорог с твердым покрытием в сельской местности; 30 - доля машин, оборудования и транспортных средств в импорте в Россию; 31 - валовой внутренний продукт; 32 - золотовалютные резервы; 33 - внешнеторговый оборот; 34 - число браков на 1 тыс. чел.; 35 - число разводов на 1 тыс.чел.; 36 - смертность на 100 тыс. чел.; 37 - смертность по классу инфекционных и паразитарных болезней (на 100 тыс. чел. населения); 38 - смертность в России по классу причин болезней органов пищеварения на 100 тыс. чел.; 39 - площадь сельскохозяйственных угодий; 40 - выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух; 41 - выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух в РФ от автотранспорта; 42 - число безработных; 43 - среднегодовая численность занятости на предприятиях государственной и муниципальной собственности; 44 - доля лиц с высшим профессиональным образованием в численности безработных; 45 - численность зарегистрированных преступлений; 46 - число лиц, потерпевших от преступлений; 47 - перевозки пассажиров в России, млн. чел. (железнодорожный транспорт); 48 - грузооборот транспорта (до 1990 г. – без газопроводного); 49 - выпуск специалистов государственными и муниципальными высшими учебными заведениями по специальности физико-математические науки; 50 - число самоубийств на 100 тыс.чел.; 51 - миграционное сальдо; 52 - отношение инвестиций к ВВП; 53 - рождаемость; 54 - удельная энергоёмкость ВВП; 55 - зарплатоёмкость ВВП (отношение средней начисленной заработной платы к ВВП); 56 - производство металлорежущих станков.

Для ее построения были взяты 56 параметров развития страны (по данным Росстата). Данные подверглись минимальным преобразованиям для того, чтобы сформировать два полупространства: улучшение – ухудшение. Произведена нормировка на значения в 2000 г., и каждый показатель оценивался по качественному критерию в рамках пользы либо ущерба развитию страны. Так, для отображения на графике роста смертности российского населения использовалась обратная функция, поэтому кривая направлена в нижнее полупространство, знаменуя неуспех по данному показателю. По этому же принципу были построены динамики и для других параметров. Если усреднить все данные, за вычетом золотовалютных резервов и внешнеторгового оборота, интегративная динамика российского развития оказывается откровенно негативной. Особенно ухудшаются ее параметры, чувствительные к внешним условиям, к кризису, что подчеркивает недостаточную суверенность управления социально-экономическим развитием страны.

Социологический опрос представителей научного сообщества, проведенный Центром, демонстрирует, что российские ученые убеждены в несостоятельности выбранной на сегодня парадигмы развития страны (рис. 2).

Рис. 2. Российская наука об адекватности модели развития страны

* Опрос март – апрель.

Анализ «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ» показывает следующее: текст её изобилует цифрами, но в документе не находится каких-либо упоминаний о способах их обоснования.

Те рациональные цели и пожелания концепции, которые касаются деноминативации, развития человеческого потенциала, структурных реформ, выравнивания диспаритетов и диспропорций, необходимости пере-

стройки инвестиционных потоков, не сопровождаются управленческой атрибутикой, они декларативны и поэтому не реализуемы.

В основном документ выглядит как сборник пожеланий, ситуация статус-кво оценивается разработчиками не вполне адекватно, проблемный перечень отсутствует, соответственно, отсутствуют задачи и управленчески атрибутированные их решения, необходимые для движения вперед. Концепция принципиально никогда не может быть принята к исполнению, потому что это всего лишь общая экспертная схема, и на достижение заявленных показателей этот документ не сможет оказать практического влияния.

Этот документ, который, кстати, уже через пару месяцев после своего рождения был опровергнут кризисом, не реализуем, более того, не корректируем, потому что он системно неадекватен задачам, стоящим сегодня перед Россией. Рабочие предложения экспертной группы № 1 (Модель экономического роста, руководители В.А. Мау, Е.Г. Ясин) практически совпадают с этой стратегией.

Сделав эту критическую констатацию, можно переходить к главному вопросу, который позволит двигаться в поисках той самой новой модели.

Что, вообще говоря, понимается под словом «модель»? Что это за совокупность показателей или нормативно-правовых описаний и предписаний?

Представляется, что этот вопрос, во-первых, нетривиален, во-вторых, формализуем и позволяет перейти к оценке действующей модели, для которой главное – это конструируемое будущее на верифицируемых, прозрачных и управленчески необходимых основаниях. Сам подход заключается в следующем (рис. 3). Модель – это не что иное, как связи управляемых и зависимых показателей развития сложной социальной системы.

Очевидно, что руководство страны, как и ее общество, ожидает некоторого позитивного характера развития страны, причем это не какие-то частные показатели, а социально-экономическая успешность страны в целом, как набор, как вектор параметров развития.

У государства как управленца есть набор независимых параметров, который и предлагает всевозможные варианты выбора в процессе управления. Естественно, что существует связь между параметром управляемым и зависимым параметром, получаемым в итоге, эта связь условно выглядит как некая зависимость (рис. 4).

Что такое “модель экономического роста”?

На самом деле речь идет о модели социально-экономической успешности страны

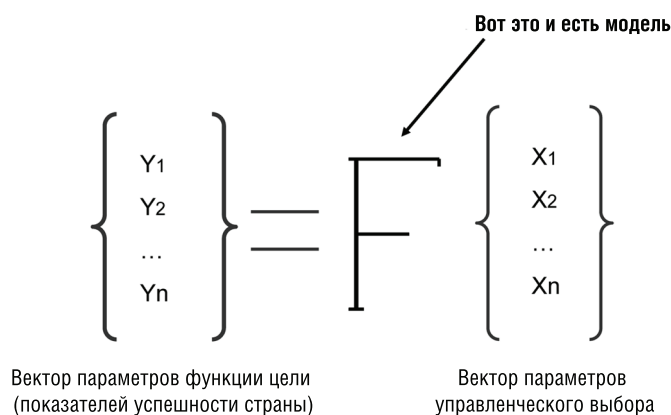

Рис. 3. Модель экономического роста

Что такое “модель экономического роста”?

На самом деле речь идет о модели социально-экономической успешности страны

Успешность страны: социально-экономическая.
Набор зависимых параметров развития

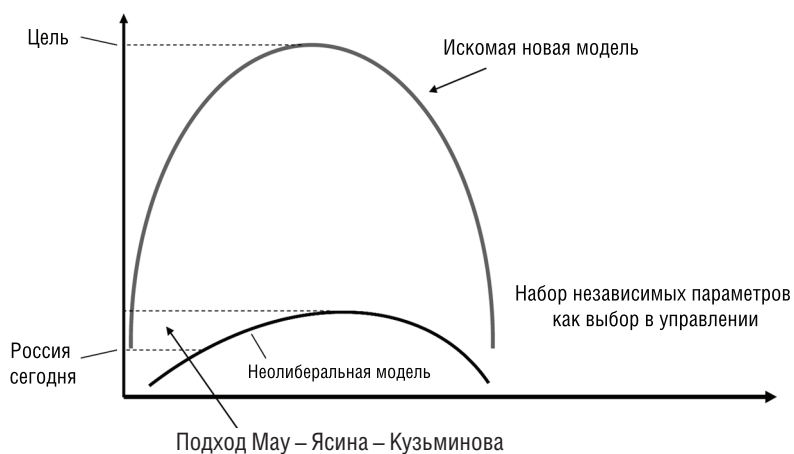

Рис. 4. О модели экономического роста

На самом деле то, что представлено на рис. 4 в виде кривой, является поверхностью в многомерном пространстве. А вертикальная координата есть отражение показателя успешности развития страны. Именно эта поверхность представляет собой искомое понятие «модели» — того сложнейшего организма, оперируя параметрами внутри которого можно задать его форму.

Приходится оперировать двумя типами моделей, на рис. 4 они обозначены как неолиберальная и новая искомая модель, которая позволит России стать максимально успешной. Подход, который на сегодня демонстрирует экспертная группа № 1, реализуется как раз в рамках неолиберальной модели. По сути, предложения, озвученные руководителями группы В.А. Мау и Е.Г. Ясиным, означают передвижение по низкой беспомощной кривой из одной точки в другую, но выдается это за новую модель и новые идеи роста.

Мы убеждены, что необходимо сменить действующий управленческий подход на модель, которая даст возможность максимизировать функцию цели всего управленческого пространства страны. Это на рис. 4 означает переход на более высокоположенную кривую, дающую новые пределы для успеха развития.

Как можно видеть на рис. 3, в управлении социально-экономическим развитием существует пространство управленческого выбора (вектор независимых показателей) и существуют результаты этого управления в виде вектора параметров функции цели. Не вызывает сомнения, что эти векторы взаимозависимы. Сам вид этой функциональной связи, конечно, достаточно абстрактный, описать его практически невозможно. Однако в этой ситуации предлагается многомерный регрессионный и моделирующий подход, который, тем не менее, эту связь позволяет установить в виде поверхности успешности в многофазном пространстве и который, собственно, и называется моделью.

Независимые показатели в государственном управлении

$\{x_n\}$ – факторный выбор управленца (например, коэффициент монетизации экономики, структура золотовалютных резервов, курс национальной валюты к доллару (сколько стоит доллар в местной валюте, например, юань/доллар), доля госрасходов в ВВП, доля оплаты труда в ВВП, рентабельность по отраслям и т.д.)

Функции цели в государственном управлении

$\{Y_n\}$ – получаемый результат развития (макроэкономические показатели, демографические и гуманитарные показатели, показатели безопасности государства, наука, культура и общественное здоровье)

Каждый из показателей является мерным. Существует возможность (эта методика развивается Центром) оцифровать даже те параметры, которые по своей сути слабоформализуемы. Соответственно, выходные функции цели, которые описывают успех страны, также достаточно классичны.

Успешность страны по большому счету формируется выбором управленческих параметров, но это не только пространство технического управления, администрирования. Выбор этих параметров вытекает из законодательного пространства страны, из всех тех целей, приоритетов и

ценностей, которые задаются в политическом дискурсе. Поскольку высшее руководство говорит, что страна должна устойчиво развиваться, что интересы народа и населения должны удовлетворяться, то вполне правомочно говорить о связи каждого из критериев с успешностью страны.

Введенное понятие модели в виде поверхности успешности страны, при которой успех может воплощаться в виде локальных функций цели – экономических или демографических, а может выражаться в форме самого интегративного индекса успешности, который назван **коэффициентом жизнеспособности страны**. Очень важно заметить, что эти поверхности являются цивилизационно уникальными для разных стран и разных цивилизаций (рис. 5).

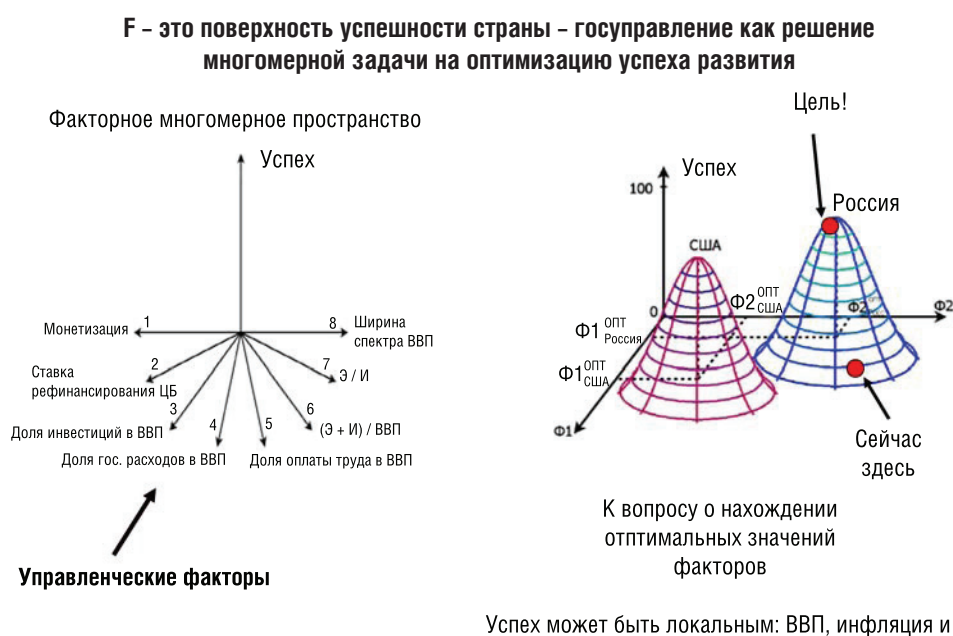

Рис. 5. Поверхности успешности разных стран

Если говорить о России, то на сегодня она выбрала себе наихудшее положение почти в основании поверхности успешности, избрав соответствующее конкретное значение параметров управления. Задача же заключается в том, чтобы попасть на вершину поверхности успешности. Понятно, что детерминированный вид этой многомерной функции определить вряд ли кому в ближайшее время удастся.

Однако эту многомерную модель возможно построить мультипликативным образом, имея менее мерные сечения, например, регрессионных связей независимых и зависимых параметров.

Факторы жизнеспособности страны вполне вычленимы, они имеют определенную иерархическую связь (рис. 6).

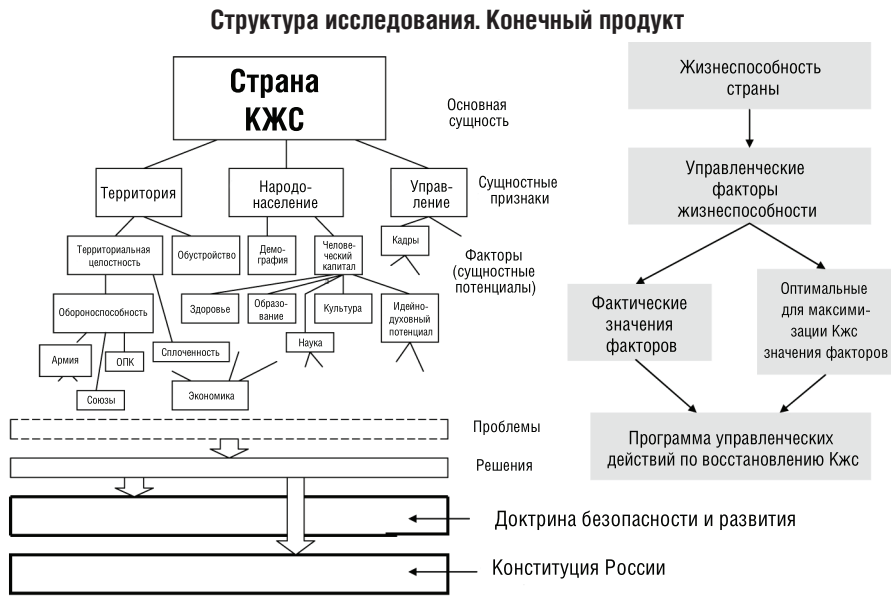

Рис. 6. Иерархия сущностных признаков и факторов

Такое пирамидальное разложение позволяет в итоге вырабатывать управленческие документы самого высокого уровня. По сути это тот самый синтез искомой стратегии социально-экономического развития.

Откуда берутся оптимальные значения факторов в многомерном пространстве модели? Прежде всего, из исторического опыта, в том числе новейшего, и существующих моделей развития через регрессионные связи (рис. 7).

Методология выявления факторов и определения их оптимальных значений для максимизации жизнеспособности страны

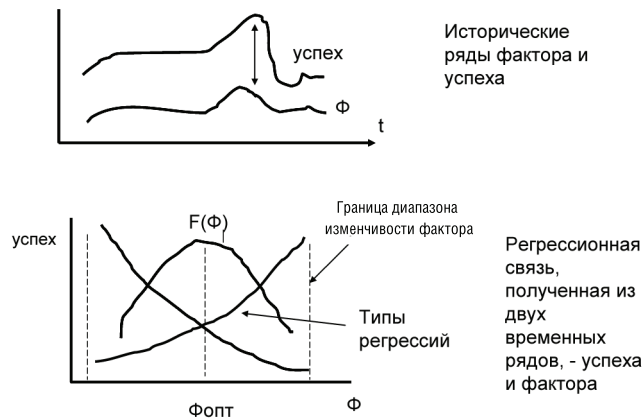

Рис. 7. Методология выявления оптимальных значений факторов

Часто эмпирические данные не позволяют воссоздать кривую как сечение поверхности успешности полностью, и получаются лишь ограниченные участки оптимизационной кривой (рис. 8).

**Оптимум в исторической практике
мог и не наблюдаться - и это проблема (одномерное сечение)**

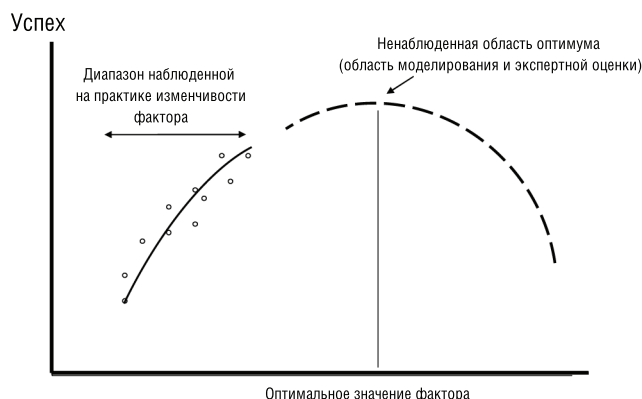

Рис. 8. Методология моделирования на основе экспертной оценки

Ограниченность наблюдений в опыте безусловно представляет проблему, но она решается путем моделирования с помощью особой методологии экспертной оценки. Эта методика позволяет достроить отсутствующие участки регрессионной кривой и дает возможность построить реальные поверхности успешности России.

Интегративный показатель успеха — коэффициент жизнеспособности — выглядит следующим образом (рис. 9).

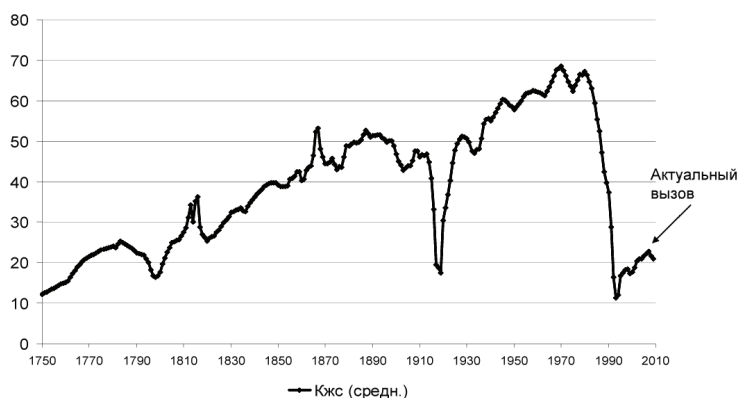

Рис. 9. Коэффициент жизнеспособности России в ее истории

Проблемное пространство декомпозируется на множество показателей, каждый из которых имеет количественную меру, то есть может выступать фактором оптимизации многомерной задачи. Что касается поверхности успешности новой модели, предлагается несколько мерных показателей, один из которых — фактор оплаты труда (рис. 10).

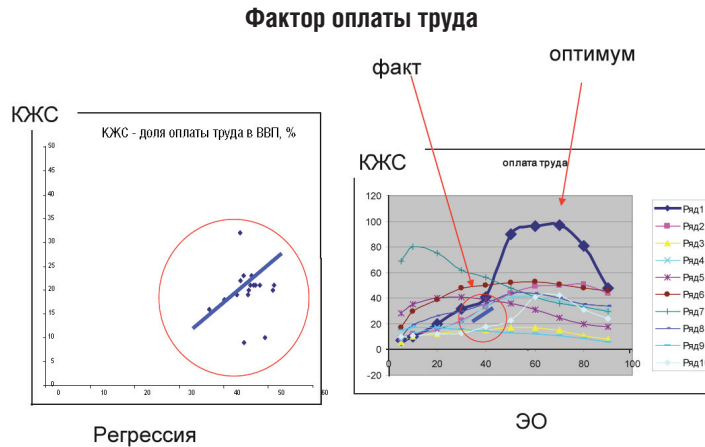

Рис. 10. Фактор оплаты труда для России (ряд 1) и иных стран

В левой части графика можно увидеть историческую регрессионную связь с успехом страны. В правой части представлено оптимальное и фактическое значение этого показателя. Очевидно, что оплата труда в России в рамках действующей модели занижена более чем в два раза.

Еще один показатель – доля государственности в структуре имущества страны (рис. 11).

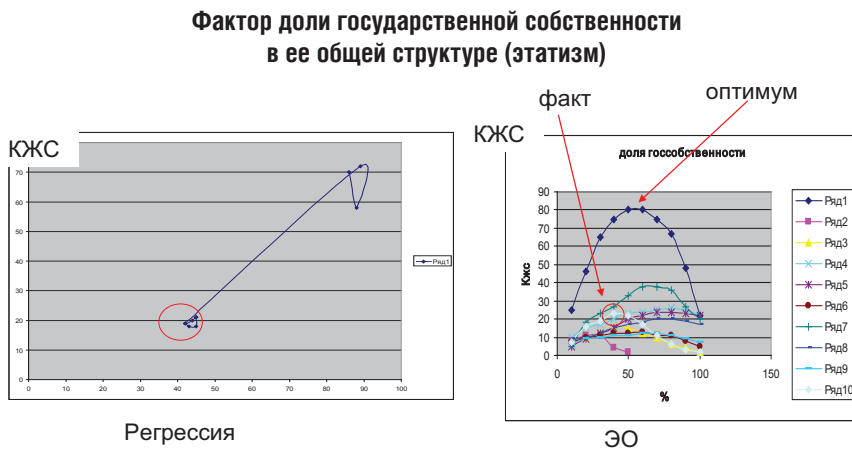

Рис. 11. Доля государственной собственности в ее общей структуре для России (ряд 1) и иных стран

Важнейший показатель жизнеспособности – обороноспособность страны, которая сегодня катастрофически снижена (рис. 12).

На графике представлена динамика обороноспособности России, рассчитанная американской экспертной группой. Совпадение этой кривой с кривой КЖС, рассчитанной и построенной в Центре, – одно из доказательств достоверности этого показателя.

Рис. 12. Обороноспособность России как фактор жизнеспособности

Еще более наглядно сегодняшний российский антиуспех демонстрируют двумерные сечения поверхности успешности (рис. 13).

Двумерные сечения поверхности экономической успешности России (по индексу ВВП)

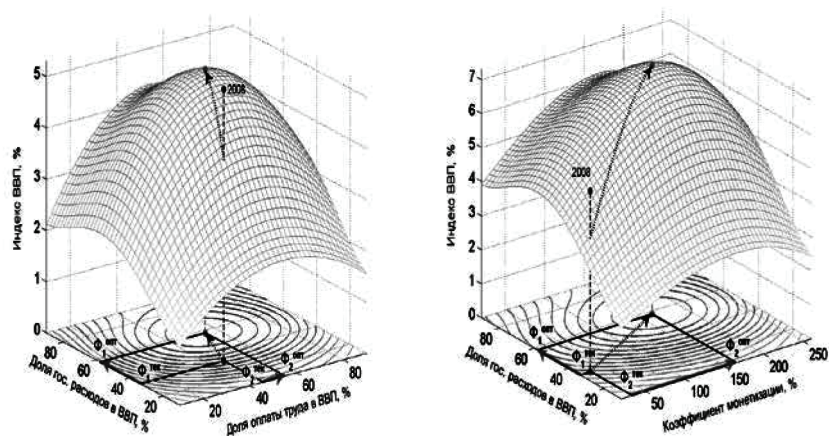

Рис. 13. Двумерные сечения поверхности успешности

На графиках очевидно, в какую сторону нужно двигаться России по каждой из функций цели, тем более что резерв для этого движения у России есть. Этот резерв и дает возможность реализации новой управленческой модели и отхода от либеральной парадигмы. Оценка модели не является вкусовым показателем. Она представляет собой отражение мерных характеристик в пространстве управления.

Сама поверхность успешности постоянно изменяется, потому что меняются обстоятельства жизни, условия внешней среды, то есть те факторы, которые иногда не поддаются государственному управлению. Тем не менее эти изменения и траекторию можно просчитать с помощью особых научных методик, в том числе в режиме форсайта. Соответственно, возникает понимание, по какой траектории и какими темпами можно перейти от существующего положения к модели успешности страны.

В итоге, используя подобный подход, используя понятие целевого критерия успешности развития в разных сферах жизнедеятельности страны, возможно формализовать задачи в пространстве выбора параметров управления и оптимизировать их по соответствующим осям, которых как минимум 60. Таким образом, Россия сможет перейти с современной не-олиберальной тупиковой модели на иную, гораздо более успешную модель (рис. 14).

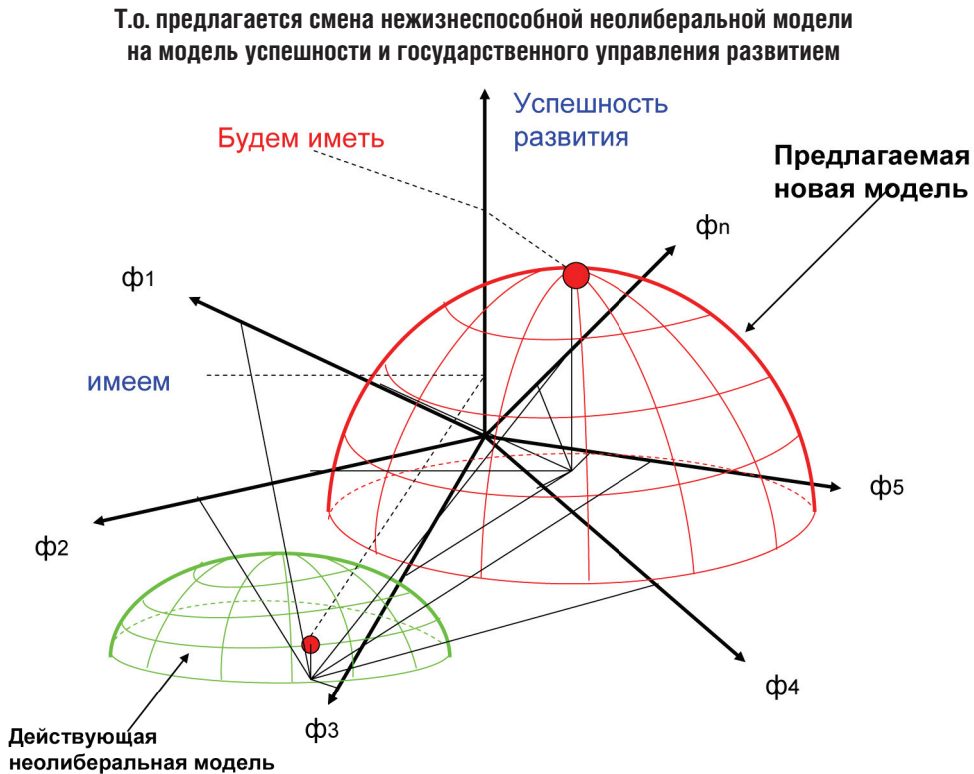

Рис. 14. Смена современной модели развития на более успешную

Методологически предложенный подход имеет право на существование, подобная модель уже существует и может использоваться как реальный управленческий концепт.

Проблемы социально-экономического развития территорий России в посткризисный период*

В выступлении на съезде партии «Единая Россия» 24 сентября 2011 года её лидером В.В. Путиным была предложена конфигурация власти в стране на ближайшие шесть лет, даны ответы по персональным кандидатурам на два высших государственных поста. Это вводит избирательную кампанию нового политического цикла в более спокойное русло, не создавая возможности перегрева предвыборной атмосферы в обществе как со стороны крайне левых, так и со стороны крайне правых политических сил и зарубежных «друзей» России.

Публичные выступления В.В. Путина и Д.А. Медведева показывают, что они серьёзно обеспокоены социально-экономической ситуацией, сложившейся в стране после мирового финансово-экономического кризиса. Обнажился явно недостаточный уровень качества управления социально-экономическими процессами со стороны властных элит.

В выступлении 24 сентября В.В. Путин перечислил наиболее острые нерешённые проблемы, с которыми страна входит в новый политический цикл: **«Нужно сказать открыто (ещё раз сказать) о зависимости нашей экономики от сырьевой конъюнктуры, об опасном уровне социального неравенства, насилии, коррупции, об ощущениях несправедливости и незаконности, которые часто возникают у людей при обращении в госучреждения, в суды или в правоохранительные органы, о барьерах для инициативы в бизнесе, на государственной службе, в общественной деятельности — всё это, к сожалению, нас до сих пор сопровождает. Мы можем и должны преодолеть эти проблемы. Можем и должны!»**

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-32-03001а «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России»).

Ильин Владимир Александрович — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор ИСЭРТ РАН.

В настоящее время во всех слоях российского общества идёт активное обсуждение социально-экономического положения страны. Научное сообщество так же активно участвует в оценке результатов крайне либеральной финансово-экономической политики, которая проводилась Правительством РФ в последние десятилетия.

В связи с этим хотел бы остановиться на некоторых итогах научных исследований ИСЭРТ РАН, проведённых за последние годы. И прежде всего – касающихся важнейших индикаторов динамики, исходя из которых следует давать оценку качества управления социально-экономическими процессами со стороны Правительства РФ и правящей партии.

1. Исследования ИСЭРТ РАН, как и многих других научных учреждений страны и экспертов, показывают, что в России, несмотря на призывную риторику, не происходит реальных перемен в видовой и отраслевой структуре промышленности.

Это хорошо видно из данных, представленных в таблице 1.

Таблица 1. Динамика структурных изменений в промышленности России
(в % к общему объёму)

Отрасль	1990 г.	2000 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Промышленность, всего, %	100	100	100	100	100
Топливо-энергетический комплекс	19,1	26,0	40,1	44,3	44,1
Потребительский комплекс	21,3	16,7	12,1	13,3	13,3
<i>в том числе:</i> лёгкая промышленность	6,4	1,8	0,7	0,7	0,7
пищевая промышленность	14,9	14,9	11,4	12,5	12,6
Отрасли инвестиционного спроса	27,5	23,3	18,9	15,1	15,4
<i>в том числе:</i> машиностроение	24,2	20,5	14,5	11,6	12,1
Отрасли промежуточного спроса	29,2	31,8	27,0	25,6	25,8
<i>в том числе:</i> металлургия	15,0	18,9	14,1	13,1	13,0
химический комплекс	6,9	7,5	7,2	7,1	7,2
Источники: данные ежегодников Росстата за 1990 – 2010 гг.; расчёты ИСЭРТ РАН.					

В 2010 году по сравнению с 2008-м в промышленном производстве страны доля продукции топливно-энергетического комплекса возросла с 40,1 до 44,1%, доля отраслей инвестиционного спроса снизилась с 18,9 до 15,4%, в том числе машиностроения – с 14,5 до 12,1%. А за двадцать лет доля топливно-энергетического комплекса в промышленном производстве России возросла в 2,3 раза, отрасли же инвестиционного спроса

уменьшили свой удельный вес в 1,8 раза, в том числе машиностроение – в 2 раза; более чем в полтора раза уменьшилась доля отраслей потребительского спроса.

Отсутствие сколько-нибудь заметных позитивных сдвигов в структуре промышленности характерно для подавляющего большинства российских регионов.

На рисунке 1 показана структура обрабатывающих производств Вологодской области за последние 20 лет. Видно, что произошло закрепление монопольного положения чёрной металлургии, доля которой составляет 64%. Доля же машиностроения снизилась вдвое.

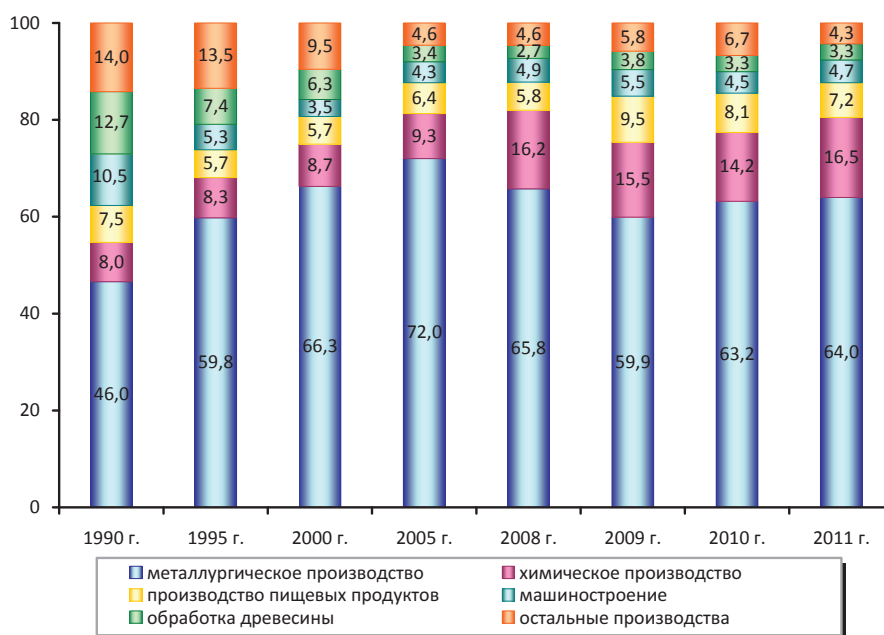

Рисунок 1. Структура продукции, отгруженной промышленностью Вологодской области, %*

* 1990 – 2000 гг. – согласно ОКОНХ: удельный вес отрасли «Машиностроение и металлообработка» в промышленном производстве.

С 2005 г. – согласно ОКВЭД: суммарный удельный вес отраслей «Производство машин и оборудования», «Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования» и «Производство транспортных средств и оборудования» в объёме отгруженной продукции по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства».

Источники: Промышленность Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2010. – С. 10; Промышленность Вологодской области: стат. сб. / Вологодский облкомстат. – Вологда, 2003. – С. 17.

В целом по стране объём производства ряда важнейших видов машин и оборудования, станков, транспортных средств в настоящее времякратно меньше, чем был двадцать лет назад (табл. 2).

Таблица 2. Производство в России отдельных видов машин и оборудования в 1992 – 2009 гг.

Вид оборудования, машин	1992 г.	2000 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 к 1992, сокращение
Металлорежущие станки, тыс. шт.	53,4	8,9	5,1	4,8	1,9	в 28 раз
Кузнечно-прессовые машины, тыс. шт.	16,5	1,2	2,7	2,7	1,3	в 12 раз
Экскаваторы, тыс. шт.	15,4	3,4	6,3	5,5	1,4	в 11 раз
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	42,2	5,2	7,3	8,1	6,9	в 6 раз
Тракторы, тыс.шт.	141,6	19,3	14,0	17,3	8,3	в 17 раз
Электромашинны крупные, тыс. шт.	14,9	4,1	5,2	4,9	2,3	в 6 раз
Троллейбусы, шт.	1685	498	651	778	773	в 2,1 раза
Грузовые автомобили, тыс. шт.	583	184	285	256	91,7	в 6,4 раза

Источник: Россия в цифрах. 2011: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2011.

Отечественное производство не обеспечивает потребности модернизации необходимым оборудованием и товарами, что вынуждает увеличивать их импорт.

По данным экспертов, за счёт импорта в настоящее время удовлетворяется 60% потребности в оборудовании и инновационных товарах, 45% – в продовольствии, 80% – в одежде и обуви, около 100% – в бытовой технике¹.

Государственные меры поддержания производителей этих и других импортозамещающих товаров могут и должны стать реальным началом модернизации. Возможности для этого есть.

В Вологодской области, например, за годы реформ число рабочих мест на предприятиях машиностроения сократилось более чем на 20 тысяч (табл. 3). Но и теперь ещё имеется значительный резерв производственных площадей.

Таблица 3. Численность промышленно-производственного персонала на предприятиях машиностроения Вологодской области

Предприятия	1990 г.	2000 г.	2008 г.	2010 г.	2010 г. к 1990 г., в %
Предприятия машиностроения, всего по области	30422	16357	10063	8269	27,2
Подшипниковый завод	9442	6748	3479	3201	33,9
Оптико-механический завод	около 7000	...	2286	2365	33,7
Машиностроительный завод	1448	347	417	400	27,6

Источник: данные Вологдастата.

¹ Татаркин А.И., Татаркин Д.А. Инновационная миссия модернизации общественного уклада – потребность устойчивого развития России // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 5. – С. 9.

При обновлении основных фондов, организации плановой подготовки квалифицированных кадров массовых рабочих профессий эти резервы дают возможность в относительно короткие сроки увеличить в области производство многих сложных изделий, ввозимых из-за рубежа.

Усиление внимания к увеличению импортозамещающих товаров позволит оптимизировать структуру экономики в пользу отраслей инвестиционной значимости, расширить внутренний спрос на отечественные товары, подключить к структурной диверсификации более эффективные институты и механизмы.

Модернизацию, мы убеждены, следует осуществлять, опираясь преимущественно на отечественные производственные, финансово-кредитные возможности и другие резервы.

2. В результате слома централизованной плановой экономики в стране реально родилась новая институциональная система пространственного развития, состоящая из двух организационно-финансовых технологий: «государственные программы» и «стратегии» регионального развития. По идее они должны формировать региональную экономическую динамику и обеспечивать общее экономическое равновесие в пространственном аспекте. На деле же взаимосвязи между этими технологиями пока нет.

Основные инвестиционные потоки федерального центра в текущем десятилетии складываются с учётом своеобразного пакета обязательных проектов (табл. 4).

Таблица 4. Основные инвестиционные потоки федерального центра в 2010 – 2020 гг.

Зимняя Олимпиада 2014 г. (Сочи)	Саммит АТЭС в 2012 г. (Владивосток)
Универсиада 2013 г. (Казань)	Инновационный центр в Сколково
Чемпионат мира по футболу в 2018 г. (в 13 городах)	Проблемы республик Северного Кавказа Космодром «Восточный» (Амурская область)

Это крупномасштабные и дорогостоящие проекты, большая часть которых принята без необходимого научного обсуждения, расчётов их эффективности и сроков окупаемости. Например, вложения в подготовку футбольного чемпионата оцениваются в 632 млрд. рублей². В сумме вышеуказанные проекты предполагают триллионы рублей инвестиций.

В процессе реализации проектов, конечно, возникнут соответствующие точки роста. Но пока не ясно, каким образом совокупность этих проектов может описывать сбалансированную пространственную динамику

² По данным: [http // news.mail.ru/sport/news/football](http://news.mail.ru/sport/news/football)

развития страны, способствовать принятию приоритетов решений по распределению общественных ресурсов. Имеющиеся и разрабатываемые стратегии и программы отдельных регионов остаются автономными документами, отражая, в сущности, взаимосвязи показателей статистики.

Мы солидарны с мнением отечественных экспертов, которые считают, что тот или иной национальный приоритет должен достигаться в процессе рационального распределения ресурсов на пространственное развитие, а затем – путём интеграции локальных результатов на национальном уровне³.

Для реализации такой политики имеется серьёзное препятствие, состоящее в фактическом отсутствии ресурсов, которые можно было бы централизовать в регионах на приоритетные направления.

В России почти 85% регионов и более 90% муниципальных образований являются дотационными уже более десяти лет. Удельный вес собственных доходов в местных бюджетах в течение этого периода постоянно снижался. В 2010 году в среднем в России этот показатель составил 40,4%, в регионах Северо-Западного федерального округа – 39,7%, в т.ч. в Вологодской области – 35,8%, а в Новгородской – только 30% (табл. 5).

Таблица 5. Удельный вес собственных доходов в местных бюджетах
(% к общему объёму доходов)

Территория	2000	2003	2006	2007	2008	2009	2010
Мурманская область	68,0	69,0	30,3	34,3	36,5	39,8	45,0
Республика Карелия	78,6	58,8	39,2	37,8	38,3	43,4	43,7
Республика Коми	73,2	61,4	36,5	38,8	38,6	40,3	42,9
Ленинградская область	83,1	55,1	30,3	32,5	38,0	42,8	42,6
Псковская область	59,0	57,3	52,5	45,3	47,3	40,2	42,5
Архангельская область	81,3	49,6	45,7	45,2	40,2	43,2	41,5
Калининградская область	75,8	67,0	49,8	48,9	47,6	36,0	36,9
Вологодская область	80,3	70,5	32,2	37,4	43,4	38,8	35,8
Новгородская область	65,8	69,4	27,6	28,8	29,0	29,9	30,3
СЗФО	74,0	62,0	37,4	38,2	38,9	39,4	39,7
Российская Федерация	71,2	57,0	39,2	39,5	40,1	39,5	40,4

Источники: данные Казначейства России; расчёты ИСЭРТ РАН.

Причин такого положения много. Но все они лишь часть одной общей проблемы – проблемы слабой, неэффективной управляемости страной, её социально-экономическим и общественным развитием.

³ См., например: Минакир П.А. Пространственная неоднородность России и задачи региональной политики // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 10. – С. 150-153.

Для решения этой проблемы необходимо, во-первых, осуществить логичные и обоснованные государственные меры по созданию системы эффективного стратегического планирования. Аргументированные предложения на этот счёт высказывает авторитетный специалист по интегральному прогнозированию Ю.В. Яковец (табл. 6).

Таблица 6. Система эффективного стратегического планирования

Федеральный блок	<ul style="list-style-type: none"> • Опережающие долгосрочные прогнозы (на 30 – 50 лет) • Собственно стратегический план на долгосрочную перспективу (15 – 20 лет) • Федеральные целевые программы по отдельным направлениям • Индикативные планы на среднесрочную перспективу (3 – 5 лет)
Региональный блок	<ul style="list-style-type: none"> • Территориальная система прогнозирования, стратегического и индикативного планирования и программирования по макрорегионам (федеральным округам), регионам (субъектам Федерации) и крупным муниципальным образованиям, увязанная с федеральной системой
Блок управления и контроля	<ul style="list-style-type: none"> • Система отчётных, прогнозных и плановых балансов по основным видам ресурсов • Система аналитического мониторинга выполнения стратегических планов и программ • Специализированный орган исполнительной власти, осуществляющий разработку стратегических планов и программ и контроль за их выполнением • Надведомственные органы, возглавляемые президентом и председателем правительства страны, осуществляющие руководство и координацию
<p>Источник: Яковец Ю.В. О сочетании долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования // Экономист. – 2008. – № 6.</p>	

И во-вторых, имеющиеся изъяны можно устранить только на основе резкого повышения квалификации государственных и муниципальных руководителей. В современных условиях, для того чтобы управлять государством, его структурами и органами, необходимо обладать научно-образовательными и практическими навыками управления, знаниями особенностей объекта управления, умением работать с научными и образовательными организациями, поддерживать и формировать творческую атмосферу среди подчиненных, проявлять высокую ответственность за порученное дело.

3. Исследованиями ИСЭРТ РАН установлено, что в современной России разрастаются негативные проявления экономических интересов собственников крупных корпораций (так называемых олигархов), что ведёт к замедлению решения общенациональных задач и проблем экономического роста в регионах.

Эти исследования выполнялись на основе анализа деятельности ведущих металлургических холдингов страны. Выявлено, что в «тучные» годы значительная часть их прибыли направлялась на потребление в ущерб обновлению производств (табл. 7).

Таблица 7. Дивиденды, начисленные на предприятиях чёрной металлургии в 2005 – 2010 гг., млрд. руб.

Предприятие	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	Сумма за 2005 – 2010 гг.
ОАО «Северсталь»	8,2	10,3	19,2	31,1	0	6,8	75,6
В % к чистой прибыли	24,0	29,2	45,7	80,2	0	убыток	х
ОАО «НЛМК»	18,0	18,0	18,0	12,0	1,3	10,9	78,2
В % к чистой прибыли	51,1	35,6	44,4	16,7	20,8	31,0	х
ОАО «ММК»	19,7	34,1	10,5	4,3	4,1	4,1	76,8
В % к чистой прибыли	66,1	91,9	20,3	42,6	15,0	16,8	х

Источник: данные годовой отчетности металлургических корпораций.

Причем большую часть дивидендов получали главные собственники корпораций – их генеральные директора (табл. 8).

Таблица 8. Дивиденды, начисленные основным владельцам акций предприятий чёрной металлургии в 2005 – 2010 гг., млрд. руб.

Предприятие	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	Сумма за 2005 – 2010 гг.
Северсталь	6,8	8,4	15,6	25,5	0	5,6	61,1
Новолипецкий МК	16,2	15,0	15,2	10,4	1,1	9,5	67,4
Магнитогорский МК	19,1	33,1	9,2	3,7	3,6	3,5	72,2

Источники: данные годовой отчетности металлургических корпораций; расчёты ИСЭРТ РАН.

Социальная ответственность собственников российских корпораций остается весьма низкой. А федеральные и региональные органы власти не предъявляют к ним требований, выполнение которых соответствует интересам общества в целом, территориальных сообществ и моральным нормам, характерным для социально ориентированного государства.

Для обуздания крупного частного бизнеса в его стремлении к постоянному обогащению требуется существенная корректировка действующего законодательства, принятие четких практических решений.

Речь, в частности, идет о таких мерах, как: введение прогрессивного налога и отмена налогов до определённого уровня доходов, отмена возврата экспорта по НДС (табл. 9), трёх-четырёхкратное повышение налогов на дивиденды, выводимые в оффшоры (табл. 10).

Таблица 9. НДС, начисленный к уплате в бюджет и к возмещению из бюджета в 2006 – 2010 гг.

Показатель	Российская Федерация						Вологодская область					
	2006	2007	2008	2009	2010	2006 – 2010	2006	2007	2008	2009	2010	2006 – 2010
Начислено НДС к уплате в бюджет, млрд. руб.	1858	1340	2127	2341	2527	10193	5,1	9,9	14,3	12,2	9,6	51,0
Начислено НДС к возмещению из бюджета, млрд. руб.	811	278	922	1110	1122	4243	2,2	2,4	4,0	7,7	6,6	22,9
В % к начисленной сумме	43,7	20,7	43,4	47,4	44,4	41,6	42,4	24,3	28,0	63,4	68,6	45,0

Источники: данные ФНС России; данные УФНС по Вологодской области; расчеты ИСЭРТ РАН.

Таблица 10. Ставки налога на дивиденды в России и некоторых странах ЕС

Страна	Показатель ставки налога
Российская Федерация	9% – для резидентов 15% – для нерезидентов
Финляндия	29%
Германия	25%
Франция	
Норвегия	
Люксембург	
Португалия	
Швеция	28%
Великобритания	
Италия	27%
Дания	От 25 до 40%

Источник: Налоги с дивидендов // Актуальная бухгалтерия. – 2010. – № 2.

Эти меры позволят облегчить налоговое бремя беднейших слоев населения, увеличить налоговые поступления от обложения сверхдоходов, а в конечном счёте стимулировать развитие потребительского спроса, являющегося основой ускорения экономического роста.

4. Решение задач модернизации невозможно без непрерывного наращивания уровня производительности труда, в решающей степени зависящей от состояния использования трудового потенциала, развития творческих способностей людей.

Мониторинговые измерения качественного состояния трудового потенциала населения, проводимые ИСЭРТ РАН с 1997 г., показывают, что среди восьми базовых оценок социальной дееспособности населения самым низким является индекс творческих способностей. Причём общий его тренд – убывающий (табл. 11).

Таблица 11. Качество трудового потенциала Вологодской области

Качество трудового потенциала	Значение индекса в 1997 г.	Значение индекса в 2009 г.	Значение индекса в 2011 г.	Ранг в 2011 г.	Изменение индекса в 2011 г. по сравнению с 2009 г.	Линия тренда 1997 – 2011 гг.
Физическое здоровье	0,682	0,728	0,728	4	нет изменений	/ возрастающая
Психическое здоровье	0,699	0,739	0,759	2	▲ рост	/ возрастающая
Когнитивный потенциал	0,630	0,614	0,626	7	▲ рост	\ убывающая
Творческий потенциал	0,593	0,572	0,589	8	▲ рост	\ убывающая
Коммуникабельность	0,733	0,736	0,743	3	▲ рост	/ возрастающая
Культурный уровень	0,609	0,674	0,651	5	▼ спад	/ возрастающая
Нравственный уровень	0,775	0,757	0,765	1	▲ рост	\ убывающая
Потребность в достижении	0,612	0,643	0,647	6	▲ рост	/ возрастающая
Дееспособность (интегральный показатель качества трудового потенциала)	0,655	0,674	0,676	–	▲ рост	/ возрастающая

Источники: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН.

Наши измерения показали также, что уровень реализации трудового потенциала существенно различается в зависимости от размера заработной платы: в группах с большим размером заработной платы он более высокий (табл. 12).

Причём позитивные сдвиги в использовании трудового потенциала начинаются от величины заработной платы, превышающей МРОТ в 5 раз и больше. Уровень реализации когнитивного потенциала, например, при этом возрастает с 63 до 84%.

Повышение заработной платы – это неременное требование для обеспечения не только роста социального благополучия населения, но и нарастающей динамики и эффективности производства.

Нам представляются обоснованными предложения многих экспертов о введении в стране норматива почасовой оплаты труда.

Таблица 12. **Уровень реализации трудового потенциала в группах с различной заработной платой** (в % от числа опрошенных)

Качество трудового потенциала	Размер заработной платы в месяц					
	Ниже МРОТ (до 4430 руб.)	Свыше 1 до 2 МРОТ (от 4430 до 8660 руб.)	Свыше 2 до 3 МРОТ (от 8660 до 12990 руб.)	Свыше 3 до 4 МРОТ (от 12990 до 17320 руб.)	Свыше 4 до 5 МРОТ (от 17320 до 21600 руб.)	Свыше 5 МРОТ (от 21600 руб.)
Физическое здоровье	71,9	78,8	80,0	80,4	85,8	84,1
Психическое здоровье	65,8	76,5	78,2	78,5	80,5	81,9
Когнитивный потенциал	63,4	75,9	78,1	80,7	81,1	83,5
Творческий потенциал	62,0	67,8	68,2	69,5	73,2	71,3
Коммуникабельность	69,1	78,6	79,3	82,5	85,0	83,0
Культурный уровень	68,1	77,6	78,4	78,1	81,1	78,1
Нравственный уровень	67,7	77,4	79,1	77,8	81,3	78,8
Потребность в достижении	61,1	67,7	69,5	72,9	73,2	79,1
<i>Среднее</i>	<i>66,1</i>	<i>75,1</i>	<i>76,4</i>	<i>77,5</i>	<i>80,1</i>	<i>80,0</i>

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2009 г.

5. Успех модернизации, перевод экономики на инновационный путь развития в решающей степени определяется ростом человеческого капитала, его качественных характеристик, а прежде всего повышением уровня интеллектуализации и креативности. Ключевую роль в этом процессе играет система образования.

В течение двух последних десятилетий в России идёт непрерывный процесс реформирования образования. Однако позитивных результатов образовательных новаций пока не видно.

Несмотря на риторику о важности образования для перехода к инновационному типу развития, не происходит кардинальных перемен в государственном финансировании образования, явно просматривается курс на рост его коммерциализации. Удельный вес расходов на образование в ВВП в последние годы составляет чуть больше 4%, в то время как в ведущих странах – 6 – 7%.

Не выполняются обещанные в государственных документах меры по повышению заработной платы педагогов (табл. 13, рис. 2).

Таблица 13. Зарботная плата в образовании: декларации и реальность

Государственный документ	Фактический уровень заработной платы в образовании, в % от среднего
Закон «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1 гласил о том, что «размер средней ставки заработной платы и должностного оклада... для учителей и других педагогических работников <должен быть> не ниже средней заработной платы работников промышленности в Российской Федерации»	1992 г.: в России – 61% в Вологодской области – 57%
В Послании Президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ говорится о необходимости государственной программы, призванной «... вернуть уважение к учителю, обеспечить людям этой профессии достойные условия жизни»	1998 г.: в России – 63% в Вологодской области – 58%
В Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ говорится о необходимости «... в течение трех лет добиться повышения доходов бюджетников не менее чем в 1,5 раза ... таким образом, мы сможем добиться приближения средней зарплаты в бюджетном секторе к средней зарплате по стране»	2005 г.: в России – 64% в Вологодской области – 61%
Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2012 г. среди задач развития сферы образования: «... заработная плата учителей должна быть не ниже средней заработной платы работников, занятых в сфере экономики субъекта РФ»	2008 г.: в России – 66% в Вологодской области – 62%
	2009 г.: в России – 71,3% в Вологодской области – 62,4%

Источники: Ежегодники Росстата и Вологодской области.

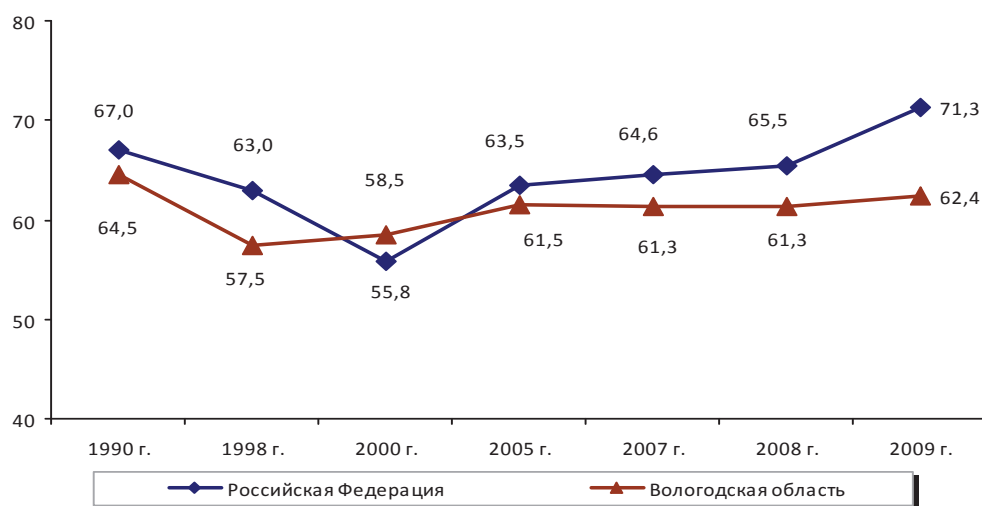

Рисунок 2. Зарботная плата работников образования (в % к средней заработной плате)

Источник: Образование в Вологодской области в 2006 – 2010 гг.: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2011. – С. 22-36.

Во всех регионах Северо-Западного федерального округа заработная плата в системе образования отстаёт от средней по экономике. И напротив, неуклонно увеличивается заработная плата чиновников государственного управления (табл. 14). В то же время их численность непрерывно растёт, а численность работников общеобразовательных учреждений сокращается (табл. 15).

Таблица 14. Соотношение средней заработной платы работников сфер образования и государственного управления со средней по экономике

Территория	В % от средней по экономике				Прирост 2010 г. относительно 2002 г.			
	Образование		Гос. управление		в руб.		в %	
	2002	2010	2002	2010	Образование	Гос. управление	Образование	Гос. управление
РФ	65	66	109	119	7903	14764	+1	+10
СЗФО	66	67	114	127	7671	15966	+1	+13
г. Санкт-Петербург	65	75	112	109	13250	17675	+10	-3
Псковская область	74	74	132	140	5989	11873	0	+8
Новгородская область	70	74	109	123	7003	12166	+4	+14
Калининградская область	75	74	119	113	8493	12642	-1	-6
Ленинградская область	62	70	105	106	10915	15485	+8	+1
Мурманская область	66	64	115	120	8972	20212	-2	+5
Республика Карелия	73	63	145	156	5024	17166	-10	+11
Архангельская область	68	62	132	150	6916	20417	-6	+18
Вологодская область	64	58	101	124	5777	15585	-6	+23
Республика Коми	61	54	109	131	4611	15147	-7	+22

Таблица 15. Динамика численности отдельных категорий работников в России, тыс. чел.

Категория работников	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2010 г. к 1995 г., в %
Численность учителей в общеобразовательных учреждениях	1717	1761	1594	1079	62,8
Численность работников государственных и муниципальных учреждений	1061,8	1161,5	1468,0	1648,4	155,2

Источник: Россия в цифрах / Росстат. – М., 2011. – С. 58, 136.

Проведённое ИСЭРТ РАН в середине текущего года исследование экономического положения и социального самочувствия педагогов общеобразовательных учреждений области выявило весьма тревожную картину.

Почти 46% педагогов от числа опрошенных в городах оценивают положение своей семьи как плохое и очень плохое, в сельской местности – 60% (заметим, что 33% всего населения области дают аналогичные оценки).

Среди учительства существенно ниже, чем в среднем по населению, уровень оценки деятельности органов власти и доверия к ней. 90% опрошенных учителей не хотели бы, чтобы их дети стали педагогами (табл. 16).

Таблица 16. Распределение ответов педагогов на вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы Ваши дети стали педагогами?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	г. Вологда	г. Череповец	Районы	Среднее по опросу
Да, скорее да	2,0	0,0	4,8	2,6
Скорее нет, нет	87,5	94,3	86,9	89,3
Затрудняюсь ответить	10,5	5,7	8,3	8,1

Источник: данные опроса преподавателей общеобразовательных учреждений Вологодской области, ИСЭРТ РАН, июнь 2011 г.

Запаса прочности становится все меньше. Фактически встает угроза потери этой части интеллигенции как наиболее подготовленной социокультурной группы. Без преимущества в сфере образования, которое у нас было раньше перед другими странами, конкурировать в современном мире невозможно. Ведь данная конкуренция начинается со школьной парты и учебной кафедры. Кадры образования – важнейший структурообразующий элемент формирования передового общества. Насколько учительское сословие уважаемо в обществе – настолько это уважение возвращается обществу, государству в следующих поколениях граждан.

6. Исследованиями ИСЭРТ РАН подтверждается, что без наращивания регионального научно-технического потенциала переход на инновационный путь развития будет практически заблокированным, что и происходит в настоящее время.

В силу различных причин, как исторических сложившихся, так и обусловленных деструктивными процессами становления рынка, активно протекавшими в 1990-е гг., регионы не обладают сегодня объемом исследовательских и научно-технических кадров, необходимых для осуществления широкомасштабной диверсификации экономики и её поступательного качественного роста.

Вот как выглядит насыщенность экономики научными работниками в страновом и региональном срезе (табл. 17, 18).

В мае 2009 г. ИСЭРТ РАН направил органам региональной власти проект долгосрочной программы развития научно-технического потенциала Вологодской области на период до 2025 г., предусматривающий существенное увеличение ключевых показателей состояния науки и техники. К сожалению, до сегодняшнего дня региональными властями каких-либо значимых шагов в этом отношении не сделано.

Таблица 17. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, по некоторым странам (на 100 тыс. населения, чел.)

Страна	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2009 г. к 2000 г., в %
Финляндия	1012	1105	1058	104,5
Япония	707	721	712*	100,7**
Франция	555	573	754	135,9
Германия	590	576	646	109,5
Россия	607	570	523	86,2
Китай	73	105	148*	202,4**

* Данные за 2008 г.
** Данные за 2008 г. к 2002 г., в %.
Источники: Россия и страны мира. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 372 с.; Eurostat home [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/science_technology_innovation/data/database

Таблица 18. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (в расчёте на 100 тыс. населения, чел.)

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	Отношение к среднему значению по 8 регионам СЗФО, в %
Россия	607	570	523	х
СЗФО	823	769	727	х
Санкт-Петербург и Ленинградская область	1636	1514	1411	х
Мурманская область	300	271	300	220,6
Республика Коми	208	208	201	147,8
Калининградская область	264	221	198	145,6
Новгородская область	176	129	177	130,1
Республика Карелия	179	134	145	106,6
Архангельская область	96	116	94	69,1
Псковская область	55	39	55	40,4
Вологодская область	33	38	40	29,4
Среднее по 8 регионам СЗФО	155	142	136	100,0

Источники: Развитие инновационного процесса в Вологодской области / Вологдастат. – Вологда, 2011. – С. 31; Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ www.gks.ru

7. Одним из самых серьёзных препятствий на пути развития России является коррупция, а по-русски говоря – взяточничество и казнокрадство.

Для подавления аппаратного вида коррупции требуется активизировать применение формализованных государственных механизмов.

Наибольший вред приносит государственно-политическая коррупция. Она является инструментом для сил, которые стремятся подчинить деятельность госинститутов своим частным интересам, действуют вопреки интересам общества.

К сожалению, сегодня наше общество рассыпано. Оно разрушено anomией, то есть отказом от нравственных и социальных норм, обязательств и совести.

Об этом свидетельствуют обнаруженные в последнее время факты участия работников правоохранительных структур в «крышевании» незаконного бизнеса. Резонансными стали журналистские расследования, посвященные недвижимости крупных российских чиновников. Полны разоблачениями актов коррупции социальные сети Интернета.

Без постановки и решения базисных вопросов о ценностях, справедливости и единстве общества, равно как и о его целях и идеологии движения вперёд, побороть государственно-политическую коррупцию невозможно.

А чтобы выбраться из порочного круга, требуется активный диалог власти и общества, формирование действенных институтов гражданского общества – важнейшего императива поступательного развития страны. Именно благодаря этому можно осуществлять реальный контроль общества за выполнением намеченных масштабных стратегических решений и планов перспективного социально-экономического развития России.

В недавно опубликованной статье «О стратегии развития экономики России» ведущие учёные-экономисты РАН обоснованно утверждают: «В целом Россия пока располагает достаточными валютными резервами и запасами природных ресурсов для финансирования новой индустриализации российской экономики, её модернизации на основе высоких технологий современного технологического уклада. Российская финансовая система еще не встроена окончательно в глобальные финансовые пирамиды. Это позволяет перекрыть каналы «отравления» собственной финансовой системы спекулятивными «токсичными» инструментами, переориентировав её на внутренние источники кредита и направив сбережения на поддержку инновационной и инвестиционной активности в перспективных направлениях российской экономики. Наличие природно-сырьевого и оборонного потенциала даёт нам объективные возможности для проведения самостоятельной политики – даже при негативных сценариях возобновления глобальной рецессии Россия имеет необходимые ресурсы не только для выживания, но и для опережающего развития»⁴.

⁴ О стратегии развития экономики России / С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, В.Л. Макаров, А.Д. Некипелов, А.И. Татаркин, Р.С. Гринберг, Г.Г. Фетисов, В.А. Цветков, С.А. Батчиков, М.В. Ершов, Д.А. Митяев, Ю.А. Петров // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 3 (54). – С. 29.

Хотел бы вернуться к словам В.В. Путина, которые я приводил выше: **«Нужно сказать открыто (ещё раз сказать) о зависимости нашей экономики от сырьевой конъюнктуры, об опасном уровне социального неравенства, насилии, коррупции, об ощущениях несправедливости и незаконности, которые часто возникают у людей при обращении в госучреждения, в суды или в правоохранительные органы, о барьерах для инициативы в бизнесе, на государственной службе, в общественной деятельности – всё это, к сожалению, нас до сих пор сопровождает. Мы можем и должны преодолеть эти проблемы. Можем и должны!»**

Наступает время реальных и эффективных действий по решению системных проблем в государственном управлении, признанных лидером правящей партии В.В. Путиным?

Очень надеюсь, что наступает!

Экономика качества и региональное развитие

Улучшение качества жизни, как общечеловеческая ценность, становится целью экономической политики государства. Проблема качества превратилась из сугубо технической в общественную и социально-экономическую.

На рисунке 1 показано влияние методов управления качеством на инновационный процесс и их роль в решении социально-экономических проблем в регионе.

Как видно из рисунка, последовательный рост благосостояния населения, эффективное воспроизводство и модернизация производства, повышение инвестиционной привлекательности региона и дальнейшее развитие рыночных механизмов хозяйствования, укрепление конкурентоспособности, повышение качества жизни населения могут быть обеспечены только при воздействии инновационных приемов и методов.

Любая инновация представляет собой переход на качественно новый уровень характеристик и параметров объектов, то есть, по сути, является новым качеством (новая продукция, новая технология, новый вид сырья и т.д.). Особенно это актуально для современного этапа, характеризующегося активным развитием новых видов деятельности и технологий, таких как нанотехнологии, информатика и т.д.

Инновации позволяют получить определенный положительный эффект. К примеру, инновационное развитие Санкт-Петербурга показывает, что повлиять на течение инновационного процесса и тем самым оптимизировать получаемый эффект можно благодаря применению современных методов управления качеством, таких как:

- системы менеджмента;
- критерии модели совершенства в бизнесе;
- система стандартов проживания и качества жизни.

Окрепилов Владимир Валентинович – член-корреспондент РАН, заместитель председателя Санкт-Петербургского научного центра РАН, генеральный директор ФБУ «Тест-С.-Петербург».

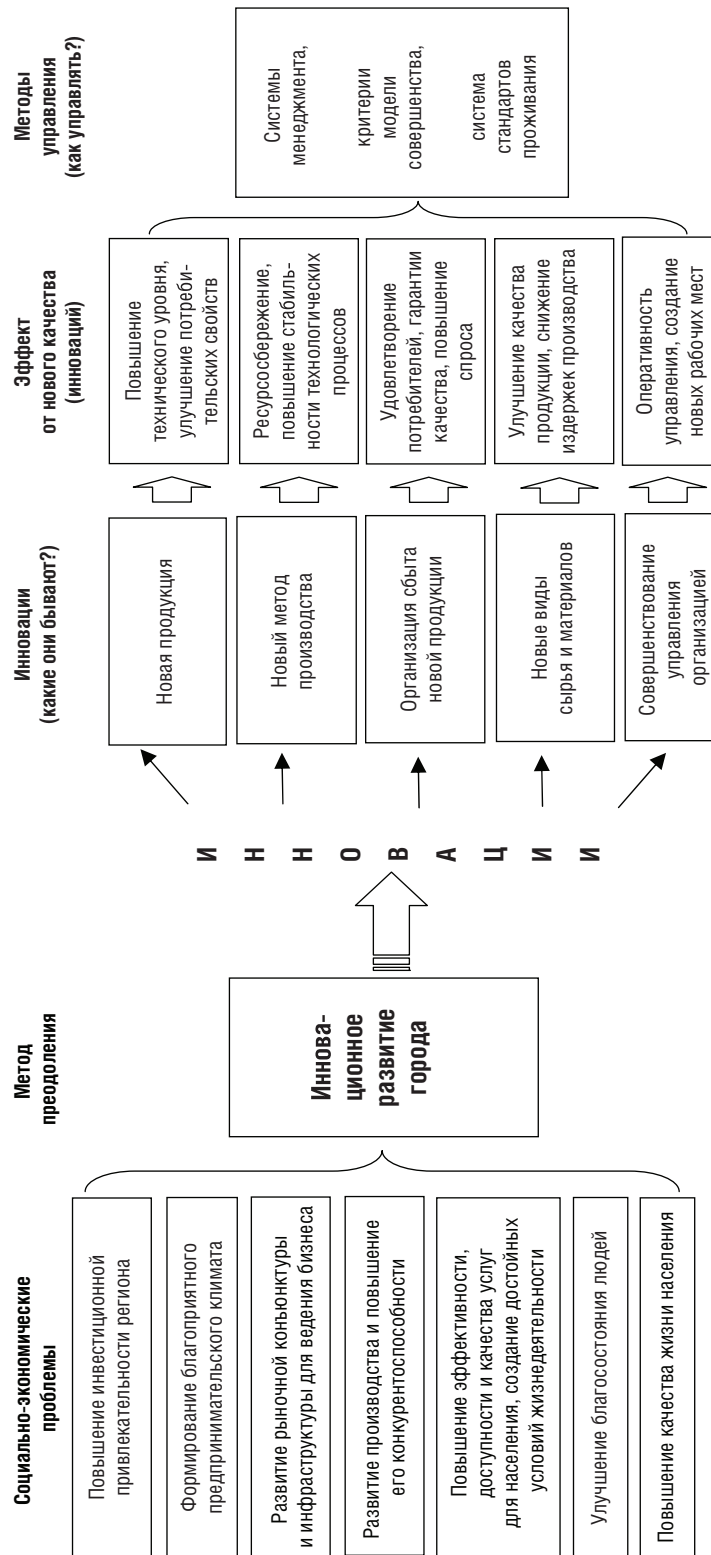

Рис. 1. Использование методов управления качеством в инновационном развитии и решении социально-экономических проблем в регионе

Перечисленные методы основаны на общих принципах управления, единых требованиях, изложенных в международных стандартах, и по существу являются универсальным механизмом повышения эффективности деятельности любого объекта управления и могут применяться в различных сферах и отраслях экономики.

Все работы по управлению качеством, которые ведет один из крупнейших в России центр стандартизации и метрологии – ТЕСТ-С.-Петербург, сегодня направлены в первую очередь на поддержание роста экономики региона и решение социальных проблем.

Эффективность перечисленных выше методов в развитии инновационного процесса в Санкт-Петербурге и в улучшении социально-экономической ситуации доказывается многолетней практикой нашей работы и проводимыми ежегодно исследованиями. Их применение позволяет не только добиться повышения экономических показателей и конкурентоспособности, но и создать механизм управления и улучшения качества жизни людей, социальной удовлетворенности общества (рис. 2).

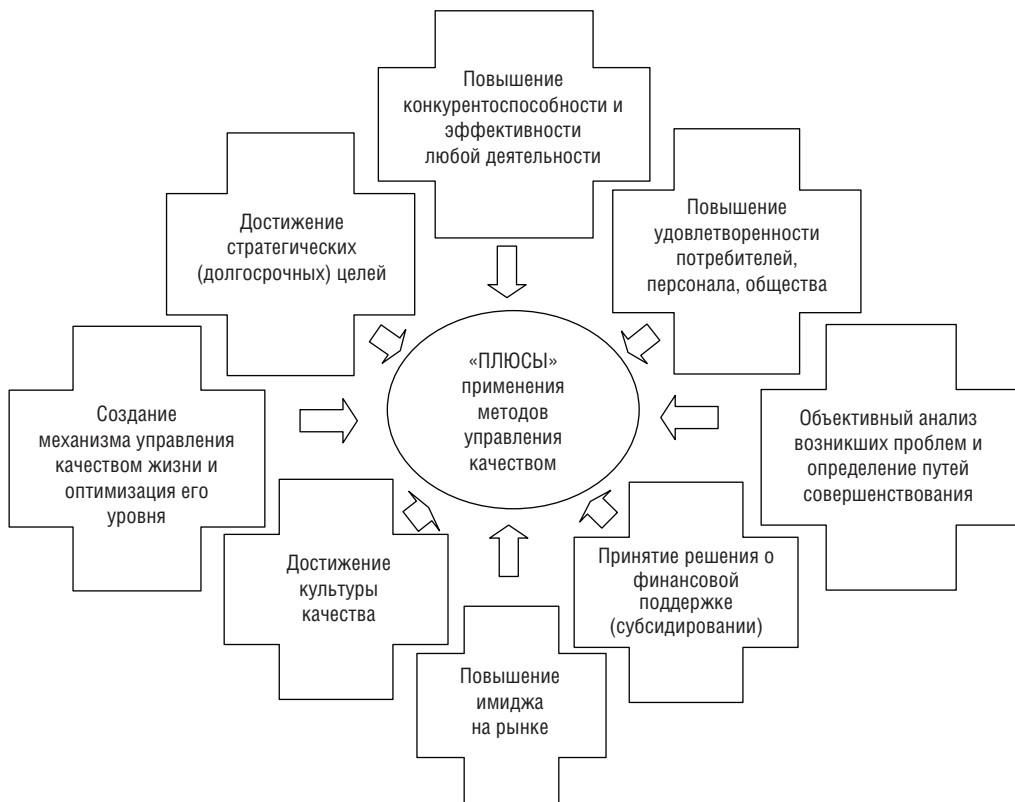

Рис. 2. Преимущества от внедрения современных методов управления качеством

Стратегическое планирование мероприятий в области управления качеством и поддержка их реализации должны осуществляться во взаимосвязи на всех уровнях управления (рис. 3):

- микроуровень (предприятие);
- мезоуровень (уровень муниципального образования, субъекта РФ);
- макроуровень (федеральный округ).

Рис. 3. Взаимосвязь целей применения методов управления качеством на всех уровнях управления

На каждом уровне улучшение качества жизни выступает не только как цель, но и как основной критерий при выработке мер, необходимых для его достижения. В качестве других целей могут быть названы: достижение высоких темпов социально-экономического развития, создание достойных условий жизнедеятельности, обеспечение населения товарами, услугами, работами высокого качества.

Рассмотрим преимущества применения современных методов управления качеством на каждом перечисленном выше уровне.

Микроуровень

Основной целью управления качеством на уровне предприятия выступает обеспечение населения товарами (работами, услугами) высокого качества, что предусматривает, в свою очередь, нормирование требований к продукции, планирование объемов выпуска в соответствии с потребностями общества и государства, контроль качества выпускаемых товаров, обеспечение эффективной работы предприятия в целом.

Для этого организациям необходимо поддерживать процессы постоянного самосовершенствования, обращаться к лучшему международному опыту в этой области. В первую очередь это внедрение систем менеджмента на основе международных стандартов.

Специалисты ТЕСТ-С.-Петербург ведут активную работу по продвижению на предприятиях Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона международных стандартов на системы современного практического менеджмента: ИСО 9000, ИСО 14000, OHSAS 18000, SA 8000, ХАССП, интегрированных систем менеджмента. А благодаря официальному партнерству нашей организации с Международной сертификационной сетью IQNet предприятия наряду с российским сертификатом на систему менеджмента получают международный сертификат, признаваемый в 32 ведущих странах мира. Это является весомым конкурентным преимуществом отечественных организаций при заключении международных контрактов.

Успешность и востребованность проводимой деятельности по внедрению систем менеджмента подтверждается опытом их применения более чем в 1300 организациях Северо-Западного региона. Безусловным лидером при этом выступает Санкт-Петербург – около 75% выданных сертификатов от общего количества по региону.

Практикуемые нами подходы к совершенствованию деятельности организаций и имеющиеся в нашем арсенале методы и средства управления качеством включают не только внедрение систем менеджмента, но и развитие конкурсов по качеству.

Оценка деятельности на соответствие критериям премий по качеству в настоящее время является наиболее эффективным инструментом для надежного комплексного анализа деятельности предприятия.

С помощью специалистов ТЕСТ-С.-Петербург данный метод оценки успешно применяет более 1000 организаций Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Мы предоставляем возможность практического применения этого инструмента двумя путями: через освоение и применение метода самооценки деятельности или участие в конкурсах на премии по качеству.

На протяжении четырнадцати лет ТЕСТ-С.-Петербург организует конкурсы на соискание премии Правительства Санкт-Петербурга по качеству и Правительства Ленинградской области по качеству.

Опросы участников региональных конкурсов показали, что 87,5% систематически проводят самооценку своей деятельности. Это дает большой положительный эффект, который заключается в следующем:

- 90,0% отметили повышение степени участия персонала в работах по качеству;
- 85,3% отметили повышение степени доверия потребителей к продукции и услугам;
- 50,0% отметили расширение доли рынка;
- 60,0% принимают решение о необходимости применения международных стандартов в области менеджмента.

Следует отметить, что проведение конкурсов по качеству и применение метода самооценки позволяет:

1. На уровне предприятия:
 - определить слабые стороны своей деятельности и наметить пути дальнейшего развития;
 - применять современные методы совершенствования деятельности, в частности, на основе международных стандартов.
2. На уровне исполнительной власти регионов:
 - определять приоритетные направления развития экономики регионов;
 - использовать результаты самооценки для принятия управляющих решений;
 - стимулировать внедрение современных методов управления.

Мезоуровень

Главной целью социально-экономического развития Санкт-Петербурга, как и любого региона России, выступает эффективная реализация мероприятий, гарантирующих достойные условия жизни населения (решение исполнительными органами власти соответствующего уровня проблем транспорта, энергетики, связи, предоставления социально-значимых услуг и т.п.).

Так, на муниципальном уровне, как наиболее близком к населению и бизнес-сообществу, обеспечение удовлетворения нужд и ожиданий граждан может быть достигнуто посредством системы управления качеством. Методической основой этой работы является международный документ IWA (International Webmasters Association) 4:2005 «Руководящие указания по применению стандарта ИСО 9001:2000 местными органами власти».

Наличие системы управления качеством обуславливает надежность деятельности органов государственной власти, а, следовательно, его применение будет способствовать формированию и сохранению доверия граждан к правительству и другим государственным институтам.

По нашему мнению, применение такого подхода на муниципальном уровне позволит:

- определить и оптимизировать свои процессы, четко разграничить ответственность и полномочия учреждения, определить потребности в ресурсах;
- своевременно проводить обучение сотрудников;
- внедрить систему постоянного улучшения деятельности;
- повысить эффективность деятельности областных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;
- повысить удовлетворенность населения и предпринимателей качеством государственных и муниципальных услуг;
- стимулировать экономическую активность на территории Санкт-Петербурга.

В конечном счете применение систем управления качеством в деятельности органов власти муниципального образования будет способствовать устойчивому экономическому росту, общественной стабильности и повышению качества жизни населения.

С переходом на новые экономические условия хозяйствования специалистами ТЕСТ-С.-Петербург совместно с учеными и в тесном контакте с Правительством Санкт-Петербурга была разработана Концепция развития работ по качеству, на основе которой была создана городская система управления качеством, организационная схема которой представлена на рисунке 4.

На представленной схеме слева сформулированы интересы города. Они связаны с экономическим, социальным, энергетическим и т.д. развитием Санкт-Петербурга. Справа представлены основные показатели реализации соответствующих интересов.

Механизм функционирования городской системы управления качеством основан на цикле PDCA (планирование – внедрение – контроль – корректирующие действия) и состоит из четырех блоков.

Первый блок включает целевые показатели развития по различным направлениям и сферам деятельности, влияющим на качественные результаты социально-экономического развития Санкт-Петербурга.

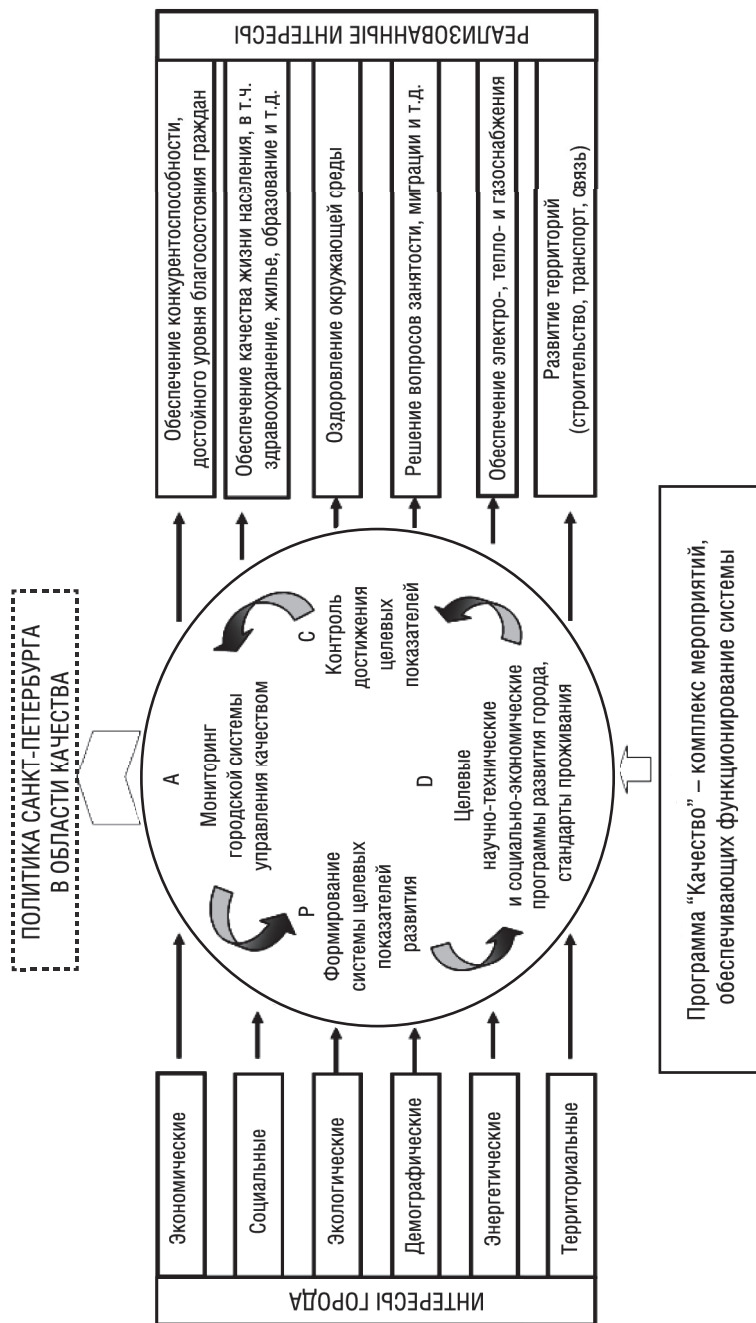

Рис. 4. Организационная схема функционирования системы управления качеством Санкт-Петербурга

Эти показатели должны быть достигнуты в результате реализации соответствующих целевых научно-технических и социально-экономических программ по приоритетным направлениям развития города, а также стандартов проживания. Это второй блок системы и ее содержательная часть, позволяющая определить что, кто и когда должен сделать.

Третий блок – это механизмы контроля исполнения программ и нормативов стандартов проживания. Процедуры контроля и требования к его проведению подробно изложены в международных стандартах, которые предполагают использование широкого арсенала методов и средств экономического анализа достигнутых результатов (включая такой прогрессивный метод, как самооценка деятельности на соответствие критериям делового совершенства, который рассмотрен выше) и принятия управленческих решений.

И, наконец, четвертый блок системы – это мониторинг, которым заканчивается один цикл и начинается следующий. Он позволяет обеспечить сбор и обработку данных, характеризующих социально-экономические процессы в регионе и показатели, которые являются информационной основой для определения существующих тенденций; а также анализ и оценку социально-демографической, макроэкономической и организационно-управленческой информации.

Ядром системы являются целевые научно-технические и социально-экономические программы, реализуемые в городе, а также стандарты проживания.

Система управления качеством Санкт-Петербурга не является административной системой, а опирается на имеющиеся в регионе организации и учреждения, которые выполняют определенные функции и задачи в сфере качества и содействуют решению проблем качества, выступая, таким образом, участниками системы.

Каждый участник системы выполняет свою роль при достижении целей системы управления качеством, различно и время участия их в ее работе. Одни участвуют на постоянной основе, другие подключаются временно, по мере необходимости.

Ввиду многочисленности участников системы и разнообразности выполняемых ими задач представляется целесообразным разделить их на три группы, в зависимости от их отношения к главным целям системы (рис. 5).

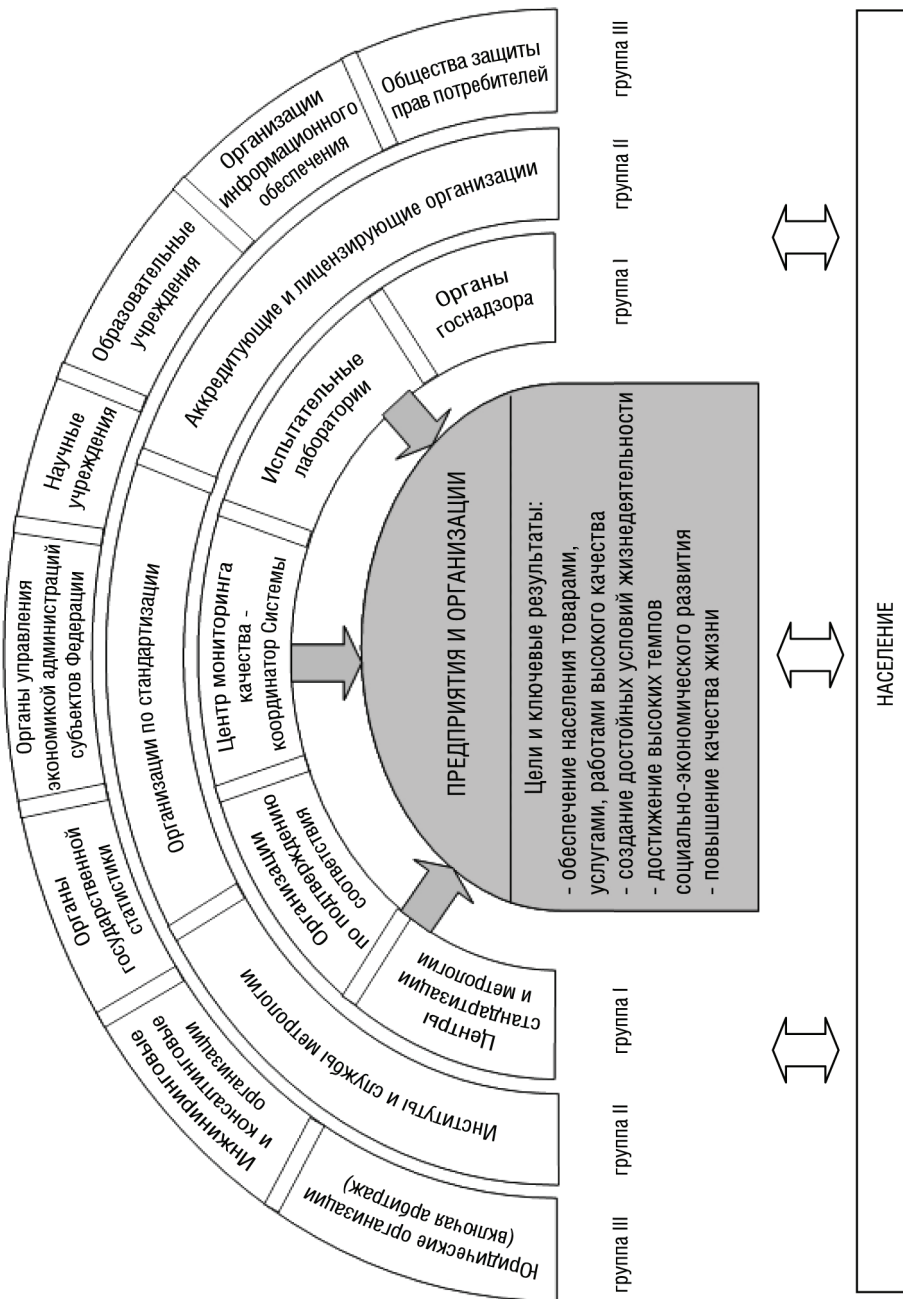

Рис. 5. Участники городской системы управления качеством

Также в рамках многоуровневой системы управления качеством присутствует такая группа, как население, которая, с одной стороны, является потребителем результатов функционирования МСУК, а с другой стороны, обеспечивает обратную связь с другими участниками МСУК, удовлетворенность представителей данной группы является решающим фактором при оценке функционирования многоуровневой системы управления качеством.

Организации всех трех групп по-разному влияют на достижение целей системы. Первая группа – непосредственно, вторая – более косвенно, третья – решая отдельные конкретные вопросы.

I группа: организации, создаваемые или уже функционирующие в рамках системы. К ним относятся организации, деятельность которых непосредственно влияет на достижение целей и выполнение задач системы, а именно: Центр мониторинга качества, 11 центров стандартизации и метрологии, 118 органов по подтверждению соответствия, 302 испытательные лаборатории и отделы госнадзора.

II группа: организации, обеспечивающие выполнение основных работ в системе. К ним относятся организации, которые, помимо непосредственного влияния на достижение целей и задач системы, способствуют определению стратегии развития системы, ее перспектив, а именно: организации по стандартизации, институты и службы метрологии, аккредитующие и лицензирующие организации.

III группа: организации общего профиля. К ним относятся организации, которые наряду с другими функциями выполняют и определенные мероприятия в рамках системы, а именно: органы управления экономикой администрации города, органы государственной статистики, научные учреждения (академической, отраслевой и вузовской науки), образовательные учреждения, инжиниринговые и консалтинговые организации, юридические организации, включая арбитраж, организации информационного обеспечения (включая СМИ), общества защиты прав потребителей и другие общественные организации.

Участниками системы являются и предприятия, однако они не могут быть отнесены к какой-либо из перечисленных групп, поскольку именно на них в первую очередь распространяется действие городской системы управления качеством.

Участники системы являются элементами осуществления определенных управляющих воздействий на механизм ее функционирования,

способствуя тем самым выполнению главной ее цели – создание условий для эффективного решения проблемы повышения качества жизни населения Санкт-Петербурга.

Макроуровень

Меры, принимаемые отдельными предприятиями и организациями, муниципальными образованиями и субъектами Федерации по решению проблем качества, в конечном счете направлены на реализацию национальных интересов в целом.

Для обеспечения четкой организации этих работ в масштабах всей страны представляется целесообразным формирование систем управления качеством на уровне федеральных округов.

На прошедшем в июне 2009 года в Санкт-Петербурге Международном форуме ведущих стран мира в области качества «Инновационные методы управления» участниками дискуссии было высказано мнение, что если бы системы управления качеством использовались для управления важнейшими секторами экономики, включая финансовый и банковский секторы, то мирового финансового кризиса могло бы и не быть.

Однако рассмотрение принципов и схем формирования федеральной системы управления качеством мы оставим для дальнейших публикаций.

В качестве резюме отметим, что, как показывает наша практика, разработка и сертификация систем менеджмента качества, применение метода самооценки и стандартов проживания для повышения уровня жизни населения, а также поддержка Правительства Санкт-Петербурга и Ленинградской области – все эти факторы позволяют добиться повышения качества деятельности организаций, стабилизации экономической и социальной ситуации, улучшения качества жизни населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Важнейшей составляющей эффективного решения социально-экономических проблем в регионе выступает его интеллектуальный потенциал, который непосредственно определяется качеством образования в целом и высшего образования в частности. Для становления на инновационный путь развития и внедрения инноваций на основе современных методов управления качеством необходимы квалифицированные специалисты, способные выполнять все виды работ по обеспечению, контролю и улучшению качества.

Еще с середины 1990-х годов в Санкт-Петербурге стала создаваться многоуровневая система подготовки кадров по управлению качеством

(рис. 6), которая активно развивается до сих пор. Задача по подготовке таких специалистов решается не только в отдельно взятых организациях, но и на региональном и межотраслевом уровне.

Рис. 6. Многоуровневая система Санкт-Петербурга по подготовке кадров в области качества

Эта система охватывает все уровни образования, начиная со школ и колледжей, в которых проводятся уроки качества. В большинстве высших учебных заведений введены специализации по стандартизации, метрологии, подтверждению соответствия, управлению качеством.

Важное место занимает подготовка специалистов высшей научной квалификации – докторов и кандидатов наук. С 1995 года при Санкт-Петербургском государственном университете экономики и финансов был создан первый в стране специализированный Совет по защите докторских диссертаций по специализации «Управление качеством».

Большую роль в системе подготовки кадров имеет последипломное образование, что связано с непрерывным совершенствованием работы в области качества и, как следствие, кадровым обеспечением новых и претерпевших изменения сфер деятельности. Так, например, в некоммерческом образовательном учреждении дополнительного профессионального образования «Институт управления качеством» проходят подготовку специалисты разных отраслей со всех регионов России, которые хотят получить диплом специалиста или эксперта по качеству.

Таким образом, была создана научная школа по исследованиям в области экономики качества и управления качеством, которая изучает одну из наиболее актуальных проблем современного мира – взаимосвязь качества с ключевыми направлениями социально-экономического развития общества. Были разработаны учебные программы для разных уровней обучения, подготовлены кадры профессорско-преподавательского состава, изданы методические материалы и пособия. Вся эта деятельность базируется на большом опыте специалистов ТЕСТ–С.-Петербург, ведущих работу в области качества.

В заключение, основываясь на опыте применения методов управления качеством для преодоления кризисных явлений в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе в целом, хотелось бы сформулировать основные направления деятельности, на которых следовало бы сосредоточить усилия:

- развитие организационно-методического обеспечения решения социально-экономических проблем на основе качества в тесном взаимодействии с законодательными и исполнительными органами власти и общественностью города, области, региона;
- содействие внедрению международных стандартов на системы менеджмента для совершенствования всех уровней управления;
- дальнейшее совершенствование методологии оценки и самооценки деятельности предприятий по критериям, обеспечивающим превосходство в бизнесе, оказание научно-методической помощи в освоении предприятиями и организациями современных форм и методов менеджмента качества;
- развитие опыта применения программно-целевого метода управления при разработке стратегий, основных направлений и программ социально-экономического и инновационного развития Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России, направленных на улучшение качества жизни населения;
- применение современных методов управления качеством в новых областях науки и техники;
- развитие системы сквозного непрерывного образования в области качества, охватывающей все уровни обучения.

П.Г. Никитенко, Л.А. Платонова

Конкурентоспособность территориальных социально-экономических систем Российской Федерации

Рост конкурентоспособности регионов в интеграционной системе национального и мирового хозяйства показывает эффективность экономических подходов управления в процессе использования привлекаемых и собственных ресурсов на основе имеющихся конкурентных преимуществ, обеспечивает укрепление национальной безопасности страны в мировом сообществе. Эффективный менеджмент предполагает грамотный экономический подход в выборе целей, задач и приоритетов социально-экономического развития регионов страны, в определении мер и инструментов по их реализации. Реальная возможность достижения поставленных целей зависит от постоянного мониторинга факторов конкурентоспособности регионов. Конкурентоспособностью региона будем считать длительную способность эффективно использовать ресурсы на основе самоорганизации в целях охвата большей доли целевого рынка. Самоорганизация предполагает образование и развитие экономических систем на основе эффективного использования ресурсов при минимизации их потерь.

Проведем исследование конкурентоспособности регионов Российской Федерации за период с 2001 по 2007г. на основе авторского теоретико-методологического подхода, включающего теорию развития национальной экономики на основе самоорганизации (в соответствии с которой экономическая система любого уровня должна быть обеспечена в достаточном количестве и качестве необходимыми ресурсами, так как процессы самоорганизации происходят постоянно и наступление точек бифуркации естественно, так как связано с цикличностью, научно-техническим прогрессом и увеличением совокупного уровня потребления); концепцию конкурентоспособности системы на основе синергетики и самоорганизации (в соответствии с которой чем больше возникает самоорганизующихся структур под воздействием потока и глубины переработки ресурсов, тем более конкурентоспособна экономическая система

Никитенко Петр Георгиевич – академик НАН Беларуси, д.э.н., профессор.

Платонова Лариса Александровна – к.э.н., доцент кафедры экономической теории и маркетинга УО «Витебский государственный технологический университет».

относительно других); методологию факторного анализа (в соответствии с которой обоснованы и структурированы факторы и показатели конкурентоспособности регионов); методику расчета коэффициента конкурентоспособности [2, 3, 4].

Более восьмидесяти регионов Российской Федерации располагают рядом конкурентных преимуществ (значительные земельные, водные, лесные ресурсы, наличие полезных ископаемых, выгодное экономико-географическое и геополитическое положение, относительно высокий образовательный уровень населения и др.), которые лежат в основе социально-экономических достижений при оптимальном уровне использования, возобновления собственных и привлекаемых ресурсов. Анализ проводился по 79 регионам Российской Федерации. В анализе не участвовала Чеченская Республика по причине отсутствия многих показателей в статистике и автономные округа: Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкский, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Корякский, Коми-Пермяцкий, Усть-Ордынский Бурятский, Агинский Бурятский, Ненецкий по причине относительной малонаселенности регионов.

В 2001г. наиболее конкурентоспособными регионами в порядке убывания стали: г. Санкт-Петербург, г. Москва, Самарская область, Вологодская область, Тюменская область и т.д. Однако количество и качество используемых в регионах ресурсов отличалось. В порядке убывания можно назвать пять лучших регионов по конкурентоспособности человеческих ресурсов: г. Москва, Тюменская область, г. Санкт-Петербург, Московская область, Республика Дагестан.

В 2002 году лучшими (в порядке убывания) по коэффициенту конкурентоспособности стали регионы: г. Санкт-Петербург, г. Москва, Тюменская область, Самарская область, Кемеровская область, Орловская область, Вологодская область и др.

В 2004 году к наиболее конкурентоспособным регионам в порядке убывания мы отнесли г. Санкт-Петербург, г. Москву, Челябинскую область (Челябинск), Орловскую область (Орёл), Вологодскую область (Вологда), Самарскую область (Самара), Кемеровскую область, Московскую область, Липецкую область, Читинскую область. Однако количество и качество используемых в регионах ресурсов различалось. В порядке убывания можно назвать пять лучших регионов по конкурентоспособности человеческих ресурсов: г. Москва, Челябинская область, г. Санкт-Петербург, Московская область, Приморский край.

В порядке убывания к пяти лучшим по фактору «финансовые ресурсы» в 2004 г. нами отнесены: Челябинская область, г. Москва, Липецкая область, Читинская область, Томская область. Пятью лучшими по «энергетическим ресурсам» стали в данном году регионы: г. Санкт-Петербург, г. Москва, Челябинская область, Читинская область, Республика Коми. Лучшими в разрезе «коммуникационных ресурсов» в 2004 г. определены регионы: г. Санкт-Петербург, г. Москва, Кемеровская область, Московская область, Самарская область. Несомненными лидерами по «инновационным ресурсам» стали регионы: Орловская область, Вологодская область, Белгородская область, Самарская область, Нижегородская область.

В 2005 г. лидерство по конкурентоспособности прочно заняла Москва и продолжила данную тенденцию и в 2006 г. В 2007 г. первое место по конкурентоспособности также заняла Москва, лидируя по факторам «энергетические» и «коммуникационные» ресурсы. Высокое значение по данному региону было также по фактору «человеческие» и «финансовые» ресурсы. Санкт-Петербург занял в 2007 г. только 4 место по конкурентоспособности, уступив лидерство Москве, Тюменской области и Сахалинской области. Тюменская область заняла первые позиции по коэффициентам факторов «человеческие ресурсы», «финансовые ресурсы». Сахалинская область имела высокие позиции по коэффициентам факторов «финансовые ресурсы», «энергетические ресурсы», «человеческие ресурсы» (табл. 1).

Таблица 1. Ранжирование регионов Российской Федерации по коэффициенту конкурентоспособности (КК) за период 2001 – 2007 гг. (фрагмент)

Ранг региона по КК	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
1	г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	г. Москва	г. Москва	г. Москва
2	г. Москва	г. Москва	г. Москва	г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	Тюменская область
3	Самарская область	Тюменская область	Челябинская область	Свердловская область	Республика Татарстан	Сахалинская область
4	Вологодская область	Самарская область	Вологодская область	Республика Татарстан	Московская область	г. Санкт-Петербург
5	Тюменская область	Кемеровская область	Тюменская область	Самарская область	Тюменская область	Республика Мордовия
6	Республика Саха	Орловская область	Кемеровская область	Тюменская область	Самарская область	Костромская область
7	Кемеровская область	Вологодская область	Липецкая область	Орловская область	Калининградская область	Республика Татарстан
8	Удмуртская Республика	Свердловская область	Саратовская область	Челябинская область	Свердловская область	Самарская область

Анализ показал, что те регионы, которые резко повышали или понижали годовой коэффициент конкурентоспособности, проходили точки бифуркации (резко менялась скорость использования ресурсов, происходило либо быстрое возникновение, либо резкое разрушение самоорганизующихся структур) и попадали на новую траекторию развития, что отразилось в скачкообразных изменениях годовых коэффициентов конкурентоспособности. Таким образом, региональная конкурентоспособность страны зависит от целевых единовременных решений относительно их количества и качества, от прохождения регионами точек бифуркации. Расчет за год показывает точечную конкурентоспособность системы, не учитывающую периода возврата средств, затраченных на улучшение показателей факторов («финансовые ресурсы» – 0-1 год, «энергетические ресурсы» – 1-2 года, «коммуникационные ресурсы» – 2-3 года, «инновационные ресурсы» (сфера производства) – 3-5 лет; «человеческие ресурсы» – 5-10-20 лет). Поэтому был проведен расчет коэффициентов конкурентоспособности Российской Федерации за длительные промежутки времени: 2003 – 2006 гг.; 2005 – 2007 гг. (табл. 2).

Таблица 2. Ранжирование регионов Российской Федерации по среднему коэффициенту конкурентоспособности (КК) (фрагмент)

2003 – 2006 гг.		2005 – 2007 гг.	
Лучшие 10 регионов по КК (ранг)	Худшие 10 регионов по КК (ранг)	Лучшие 10 регионов по КК (ранг)	Худшие 10 регионов по КК (ранг)
г. Москва (1)	Чукотский автономный округ (70)	г. Москва (1)	Амурская область (70)
г. Санкт-Петербург (2)	Карачаево-Черкесская Республика (71)	г. Санкт-Петербург (2)	Курганская область (71)
Челябинская область (3)	Камчатская область (72)	Тюменская область (Тюмень) (3)	Карачаево-Черкесская Республика (Черкесск) (72)
Республика Татарстан (4)	Республика Тыва (73)	Республика Татарстан (Казань) (4)	Приморский край (Владивосток) (73)
Свердловская область (5)	Республика Алтай (74)	Свердловская область (Екатеринбург) (5)	Республика Тыва (Кызыл) (74)
Самарская область (6)	Республика Ингушетия (75)	Самарская область (Самара) (6)	Республика Алтай (Горно-Алтайск) (75)
Вологодская область (7)	Республика Хакасия (76)	Московская область (7)	Республика Ингушетия (76)
Тюменская область (8)	Республика Калмыкия (77)	Пермский край (Пермь) (8)	Республика Хакасия (Абакан) (77)
Московская область (9)	Магаданская область (78)	Краснодарский край, (Краснодар) (9)	Республика Калмыкия (Элиста) (78)
Орловская область (10)	Сахалинская область (79)	Орловская область (10)	Магаданская область (79)

Российская Федерация включает 8 федеральных округов: Центральный, Южный, Северо-Западный, Дальневосточный, Сибирский, Уральский, Приволжский, Северо-Кавказский. Проведем анализ конкурентоспособности регионов Северо-Западного федерального округа России. Северо-Западный федеральный округ, как административное формирование на севере европейской части Российской Федерации включает в свой состав 11 субъектов: республики Карелию и Коми, Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую, Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, Калининградскую области, Ненецкий автономный округ, город Санкт-Петербург. Центром округа является город федерального значения Санкт-Петербург [1]. В округе работают предприятия металлообработки и машиностроения, пищевой и целлюлозно-бумажной промышленности, черной и цветной металлургии, топливной промышленности, судостроения, приборостроения, электротехники и др.

Одним из важных конкурентных преимуществ округа является его выгодное географическое расположение: соседство с государствами Европы и выход к морю. К конкурентным преимуществам регионов Северо-Западного федерального округа можно отнести наличие значительных сырьевых ресурсов. Так, Новгородская область обладает большими запасами древесины, торфа, огнеупорной глины, подземными пресными и минеральными водами. Псковская область богата древесиной, торфом, сырьем для стройиндустрии и производства минеральных красителей, лечебными грязями и минеральными водами. Минерально-сырьевая база Калининградской области представлена месторождениями нефти, янтаря, торфа, песчано-гравийного материала, песка, глины, пресной и минеральной воды, лечебных грязей, калийной соли, бурых углей. Ленинградская область богата горючими сланцами, торфом, фосфоритами, строительным камнем, песчано-гравийным материалом, кирпично-черепичной глиной, известняками, бокситами. В Мурманской области находятся крупные месторождения химического, медно-никелевого, железорудного сырья, благородных и редких металлов, редкоземельных элементов. Значительны запасы нерудного сырья: вермикулита, флогопита, мусковита, пегматита, амазонита, флюорита и др. Кольская земля богата хромом, титаном, сырьем для производства строительных материалов и огнеупоров, облицовочного камня, полудрагоценных и поделочных камней. Запасы большинства полезных ископаемых имеют общероссийское, а по апатито-нефелиновым, кианитовым рудам, редким металлам – мировое значение.

Минерально-сырьевая база Республики Карелия включает топливно-энергетическое сырье (уран, торф), черные металлы (железные и хромовые руды), цветные и редкие металлы (никель, кобальт, ванадий, молибден, олово и др.), благородные металлы (золото и металлы платиновой группы), неметаллические полезные ископаемые (алмазы, графит, слюда-мусковит, тальк и тальковый камень, полевошпатовое сырье, кварц, шунгитовые породы, кварцит, доломит, кианит, петругигическое сырье, строительный камень, песчано-гравийные материалы, глины, гранат, диатомиты, минеральные краски и другие). Республика Коми богата месторождениями каменного угля, нефти, природного газа, горючих сланцев, титановых руд, бокситов, каменной соли, гипса, минеральными источниками. Основным богатством Ненецкого автономного округа является углеводородное сырье. На территории округа открыты 76 месторождений углеводородного сырья, из них: 64 нефтяных, 6 нефтегазоконденсатных, 1 газонефтяное, 4 газоконденсатных и 1 газовое. Вологодская область богата месторождениями торфа, стройматериалами и минеральными источниками [5].

Наличие данных конкурентных преимуществ влияет на развитие регионов, но не определяет полностью их успех в конкурентной борьбе на территории Российской Федерации и на мировом рынке. Уровень конкурентоспособности регионов нами проанализирован на основе пяти синергетических ресурсных факторов («человеческие ресурсы», «энергетические ресурсы», «коммуникационные ресурсы», «инновационные ресурсы», «финансовые ресурсы»). При выделении факторов конкурентоспособности регионов были обоснованы следующие положения: во-первых, при отборе ресурсов, необходимых для производства товаров и услуг, целесообразно исходить не из возможности использования собственных более дешевых сырьевых ресурсов, а из определения предполагаемого уровня инновационности продукции, произведенной на основе ресурсов; во-вторых, исходить из минимизации потерь при использовании ресурсов на основе самоорганизации; в-третьих, основополагающими назвать те ресурсы системы, без которых нарушается цикл воспроизводства в любой сфере экономики; в-четвертых, учитывать целевую направленность конкурентоспособной системы на мировом рынке, отражающуюся в доле экспорта высокотехнологичных товаров [2, 3, 4].

На рисунках 1 – 6 показана динамика факторов конкурентоспособности и коэффициентов конкурентоспособности регионов Северо-Западного федерального округа за период с 2001 по 2007 г.

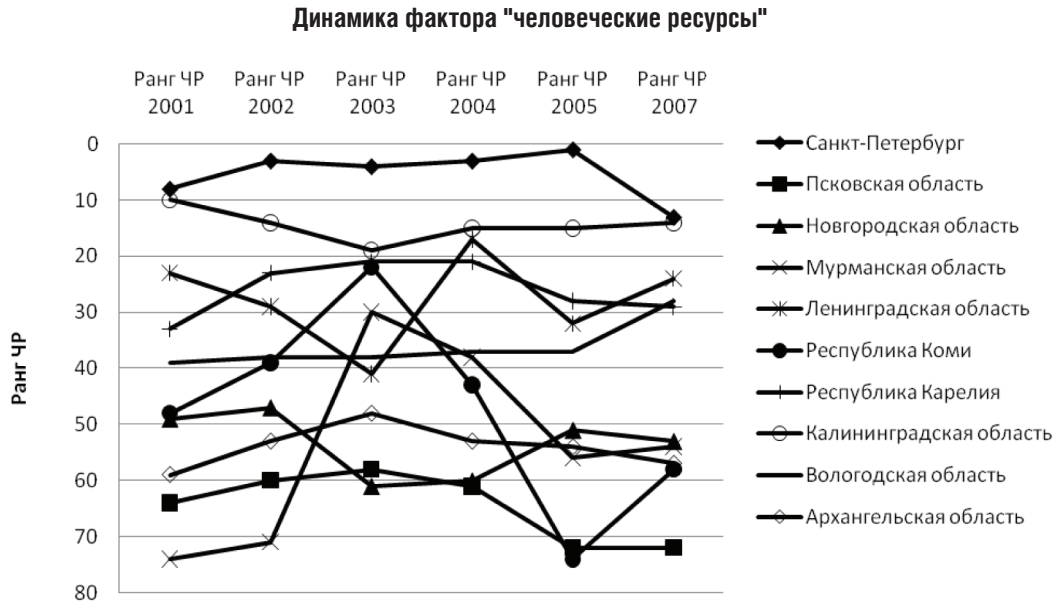

Рисунок 1. Динамика фактора ЧР по регионам Северо-Западного федерального округа

Фактор «человеческие ресурсы» обладает как количественной, так и качественной стороной. Он является одновременно и ресурсом, и активным элементом системы, участвуя в переработке других видов ресурсов. Будучи в 2001 – 2005 гг. лидером по уровню конкурентоспособности фактора ЧР, в 2007г. Санкт-Петербург ухудшил свои позиции: 2001 г. – 8 ранг; 2002 г. – 3; 2003 г. – 4; 2005 г. – 1; 2007 г. – 13 ранг. Стабильно низкие значения по фактору «человеческие ресурсы» показала Псковская область: 2001 г. – 64 ранг; 2002 г. – 60; 2003 г. – 58; 2005 г. – 72; 2007 г. – 72 ранг (где 1 – лучший ранг фактора, 79 – худший ранг фактора).

В 2001 и 2007 гг. Санкт-Петербург лидировал по фактору «финансовые ресурсы», занимая 6-ю позицию среди 79 рассматриваемых регионов Российской Федерации. Однако в 2002 – 2005 гг. в Санкт-Петербурге наблюдается негативная динамика данного фактора. Относительно стабильная позитивная тенденция коэффициента фактора наблюдалась в Ленинградской области: в 2001 г. – 7 ранг, 2002 г. – 4; 2003 г. – 10; 2004 г. – 13; 2005 г. – 14; 2007 г. – 11 ранг. Аутсайдером по фактору «финансовые ресурсы» стала Калининградская область: в 2001 г. – 78 ранг; 2002 г. – 78; 2003 г. – 78; 2004 г. – 76; 2005 г. – 74; 2007 г. – 78 ранг.

Динамика фактора «инновационные ресурсы» в отличие от всех других анализируемых факторов не обладает определенной стабильностью.

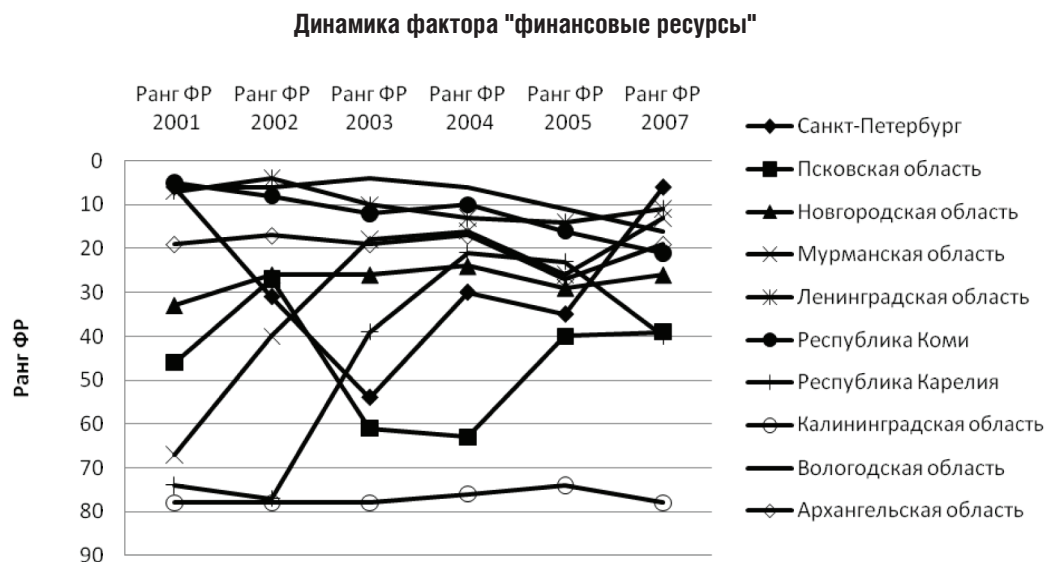

Рисунок 2. Динамика фактора ФР по регионам Северо-Западного федерального округа

Это говорит, на наш взгляд, о непоследовательности управленческих решений в области инноваций; о точечном развитии некоторых предприятий округа в определенном временном промежутке, что обусловлено краткосрочными целями; об отсутствии стратегического, комплексного инновационного развития отраслей промышленности Российской Федерации в целом.

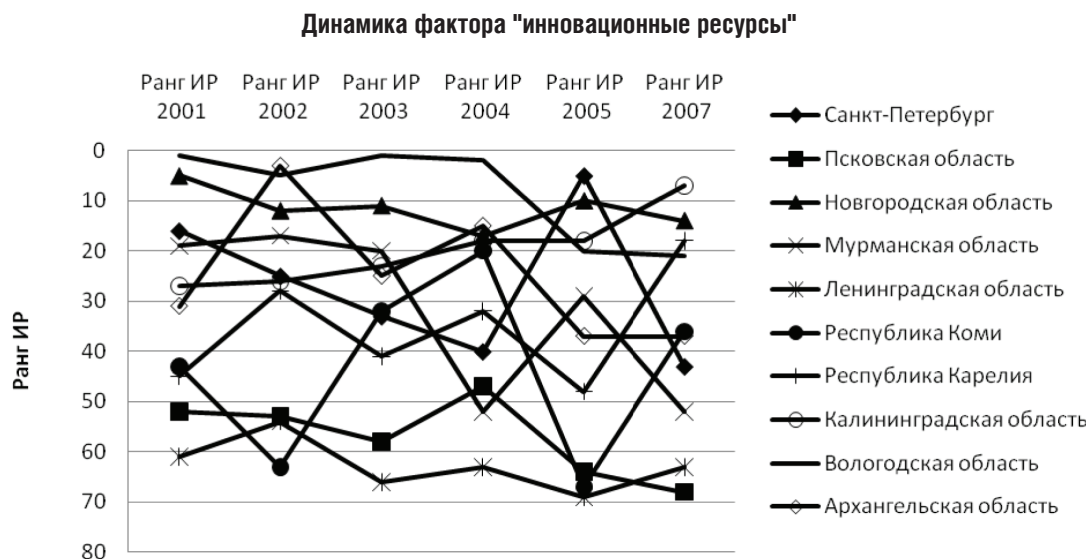

Рисунок 3. Динамика фактора ИР по регионам Северо-Западного федерального округа

Стабильно высокие позиции среди регионов округа по уровню конкурентоспособности фактора «коммуникационные ресурсы» занимал Санкт-Петербург. Низкие позиции по данному фактору характерны для Республики Коми и Архангельской области.

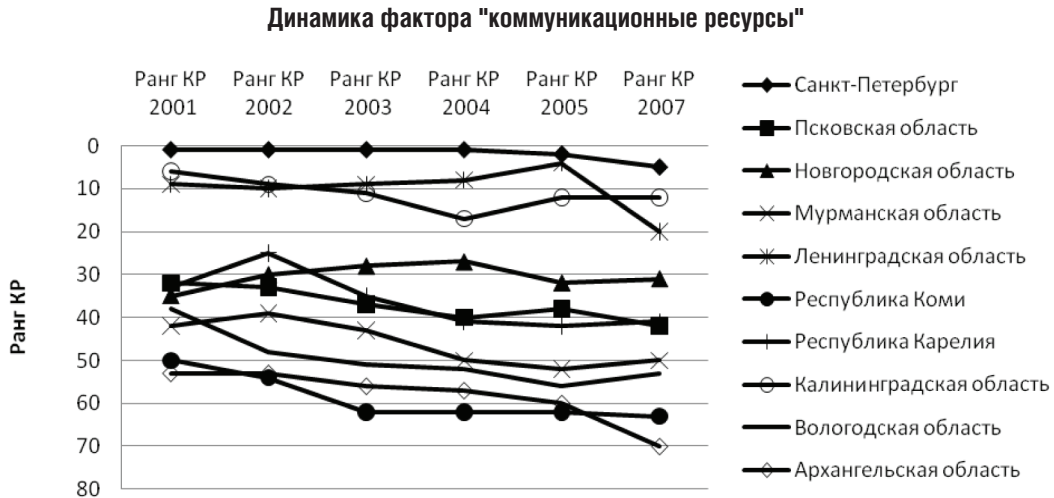

Рисунок 4. Динамика фактора КР по регионам Северо-Западного федерального округа

Ранжирование коэффициентов конкурентоспособности по фактору «энергетические ресурсы» позволило определить регион со стабильно высокими значениями: Санкт-Петербург (2001 г. – 2 ранг; 2002 г. – 1; 2003 г. – 1; 2004 г. – 1; 2005 г. – 1; 2007 г. – 5 ранг). Республика Коми, занимая высокие позиции в течение шести лет, в 2007 г. заняла 25 место.

Нами проведена оценка уровня конкурентоспособности регионов РФ и округа: рассчитаны коэффициенты конкурентоспособности 79 регионов Российской Федерации и проведено ранжирование.

По уровню конкурентоспособности в анализируемом округе лидирует Санкт-Петербург, занимая в 2001 г. – 2 ранг, в 2002 г. – 1; 2003 г. – 1; 2004 г. – 1; 2005 г. – 2; 2007 г. – 4 ранг. Высокие значения коэффициента конкурентоспособности характерны для Вологодской области, однако его снижение наблюдалось в 2005 и 2007 гг. (2001г. – 4 ранг; 2002 г. – 7; 2003 г. – 4; 2004 г. – 5; 2005 г. – 22; 2007 г. – 26 ранг). Средние позиции занимали Новгородская, Мурманская, Ленинградская области, Республика Коми и Архангельская область.

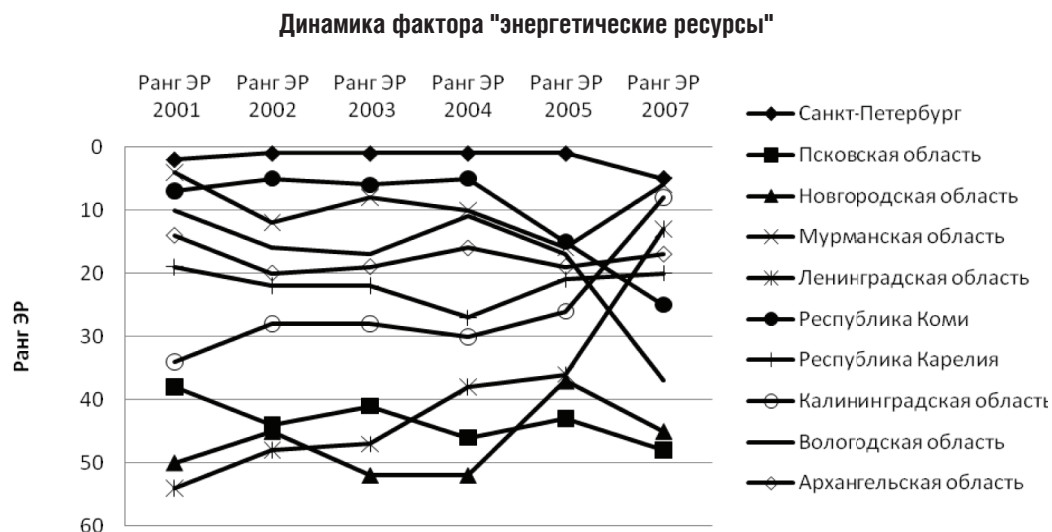

Рисунок 5. Динамика фактора ЭР по регионам Северо-Западного федерального округа

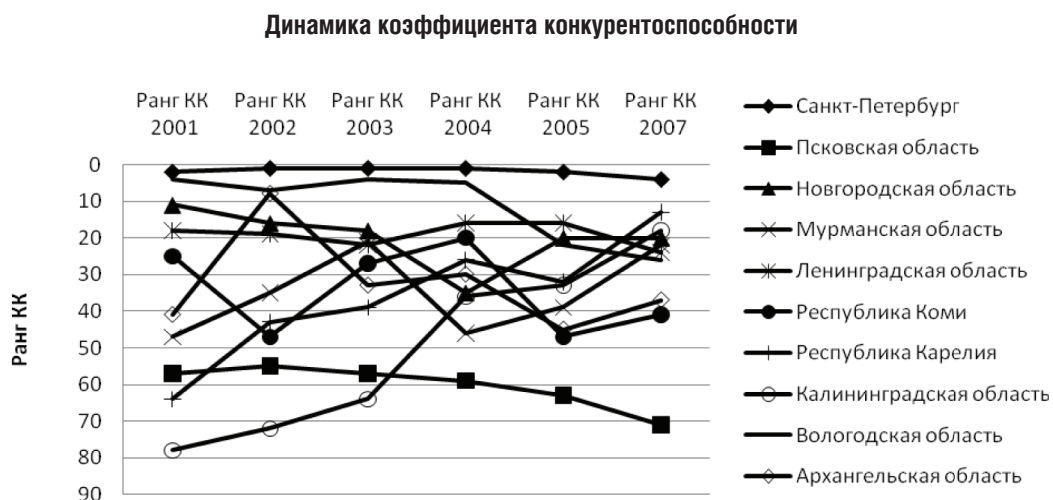

Рисунок 6. Динамика КК по регионам Северо-Западного федерального округа

Низкие позиции по уровню коэффициента конкурентоспособности были характерны для Псковской области (2001г. – 57 ранг, 2002 г. – 55; 2003 г. – 57; 2004 г. – 59; 2005 г. – 63; 2007 г. – 71 ранг). Позитивная динамика наблюдалась в Калининградской области (2001 г. – 78 ранг; 2002 г. – 72; 2003 г. – 64; 2004 г. – 36; 2005 г. – 33; 2007 г. – 18 ранг) и Республике Карелия (2001 г. – 64 ранг; 2002 г. – 43; 2003 г. – 39; 2004 г. – 26; 2005 г. – 32; 2007 г. – 13 ранг).

Полученные результаты дают возможность понять механизм управления конкурентоспособностью региона. Можно получить быстрый рост уровня конкурентоспособности системы из-за роста, отдачи, «быстрых» факторов – финансовых ресурсов, энергетических, коммуникационных. Но данный рост не может быть стабильным, так как будет сильно подвержен рыночной конъюнктуре. И управление превращается в спасательные краткосрочные операции. Вложение средств в «медленные» факторы позволит получить эффект роста конкурентоспособности, с одной стороны, через некоторое продолжительное время, но с другой – на более длительный срок. Оценка конкурентоспособности регионов предполагает комплексный факторный синергетический подход, основанный на анализе соответствующих показателей и позволяющий детализировать практические рекомендации с учетом индивидуальных особенностей регионов и социально-экономических тенденций Российской Федерации.

Так, для «финансовых ресурсов» необходимо проводить политику по увеличению занятости и производительности труда, развивать фондовый рынок, усилить экономическую и правовую поддержку товаропроизводителей, расширять торгово-экономические связи, осуществлять государственную поддержку инноваций; для «человеческих ресурсов» проводить политику увеличения их численности посредством государственного стимулирования рождаемости, увеличения притока и уменьшения оттока высококвалифицированных специалистов, привлечения услуг специалистов других стран посредством использования электронных средств связи, а также проводить политику улучшения качества данного ресурса посредством увеличения потенциала (повышение качества обучения, переобучения и степени востребованности высококвалифицированных работников), улучшения здоровья (усиление государственной поддержки здорового образа жизни, проведение программ по сохранению здоровья в процессе обучения и труда) и среды обитания; для «коммуникационных ресурсов» – развивать новые средства связи, обновлять и создавать новые виды транспорта, обеспечивать доступность информации, развивать сеть дорог; для «энергетических ресурсов» – проводить политику экономии энергоресурсов, разработки альтернативных источников и применения новых технологий

использования, обеспечивающих большой экономический эффект; для «инновационных ресурсов» – проводить политику сокращения производства и экспорта полуфабрикатов и материалоемких товаров, увеличения производства и экспорта высокотехнологичных товаров, увеличения доли интеллектуального ресурса в товаре, выноса материалоемких производств в другие страны мира.

Литература

1. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org> (Дата доступа: 25.08.2011).
2. Никитенко, П.Г. Синергетический подход к оценке конкурентоспособности экономической системы / П.Г. Никитенко, Л.А. Платонова // Общество и экономика. – 2007. – № 4. – С. 5-25.
3. Nikitenko, P.G. Appraisal and analysis of competitiveness level of world countries / P.G. Nikitenko, L.A. Platonova // Докл. Нац. акад. наук Беларуси. – 2009. – Т. 53. – № 3. – С. 112-117.
4. Никитенко, П.Г. Конкурентоспособность и самоорганизация в международной экономике: концептуальный подход / П.Г. Никитенко, Л.А. Платонова // Докл. Нац. акад. наук Беларуси. – 2010. – Т. 54. – № 1. – С. 104-108.
5. Проект «Полпред» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polpred.com> (Дата доступа: 25.08.2011).

Синергия региональных инновационных систем

Басни И.А. Крылова «Мартышка и очки», «Квартет» прекрасно иллюстрируют ситуацию с инновационными системами в России, когда вроде все атрибуты в наличии, а толку нет. Но объяснить эту ситуацию можно, на мой взгляд, вооружившись другим произведением нашего гениального баснописца – «Лебедь, щука и рак». При этом, правда, придется пользоваться сомнительными (для экономиста) аргументами из области «национального менталитета», что оставит многие утверждения, сделанные ниже, в ранге смелых гипотез. Но другого пути объяснить складывающуюся ситуацию я для себя найти не могу. Ведь везде в мире есть барьеры, чиновники, коррупция...

Сначала простые напоминания (из Википедии).

«Синергия (греч. *συνεργία*, от греч. *syn* — вместе + *ergos* — действующий, действие) — суммирующий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы».

Синергия, синергетика — «модные» слова, более привычные для человека, занимающегося анализом разных систем: эмерджентность, наличие эмерджентных эффектов.

«Инновационная система — совокупность организаций, участвующих в инновационной деятельности, эффективно взаимодействующих друг с другом в процессе создания, распространения и использования инноваций».

«Национальная инновационная система — совокупность субъектов и институтов, деятельность которых направлена на осуществление и поддержку в осуществлении инновационной деятельности».

Под эти определения попадают всякие научные и научно-технологические парки и зоны, технопарки, инновационные инкубаторы, кластеры и т.д. И, конечно, НИЦ, РИЦ.

Теперь — к теме.

Сулов Виктор Иванович — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Можно говорить о четырех моделях (региональной) инновационной системы: американской, европейской, азиатской (китайской) и российской. Три из них успешны – в той или иной степени.

Различия между ними, на которых акцентируется внимание ниже, определяются разной степенью участия государства и особенностями менталитета участников.

Американская модель: минимальная роль государства – главным образом поддержка фундаментальной науки, образования и малого бизнеса, «долина смерти» преодолевается с помощью венчурного капитала, предпринимательского духа, граничащего с авантюризмом, и, конечно, благодаря толерантному отношению к неудаче, умению падать и вставать – «лузерскому капитализму».

Три примера.

В чем разница деловой среды северной Калифорнии (технопарк Стенфорда, Пало-Алто, Кремниевая долина) и восточного Массачусетса (128-е шоссе, Кембридж, Бостон, Массачусетский технологический институт, Гарвард), которая предопределила взлет одного региона и временный закат другого?

Прежде всего и главным образом – в наличии синергетического эффекта в Калифорнии (Завадский Марк. Калифорния на час // Эксперт. – 2011. – № 5. – 7-13 февр. – С. 43-49).

Здесь сложилась уникальная атмосфера открытости и взаимовыручки, когда владельцы конкурирующих компаний созванивались и вместе решали проблемы, зачастую предоставляя свои производственные мощности попавшему в беду конкуренту, – немыслимая ситуация для корпоративного мира 128-го шоссе. В отличие от 128-го региона, где компании были разбросаны по значительной территории и мало пересекались, в Силиконовой долине все варились в одном и том же котле, легко переходя из одной компании в другую. Все вопросы решались за неформальными беседами в одном из популярных баров.

Если в Массачусетсе люди могли проработать в одной компании по 20–30 лет, то в Силиконовой долине средний срок составлял не более двух-трех лет, затем человек уходил, нередко основывая собственный бизнес.

Эту атмосферу в Силиконовой долине в наши дни пытаются поддерживать и на микроуровне. В Пало-Алто находится один из двух крупнейших инкубаторов в США – Plug & Play, под его крышей сосредоточено более 300 компаний. Инкубатор регулярно посещают индивидуальные

инвесторы (ангелы), успешные бизнесмены и менеджеры высокого уровня – СЕО (менторы). Руководство инкубатора устраивает регулярные встречи между стартапами и венчурными фондами.

На Kendall Square (Кембридж) самая большая плотность ИТ- и биотех-компаний в мире: на квадратную милю – 163, по данным на 2009 год¹. Из тысяч компаний на Kendall Square более трехсот находятся под крышей инкубатора Cambridge Innovation Center (CIC), который борется с Plug & Play за звание крупнейшего в США.

Еще один пример синергии (третий).

Речь идет о плане обеспечения конкурентоспособности Исследовательского Треугольника (Роли, Чепел Хилл и Дарем в Северной Каролине, США; ИТР, Research Triangle), разработанного «с подачи» Майкла Портера в период 2001 – 2004 гг.

Субъектом плана являются не органы власти, как для большинства региональных стратегий в России, а именно ИТР, как некоторое партнерство субъектов бизнеса, высшего образования, науки и власти, созданное в начале 90-х годов прошлого века по инициативе, прежде всего, региональных бизнес-лидеров. Поэтому фундаментом стратегического плана ИТР является взаимодействие и консолидация усилий основных субъектов региона, создающие и обеспечивающие реализацию синергетических (эмерджентных) эффектов, что выражается в привлечении дополнительных инвестиций, ускорении процесса создания рабочих мест, роста зарплат, уровня и комфортности жизни.

Европейская модель генерирует синергию иным способом.

Конечно, здесь есть и технопарки, и ангелы, и венчур, и господдержка фундаментальной науки, образования, малого бизнеса. Но этого в Старом Свете оказалось недостаточно. Американская модель не сработала. Скорее всего, из-за дефицита предпринимательского духа (менталитет!).

В Новом Свете к Европе ближе всего (не только географически), пожалуй, остается восточный Массачусетс. Несмотря на явный дрейф со времен «128-го шоссе» (когда почти все определялось военным госзаказом) в сторону «рыночной стихии», биотех Kendall Square в значительной степени финансируется госструктурами, в частности Национальным Институтом здоровья США.

Европейская инновационная система начала складываться в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века в ходе разработки самолета

¹ По нашим оценкам, плотность высокотехнологичных фирм малого бизнеса (правда, всех, а не только ИТ- и био-) в новосибирском Академгородке такая же.

Airbus A380. Двухпалубного, самого экономичного (3 литра горючего на одного пассажира на 100 км), берущего на борт 850 пассажиров в режиме экономкласса, имеющего возможность пролететь из Сингапура в Нью-Йорк (более 15 тыс. км – один из самых длинных маршрутов в мире) без посадки.

Существовавших в Европе на тот момент механизмов взаимодействия и координации действий власти, бизнеса, образования и науки оказалось недостаточно.

Важнейшим элементом европейской системы стали так называемые технологические платформы (ТП), первая из которых под названием Консультативный совет по авиационным системам (ACARE – Advisory Council for Aeronautics Research in Europe) появилась в 2001 году.

ТП – это объединение представителей государства, бизнеса, науки и образования вокруг общего видения научно-технического развития и общих подходов к разработке соответствующих технологий – в той или иной научно-технической сфере. Функционирование ТП начинается с определения приоритетных направлений научно-технологического развития, стратегических целей и разработки стратегического плана их достижения.

Ключевым участником является государство, что отличает европейскую модель от американской, но инициатива в образовании платформ принадлежит разным ассоциациям частного, как правило, крупного бизнеса, что роднит ее с американской.

Основа синергии, как и в США, внутреннее понимание пользы от взаимодействия и интеграции усилий.

К 2008 году было создано 36 Европейских технологических платформ – ЕТП. В них участвуют представители практически всех государств Евросоюза, Еврокомиссии, бизнес-структур, исследовательских центров, университетов. Больше всего их в медицине, биотехнологии и энергетике.

В ЕТП очень велика роль госфинансирования. Главный механизм – рамочные научно-технические программы, определяющие НТ-направления, финансируемые ЕС в данном временном периоде, и правила, по которым будет проводиться это финансирование. 1-я рамочная программа началась в 1984 году. Каждая из этих программ была рассчитана на 4-5 лет (на временной оси они немного «перехлестывались»).

Сейчас идет 7-я рамочная программа на 2007 – 2013 годы (7-летняя) с финансированием в 50 – 54 млрд. евро, основной целью которой является

создание общего Европейского Научного Пространства, а важнейшими направлениями научно-технического развития признаны здоровье, питание, сельское хозяйство и биотехнологии.

В 2006 году был создан еще один институт – Объединенных технологических инициатив. Каждая такая инициатива объединяет несколько ТП, развитых настолько, что они начинают требовать особой мобилизации госфинансирования и частных инвестиций, большого объема фундаментальных исследований. Возможностей рамочной программы как таковой становится недостаточно.

Китайские инновационные системы также весьма эффективны, но основаны они на других принципах.

Предпринимательский дух – не самая сильная сторона восточного менталитета, чужд ему и «лузерский капитализм». Зато весьма сильно уважение к старшим по возрасту, по должности, уважение к власти, приказу, чиновничеству в позитивном смысле.

Такая особенность менталитета и делает, по-видимому, успешным китайский путь.

Китайские территории научно-технологического развития, технопарки и инкубаторы создаются не снизу, как в Западной Европе и особенно в США, а сверху – под строгим руководством китайского правительства и коммунистической партии.

Можно сказать, что в Китае синергия инновационных систем возникает «по приказу».

Еще одна, может быть, решающая особенность китайского пути: все инновационные начинания получают чрезвычайно щедрое государственное финансирование.

Благодаря жесткой централизации (в конечном счете – китайскому менталитету) в Китае удалось создать уникальный инвестиционный механизм, обеспечивающий норму накопления (долю инвестиций в валовом внутреннем продукте – ВВП) 40–50%. В США, России – около 20%.

И китайские власти очень умело пользуются этим ресурсом.

Один из первых китайских технопарков, Пекинский Z-парк как пилотный проект был создан в 1988 году. Сейчас в Китае более 130 технопарков. По плотности технопарков Китай сейчас, вероятно, один из мировых лидеров.

Пекинский Чжунгуаньцунь (Z-парк) – один из наиболее интересных и быстрорастущих (более 25% прироста ВВП в год, около 4 тыс.

новых высокотехнологичных компаний в год) технопарков мира. Возможно, самый крупный в мире научный парк: 232 кв. км (пятая часть Москвы), более 20 тыс. компаний (113 котируются на бирже), около миллиона занятых, 80 млрд. долларов годового оборота. Создан (в 1988 году) в районе Пекинского университета и университета Синьхуа – на северо-западе города. Здесь, кроме указанных сильнейших вузов страны, расположены более ста научно-технических институтов и лабораторий.

Сейчас это «территориально распределенный» парк. Исторически первая, северо-западная часть теперь называется субпарком Хайдань. Всего в состав парка входят еще девять научных субпарков и 17 научных парков при университетах. У субпарков есть своя специализация: ПО и электроника, новая энергетика и промышленный дизайн, новые материалы и биотех, медицина, цифровые медиа, креативная индустрия и прочее.

В России ситуация особая, поскольку инновационные системы здесь пока синергии практически не обрели. Возможно, это – главная причина прогрессирующего отставания страны на пути перехода к инновационной экономике.

Если говорить о менталитете, то россияне в целом не менее инициативны и креативны, чем американцы, да и неудачи в бизнесе не склонны воспринимать как трагедии (недаром старинная русская пословица гласит: «за одного битого двух небитых дают»). Тем не менее снизу, как в США или Западной Европе, процесс не идет.

В России рыночные отношения еще слишком незрелы и конкуренция воспринимается слишком прямолинейно. Не сложилось не только понимание того, что конкурировать надо глобально, а локально следует дружить и взаимодействовать, чтобы поймать ту самую синергию, но и того, что сами инновации жизненно необходимы (этому, конечно, способствует и «ресурсное проклятье» России).

Два примера: Новосибирск и Томск, разобщенность и консолидация.

В Новосибирске пока не появилось общей цели, ради которой объединились бы вузы, научные институты, бизнес и власть. Пока руководство СО РАН занято лоббированием в верхах проекта строительства «второй очереди Академгородка», пока областные власти вкладываются в технопарк, вузы, к примеру, играют в свои игры.

Томичи умеют грамотно формализовать и, что важно, консолидированно подавать не только имеющиеся, но и планируемые преимущества, параллельно действиями уплотняя образы, делая их реалистичными, и в этом сила томской команды. Если бы к потенциалу Новосибирской области — да томскую системность и напор, Сколково было бы в Новосибирске.

Новосибирск — правило, Томск — исключение.

В России инновационные системы создаются сверху. И этот путь оказывается совершенно неэффективным, вследствие, по-видимому, еще одной особенности российского менталитета.

Это — веками возвращенное неуважение к власти. Негативный эффект кумулятивно усиливается тем, что это неуважение взаимно.

Синергии «по приказу», как в Китае, в России не получается.

Не получается и потому, что, в отличие от Китая, в России госфинансирование этих инициатив весьма скудно.

Можно приводить примеры того, как путь сверху, «принуждение к инновациям», не срабатывает или плохо срабатывает. Ведь у нас есть все элементы инновационных систем и американских, и европейских. Толку мало.

Не хотелось бы, чтобы история повторилась с российскими технологическими платформами (РТП), решение («наверху») о создании которых было принято с энтузиазмом потенциальными участниками: научно-исследовательскими организациями, вузами, бизнесом (в порядке падения энтузиазма).

В конце прошлого года Минэкономразвития объявило конкурс предложений по созданию РТП. Было дано около 200 заявок. В апреле этого года правительственная комиссия утвердило 27 таких платформ. Позже в этот список добавили еще одну — сейчас их 28.

Все они инициированы сверху. И существует, по крайней мере, три препятствия для достижения успеха. Опасность недостаточного государственного финансирования, неадекватность сложившихся госструктур структурам РТП, пассивность бизнеса.

Существуют и другие причины провала российских инновационных систем, которые можно, так или иначе, связывать с особенностями российского менталитета. Например, гипертрофия сиюминутных задач и краткосрочных целей, коррупция, «дурное» законодательство. Но главное все же — в отсутствии движения снизу, в отсутствии понимания общности целей, необходимости взаимодействовать.

В каждом конкретном случае необходимо найти «объединяющее начало», «знамя», под которое хотелось бы встать многим, яркий «бренд». Как это во многом удалось и удастся Томску (Казани, Калуге, Нижнему Новгороду, Ульяновску и др.).

Еще один аспект проблемы: чрезвычайно важно перевести интегрирующие связи в инновационных системах из вертикальной плоскости (государство – субъекты) в горизонтальную. Т.е. найти на роль интегратора «обычного» субъекта, который не может отдавать приказы и, преследуя свои (корыстные, а не государственные) интересы, вынужден играть на интересах других участников системы, заинтересовывая их во взаимодействии.

В инновационных системах, нацеленных на научно-техническое развитие, такую роль не должны, на наш взгляд, играть представители естественнонаучных дисциплин. Поскольку их ценность как специалистов-профессионалов именно в узкой специализации – широкий взгляд им может быть даже вреден.

Эффективно интегрировать могут и должны экономисты, организации экономического профиля, имеющие, конечно, специальную подготовку. Именно экономисты могут обладать системным взглядом, владеть соответствующим математическим инструментарием, переговорными навыками.

Два примера. Один отрицательный, другой положительный.

Достаточное количество лет назад (теперь уже можно об этом говорить) в одном из институтов Новосибирского научного центра был предложен низкотемпературный способ сжигания топлива, обеспечивающий особо высокий КПД, высокую экономичность и безопасность. В другом Институте (в двухстах метрах от первого) придумали тоже очень экономичный, эффективный и, главное, совершенно бесшумный вентилятор.

На основе этих двух разработок можно было создать установку, которая позволила бы очень быстро, экономично и бесшумно обогревать помещения любого разумного размера.

Один экономист решил выполнить функции интегратора и для начала свести двух разработчиков друг с другом.

Разработчики в конце концов согласились встретиться вечером в темном углу ресторана за ужином, оплаченном экономистом, при условии, что их директора ни за что и никогда об этом не узнают. Процесс пошел, но тогда успешного завершения не получил – по разным, не зависящим от экономиста-интегратора причинам.

Времена меняются, и сейчас потенциальные участники легче и даже с готовностью идут на контакт. Возникают возможности интегрировать весьма сложные проекты.

Второй пример.

Ионистор – электронное устройство, накопитель электрического заряда, занимающий промежуточное положение между конденсатором и аккумулятором. Его емкость зависит от площади поверхности на единицу веса.

Диатомовые водоросли создают до четверти органического вещества планеты, имеют панцири из кремнезема с нанометровыми порами. По соотношению поверхности и веса превосходят углеродные нанотрубки, но на полтора порядка их дешевле.

Ионисторы на базе диатомовых водорослей могут по эффективности в разы превышать свинцово-кислотные и даже самые современные литий-ионные аккумуляторы. В Новосибирске экономистами, потенциальными интеграторами, предложен к реализации проект создания таких изделий, который может объединить усилия академических институтов биологического, химического, физического и математического профиля.

Следует надеяться, что синергия, в конце концов, станет определяющим свойством российских инновационных систем.

Оценка уровней социально-экономического развития регионов Европейского Севера

Введение

Сравнение уровней развития стран и регионов – тема, имеющая такую же давнюю историю, как и сама социально-экономическая география и государственная статистика.

Предпосылки для сравнения были сначала познавательными и научно-аналитическими, затем – практическими с целью формирования региональной политики и фирменных стратегий.

К этим общим основаниям сравнения в настоящее время добавились такие актуальные проблемы, как:

- поиск территориального масштаба, адекватного требованиям устойчивого развития;
- формирование системы показателей, достоверно отражающей экономические результаты и социальный прогресс;
- необходимость усиления внутрисероссийской пространственной интеграции, в том числе в рамках новых формирующихся макро- и мезоэкономических структур.

Если организацию общественных связей и отношений рассматривать под углом зрения устойчивого развития стран и регионов, то вполне правомерно возникает вопрос: какая территориально-хозяйственная система обладает свойством наибольшей устойчивости. По нашему мнению, та, которая соответствует (или почти соответствует) содержанию стандартного (идеального) социально-экономического района [3, 4, 6]. Двино-Печорский регион является «почти соответствующим», а поэтому становится в ряд опорных единиц макроэкономического районирования. Замечу, что региональная политика многих государств строится именно в рамках территорий, не оформленных в виде административных единиц [7]. В регионе, не наделенном правами административного управления, задачи устойчивого развития решаются через объединение усилий центрального

Виталий Николаевич Лаженцев – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН.

(федерального) и региональных правительств, муниципалитетов, а также хозяйствующих субъектов в рамках целевых программ и общего территориального планирования.

Вторая предпосылка актуализации оценивания состояния и уровней регионального развития связана с пониманием сути статистических показателей и приведением их в соответствие с современными социально-экономическими процессами.

Здесь уместно сослаться на Доклад Комиссии по оценке экономических результатов и социального прогресса, созданной по инициативе Президента Франции Н. Саркози в 2008 г. [2]. Критическое отношение к ряду экономических показателей роста производства (в том числе ВВП) и смещение акцентов на социальные аспекты жизнедеятельности, отмеченное в Докладе, не может пройти незаметно для российской статистической службы и экономической науки.

Третья позиция актуализирует проблемы внутрироссийской пространственной интеграции, решение которых возвышается до национальной безопасности. Интеграция как финальная стадия всех других форм общественной организации хозяйства – концентрации, специализации, комбинирования и кооперирования – для практики полезна в виде непротиворечивой последовательности действий: сначала вертикальная связь на технологической основе, затем ее горизонтальная корректировка на основе консолидации потенциалов территорий для решения общих хозяйственных задач и далее разработка и реализация совместных проектов [6].

Двино-Печорский регион как территориально-хозяйственная система

Территориально-хозяйственной системой (ТХС) является взаимосвязь двух или более распорядительных центров по поводу использования общих природных и социальных ресурсов. Это могут быть системы локального, регионального и межрегионального уровня. Наиболее полное согласование природно-ресурсной, расселенческой, инфраструктурной подсистем происходит в рамках основных социально-экономических регионов, выделяемых в качестве единиц статистического учета и территориального планирования (проектирования) без обязательного административного оформления.

Специфика Севера заключается в том, что ни одна реальная ТХС здесь не достигает уровня основного социально-экономического района (табл.1).

Таблица 1. Пространственные нормативы стандартных (1) и северных (2) ТХС [6, 8]

Центр	Радиус доступности, км		Территория ТХС, тыс. км ²		Население ТХС, тыс. чел.	
	1	2	1	2	1	2
Локальный	30-50	100-140	3-8	30-60	35-55	10-15
Базовый	80-100	200-250	20-30	125-200	400-600	200-350
Опорный	250-300	700-800	200-300	1500-2000	4000-6000	1500-3000

Различия в пространственных нормативах между стандартными и северными ТХС обусловлены тем, что для Севера характерны очаговость и дисперсность размещения производства и населения, исключение отдельных частей территории из нормативных условий жизнедеятельности, их выпадение из-за недостаточности территориального капитала из социально-экономических связей и процессов регионального развития и межрегиональной интеграции [1].

Пожалуй, единственным из северных макрорегионов, приближающимся к «стандарту», является Двино-Печорский в составе Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей (табл. 2).

Таблица 2. Территория, население и объем ВРП Двино-Печорского региона

Административно-территориальная единица	Территория, тыс. км ²	Население, тыс. чел.*	ВРП, 2008 г., млрд. руб.**
Республика Коми	416,8	901,6	295,6
Архангельская область	589,9	1228,1	298,1
в т.ч. Ненецкий АО	176,8	42,7	91,5
Вологодская область	144,5	1202,3	298,1
Итого	1151,2	3332,0	891,8
Доля Двино-Печорского региона в России, в %	6,73	2,33	2,60

* По переписи населения.
 ** Здесь и в других таблицах сведения показаны по «Регионы России. Социально-экономические показатели». 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с. В анализе динамики прожиточного минимума и некоторых других показателей использован стат. сб. «Регионы России» других лет, начиная с 2005 г.

Двино-Печорский регион относительно стандартного экономическо-го района имеет территорию больше примерно в 4 раза, но население – меньше в 2 раза и ВРП – на уровне 80 – 90%.

В формировании свойств и качеств его системности особую роль играют реки, бореальные леса и единство лесосырьевых баз, единая система топливно-энергетического хозяйства, транзитный и распределительный трубопроводный транспорт, дорожное строительство: железная дорога «Белкомур» (в перспективе «Баренцкомур»), автодороги Сыктывкар – Котлас, Усинск – Нарьян-Мар и др. Нельзя не отметить и «историческую память», которую несут такие понятия, как Заволочье, Биармия, Поморье, Северный край.

Экономические показатели

Республика Коми, Архангельская и Вологодская области в системе Двино-Печорского региона оцениваются нами как равнозначные по экономическому потенциалу, имеющие свои сильные и слабые стороны развития. Их пространственная интеграция при определенных внешних условиях могла бы служить существенным фактором повышения положительных эффектов и сглаживания отрицательных.

Под внешними в данном случае подразумеваются условия, складывающиеся в рамках общей региональной политики государства, нацеленной на укрепление национальной безопасности, формирование единого рыночного пространства, повышение качества жизни людей с учетом природных особенностей мест их проживания, этнокультуры и хозяйственных укладов.

Региональная политика предполагает, прежде всего, объективную оценку уровней социально-экономического развития регионов. Для этого широко используется показатель «внутренний региональный продукт» (ВРП), отражающий абсолютный, а в расчете на душу населения относительный объем экономической деятельности. Для каких-либо других измерений ВРП приходится применять с коррекцией на конкретные обстоятельства. Например, динамика оценивается, как правило, на базе постоянных цен. Однако если имеется интерес к уяснению роли ценового фактора, то динамику можно считать и по текущим ценам в сравнении с ценами постоянными.

В России за период 2000 – 2008 гг. внутренний валовой продукт (ВВП) в текущих ценах вырос в 3,3 раза больше, чем в постоянных, что говорит о запредельно высокой инфляции. Кроме того, значительное влияние на экономический рост оказывают структурные сдвиги внутри ВВП (ВРП) в сторону услуг, более всего – финансово-банковских, в том числе не связанных с реальным производством и товарооборотом. Установка политического руководства страны на удвоение ВВП за десять лет почти выполнена, но в том числе и за счет указанных сдвижек.

Если при оценке уровней социально-экономического развития страны и ее регионов необходимо подчеркнуть различия в эффективности труда, то резонно ВРП считать на одного занятого экономической деятельностью.

Вместе с тем хорошо известно, что отдельные ее виды весьма значительно различаются по стоимостному эффекту, как бы заранее ставя регионы разной специализации в неравное положение. Поэтому сравнение регионов будет более достоверным и справедливым, если учесть указанные структурные различия. Это можно сделать, определяя уровень

развития каждого вида экономической деятельности и «взвешивая» этот уровень на долю того же вида деятельности в общей сумме ВРП региона (табл. 3 и 4)¹.

Таблица 3. Оценка уровней развития Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей по видам экономической деятельности на основе показателя «добавленная стоимость на одного занятого» с учетом структуры хозяйства, 2008 г., в % (Россия – 100%)

Виды деятельности	Республика Коми			Архангельская область			Вологодская область			Двино-Печорский регион в целом		
	Структура, %	Уровень, раз	«Вклад» в общий уровень развития*	Структура, %	Уровень, раз	«Вклад» в общий уровень развития	Структура, %	Уровень, раз	«Вклад» в общий уровень развития	Структура, %	Уровень, раз	«Вклад» в общий уровень развития
Сельское, лесное, рыбное хозяйство и охота	2,2	0,68	1,496	3,7	0,90	3,33	5,4	1,09	5,886	3,8	0,92	3,496
Добыча полезных ископаемых	31,9	0,94	29,986	20,7	2,20	45,54	17,5	1,19	20,825
Обрабатывающие производства	10,8	1,29	13,932	16,4	0,78	12,792	50,0	1,93	96,5	25,8	1,43	36,894
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,5	0,99	4,455	1,7	0,38	0,646	3,3	0,86	2,838	3,2	0,74	2,368
Строительство	7,8	1,80	14,04	9,6	2,26	21,696	6,5	1,59	10,335	8,0	1,89	15,12
Торговля и бытовой ремонт	9,8	1,00	9,8	12,6	0,68	8,568	8,0	0,42	3,36	10,1	0,64	6,464
Гостиницы и рестораны	0,4	0,71	0,284	0,8	0,80	0,64	0,5	0,46	0,23	0,6	0,64	0,384
Транспорт и связь	9,6	0,87	8,352	13,4	0,97	12,998	9,8	0,90	8,82	11,0	0,92	10,12
Операции с недвижимостью	9,7	0,99	9,603	5,2	0,59	3,068	4,5	0,61	2,745	6,5	0,74	4,81
Образование	2,6	0,94	2,444	3,4	1,00	3,4	2,4	0,78	1,872	2,8	0,90	2,52
Здравоохранение и социальные услуги	3,5	1,05	3,675	4,4	0,99	4,356	3,8	0,98	3,724	3,9	1,00	3,9
Прочие услуги, включая коммунальные	0,9	0,59	0,531	0,9	0,56	0,504	1,0	0,63	0,63	0,9	0,59	0,531
Другие виды деятельности	6,3	1,13	7,119	7,2	1,10	7,92	4,8	0,85	4,08	5,9	1,02	6,018
Общий уровень с учетом структуры хозяйства	100,0	-	105,7	100,0	-	125,5	100,0	-	141,0	100,0	-	113,5

* Уровень умножается на «долю» в структуре хозяйства.

¹ Видовая структура экономической деятельности отражается статистикой по «добавленной стоимости».

Таблица 4. Оценка уровней экономического развития Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей в 2008 г., % (Россия – 100%)

Регион	ВРП на душу населения	ВРП на одного занятого в экономике	ВРП (добавленная стоимость) на одного занятого с учетом структуры хозяйства
Республика Коми	127,5	124,0	105,7
Архангельская область	97,7	96,0	125,5
Вологодская область	101,2	98,3	141,0
Двино-Печорский регион в целом	107,2	104,7	113,5

Как видно из таблиц, структурная составляющая оказывает большое влияние на показатели уровня развития. Отметим самое существенное.

В Республике Коми треть добавленной стоимости приходится на добычу полезных ископаемых, дающую положительный эффект в части занятости, прибыли², налогов, в социальном развитии трудовых коллективов и территорий.

Но в Коми она (добыча) не дает приращения к среднероссийскому уровню развития, так как во многих других регионах имеет более высокие результаты. К тому же падение добычи угля, нефти и газа в республике не возмещается равнозначным освоением новых месторождений полезных ископаемых.

И, наоборот, обрабатывающие производства имеют здесь эффект выше среднероссийского благодаря целлюлозно-бумажной промышленности, нефте- и газопереработке. Сыктывкарский ЛПК, Ухтинский нефтеперерабатывающий и Сосногорский газоперерабатывающий заводы после реконструкции, проведенной в 2004–2009 гг., заняли ведущие

² Указывая на прибыль как экономический эффект, нельзя не обратить внимания на методологические трудности выявления реальной ситуации в рентабельности отдельных производств и их региональных совокупностей. Во-первых, фиксируемый статистикой сальдируемый результат (прибыль минус убытки) не имеет каких-либо экономических последствий. Образно говоря, не ясно, что с ним делать? Во-вторых, колебания в получении прибыли, в том числе вызванные влиянием финансового кризиса, не адекватны силе этого влияния. Признаки кризиса порой рассматриваются в качестве повода для скрытия реальной прибыли и увода ее из-под налогообложения. В-третьих, не понятно, как может функционировать рыночная экономика, если от 30 до 40% предприятий являются из года в год, на протяжении десятилетий, убыточными. В плановой экономике убытки покрывались государством, в рыночной – только в сельском и жилищно-коммунальном хозяйстве или в экстремальных случаях на транспорте и в промышленности. Тем не менее в Республике Коми удельный вес убыточных предприятий составлял в 2000 г. 47%, в 2009 г. – 38%; в Архангельской области в 2002 г. – 51%, в 2009 г. – 39%; в Вологодской области в 2002 г. – 36%, в 2009 г. – 34%; в целом по России в 2002 г. – 43%, в 2009 г. – 32%. «Здравый смысл» такого рода убыточности можно понять только по логике корпоративной экономики, когда у ряда предприятий, входящих в производственную компанию, продукция покупается головными предприятиями этой компании по специально заниженным ценам (ниже себестоимости), что опять же дает общую экономию на налогах.

места в своих отраслях хозяйства. Республика Коми имеет относительно высокую позицию по добавленной стоимости в строительстве. Это обусловлено большой капиталоемкостью профильных отраслей промышленности и транспорта, а также северным удорожанием.

Архангельская область имеет ВРП на душу населения чуть ниже, чем в среднем по России, но заметно выше с учетом структуры хозяйства, главным образом, благодаря освоению в Ненецком автономном округе³ новых месторождений нефти. Область имеет также высокую добавленную стоимость в строительстве.

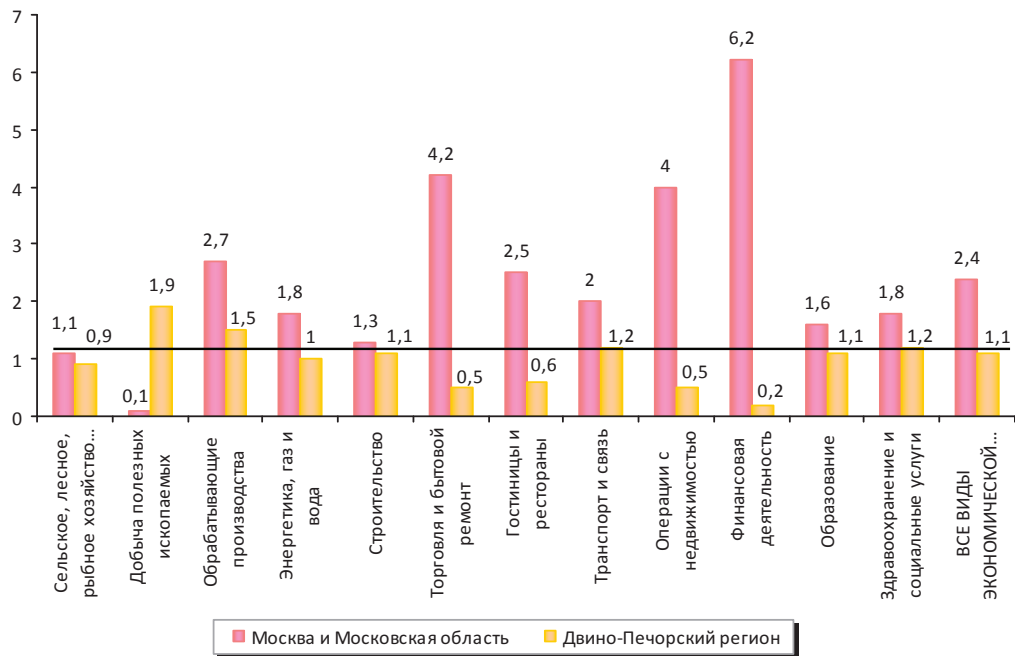
Различия в результатах оценки уровней экономического развития разными показателями особенно ярко видны на примере Вологодской области. Здесь, в отличие от Республики Коми и Архангельской области, сельское хозяйство имеет уровень результативности даже немного выше среднероссийского.

Самую же существенную добавку дают обрабатывающие производства, куда включены металлургия и химическая промышленность г. Череповца, машиностроение и текстильная промышленность г. Вологды, деревообработка в г. Соколе и других местах, а также строительство. Остальные отрасли имеют оценки, понижающие место области в экономике страны.

Результат деления доли региона в России по добавленной стоимости в конкретном виде деятельности на долю региона в численности населения представляет *коэффициент локализации*: во сколько раз данная деятельность в регионе представлена больше или меньше в сравнении с Россией в целом (рисунок).

Существенные различия в локализации отраслей материального производства достаточно достоверно отражают специализацию регионов. В Двино-Печорском регионе (суммарно) это относится к добыче полезных ископаемых, обрабатывающим производствам, строительству, транспорту и связи. Широкий набор отраслей специализации отличает Европейский Север от Азиатского.

³ Ненецкий АО в экономическом анализе можно было бы отделить от Архангельской области. Однако его моноспециализация на добыче нефти дает очень высокие уровни относительно средних данных по России (в %): ВРП на душу населения – 901,3; ВРП на одного занятого – 564,8; добавленная стоимость, взвешенная по структуре хозяйства, – 418,5. Сравнение округа с регионами, имеющими разветвленную структуру видов экономической деятельности, теряет реальный смысл.

Коэффициент локализации видов экономической деятельности относительно численности населения (Россия – 1,0)

Однако и здесь многие локальные хозяйственные системы являются монопрофильными, что таит в себе угрозу безработицы, особенно в периоды экономических кризисов⁴.

В контексте монопрофильности уместно напомнить классическое экономико-географическое сравнение региона с образом двуликого Януса, одно лицо которого ориентировано на внешние, второе – на внутренние потребности и интересы. Развивать экономику для нужд «собственного» населения крайне необходимо, что сглаживает недостатки узкой специализации, но с учетом соответствующих потенциалов соседних городов и территорий.

Коэффициент локализации образования, здравоохранения и социальных услуг в Двино-Печорском регионе в целом, Республике Коми и

⁴ В 2009 г. (пик отрицательного влияния мирового финансового кризиса на экономику России) уровень безработицы составил в целом по стране 8,4%, Республике Коми – 11,8, Архангельской области (без НАО) – 7,1, Ненецком АО – 9,7, Вологодской области – 10,9%. Уровень зарегистрированной безработицы в сельских и лесозаготовительных районах выше, чем в среднем по Республике Коми, в 2–3 раза, соответственно, чем в Архангельской области, – 1,6–2,8 раза, Вологодской – 1,4–1,6 раза. Рассчитанная по методике МОРТ безработица выше зарегистрированной в Коми в 3,8 раза, Архангельской области – 2,6, Вологодской – 3,6 раза. По оценке же ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН, это превышение в Республике Коми составляет 5–6 раз.

Архангельской области выше единицы. Это можно оценить положительно и объяснить наличием крупных университетских комплексов и специализированных медицинских центров в Архангельске и Сыктывкаре.

Вместе с тем надо иметь в виду и такое объяснение, как дороговизна бюджетных и платных услуг, вызванная частично дополнительными затратами на заработную плату в соответствии с районными коэффициентами и стажевыми надбавками для районов Крайнего Севера и местностей, к ним приравненных.

Для сравнения приведены коэффициенты локализации по Москве и Московской области, взятых в качестве единого региона.

Уровень локализации всех видов экономической деятельности здесь в 2,4 раза выше, чем в среднем по России. Это вполне нормально, особенно для обрабатывающих производств (2,7), гостиниц и ресторанов (2,5), образования (1,6), здравоохранения (1,8), но чрезмерно много для торговли (4,2), операций с недвижимостью (4,0) и финансовой деятельности (6,2).

Из 1058 кредитных организаций, зарегистрированных в РФ на начало 2010 г., 522 (49,3%) находятся в Москве; в них сконцентрировано 42,7% рублевых вкладов юридических и физических лиц и 70% – в иностранной валюте.

Конечно, столичный регион закономерно имеет высокий уровень сосредоточения рыночной инфраструктуры. Негатив в данном случае заключается в том, что этот уровень получен в основном за счет ее недоразвитости в большинстве других регионов страны. Не соблюдается один из основных принципов размещения производительных сил – обеспечение национальной безопасности, – который распространяется на все виды экономической деятельности, включая и финансово-банковскую.

Социальные показатели

В социально-экономическом развитии социальная составляющая оценивается многогранно: от организации рабочих мест до «экономики счастья», от абсолютной бедности до почти полного благополучия. При этом счастье и благополучие каждый социальный слой населения понимает по-своему. Не углубляясь в социологию, сделаем попытку из многочисленных статистических показателей выбрать те, которые наиболее достоверно характеризуют социальные аспекты жизнедеятельности под углом зрения оценки уровней регионального развития.

В части денежных доходов к таким показателям мы отнесли их среднедушевой объем и соотношение с величиной прожиточного минимума (табл. 5).

Таблица 5. Среднедушевые денежные доходы и величина прожиточного минимума в 2008 и 2009 гг.

Россия и регионы	Среднедушевые доходы в месяц				Величина прожиточного минимума в IV кв.				Соотношение доходов и прожиточного минимума в IV кв.			
	рублей		в % к России		рублей		в % к России		%		в % к России	
	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.
Россия	14941	16857	100,0	100,0	4693	5144	100,0	100,0	364,7	386,1	100,0	100,0
Республика Коми	18636	20125	124,7	119,4	6198	6798	132,1	132,1	321,3	319,4	88,1	82,7
Архангельская область	14824	17218	99,2	102,1	5661	6210	120,6	120,7	292,9*	301,7*	80,3	78,1
Вологодская область	12193	12125	81,6	72,0	4851	5270	103,4	102,4	276,8	259,2	75,9	67,1
Двино-Печорский регион в целом	14905	16169	99,8	95,9	5513	5801	117,5	112,8	294,8	291,2	80,8	75,4

* По Архангельской области статистика не отражает соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума в IV квартале, поэтому данное соотношение показано к величине начисленной заработной платы.

Видно, что высокие доходы не всегда соответствуют такому же уровню обеспеченности населения деньгами относительно прожиточного минимума. Именно соотношение доходов и прожиточного минимума отражает реальную ситуацию в социальном развитии регионов. Только с учетом этого факта можно судить о динамике роста реальных доходов (табл. 6).

Таблица 6. Рост денежных доходов населения в реальном выражении и их соотношения с величиной прожиточного минимума, в %

Россия и регионы	Рост среднедушевых реальных доходов		Рост соотношения реальных доходов и прожиточного минимума	
	2005 – 2009 гг.	2009 г. к 2008 г.	IV кв. 2004 – IV кв. 2009 г.	IV кв. 2008 – IV кв. 2009 г.
Россия	148,7	101,0	120,2	105,8
Республика Коми	119,4	95,5	110,6	99,4
Архангельская обл.	155,8	103,3	122,0	109,0
Вологодская обл.	128,6	89,6	125,9	93,6
Двино-Печорский регион в целом	136,2	102,7	120,2	100,9

Данные, приведенные в таблицах 5 и 6, отражают следующее.

- Стоимость прожиточного минимума растет быстрее, чем реальные денежные доходы. Это обусловлено тем, что индексы цен, принимаемые в расчет среднедушевых реальных доходов и величины прожиточного минимума, охватывают разный по объему набор товаров: в первом случае он достаточно широк, во втором – относительно узок и включает продукты питания, одежду и услуги жилищно-коммунального хозяйства. Цены на товары первой необходимости, особенно на услуги ЖКХ, растут более быстрыми темпами, но именно они определяют степень материального достатка большей части населения.

- По соотношению реальных доходов и прожиточного минимума северные регионы уступают многим другим, что и влияет на отток населения.

- По динамике данного соотношения общероссийскому показателю среди трех рассматриваемых регионов уступает только Республика Коми, население которой сократилось весьма существенно – с 1240 тыс. в 1990 г. до 906 тыс. в 2010 г.

- Финансовый кризис негативно сказался на обеспечении деньгами населения Республики Коми и Вологодской области, ведущие предприятия которых в значительной мере ориентированы на экспорт; Архангельская область в этом аспекте социального развития оказалась устойчивее.

Распределение общего объема доходов по группам населения отражает степень социальной стратификации общества (табл. 7).

Таблица 7. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2005 – 2009 гг.

Россия и регионы	Удельный вес группы населения, %				
	Первая (с наименьшими доходами)	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая (с наибольшими доходами)
Россия	5,5 – 5,1	10,2 – 9,8	15,2 – 14,8	22,7 – 22,5	46,4 – 47,8
Республика Коми	5,0 – 5,0	9,6 – 9,8	14,7 – 14,7	22,5 – 22,5	48,2 – 48,1
Архангельская область	6,5 – 5,9	11,3 – 10,8	16,1 – 15,6	23,0 – 22,9	43,1 – 44,8
в т.ч. Ненецкий АО	5,3 – 4,6	9,9 – 9,2	15,0 – 14,2	22,6 – 22,3	47,2 – 49,7
Вологодская область	6,4 – 6,3	11,3 – 11,2	16,0 – 16,0	23,0 – 23,0	43,3 – 43,5
Двино-Печорский регион в целом	6,1 – 5,8	10,8 – 10,6	15,7 – 15,5	23,0 – 22,8	44,5 – 45,3

В России она чрезмерна повсеместно, особенно в регионах с высокой капитализацией нефтегазовых ресурсов, например в Республике Коми и Ненецком автономном округе.

О том, что такое положение не соответствует образу социально справедливого государства, наукой заявлено уже давно. Однако положительных сдвигов в сторону социальной справедливости в последние годы не наблюдается; расслоение населения по доходам даже несколько увеличивается. Но есть и положительная динамика: доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения снизилась за период 2000–2009 гг. в России с 29,0 до 13,2%, Республике Коми – с 26,3 до 16,6, Архангельской области – с 33,5 до 14,0, в том числе Ненецком АО – с 37,9 до 7,3, Вологодской области – с 28,5 до 18,4, в целом по Двино-Печорскому региону – с 28,7 до 16,1%. В принципе же указанная доля должна быть приведена к нулевой отметке.

Представим такое желаемое состояние, когда:

- коэффициент дифференциации доходов составит не более 10 раз, что предельно допустимо с точки зрения удержания социальной стабильности;
- группа населения с наименьшими доходами будет иметь среднедушевой доход не ниже прожиточного минимума;
- соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума в сравниваемых регионах не ниже, чем в среднем по России, исключая Москву, то есть примерно 333%.

При заданных условиях и их проекции на ситуацию 2009 г. среднедушевые доходы должны были бы составить в месяц: в Республике Коми – 20,6 тыс. руб., Архангельской области – 18,6, Вологодской области – 16,0 тыс. руб. Отклонение от фактических доходов составляет от 2% (Республика Коми) до 32% (Вологодская область).

Как нам представляется, приведенные в табл. 8 расчетные данные есть вектор региональной политики в направлении социальной справедливости и устойчивого развития. Ясно, что сам собой он не исполнится, поскольку доходы первых двух групп населения (из десяти) потребуется увеличить в Республике Коми в 3,0, Архангельской области – в 2,4, Вологодской области – в 1,7 раза. Именно жизнеобеспечение населения с наименьшими доходами сопряжено с решением наиболее трудных задач в области занятости, создания рабочих мест с относительно высокими доходами и соответствующей подготовкой кадров, активизации коммерческой предприимчивости, организации общественных работ для обездоленных, нормативного регулирования различий в размерах заработной

платы и предельных цен на товары первой необходимости, реструктуризации расходов населения⁵ и повышения объема социальных выплат.

Таблица 8. Распределение денежных доходов по 10-процентным группам населения с учетом величины прожиточного минимума в IV кв. 2009 г. и при заданных (желаемых) условиях*, тыс. руб.

Регион	Величина прожит. минимума	Группа населения										Среднедушевой доход в месяц		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Расчет	Факт. IV кв. 2009 г.	Соотношение расчета и факта, раз
Республика Коми	6,8	7,0	8,2	10,3	12,6	13,4	16,5	20,6	24,7	31,0	62,0	20,6	20,1	1,02
Архангельская обл.	6,2	6,5	7,6	10,8	12,1	13,2	15,8	17,7	22,3	26,0	54,0	18,6	17,2	1,08
Вологодская обл.	5,3	5,5	6,4	9,5	10,7	12,0	13,6	16,2	19,4	22,1	44,8	16,0	12,1	1,32
Двино-Печорский регион в целом	6,0	6,3	7,2	10,1	11,8	12,9	15,4	17,9	21,7	25,7	52,0	18,1	14,9	1,21
Удельный вес групп населения в распределении общей суммы доходов, %	-	3,4-3,5	4,0-4,1	5,0-5,9	6,1-6,7	6,5-7,5	8,0-8,5	9,5-10,1	12,0-12,1	13,8-15,0	28,0-30,0	-	-	-

* Условия обозначены в тексте.

Предлагаемые пропорции в распределении общей суммы реальных денежных доходов почти не затрагивают интересов групп населения со средними и высокими доходами, хотя социальный разрыв и общий уровень концентрации доходов (коэффициент Джини) заметно снизятся (табл. 9). Для реализации предлагаемого потребовалось бы (в общем ряду перечисленных мер) повышение роли государственных фондов социального обеспечения, что многие связывают с введением прогрессивной шкалы налогообложения. Правда, это политическое решение по известным причинам может быть заблокировано. В таком случае следовало бы дифференцировать саму базу налогообложения, выделив заработную плату, доходы от собственности, дивиденды, корпоративные премиальные

⁵ По данным Комистата за 2008 г., люди с наименьшими доходами тратили на питание 50,5% своих расходов, с наибольшими – 16,2%; на покупку непродовольственных товаров – соответственно 17,7 и 67,3%. Это тоже признак чрезмерной социальной стратификации.

и другие источники, каждый из которых имел бы свою плоскую налоговую ставку существенно выше, чем налог на заработную плату.

Таблица 9. Показатели социальной стратификации: фактически в 2009 г. и расчетно при заданных (желаемых) условиях

Регионы	Коэффициент фондов*		Коэффициент Джини**	
	Факт	Расчетно	Факт	Расчетно
Республика Коми	17,2	8,8	0,426	0,371
Архангельская область	12,8	8,3	0,385	0,340
Вологодская область	11,4	8,1	0,369	0,332
Двино-Печорский регион	13,5	8,3	0,391	0,342

* Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самым высоким и 10% населения с самым низким доходами.
 ** Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы.

Согласованное развитие

Совершенствование регулирования социально-экономического развития во многом зависит от согласованных инициатив субъектов Федерации, тем более если они представляют интересы населения, объединенного единым социально-экономическим пространством, в нашем примере – Двино-Печорским.

На первых порах региональным правительствам целесообразно сосредоточить внимание на рационализации межбюджетных отношений, нормировании участия каждого региона в реализации общефедеральных программ и национальных проектов, формировании межрегиональных программ развития «транзитной» инфраструктуры и «смежных» окружных и районных муниципалитетов.

В согласованном развитии Вологодской, Архангельской областей и Республики Коми заинтересованы такие хозяйствующие субъекты, как Управление Северной железной дороги (г. Ярославль), ОАО «Белкомур» (г. Сыктывкар), Вологодская лесостроительная организация «Северный филиал государственной инвентаризации лесов Федерального государственного унитарного предприятия «Рослесинфорт», Двино-Печорское бассейновое водное управление Федерального агентства водных ресурсов (г. Архангельск), Архангельский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, почти все нефтегазодобывающие и геологоразведочные организации, работающие на севере Республики Коми

и в Ненецком автономном округе. Значительная роль в координации стратегий и программ социально-экономического развития отводится региональным правительствам и «смежным» муниципалитетам. Однако заметим, что они эту роль реализуют пока вяло, ограничиваясь договорами о сотрудничестве, без создания общих институтов инвестирования и проведения крупных хозяйственных мероприятий.

В качестве перспективного объекта пространственной интеграции можно было бы рассмотреть территорию под условным названием «пять углов»: юг Архангельской области (Котлас, Сольвычегодск, Коряжма, Вычегодский), юг Республики Коми (Объячево, Спаспоруб, Лойма, Летка), восток Вологодской области (Великий Устюг, Кичменгский Городок, Никольск, Пермас), север Кировской области (Луза, Пинюг, Опарино, Мураши), восток Костромской области (Вохма, Пищуг, Павино). Это должен быть объект особого территориального планирования, районного проектирования и программно-целевого управления. Проблемность указанных территорий не вызывает сомнений, поскольку именно в этих «углах» особенно отчетливо проявляется неудовлетворительное состояние периферии. Сомнение возникает лишь относительно интеграционных желаний и способностей органов государственного и муниципального управления в их реализации.

Литература

1. Дмитриева, Т.Е. Методологический контекст пространственного развития северного региона / Т.Е. Дмитриева // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2009. – № 1(39). – С. 22-29.
2. Доклад Комиссии по оценке экономических результатов и социального прогресса // Вопросы статистики. – 2010. – № 11. – С. 12-29; № 12. – С. 13-46.
3. Зимин, Б.Н. Малые высокоразвитые страны Западной Европы – теоретические итоги исследования / Б.Н. Зимин // Известия РАН. Сер. географ. – 1993. – № 2. – С. 95-104.
4. Колосовский, Н.Н. Избранные труды / Н.Н. Колосовский. – Смоленск: Ойкумена, 2006. – 336 с.
5. Лаженцев, В.Н. Теория пространственной интеграции и практика межрегионального взаимодействия / В.Н. Лаженцев // Горизонты экономического и культурного развития: материалы пленарного заседания Второго Северного социально-экологического конгресса / отв. ред. В.А. Черешнев. – М.: Наука, 2007. – С. 64-68.
6. Лаженцев, В.Н. Взаимосвязь теории и практики (пример методологии экономико-географического исследования) / В.Н. Лаженцев // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2010. – № 3. – С. 99-105.
7. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. – М.: ТЕИС, 2011. – 347 с.
8. Северный город. – Л.: Стройиздат, 1984. – 168 с.

Ю.Г. Лаврикова

Кластерные принципы в реализации стратегии регионального развития

Современные условия развития экономики характеризуются ускорением глобализации и обострением конкурентной борьбы не только между компаниями и странами, но и между регионами. Несмотря на поступательное развитие экономики индустриально развитых регионов, к числу которых относится Свердловская область, износ основных фондов организаций, повышенный уровень издержек, ограниченная возможность привлечения инвестиций в модернизацию действующего оборудования и внедрение новой инновационной продукции создают угрозу для сохранения и повышения конкурентоспособности региональной экономики. Так, достижение целевых показателей Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года, предусматривающей переход к расширенному воспроизводству инноваций, укрепление позиций региона на рынках высокотехнологичной продукции, возможно только при условии использования новых подходов и инструментов. В современных условиях одним из таких инструментов модернизации и структурной диверсификации экономики Свердловской области является развитие кластеров. Ряд таких регионов, как Калужская, Самарская, Ярославская области, город Санкт-Петербург и другие, уже стали активными проводниками кластерной политики и накопили весомый опыт в данной сфере.

Предварительная оценка кластерного потенциала Свердловской области показывает, что в экономике региона существуют объективные предпосылки (высокая концентрация различных видов экономической деятельности, возможность дальнейшего развития выпуска конкурентоспособной продукции, кооперация, значительный кадровый и научный потенциал) для развития кластеров в машиностроении, металлургии, химической, фармацевтической, лесоперерабатывающей промышленности, IT-отрасли, торговле, образовании, туризме, транспортном комплексе (рис.1).

Лаврикова Юлия Георгиевна – д.э.н., профессор, заместитель директора Института экономики УрО РАН.

Рис. 1. Ранжирование кластерных групп Свердловской области по коэффициенту локализации

Помимо объективной оценки важна субъективная составляющая кластерного развития – готовность бизнеса развиваться в форме кластера. Для выявления этого автором были разработаны анкеты, позволяющие определять вид деятельности, вокруг которой сформирован или формируется кластер, ядро кластера, его окружение, проекты, которые могут быть реализованы участниками кластера, виды совместной деятельности, ограничения для развития и др. Результаты анкетирования руководителей отраслевых ассоциаций, крупных предприятий, специалистов министерств показали, что в экономике Свердловской области можно выделить 27 кластерных инициатив в различных сферах деятельности: промышленности, строительстве, торговле, образовании, туризме и др.

Перспективность государственной поддержки направлений кластерного развития Свердловской области определяется на основе соответствия кластерных инициатив прежде всего общестратегическим приоритетам развития Российской Федерации и Свердловской области, а также приоритетам научно-технологического развития. Кроме того, существенным фактором распространения мер кластерной политики является степень реализации кластерной инициативы или, иначе, уровень развития конкретного кластера.

По мнению автора, уровень развития кластерной инициативы можно определить на основе следующих индикаторов: «связанность», «значимость», «эффективность» (рис. 2).

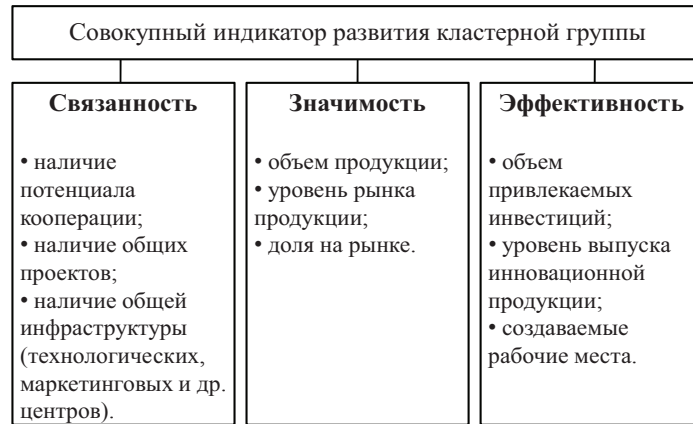

Рис. 2. Совокупный индикатор развития кластерной группы

Индикатор «связанность» характеризует необходимый признак существования любого кластера – это кооперирование его участников. Индикатор «значимость» характеризует конкурентоспособность выпускаемой кластером продукции. Индикатор «эффективность» определяется теми показателями, которые имеют существенное значение для развития Свердловской области (объем привлекаемых инвестиций, уровень выпуска инновационной продукции, создаваемые новые рабочие места).

Высокие значения по всем категориям показателей у кластерной группы означают высокую вероятность реализации кластерной инициативы в регионе. Источниками информации выступали материалы участников кластеров (анкеты, опросы, интервью), материалы Правительства Свердловской области, официальные документы, касающиеся реализации инвестиционных проектов «ядер» кластеров.

Подробный анализ 27 кластерных инициатив показал, что на территории Свердловской области пока нет ни одного кластера, который обладал бы всеми признаками, характерными для этой формы самоорганизации бизнеса.

Тем не менее среди всех кластерных инициатив условно можно выделить три группы, уровень реализации которых носит различную степень (таблица).

Первую группу кластеров с достаточной долей условности можно назвать **функционирующими**. К числу таких кластеров можно отнести Уральский фармацевтический кластер, IT-кластер, особую экономическую зону «Титановая долина», химический кластер (химический парк «Тагил»), кластер железнодорожного машиностроения.

**Группировка кластерных инициатив (кластеров) в Свердловской области
по уровню развития**

Вид кластера по степени развития	Признаки кластера	Примеры кластеров в Свердловской области
Функционирующие кластеры	Реализация агломерационных преимуществ, приток ресурсов из других отраслей и регионов, появление новых компаний в ключевой и смежных отраслях	Уральский фармацевтический кластер, IT-кластер, особая экономическая зона «Титановая долина», химический кластер (химический парк «Тагил»), кластер железнодорожного машиностроения
Латентные кластеры	Ряд компаний начинает кооперироваться вокруг ключевого вида деятельности и формировать устойчивые рыночные связи	Кластеры по производству нефтегазового оборудования, энергетического и электротехнического оборудования, кластер медицинского приборостроения, станко-инструментальный кластер, лесопромышленный кластер, кластер деревянного домостроения, Технико-внедренческий центр металлургии и тяжелого машиностроения, Уральский технологический кластер «Производство и применение редкоземельных металлов», трубный кластер, туристский кластер «Уральский меридиан»
Потенциальные кластеры	В отрасли функционирует ряд предприятий, компаний, связи между которыми не в полной мере обеспечивают реализацию преимуществ агломерации	Кластеры в сфере торговли, туристской индустрии, агропромышленного комплекса, транспорта и логистики, дорожного хозяйства, строительства, жилищно-коммунального хозяйства, образования, кластеры пищевой и легкой промышленности, химико-фармацевтический кластер, химико-металлургический кластер, био-энергетический (торфяной) кластер

Данные группы предприятий уже реализуют агломерационные преимущества, осуществляют приток ресурсов из других отраслей и регионов (Уральский фармацевтический кластер, кластер железнодорожного машиностроения). Другим мощным ресурсом для развития этих кластеров является придание формирующемуся ядру особого статуса (особая экономическая зона «Титановая долина», химпарк «Тагил»).

Вторая группа кластеров Свердловской области носит латентный характер, то есть находится в состоянии, когда ряд компаний начинают кооперироваться вокруг ключевого вида деятельности и формировать устойчивые рыночные связи. Это кластеры по производству нефтегазового оборудования, энергетического и электротехнического оборудования, кластер медицинского приборостроения, лесопромышленный кластер, кластер деревянного домостроения, Технико-внедренческий центр металлургии и тяжелого машиностроения, Уральский технологический кластер «Производство и применение редкоземельных металлов», трубный кластер, туристский кластер «Уральский меридиан». Руководителями компаний, относящихся к данным видам экономической деятель-

ности, осознана необходимость объединения усилий как в организации совместных кооперационных цепочек (например, по производству бурового оборудования, электросетевого оборудования, малоэтажному строительству), так и в совместном маркетинговом продвижении продукции, информационном обмене и формировании общих баз данных по потребителям (например, кластер медицинского приборостроения). Рядом инициаторов выполнен анализ возможности производственной кооперации, проведена серия «круглых столов» по возможности информационного и маркетингового взаимодействия предприятий.

Остальные кластеры можно отнести к **потенциальным**. Это кластеры в сфере торговли, туристской индустрии, агропромышленного комплекса, транспорта и логистики, дорожного хозяйства, строительства, жилищно-коммунального хозяйства, образования, кластеры предприятий пищевой и легкой промышленности, химико-фармацевтический кластер, химико-металлургический (хромовый) кластер, биоэнергетический (торфяной) кластер. В Свердловской области присутствует достаточное количество компаний в данных сферах, но возможности по реализации эффекта агломерации ими в полной степени пока не реализованы. Для таких кластеров сформирована общая концептуальная идея создания, преимущественно со стороны исполнительных органов государственной власти Свердловской области, но степень детальности проработки их развития носит пока достаточно абстрактный характер.

Под кластерной политикой Свердловской области понимается система отношений между органами государственной власти региона и хозяйствующими субъектами по поводу повышения их конкурентоспособности на основе формирования и развития кластеров.

Целью кластерной политики Правительства Свердловской области является повышение конкурентоспособности хозяйствующих субъектов за счет создания условий для формирования и развития кластеров и содействие на этой основе модернизации и диверсификации структуры экономики Свердловской области.

Задачи кластерной политики Свердловской области нацелены на создание благоприятных условий для формирования и развития конкурентоспособных кластеров на территории региона и включают:

- общие меры по поддержке кластерного развития;
- проведение диагностики кластеров на территории Свердловской области;
- поддержание кластерных инициатив;

- стимулирование развития кластеров;
- мониторинг деятельности кластеров и оценку эффективности кластерной политики.

Общие меры по поддержке кластерного развития Свердловской области направлены на создание общих благоприятных организационных, информационных и правовых условий для кластерного развития.

Задача диагностики кластерного потенциала Свердловской области нацелена на формирование информации, с одной стороны, для органов государственной власти, с другой – для хозяйствующих субъектов, чтобы побудить их к более активным действиям с позиций реализации кластерного потенциала региона и бизнеса. Выполнение данной задачи возможно на основе проведения следующих мероприятий: идентификации кластеров; оценки конкурентоспособности кластеров и направлений их «доставания»; формирования портфеля кластерных инициатив в Свердловской области; ранжирования кластеров по приоритетности с позиций регионального развития.

Задача поддержания кластерных инициатив направлена, прежде всего, на преобразование латентных кластеров в функционирующие и включает нахождение организации-инициатора или группы лидеров и содействие их усилиям по формированию кластера; институализацию кластерной инициативы (разработка концепции и программы развития кластера, создание органа кластерного развития); содействие в формировании общих сфер деятельности участников кластера. Со стороны Правительства Свердловской области задачей кластерной политики для группы латентных кластеров является поддержка преимуществ агломерации и проведение ряда поддерживающих мероприятий.

Задача стимулирования развития кластеров направлена в большей степени на поддержку уже функционирующих (начавших развиваться) кластеров и включает: организационную и информационную помощь в координации усилий участников кластера; поддержку создания и развития инфраструктуры; содействие в подготовке кадров и обучении; установление налоговых и иных льгот для участников кластера.

Задача мониторинга деятельности кластеров и оценки эффективности кластерной политики включает: организацию системы мониторинга; разработку системы показателей развития кластеров и методики их сбора и анализа; оценку социально-экономической эффективности развития кластеров; оценку эффективности кластерной политики Свердловской области.

Настоящее состояние кластерного развития экономики Свердловской области, уровень развития инфраструктуры, бизнес-среды и инновационного климата в регионе, а также характер стратегических задач, стоящих перед областью, обуславливают реализацию кластерной политики области по следующим этапам:

I этап – 2011 – 2013 годы;

II этап – 2014 – 2015 годы;

III этап – 2015 – 2020 годы.

На первом этапе основной упор делается на создание условий (информационных, организационных, кадровых и иных) для развития внутри- и межсекторных кооперационных связей и сотрудничества между компаниями региона в целях совместного выпуска продукции, конкурентоспособной на российском и мировом рынках. На этом же этапе поддержка будет сосредоточена на методической помощи в выявлении и институционализации кластерных инициатив (разработка концепций, программ и проектов развития конкретных кластеров).

На втором этапе основной акцент кластерной политики сосредоточен на формировании ключевых факторов успеха для каждого конкурентоспособного кластера в Свердловской области и привлечении инвестиций в развитие инфраструктурных элементов, стимулирующих кластерное развитие экономики региона в целом.

Третий этап состоит в формировании условий для экспансии и укрепления позиций кластеров Свердловской области на мировых рынках, повышении их социально-экономического эффекта для экономики региона за счет ускоренного роста предпринимательской и инновационной активности в рамках каждого кластера и за его пределами.

Для достижения цели и выполнения задач кластерной политики для каждого ее этапа формируется план действий Правительства Свердловской области. Реализация настоящей Концепции предполагает также выполнение мероприятий, осуществляемых в соответствии с ведомственными целевыми программами по поддержке инвестиционной и инновационной деятельности в Свердловской области, развития малого и среднего бизнеса, производственной кооперации.

Направления, формы и методы реализации кластерной политики в Свердловской области носят как общий характер, направленный на создание общих благоприятных условий для развития всех кластеров на территории области, так и специфический характер в зависимости от степени реализации кластерной инициативы.

Основными формами реализации кластерной политики Свердловской области являются:

- организация деятельности институтов (организаций) содействия кластерному развитию в регионе (рабочая группа по содействию развитию кластеров в Свердловской области, выделение уполномоченной организации, экспертно-консультативный совет, координационные советы развития кластеров);
- программный подход к кластерному развитию на основе разработки Плана мероприятий Правительства Свердловской области, по сути, являющегося программой мероприятий по реализации кластерной политики, а также программ развития конкретных кластеров;
- проектный подход к поддержке кластерного развития, подразумевающий разработку конкретных бизнес-проектов развития основных производств и инфраструктуры кластеров.

Реализация кластерной политики Свердловской области позволит:

1. Повысить конкурентоспособность продукции региона и экономики в целом по таким видам инновационной высокотехнологичной продукции, как фармацевтическая продукция, новые материалы, редкоземельные металлы, машиностроительная продукция (медицинское, энергетическое и электротехническое оборудование, оборудование для нефтегазового комплекса, электровозы нового поколения), программное обеспечение. По всем вышеперечисленным видам продукции предприятия Свердловской области займут существенные позиции на российском рынке, а по ряду из них – на мировом. Повышение конкурентоспособности продукции позволит в целом увеличить объемы выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью более чем в 3 раза.

2. Изменить структуру экономики Свердловской области, усилить ее диверсификацию за счет создания новых секторов (таких, например, как производство программного обеспечения и сопутствующих услуг, производство редкоземельных металлов, глубокая переработка химического сырья, титанового полуфабриката, производство электровозов нового поколения) и проведения инновационного обновления традиционных секторов (металлургия, деревообрабатывающая промышленность, химическая промышленность, стройиндустрия). В результате доля высокотехнологичного сектора в 2020 году в структуре валового регионального продукта Свердловской области достигнет 24%.

хроматирующих нанодисперсных композиций), новых современных технологий проведения модернизации (услуги Технико-внедренческого центра), улучшения свойств продукции базовых отраслей, например создания высокопрочных прецизионных труб из нержавеющей сталей и сплавов на основе нанотехнологий.

4. Создать новые зоны опережающего экономического развития (рис. 3).

5. Внедрить в систему государственного управления Свердловской области межотраслевой и межсекторальный подход, нацеленный на согласованное развитие производственного бизнеса, инфраструктуры, науки и образования. Создание новых площадок инфраструктурных объектов в рамках кластерного развития позволит довести долю инфраструктурного сектора к 2020 году до 45%. Будет реализован проектный принцип управления региональным развитием, состоящий в поддержке бизнес-проектов кластеров, обладающих высоким социально-экономическим эффектом для развития Свердловской области. Повысится эффективность системы подготовки кадров для потребностей экономики на основе тесного взаимодействия профильных предприятий с образовательной и научной инфраструктурой кластера.

Развитие Севера начинается с модернизации науки

Уважаемые коллеги! На что я претендую, выйдя на эту трибуну?

Прежде всего, хочу вписаться в тематику нашей конференции с учетом стратегии и тактики реализации реформ в Республике Карелия. Это не только северный, но еще и приграничный регион. Вторая особенность Республики Карелия – национальная. Часть ее принадлежала когда-то Финляндии, и здешнее население очень чувствительно ко всем национальным проблемам.

На этой территории не было крепостного права, но существовали отхожие промыслы. Она активно торговала со всей Скандинавией, корабельники ходили от Новгорода до Швеции, и это позволило древней Карелии создать особый уклад жизни. Семейный регулятор экономических отношений у нас просуществовал до революции. И только после революции сложившуюся культуру экономической жизни начали ломать.

Эти особенности в контексте модернизационных процессов в Республике Карелия играют существенную роль, накладывают отпечаток на стратегические планы.

Теория модернизации родилась после войны в 50–60-е годы. По этой теории, модернизационный путь должны пройти все отсталые государства, притом пройти в строгой очередности этапов, ничего не совмещая, ничего не опережая. И поэтому какие-то скачки через технологические уклады, какие-то скачки через цивилизационное развитие не возможны. Однако уже в начале 1960-х годов теория модернизации подверглась большой критике. Пример Израиля показал, что на отсталой территории возможно сделать скачок в экономической и социальной жизни.

Отметим также, что есть разные «капитализмы». Есть капитализм европейский, есть капитализм американский и есть капитализм азиатский. Поэтому когда мы говорим, что идем к капитализму, это несколько некорректно. Мы должны идти к высокоэффективной экономике, и какая она получится, таковым и будет вид капитализма. Следовательно, каждая страна идет своим путем.

Анатолий Иванович Шишкин – д.т.н., профессор, директор Института экономики Карельского НЦ РАН.

Сегодня здесь здорово критиковали политику, при которой государство уходит из производства, отмечали, что государство не должно мешать и от социальных проблем. На наш взгляд, государство не должно мешать самостоятельному бизнесу работать. Бизнес сам находит свои пути. С помощью науки кластеры создает, формирует, разрабатывает планы, которые сам же и выполняет. Главная задача государства – не мешать, а создавать условия. Но для того чтобы такая система по Самуэльсону работала, нужны пять составляющих:

1. Работающие деньги.
2. Законы.
3. Работающая собственность.
4. Конкуренция.
5. Информация.

И только эти пять составляющих могут позволить сделать модернизационный скачок в экономике и решении социальных вопросов. Мы были абсолютно в этом уверены ещё в начале 90-х годов. В 1989 г. вышла книга по заданию Ельцина и Горбачева «Путь к рынку». Вышла она тиражом 450 тыс. экземпляров. Был предложен мегапроект, около 60 авторов у этой книги были, многие из них сейчас живы и здоровы. Там предлагалось указанные пять вещей сделать, и прежде всего заставить работать деньги. Егор Гайдар сделал деньги работающими, а мы его за это ругаем. Но памятник ему, конечно, надо ставить попозже.

Второе – это хорошие законы. Законы до сих пор у нас несовершенны, хотя законов принимается много, а еще больше подзаконных актов. Это нормальное явление в эволюционное время. Дело в том, что любой закон апробируется жизнью, ложится на нашу ментальность, ложится на нашу действительность. Нередко он оказывается неудачным. К примеру, 131-й закон по местному самоуправлению, который выявил кучу ошибок. Законы постоянно совершенствуются, и, я думаю, моему поколению до хороших законов не дожить. Чтобы хорошие законы устоялись в обществе, это примерно лет 50 – 60 надо.

Работающая собственность... В стране многие годы не было никакой частной собственности, была только личная собственность, немножко звучала индивидуальная собственность. А собственность – это единственный фактор, способствующий росту эффективности деятельности, заинтересованности в этом и личности, и предприятия. Нам надо заставить собственность работать.

И вот здесь мы столкнулись с колоссальной гуманитарной составляющей: или государство тебя кормит, или кормит твоя собственность. А что является моей собственностью? Прежде всего, здоровье. Потому что если я не буду здоров, меня уже никто не прокормит. Второе – мое знание, моя профессиональная пригодность, за что я продаю свой труд. Ну, и третья составляющая – это собственность материальная. И вот эта идея соединения личности и капитала должна потихоньку у нас сложиться. Тогда меньше будет проблем со здоровьем, со спортом, меньше проблем будет с образованием. Мы до сих пор некоторых заставляем учиться, так как далеко не все понимают, что, учась, человек приобретает капитал.

Конкуренция – вот очень интересное явление. Вроде бы все мы – ученые, педагоги, академики – не отрицаем конкуренцию, полагаем, что все в мире движется за счет конкуренции. Конкуренция есть в живом мире, даже в неживом мире (растения друг друга выживают с полянки). Конкуренция есть в интеллектуальном мире. Конкуренция – это единственный двигатель вперед. И вдруг мы ее не признаем, особенно, когда это касается лично нас. И подобная ментальность должна принципиально измениться, чтобы мы правильно относились к этому. Я считаю, это одна из самых сложных гуманитарных задач для России в ближайшее время.

А вот с информацией у нас пошло нормально. Благодаря тому, что у нас образованное население, мы очень быстро освоили компьютерную технику, мы очень быстро вошли в современные информационные сети.

Без информации у нас не получилось бы даже сегодняшней стадии развития. Ведь когда государство ушло, не стало формировать планы по отраслям, по территориям, то субъекты бизнеса сами себя стали искать и находить и обмениваться товарами. Даже плохой рынок, который есть сегодня, крутится благодаря информации, благодаря Интернету.

Ну а как же управлять людьми? Руководить коллективом, руководить людьми, женой и детьми можно с помощью трех факторов, комбинации этих факторов. Первый фактор – это деньги. Думать о деньгах – это пережиток капитализма, так мне говорили, когда я учился в школе. Но я сейчас думаю о деньгах. А когда деньги не работают? Когда мы деньги заработали, а купить на них нечего. Мы стоим в очереди, пишем номера на руке. И таким вот образом деньги не работают. Работает блат. И коррупция оттуда и пошла. Значит, нужно сделать, чтобы деньги работали.

Но есть еще и совесть. Это я так упрощенно назвал. Это, конечно, общая культура общества, это интеллектуальный уровень развития, это та гуманитарная составляющая, без которой и страх не будет работать, и деньги не будут работать. Нужно, чтобы у нас народился новый человек, который дорожит, прежде всего, своим капиталом, здоровьем, образованием, ну и папиным и маминым богатством, потому что он знает, что это ему достанется. И тут я должен одну маленькую реплику сделать по поводу Севера. У нас неплохо было с освоением Севера, у нас были здесь и комсомольские стройки, но в основном это были лагеря. То есть Север мы держали, Север мы осваивали, от Севера получали ресурсы, но за счет страха. А вот теперь мы говорим, что если человек будет иметь капитал, он будет хозяином, у него появится чувство гражданина, власть будет ему служить, чиновник его будет обслуживать. Мы вчера на секции активно этот вопрос обсуждали. Мне, кстати, очень понравилось, как это в Вологде делается. Выступала Любовь Фомичева, она рассказывала, как они в триаду «бизнес – власть – гражданское общество» ввели еще средства массовой информации.

Россия – огромная страна, и при этом большая часть населения, по моему, 90%, живет в европейской части. И при этом у нас особый уклад жизни: народ очень чувствителен не только к природе, не только к климату, но и к личным отношениям. Человек на Севере, где очень низкая плотность, где больше оленей, чем людей, привык слушать природу, жить с природой. Он с природой находится в контакте. У наших карелов, саамов, всё было построено на рациональном отношении к природе. Природа была для северянина как лучший друг, как собственность. У него свои тонеры рыбацкие, свои стада и все прочее. Потом, когда сделали общую государственную собственность, ему стали говорить: ничего у тебя нет. А когда стали переходить к частной собственности, не решили, что человеку дать. Озеро ему нельзя, землю ему нельзя. Он оказался вообще по сути своей люмпеном. Саамы поэтому быстренько начали прижиматься к городам, но психология-то другая.

Поэтому Север требует особого научно обоснованного подхода.

Когда наш прежний губернатор пришел к власти, то у нас один очень умный молодой человек в Законодательном Собрании потребовал: ты нам тут наобещал всего, а как нам проверить, что ты выполняешь? И решили сделать концепцию нового правительства. А когда приняли эту концепцию в Законодательном Собрании, то люди спросили: а как мы

будем контролировать, выполняешь ты это или не выполняешь? И мы стали придумывать какой-то мониторинг. Первое, что мы стали считать, – ВРП.

Сосчитали первый раз в 1996 г., мы делали ретроспективу, попытались посчитать с 1987 г. И оказалось, что ВРП то растет, то падает. Тут мы вспомнили Кондратьева, вспомнили Пригожина, синергетический эффект и все прочее. Почему экономика колеблется?

Оказывается, в жизни ничего устойчивого нет. В жизни все колеблется, в жизни все подвергается влиянию вероятности. И поэтому я считаю очень красивой идею – детерминировать все социально-экономические процессы. Эту идею, по-моему, уже третий или четвертый раз в истории экономики управления внедряют. Пытались сосчитать все балансовые планы, но все это не получается, потому что экономика – система, постоянно колеблющаяся. Тот, кто колеблется, тот и развивается. И вот в этой колеблющейся системе единственный механизм есть, который срабатывает, – это саморегулирование. И чтобы он работал, надо, грубо говоря, его хорошо смазывать (хорошие законы), не мешать ему, и тогда механизм работает. Поэтому мы пришли к выводу, что отследить, лучше мы стали жить или хуже, без трендов невозможно.

Мы выбрали так называемый индикатор – интегральный критерий развития территорий. Взяли четыре группы факторов, экспертным путем их оценили, свели все в кучу, сделали удельный вес этих всех факторов. Как их соединить – это личности должны решить, это должно решить общество, им самим надо определить, что ценно, что неценно.

Мы стали разрабатывать схемы планирования. Коль делаются схемы планирования, делаются стратегии развития, то нам надо это дело оценить. Я не буду детально останавливаться. Это все уже начинает работать. Мы уже планируем, а коль мы планируем, мы должны уметь оценить, как мы выполняем эти планы.

На Севере есть угроза потерять возможность развития. Северные районы и районы перед границами мало населены: плотность населения менее чем один человек на километр. Тут ведь была еще одна вещь, которую я хотел бы сказать вам: пограничная полоса была 100 км, там ничего нельзя было делать, только можно было охотиться, ездить на рыбалку, и только по специальным пропускам. И у нас была огромная полоса – 700 км вдоль границы, где вообще ничего не росло. Там сохранились с 30-х годов разрушенные печи, бани и т.д. И это конечно влияло на

развитие Карелии. Слава Богу, отменили. И сегодня приграничная полоса у нас лишь в ряде случаев доходит до 15 – 30 км, а так в принципе границу открыли. Поэтому у нас сразу появилась диффузия в Финляндию и другие Скандинавские страны. И это приграничное влияние позволило Карелии хорошо прожить двенадцать последних лет.

Сейчас есть схема развития дорог всей Европейской части и Скандинавии. Схему разработали не мы, а скандинавы вместе с Россией. И мы попадаем в эти полюса развития. Это надо тоже учитывать. И появилась схема развития Республики Карелия, всё то, о чём здесь говорили: точки роста, зоны роста.

Д.А. Гайнанов, А.Г. Атаева

Антикризисное управление муниципальными образованиями: сущность, значимость, инструменты

Соотношение понятий устойчивого развития и кризиса

В связи со становлением системы местного самоуправления в России после принятия Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» актуальным становится обеспечение устойчивого развития муниципальных образований (МО).

Понятие устойчивости довольно широко распространено в самых различных областях, как в технических, так и в экономических. Обобщая подходы различных авторов, можно определить, что устойчивость – одна из основных динамических характеристик систем, являющая собой свойство возвращаться в исходный или близкий к нему установившийся режим после выхода из него в результате какого-либо воздействия.

Устойчивость развития является свойством и МО как социально-экономической системы, наряду с открытостью, управляемостью, непрерывностью функционирования, способностью к саморазвитию, целенаправленностью и др. Адаптируя общее определение устойчивости к МО, можно утверждать, что устойчивость МО – это свойство муниципальной социально-экономической системы, выражающееся в его способности сохранять значения характеризующих его параметров в определенных допустимых границах под воздействием внешних и внутренних факторов.

Из понятия устойчивости вытекает понятие устойчивого развития МО – это развитие, при котором, несмотря на воздействие возмущений, муниципальная система вновь возвращается к намеченной траектории своего движения. При нормальном развитии событий МО переходит из начального в новое состояние, качественно и количественно совершенствуясь. Причем в реальности могут наблюдаться как подъемы, так и спады, более или менее выраженные, однако совершенно необходимые

Гайнанов Дамир Ахнафович – д.э.н., профессор, директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН.

Атаева Айсылу Гарифулловна – младший научный сотрудник ИСЭИ УНЦ РАН.

для повышения устойчивости МО в целом. Если при этом уровень социально-экономического развития находится в пределах допустимого, то такое развитие можно характеризовать как устойчивое. Однако если под воздействием внешних или внутренних факторов система вышла из допустимой зоны, то говорят о неустойчивости системы или о наступлении кризиса.

Кризис МО представляет собой резкое отклонение от траектории устойчивого развития МО под влиянием внешних или внутренних факторов, характеризующихся запредельным изменением параметров направлений деятельности муниципального образования.

Виды муниципальных кризисов, их характеристика и параметры

В соответствии с тем, что параметры какого-либо из направлений деятельности резко ухудшились и вышли из зоны допустимых значений, выделяют экономические, финансовые, общественно-политические, социальные и экологические кризисы. Все кризисы тесно взаимосвязаны между собой: резкое ухудшение параметров одного из видов кризиса может вызывать ухудшение по другим видам деятельности МО и вызывать другие кризисы.

Факторами экономического кризиса являются отсутствие конкурентной среды в МО; кризис неплатежей, коснувшихся абсолютного большинства предприятий системообразующих отраслей экономики; отсутствие эффективных собственников и недостаточный уровень подготовки управленческого персонала; а также высокий физический и моральный износ объектов инфраструктуры муниципальных образований¹.

Особо остро стоит также проблема бюджетно-финансового кризиса МО. Доля денежных средств, которые принадлежат местному самоуправлению, очень мала – примерно 2% от общего объема денежных средств в стране, а остальное принадлежит государству и частникам². При этом реальная доходная составляющая местных бюджетов постоянно снижается как до реформы, так и после. Это выражается в снижении доли налоговых доходов МО (с 70% за 2002 год до 30% за 2008 год)³.

¹ Ряховская А.Н. Антикризисное управление в муниципальном образовании // Вестник антикризисных технологий. – 2001. – №32. – С. 23-27. (С. 25).

² Огнева И.А., Чеишвили М.В., Корчагина Л.И. Основные тенденции развития местного самоуправления в современной России // Административное право и процесс. – 2009. – № 4. – С. 13-14 (С. 13).

³ Информация о результатах мониторинга местных бюджетов Российской Федерации за 2006 – 2008 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – Режим доступа: http://www1.minfin.ru/ru/reforms/local_government/monitoring/.

Снижение произошло, в частности, из-за резкого сокращения доли местных налогов в доходах МО – с 12 до 3%. Если до реформы было установлено 5 видов местных налогов, то после реформы за местными бюджетами сохранились только земельный налог и налог на имущество физических лиц. Кроме того, значительно были сокращены отчисления от федеральных и региональных налогов и сборов практически до нулевых значений по большинству налогов, что безусловно резко сократило собственные доходы местных бюджетов.

Кроме финансовых и экономических кризисов для муниципальных образований Российской Федерации характерны и общественно-политические кризисы. В частности, проблема разграничения и роста полномочий органов местного самоуправления. Во-первых, большинство формулировок предметов ведения муниципальных районов, городских округов и поселений в виде «создание условий...», «содействие в развитии...» и других не дают четкого определения компетенции органов местного самоуправления⁴.

Во-вторых, невозможно провести четкую грань ни между вопросами местного значения и полномочиями субъектов Российской Федерации, ни между полномочиями МО. Если сравнить полномочия органов местного самоуправления с полномочиями органов государственной власти субъектов РФ, закрепленных в статье 26.3 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»⁵, то видно, что 24 из 39 полномочий пересекаются, не позволяя увидеть четкое разграничение в компетенции. Аналогичная ситуация складывается и с разграничением вопросов местного значения муниципальных районов и поселений. 23 из 28 вопросов местного значения муниципальных районов пересекаются с вопросами местного значения, зачастую замаскированными терминами «межпоселенческий», «межмуниципальный» и т. д.

⁴ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федер. закон РФ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 сентября 1999 г. // Там же. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

⁵ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федер. закон РФ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 сентября 1999 г. // Там же. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

Разные причины и последствия кризисов, разные их характеры, необходимость в их предупреждении, а при их возникновении – в их нейтрализации и снижении негативных последствий – все это требует особого к ним отношения, специального вида муниципального управления – антикризисного.

Сущность антикризисного управления и его особенности

В России термин «антикризисное управление» (АКУ) стал широко использоваться после ввода в действие законодательства о банкротстве и применялся для описания процедур банкротства предприятий. В последнее время термин АКУ все чаще применяется и при управлении территориальными системами. Но если по отношению к странам и регионам необходимость АКУ связана в основном с мировым финансово-экономическим кризисом, то по отношению к МО актуальность антикризисного управления обусловлена другими причинами, в основном правового и финансового характера. С одной стороны, исторические и культурные традиции России предполагают сильную централизацию власти и сосредоточение всех ресурсов в органах государственной власти, отсюда и низкая финансовая самостоятельность МО и неверие населения в местное самоуправление. С другой стороны, государственная политика в последнее время, несмотря на муниципальную реформу, еще более ухудшила состояние муниципалитетов – это выражается в снижении муниципальных налогов, передаче ряда государственных полномочий органам местного самоуправления и др.

Для определения сущности антикризисного управления и его отличия от текущего управления рассмотрим место кризисов в процессе развития системы. На рис. 1 представлена траектория желаемого (планового) развития системы за период управления T . В определенный момент времени t_1 под воздействием внешнего возмущения система начинает отклоняться от заданной траектории, в результате чего уровень развития к концу планового периода может снизиться на величину ΔN . Для обеспечения возврата к исходной траектории до конца планового периода и компенсации ущерба ΔN необходимо: обнаружить отклонение, принять решение о привлечении дополнительных ресурсов ΔR и с момента времени t_2 реализовать управляющее воздействие с привлечением дополнительных ресурсов ΔR .

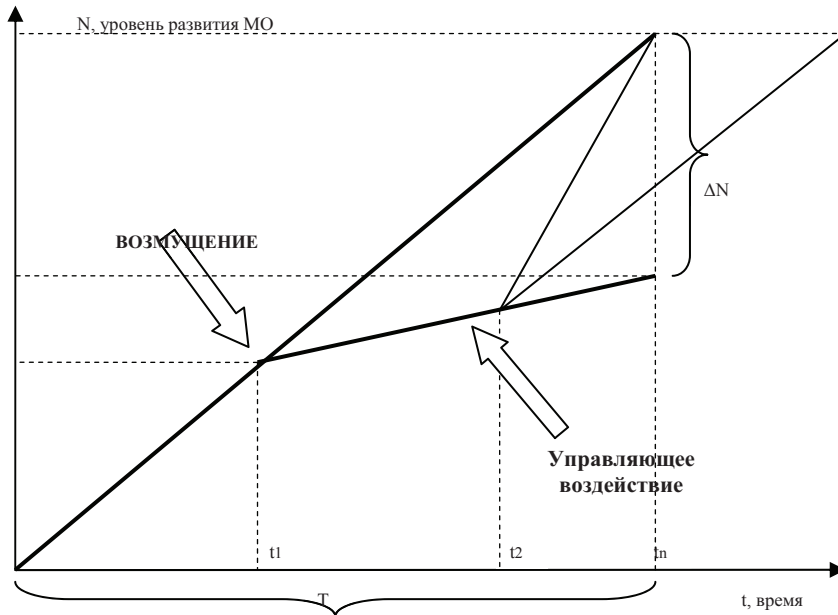

Рис. 1. Модель управления развитием системы

Величину необходимых ресурсов ΔR можно определить из следующего соотношения:

$$\int_0^{t_n} V_{\text{план}}(t) dt = \int_0^{t_1} V_{\text{план}}(t) dt + \int_{t_1}^{t_n} V_{\text{факт}}(t) dt + \int_{t_2}^{t_n} \Delta V(t) dt \quad (1)$$

где $V_{\text{план}}$ – плановый темп изменения уровня развития системы за период управления T , $V = \partial N / \partial t$;

$V_{\text{факт}}$ – фактический темп изменения уровня развития вследствие воздействия возмущения;

ΔV – изменение темпа уровня развития для обеспечения компенсации ущерба от отклонения системы и восстановления исходных параметров.

Соответственно величина дополнительных ресурсов ΔR должна обеспечивать вышеуказанную компенсацию ущерба от отклонения системы:

$$\Delta R \longrightarrow \Delta N = \int_{t_2}^{t_n} \Delta V(t) dt \quad (2)$$

При условии достаточности времени и ресурсов для восстановления системы за период управления можно говорить о плановом управлении текущим состоянием системы, не являющимся кризисным. Однако если у органов управления недостаточно ресурсов для покрытия ущерба и восстановления или система уже настолько отклонилась от заданной траек-

тории, что даже при наличии ресурсов невозможен возврат к исходной траектории за плановый период (то есть не хватает времени для восстановления), то надо говорить уже о кризисе.

Следовательно, кризис — это ситуация, когда восстановление исходных параметров развития системы невозможно в заданный период за счет имеющихся ресурсов.

Таким образом, антикризисное управление представляет собой комплекс мероприятий по восстановлению запредельных изменений параметров развития системы в целях возврата к исходной траектории устойчивого развития в случае, если система не может самовосстановиться за счет имеющихся ресурсов за определенный период.

В отношении муниципалитетов органам местного самоуправления отводится первостепенная роль, которая заключается в «антициклическом регулировании с целью поддержания социально-экономической стабильности и сглаживания размаха колебаний: в фазе кризиса и спада — стимулирование деловой активности, развитие предпринимательской деятельности; в фазе подъема — предотвращение перегрева экономики мерами противоположного характера»⁶.

Целью АКУ МО является обеспечение его устойчивого развития. Эта цель может быть разделена на подцели: предупреждение кризиса, устранение кризиса при его наступлении и сглаживание его негативных последствий.

Задачами антикризисного управления МО являются: разработка антикризисной стратегии; разработка антикризисных программ; разработка системы диагностики муниципальных кризисов; создание специального органа по антикризисному управлению МО; разработка и реализация антикризисных процедур обеспечения устойчивого развития территории.

Антикризисное управление при затянувшемся муниципальном кризисе, прежде всего стратегического характера, ошибочно воспринимать как одиночные кратковременные меры воздействия на отдельные элементы муниципальной системы. Для вывода МО из системного кризиса необходима комплексная антикризисная стратегия с программными мероприятиями, позволяющими предупредить кризисы, воздействовать на них и предотвратить их негативные последствия.

⁶ Парахина В.Н., Феодосиади Е.А. Особенности антикризисного управления муниципальными образованиями [Электронный ресурс] // Официальный сайт Северо-Кавказского государственного технического университета. — Режим доступа: // <http://science.ncstu.ru/articles/econom/peculiarities>.

Именно стратегическое управление в условиях кризиса и ограниченности собственных ресурсов позволит сконцентрировать финансовые ресурсы на приоритетных направлениях, обеспечивающих максимальное влияние на устойчивое развитие МО.

Антикризисная стратегия представляет собой программный документ, отражающий комплексные действия по предупреждению и предотвращению муниципальных кризисов, доведенные до конкретных исполнителей. Причем в зависимости от вида кризиса и целей органов местного самоуправления она может быть различных видов.

1. Антикризисная стратегия саморазвития. При наличии потенциала саморазвития, поддержке населения, наличии высококвалифицированных управленческих кадров и заинтересованности органов местного самоуправления возможно преодоление кризисного состояния за счет активизации внутренних источников саморазвития. Это одна из наиболее эффективных антикризисных стратегий, но подходит не всем МО.

2. Антикризисная стратегия сохранения и стабильности. При низком финансовом потенциале, низкой поддержке населения и высокой степени влияния внешнеполитических факторов главной целью органов местного самоуправления является сохранение текущего состояния и недопущение спада уровня социально-экономического положения. Здесь главной задачей является мониторинг кризисных явлений и их предотвращение.

3. Стратегия одобрения подходит, если кризис МО связан с социально-политическими причинами, неодобрением населением деятельности органов местного самоуправления. Здесь усилия органов местного самоуправления могут быть направлены на повышение качества муниципальных услуг, улучшение имиджа муниципальных органов и другие.

4. Антикризисная стратегия внешней помощи. В случае, если МО самостоятельно не может выйти из кризиса, можно говорить о необходимости антикризисной стратегии внешней помощи, выражающейся либо во введении государственного финансового управления, либо в поиске дополнительного финансирования из государственного бюджета и др.

5. Антикризисная стратегия реорганизации. В крайне депрессивном состоянии МО, когда ни своими силами, ни даже с помощью государства МО не может выйти из затянувшегося кризиса, необходимы крайние меры, выраженные в ликвидации текущей формы МО через его присоединение к другому муниципалитету или объединение с ним.

В рамках каждой из стратегий разрабатываются определенные программы в зависимости от вида муниципального кризиса. Это могут быть программы АКУ предприятиями МО, программы АКУ муниципальным долгом и другие.

До разработки антикризисной стратегии и программ необходимо построение системы диагностики муниципальных кризисов, позволяющей определить кризисы еще до их наступления. Система может быть разработана в рамках текущей организационной структуры органов местного самоуправления либо в рамках создания специального органа по АКУ МО.

Инструменты муниципального антикризисного управления

Особенности антикризисного управления и его отличие от других видов муниципального управления выражается в его инструментах, причем реализуемых как органами местного самоуправления, так и извне – органами государственной власти. На рис. 2 представлен комплекс антикризисных инструментов обеспечения устойчивого развития МО.

Государственные антикризисные инструменты могут носить как организационный, так и финансовый характер. Основным финансовым инструментом является установление дополнительных нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов, что позволяет решить проблему финансовой несостоятельности муниципального образования и поиска средств для финансирования приоритетных направлений развития территории. Помимо этого к финансовым инструментам может относиться предоставление дополнительных дотаций из фондов финансовой поддержки территорий, выдача кредитов, участие в инвестиционных проектах муниципального образования и другие.

Организационные инструменты могут выражаться в виде системы антикризисного регулирования развития территории со стороны государства, в рамках которого может создаваться региональный центр антикризисного управления, проводящий диагностику, нормативно-правовое регулирование и финансирование антикризисных мероприятий.

Одним из наиболее кардинальных организационных инструментов антикризисного управления является реорганизация муниципального образования – совокупность мер, направленных на оптимизацию размера муниципального образования (по территории и численности населения), позволяющих обеспечить экономическую жизнеспособность муниципалитета.

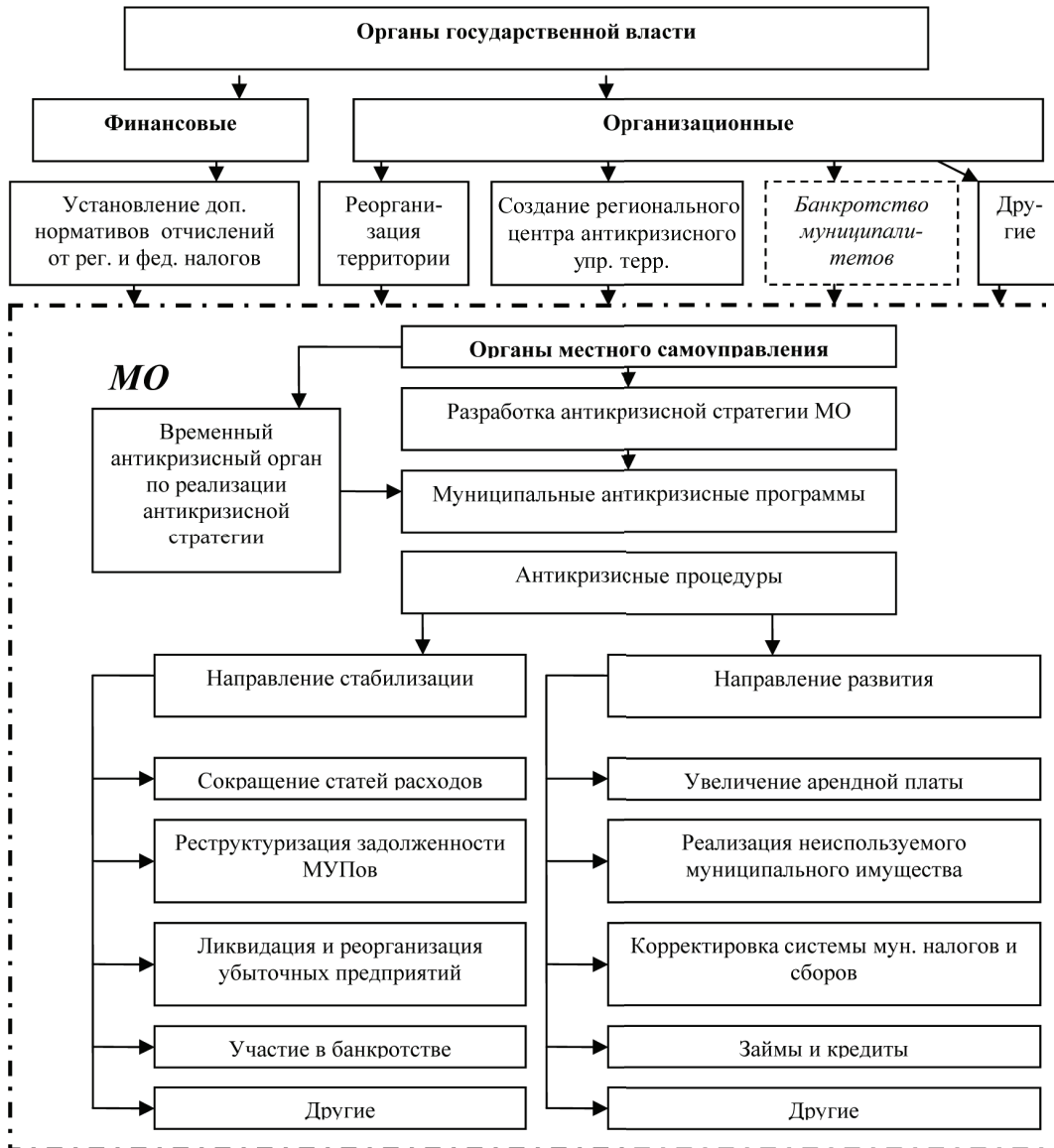

Рис. 2. Комплекс антикризисных инструментов обеспечения устойчивого развития муниципального образования

Данная форма реформирования довольно широко применяется за рубежом, хотя необходимая правовая база имеется и в России. Еще один возможный кардинальный способ реформирования муниципального образования – это его банкротство. Такого понятия и правовой базы для осуществления в Российской Федерации нет, хотя фактически большинство муниципальных образований являются финансово несостоятельными, неспособными самостоятельно погасить свои обязательства.

За рубежом действуют законы, нормирующие процедуры урегулирования муниципалитетов. В Российской Федерации применение института банкротства осложняется большим количеством разнообразных по возможностям и полномочиям муниципальных образований, которые одновременно не могут выполнить свои обязательства, поэтому механизм банкротства муниципалитетов может включаться только в самом крайнем случае и должен быть детально формализован в специальном законе.

При разнообразии государственных мер антикризисного управления наибольший интерес представляют антикризисные инструменты самих органов местного самоуправления, направленные как на стабилизацию кризисных явлений, так и на дальнейшее развитие муниципального образования. В данном случае антикризисное управление можно проводить в рамках муниципальной антикризисной стратегии – комплекса взаимоувязанных между собой по целям, срокам, исполнителям, видам затрачиваемых ресурсов и источникам финансирования организационных, правовых, социально-экономических, технологических и других мероприятий. Именно стратегическое управление в условиях кризиса и ограниченности собственных ресурсов позволит сконцентрировать финансовые ресурсы на приоритетных направлениях, обеспечивающих максимальное влияние на устойчивое развитие муниципального образования. В рамках данной стратегии возможна разработка и реализация антикризисных программ и создание структур для организации управления программой и контроля.

Не останавливаясь подробно на каждом, рассмотрим наиболее характерный инструмент антикризисного управления муниципальным образованием – участие в банкротстве. Очень важным аспектом современного антикризисного управления территориями является банкротство, в частности банкротство предприятий муниципального образования как муниципальной, так и других организационно-правовых форм. Как показывает арбитражная практика, во многих случаях само муниципальное образование попадает в сложные ситуации вместе с предприятием-банкротом. Пункты 4 и 5 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»⁷, которая касается формирования конкурсной массы,

⁷ О несостоятельности (банкротстве): Фед. закон РФ от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 ноября 2002 г. // Собр. зак-ва Рос. Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

содержат положения, обязывающие органы местного самоуправления принять на свой баланс жилищный фонд социального использования, детские дошкольные учреждения и объекты коммунальной инфраструктуры, жизненно необходимые для региона. Причем передача указанных объектов органам местного самоуправления осуществляется по фактическому состоянию и все расходы по содержанию и обеспечению функционирования этих объектов по назначению ложатся дополнительным бременем на местный бюджет.

В еще более сложное положение попадают администрации муниципальных образований при банкротстве градообразующих предприятий, где органы местного самоуправления являются обязательными участниками. Им предписано законом право ходатайства о введении на предприятии внешнего управления, за время которого они должны проводить мероприятия по финансовому оздоровлению должника – градообразующего предприятия, изыскивать возможность инвестирования в его деятельность, обеспечивать трудоустройство его работников, создание новых рабочих мест и проведение иных мер по восстановлению платежеспособности предприятия-банкрота.

Бременем для МО является также банкротство муниципальных унитарных предприятий, в случае которого администрация местного самоуправления несет субсидиарную ответственность по обязательствам муниципального предприятия-должника. Проблема значительно усложняется, когда банкротами становятся муниципальные унитарные предприятия, эксплуатирующие объекты жилищно-коммунального хозяйства, такие как предприятия водоканала, электрических и тепловых сетей, газового хозяйства.

В связи с этим при разработке антикризисной стратегии особое внимание необходимо уделять разработке и реализации программ вывода из кризиса муниципальных предприятий как одного из наиболее эффективных и действенных инструментов АКУ МО.

Таким образом, в условиях кризисного состояния большинства муниципальных образований Российской Федерации особо актуальными и необходимым является предупреждение и предотвращение кризисов в МО с помощью процедур и механизмов муниципального антикризисного управления стратегического характера. Это позволит в условиях негативной внешней среды, ограниченности собственных ресурсов активизировать внутренние источники саморазвития, вывести муниципальное образование из кризиса и обеспечить его устойчивое развитие.

Корпоративная социальная ответственность как основа конструктивного взаимодействия власти, бизнеса и общества

Одним из необходимых и обязательных условий поступательного и устойчивого развития любого государства является, прежде всего, динамичная устойчивость его социальной структуры. В таком контексте сочетание динамики и устойчивости совсем непротиворечиво, поскольку оно означает адаптивность государственной системы к изменению условий протекания исторических процессов, в которые включено государство. В самом общем виде в нашем случае устойчивость государства является характеристикой взаимодействия трёх основных социально-исторических феноменов: власти как системы органов управления (в широком смысле, без разделения на ветви) и обеспечения безопасности государства, бизнеса как сферы производства средств существования населения и собственно общества как источника власти и объекта управления, а также потребителя и производителя материальных и иных благ.

Партнёрские отношения в чистом виде между властью, бизнесом и обществом невозможны, прежде всего, из-за различия присущих им основных функций и специфических возможностей и способов их выполнения (у власти – наличие легитимных способов принуждения, у бизнеса – владение средствами производства и финансами, у общества – массовость, способность и возможность самоорганизации в реализации своих целей и задач).

Несовпадение функций и способов реализации у основных секторов общества на уровне соответствующих социальных групп и корпораций выражается в конечном счете в несовпадении и противоречиях их коренных интересов. При этом острота противоречий варьируется от легко разрешимых до антагонистических, перерастающих в социальные конфликты различной степени сложности. Условием предотвращения конфликтов и (или) успешного их разрешения и последующего устойчивого раз-

Егоров Валерий Кузьмич – к.и.н., начальник отдела гуманитарных и общественных наук Научно-организационного управления Российской академии наук.

вития являются солидарная ответственность и усилия всех составляющих общества с апелляцией к общим факторам сосуществования. Общими же применительно и к отдельному государству, и мировому сообществу факторами являются прежде всего территория, среда обитания и экология, глобальные процессы.

В странах так называемой традиционной демократии западноевропейского образца солидарная ответственность из рациональной идеи достаточно давно превратилась в институализированное явление, обретя, в том числе, и правовую основу. В нашей же стране с многовековым доминированием патерналистской социальной психологии основным фактором и гарантом социальной гармонии и устойчивого развития было и остаётся государство. Данное обстоятельство во многом определяет степень сложности взаимоотношений в системе «власть — бизнес — общество» в России и тем самым обуславливает настоятельную необходимость научного освоения проблемы устойчивого развития этой системы с учётом мирового опыта.

Корпоративная социальная ответственность в том виде, в котором она появилась в странах Запада начиная с 50-х годов прошлого века, представляла собой концепцию добровольного участия промышленных корпораций (бизнеса) в улучшении жизни общества и охране окружающей среды. При этом данная активность рассматривается как, прежде всего, условие устойчивого развития самого бизнеса. Особенно характерна эта направленность в периоды кризисов, подобных тому, который весь мир переживает с 2008 года. КСО в такие периоды призвана обеспечить поддержание нормального уровня прибыльности корпораций и соответствующего уровня жизни их членов.

Естественная в кризисных условиях интенция бизнеса на самосохранение способствует нарушению социального равновесия и в итоге углубляет кризис, придавая ему системный характер. К примеру, трудный выход России из кризиса объясняется, в том числе, слабой социальной ответственностью отечественного бизнеса, который в качестве основного способа самосохранения избирает резкое увеличение объёмов выводимого из страны капитала при значительном сокращении социальных проектов и программ, касающихся даже работников самих корпораций.

Как известно, понятие категории ответственности как *субъективной обязанности отвечать за поступки и действия, а также за их последствия* универсально в отношении и отдельных лиц, и их объединений.

В широком смысле ответственность представляет собой выработанную в процессе социализации и осознанно воспринимаемую необходимость и обязанность совершать действия, полезные для общества. Регулятором при этом являются, прежде всего, нормы морали и этики. Ответственность в узком смысле – это категория правовая (ответственность административная, уголовно-правовая, гражданская, дисциплинарная и т.д.)

КСО – преимущественно, а в России в основном, исторически входило в число обязанностей, регулируемых нравственными законами, нормами морали. В дореволюционной России КСО имело форму благотворительности, богоугодных дел (соответствия нормам христианской морали). Сколько бы не говорили в наше время об архаичности этой формы социальной ответственности, она была довольно эффективной, представленной учреждениями здравоохранения, образования, призрения, культуры и т.д., которые и сейчас могут быть для нынешнего бизнеса примером ответственного отношения к малообеспеченным слоям общества.

Едва ли, с точки зрения объективного анализа, заслуживает огульной критики существовавшая в советское время система социальной поддержки, не только способствовавшая получению всеми членами общества социальных благ (нравственный аспект), но и обязывавшая (регулятивный аспект) получать их (всеобщее начальное или среднее образование, медицинское обслуживание в виде профосмотров, диспансеризаций, прививок и т.д.). Во втором случае, конечно же, уместно возражение, что не вполне правомерно ассоциировать КСО с деятельностью государства, объединявшего в себе и власть, и бизнес, и что моральные нормы могли подменяться идеологическими. Но и не признавать существование в тот период социальной ответственности этого двуединого общественно-исторического феномена (общество – власть) перед обществом было бы некорректно.

Как известно, нравственность является продуктом социализации и подобно культуре представляет собой вторую после биологической природу человека. В своём становлении и развитии она проходит этапы от семьи, различного рода общественных объединений (от простейших до современного гражданского общества) и до государства. Существует классическое высказывание Гегеля о том, что на уровне нравственности личность не только существует для себя, заботится только о себе, но и вместе с тем обусловлена целым, в рамках которого она и существует.

В конечном счете генезис нравственности — это процесс обеспечения сочетаемости интересов личности и правовым образом оформленного общества, т.е. государства. Известен также тезис английского философа Бентама: морально то, что приносит наибольшее счастье наибольшему числу людей.

В настоящей работе проблема нравственности и морали затронута лишь в рамках заявленной темы КСО, что не предполагает её раскрытия в соотношении с понятиями пользы, выгоды или здравого смысла. Принципиально важным представляется выдвигаемый здесь тезис о том, что абсолютизация примата интересов личности в отношении интересов общества и государства имеет в числе других последствий снижение нравственного уровня и существенно ослабляет регулятивные функции морали и нравственности в сфере КСО в современной России.

В странах Запада понятие КСО, возникшее около 60 лет назад, прошло эволюционный путь от идеи самозащиты отдельных корпораций в плане социального обеспечения собственного персонала и оказания помощи, прежде всего в своих же интересах, местным властям на профессиональной и спонсорской основе до международно одобренной концепции, отражающей добровольное решение компаний участвовать в улучшении жизни общества и защите окружающей среды. Хотя ключевым здесь является принцип добровольности, закреплённый Европейской комиссией в июле 2001 года в «Зелёной книге о КСО», в различных странах Европейского союза имеются свои собственные модели взаимоотношений власти и бизнеса в подходах к решению социальных вопросов.

Если оставить в стороне второстепенные особенности, то всё разнообразие моделей и форм взаимоотношений в треугольнике можно свести к трём группам, различающимся, прежде всего, по степени влияния государства. В современных отечественных исследованиях эти модели описываются следующим образом:

- первая модель предполагает активное участие государства в регулировании социальной политики, т.е. жёсткую регламентацию в рамках коммерческого, налогового, трудового, экологического законодательств;
- вторая модель предполагает регулирование взаимодействия бизнеса и общества практически без вмешательства государства, а корпорации действуют самостоятельно, пользуясь специальными стимулами и льготами;
- третья модель объединяет наиболее эффективные элементы двух предыдущих.

Можно было ожидать, что в условиях стабильной рыночной, либеральной экономики на Западе предпочтительной будет вторая модель, но практически везде там применяются разные варианты третьей модели. Причина в том, что, действуя в рамках отлаженной системы законодательства, относящегося к КСО, корпорации могут эффективнее управлять бизнес-рисками, связанными с нефинансовыми экологическими, социальными, этическими и иными проблемами, в той или иной степени входящими в компетенцию государства. Естественно, что государство может выполнять свою роль гаранта от подобных рисков лишь при условии, что корпорации будут поступать ответственно, в том числе, отчитываться о своей деятельности в рамках КСО путём составления нефинансовых (социальных) отчётов. Прямым следствием подобного рода взаимоотношений является и стабильность финансового положения отдельной корпорации, и, в совокупности, устойчивость социально-экономического развития государства в целом. Уместно здесь привести характерное для отечественных исследований положение о том, что устойчивым является такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но и не ставит под угрозу удовлетворение потребностей последующих поколений.

Выше уже упоминалась традиционно доминирующая роль государственной власти в нашей стране в обеспечении её устойчивого развития. В определённые периоды истории России её с достаточным основанием причисляли к тоталитарным государствам. Тотальный контроль за производством и распределением в сочетании с жёстким идеологическим контролем оставлял крайне малое пространство для реального гражданского общества, и поэтому процесс его формирования после 1991 года шёл синхронно с либерализацией экономики и появлением того, что в широком смысле принято называть бизнесом. Имеются все основания считать, что до сих пор общество и государство находится в переходном периоде, отличительным признаком является лишь относительная устойчивость их развития, а также незавершённость формирования всех составляющих.

Именно эти, хотя и не единственные обстоятельства: не вполне соответствующий передовым мировым стандартам бизнес и не до конца сложившееся гражданское общество — во многом определяют уровень развития КСО в нашей стране.

Главным же для нашей страны с её патернализмом и национальной психологии, и общественной практики обстоятельством является неопределённость в содержательности функций власти как основного регулятора отношений в треугольнике *власть – бизнес – общество*. Отмечаемый в настоящее время многими аналитиками непростой процесс выбора политико-экономического курса дальнейшего развития страны (дилемма: *консерватизм – либерализм*) определённым образом сказывается и на отношении институтов власти к развитию КСО.

Особенно ярко это проявляется в отношении высшей власти к крупному бизнесу, корпорациям, деятельность которых во многом определяет экономическую основу внешней политики страны, а внутри её даёт большую часть ВВП. Следует, однако, подчеркнуть, что это отношение не выходит в целом за пределы политической риторики, в которой идея социальной ответственности бизнеса излагается в самой общей форме. На уровне высших руководителей государства это выглядит как призывы принять участие в реализации национальных проектов или заявления об актуальности социальной ответственности предпринимателей, особенно в кризисный период. Часто в этих выступлениях содержатся обещания государственной поддержки сознательным предпринимателям. Так, в интервью информационному агентству «Блумберг» в январе 2009 года В.В. Путин сказал: «Если богатые владельцы предприятий *имеют ещё и чувство социальной ответственности* (курсив мой. – В.Е.) – таких людей мы будем поддерживать».

Информационно-аналитические материалы в СМИ, касающиеся темы социальной ответственности бизнеса, содержат, как правило, различные варианты тезиса «делиться надо». В целом же в теоретическом плане рассмотрение проблемы КСО ограничено, с одной стороны, совокупной декларацией на всех уровнях власти идеи настоящей общественной необходимости в социальной ориентированности (ответственности) бизнеса, а с другой – реализуемой властью на практике *презумпцией его безответственности*. Безусловная же ответственность бизнеса признаётся властью лишь по линии роста и развития производства, увеличения налоговых поступлений, соблюдения трудового законодательства и т.п., т.е. в сферах общепринятого правового регулирования.

Несмотря на вышеизложенное, идеи КСО в настоящее время всё более входят в практику деятельности крупных корпораций и объединений их представителей, прежде всего Российского союза промышленников и

предпринимателей (РСПП). В немалой степени это является следствием того, что отечественные крупные корпорации в растущей степени включаются в глобальные деловые процессы, принимая на себя сложившуюся на Западе практику ответственного делового поведения, в том числе в части КСО. Одним из наиболее характерных признаков этой тенденции является деятельность по оформлению КСО в системе власти.

В 2004 году XIV съезд РСПП принял Социальную хартию российского бизнеса. В ней было зафиксировано, что успешное развитие предпринимательской деятельности невозможно без устойчивого развития общества и неотделимо от него. Представители делового сообщества, понимающие свою долю ответственности за развитие общества и государства, заявляли о своей готовности содействовать успехами своей предпринимательской деятельности увеличению совокупного общественного богатства и социальному прогрессу. Согласно этому документу социальная функция российского бизнеса состоит в развитии самостоятельных и ответственных компаний, которое отвечает долгосрочным экономическим интересам бизнеса и государства, сохранению окружающей среды, соблюдению прав человека.

Несмотря на декларативный характер этого документа, его принятие имело ряд позитивных последствий, наиболее важными из которых являются следующие.

Во-первых, хартия дала толчок широкой дискуссии и в деловых, и в политических кругах по вопросу справедливости устройства механизмов создания и перераспределения общественных благ.

Во-вторых, документ стимулировал формализацию практики КСО как части процесса встраивания её в систему органов власти. Так, например, уже в 2005 году приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии был создан Технический комитет по стандартизации «Социальная ответственность». Задачами Технического комитета стала разработка национальных стандартов в области социальной ответственности (разработка терминологии, принципов и границ социальной ответственности, основ социального партнёрства, обмена информацией др.). На комитет возложены также функции национального рабочего органа Технического управляющего совета Международной организации по стандартизации «Социальная ответственность».

Деятельность в сфере КСО далека ещё от масштабов всего делового сообщества России и лишь отчасти присутствует в функционировании

органов власти, напрямую связанных с бизнесом. Столь же относительно скромны результаты этой деятельности, хотя постепенное превращение и закрепление в общественном сознании идеи КСО в интегральную составляющую всей системы «власть — бизнес — общество», в фактор устойчивости развития вполне можно считать заметным достижением. Проблематика КСО в части взаимодействия бизнеса и власти в вопросах экологии была заложена в «Программу социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу (2006 — 2008 годы)», была учтена в разработанной в 2009 году «Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации».

К сожалению, приведенные выше примеры свидетельствуют лишь о частичных подходах к решению проблем КСО путём нормотворчества и правовой регламентации. В отличие от стран Европейского союза, имеющих большой опыт правового оформления и практики КСО, в которой непротиворечиво сочетаются обязательная часть, основанная на формальных нормах, и добровольная, вытекающая из неформальных норм, в России эта практика отличается высокой степенью ситуативности и лишь начальной стадией систематизации и формализации.

Институциональное развитие КСО в нашей стране в силу растущей вовлечённости отечественного бизнеса в глобальные экономические процессы не может не проходить без учёта опыта стран Запада, в частности ЕС, где наблюдается расширение и укрепление формальных норм в практике КСО. Представляется, однако, что на нынешнем этапе социально-экономического развития России ускоренная формализация практики КСО в ущерб добровольному регулированию способна произвести впечатление рецидива жёсткого государственного регулирования прежних лет и оттолкнуть бизнес-сообщество от участия в акциях социальной ответственности.

Как во многих других, в рассматриваемом случае следовало бы избегать некритического заимствования западных социально-экономических практик, учитывая в законодательной деятельности в числе другой информации собственный исторический опыт и особенности национальной психологии.

Комплексная научно-техническая программа СЗФО до 2030 г. как инструмент региональной политики

Одним из ключевых вопросов, стоящих сегодня на повестке дня перед органами федеральной власти, администрациями субъектов Российской Федерации, является определение приоритетов региональной политики, обоснование ключевых направлений перевода экономики на инновационный путь развития, выбор конкретных инструментов реализации региональной политики.

Поиск механизмов и инструментов эффективного управления социально-экономическим развитием территорий в контексте инновационного развития страны ведется и в научном сообществе. В том числе высказываются и мнения относительно необходимости разработки долгосрочных прогнозов и стратегических документов, определяющих цели, содержание и ресурсное обеспечение мероприятий организационного и научно-технического характера на пути инновационного развития (в том числе прогнозы — до 50 лет — смены технологического уклада). Стратегическое видение горизонтом в 25-30 лет как это делают европейские страны, США, Япония, Китай, позволяет разрабатывать национальные программы и проекты с временным лагом 15-20 лет, под них выстраивать бюджетирование, создавать соответствующие институты. У нас, как известно, горизонт стратегического планирования значительно короче — для бизнеса это 3–5 лет, а для госсектора науки, из-за жестких рамок бюджетного процесса, 1–3 года. Хотя цикл исследование — разработка — внедрение занимает 7–8 лет, и это следует планировать.

Определенные шаги по решению этих проблем при самом непосредственном участии академической науки были сделаны в последние годы в Северо-Западном федеральном округе. Речь идет о комплексе документов стратегического научно-технического развития округа, включающем разработанную в 2008 г. Стратегию развития комплекса «наука — образование — инновации» Северо-Западного федерального округа России до 2030 года и созданную в 2010 – 2011 гг. Комплексную научно-техническую программу СЗФО РФ до 2030 г.

Кузнецов Сергей Валентинович — д.э.н., профессор, директор Института проблем региональной экономики РАН.

Эти документы определили стратегические приоритеты инновационного, научно-технического развития Северо-Западного федерального округа в целом и соответственно всех субъектов РФ, расположенных в пределах СЗФО, задали основу, на которой должна строиться региональная социально-экономическая политика.

Северо-Западный федеральный округ обладает мощным научно-техническим потенциалом, ярко выраженной инновационной спецификой производства, значительными конкурентными преимуществами по сравнению с другими макрорегионами России. Здесь расположены научные учреждения, относящиеся к трем региональным научным центрам РАН (Санкт-Петербургскому, Кольскому, Карельскому), а также ряд учреждений, входящих в состав Коми научного центра Уральского отделения РАН, и Институт социально-экономического развития территорий РАН, существовавший до марта 2009 г. как Вологодский научно-координационный центр Центрального экономико-математического института РАН. Основной научно-исследовательский потенциал сосредоточен в учреждениях Санкт-Петербургского научного центра РАН. В его состав входят свыше 60 учреждений, организаций и предприятий всех специализированных отделений РАН с общей численностью работающих 13,2 тысяч человек.

В Карельский научный центр РАН входят 7 институтов; Кольский научный центр РАН объединяет 10 институтов и 2 центра (Центр физико-технических проблем энергетики Севера и Центр гуманитарных проблем Баренц-региона). В составе научных учреждений Коми научного центра Уральского отделения РАН 6 институтов.

В целях координации исследований по важнейшим направлениям естественных, технических и общественных наук, проводимым научными учреждениями РАН, расположенными в Северо-Западном федеральном округе, Президиум Российской академии наук своим постановлением от 31.10.2006 года № 310 создал в г. Санкт-Петербурге региональный Межведомственный координационный совет РАН, переименованный в 2007 г. в Межведомственный северо-западный координационный совет при РАН по фундаментальным и прикладным исследованиям (Постановление Президиума РАН от 26.06.2007 г. № 160).

В состав Межведомственного северо-западного координационного совета при РАН по фундаментальным и прикладным исследованиям (далее – МКС) вошли представители региональных научных центров

РАН, институтов РАН, расположенных в Северо-Западном федеральном округе, вузов и научных организаций Северо-Запада России.

Сопредседателями МКС были избраны вице-президент РАН, председатель Санкт-Петербургского научного центра РАН академик Ж.И. Алферов и Полномочный представитель Президента РФ по Северо-Западному федеральному округу И.И. Клебанов.

МКС на своем первом заседании 18 октября 2007 г. принял решение о создании научных Советов МКС по естественным, техническим и общественным наукам, а также о разработке комплексной научно-технической программы, обеспечивающей развитие Северо-Западного федерального округа (Решение МКС от 18.10.2007 № 1).

Тем самым фактически был создан орган, призванный координировать на уровне макрорегиона «Северо-Запад» фундаментальные и прикладные научные исследования. Лидирующая роль во всей этой работе отводилась структурам РАН.

Решением МКС Институту проблем региональной экономики РАН было поручено разработать Стратегию развития комплекса «наука – образование – инновации» Северо-Западного федерального округа России до 2030 года (далее – Стратегия комплекса НОИ СЗФО). Идея разработки Стратегии комплекса НОИ СЗФО была поддержана аппаратом Полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе.

Разработка Стратегии комплекса НОИ СЗФО, осуществленная в 2008 г., позволила выявить важнейшие ресурсные составляющие научного, образовательного, инновационного потенциала округа, наметить целевые ориентиры и сценарии развития комплекса НОИ СЗФО.

Стратегия комплекса НОИ СЗФО определила следующие приоритетные тематические направления исследований и разработок для Северо-Западного федерального округа:

- Глубокая переработка природных ресурсов (древесины, нефти, газа, твердых полезных ископаемых). Строительство завода по переработке газа в моторное топливо, целлюлозно-бумажного предприятия по переработке лиственной древесины.
- Альтернативные источники энергии (солнечной, ветровой, приливной, водородной; биоэнергетика, плавучие АЭС). Новые источники агросырья для биодизельного топлива и эффективные безотходные технологии его производства и применения в условиях Северо-Запада РФ.

- Исследования человека и общества: инновационные механизмы воспроизводства качественного человеческого потенциала; исследование функций науки в решении глобальных проблем современности; исследование социального механизма инновационных процессов.

- Экологическая безопасность (мониторинг воздушной, водной среды, предупреждение, обеззараживание).

- Морские технологии (в частности, судостроение, навигация, гидродинамика, строительство платформ для нефтегазодобычи на шельфе).

- Информационные технологии (программный продукт, элементная база, телекоммуникации).

- Производство наноматериалов для электроники, судостроения, атомных электростанций, медицины.

- Обновление энергетического комплекса Северо-Запада России на основе научно-технических разработок технологии и оборудования в областях генерирующих мощностей, передающих сетей и др.

- Новые геотехнологии, технологии и материалы по разработке и добыче газа на шельфе Баренцева моря.

- Композитные материалы для турбин, ядерной, водородной энергетики.

- Разработка и создание технологий, информационно-технической базы и автоматизированных систем управления производством молока и мяса крупного рогатого скота в условиях Северо-Запада РФ.

В конце 2008 г. Стратегия комплекса НОИ СЗФО была рассмотрена на заседании МКС, по результатам которого Научному совету по проблемам региональной экономики, социальным проблемам и инновациям МКС было поручено совместно с другими научными советами МКС на основе Стратегии комплекса НОИ СЗФО разработать Комплексную научно-техническую программу СЗФО РФ до 2030 г (Решение МКС от 11.12.2008 № 2).

Координатором работ по формированию Комплексной научно-технической программы СЗФО РФ до 2030 г. (далее – КНТП СЗФО) был определен ИПРЭ РАН (научный руководитель Программы – член Президиума РАН, заместитель председателя МКС чл.-корр. РАН В.В. Окрепилов). Участниками разработки стали научные советы МКС, институты и научные организации РАН Северо-Запада, крупнейшие высшие учебные заведения СЗФО.

В эту работу были также вовлечены администрации всех субъектов Российской Федерации, расположенных на территории СЗФО, которые представили свое видение приоритетов развития экономики округа и конкретные предложения по реализации крупных научно-технических проектов.

Основной целью КНТП СЗФО является развитие научно-технологического потенциала округа в целях реализации приоритетных направлений развития науки, технологий и техники и перехода субъектов Российской Федерации, расположенных на территории СЗФО, на инновационный путь развития. Формат КНТП СЗФО выбран таким образом, чтобы способствовать консолидации усилий регионов в активизации инновационной деятельности, развитии научно-технологического потенциала, улучшении качества продукции, повышении привлекательности научной, инженерной деятельности для молодых специалистов и в конечном счете сформировать в Северо-Западном федеральном округе диверсифицированную экономику, обеспечивающую ускоренное комплексное социально-экономическое развитие макрорегиона.

КНТП СЗФО была рассмотрена и утверждена на заседании МКС 16.02.2011.

Основное содержание Программы составляют ее проекты, которые сгруппированы в два блока.

Первый – в русле приоритетных направлений развития экономики в Российской Федерации, определенных Президентом РФ Д.А. Медведевым в его Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в ноябре 2009 года.

1. Энергоэффективность и энергосбережение.
2. Ядерные технологии.
3. Космические технологии, связанные с телекоммуникациями.
4. Медицинские технологии – диагностическое оборудование и лекарственные средства.
5. Стратегические информационные технологии.

Эти направления в Послании определены как ключевые для выхода России на новый технологический уровень.

Второй блок составляют проекты, дополняющие приоритетные направления и являющиеся особо важными для СЗФО:

1. Развитие судостроительной отрасли.
2. Создание и применение новых материалов, в том числе наноматериалов.

3. Разработка и применение новых технологий.
4. Экологическая безопасность макрорегиона.
5. Исследование человека и общества.
6. Разработка и применение технологий промышленного комплекса.

В качестве примера можно привести такие крупные проекты, вошедшие в КНТП СЗФО, как:

- Создание самоподъемной буровой установки «Арктическая» (Архангельская обл.);
- Использование ветроэнергетической установки для электроснабжения острова Спас-Каменский (Вологодская область);
- Организация производства светодиодов на заводе «Северные кристаллы» в г. Апатиты (Мурманская область);
- Строительство Ярегского горно-химического комплекса (Республика Коми);
- Производство гибридных зеркальных антенн и дифракционных антенных решеток сантиметрового и миллиметрового диапазона (Калининградская область);
- Создание исследовательского нейтронного комплекса на базе реакторов ПИК и ВВР-М (Ленинградская область);
- Проект ГЛОНАСС, «Твердотельная светотехника» (Санкт-Петербург).

Особое место в КНТП СЗФО заняли проекты в области судостроения – отрасли, имеющей принципиально важное значение для Северо-Западного федерального округа. В числе этих проектов:

- создание атомных ледоколов повышенной мощности, плавучих атомных электростанций;
- разработка проекта арктического газовоза-челнока;
- строительство специальных судов для геофизических исследований, бурения при разведке и освоения месторождений нефти и газа;
- строительство комплексов с сухими доками и др.

КНТП СЗФО является документом, в котором в полной мере реализован принцип комплексности. Как комплексный программный документ Программа включает разные типы проектов, охватывает все субъекты Российской Федерации на территории Северо-Западного федерального округа.

В разрезе направлений реализации крупных проектов наибольшую долю занимают те, что относятся к приоритетным направлениям разви-

тия экономики в Российской Федерации, определенным Президентом РФ Д.А. Медведевым. Среди них больше всего проектов по направлению «Стратегические информационные технологии» (125 проектов), а также проекты и мероприятия по энергоэффективности и энергосбережению (117 проектов). Среди проектов, реализующихся в рамках направлений развития науки и техники, имеющих особое значение для СЗФО, выделяются проекты и мероприятия по созданию и применению новых материалов, в том числе наноматериалов, проекты по разработке и применению новых технологий. Но не менее важную роль в КНТП СЗФО будут играть и те мероприятия, что тесно связаны с улучшением природной среды, экологии Северо-Запада, развитием агропромышленного комплекса.

Говоря об особом статусе и формате Программы, ее комплексности, реализующейся в самых разных аспектах интеграции проектов и мероприятий, нельзя не сказать, что в КНТП СЗФО в необходимой мере учтены отдельные региональные целевые программы, в частности программа «Освоение биоресурсов Белого моря и развитие биотехнологической отрасли в Республике Карелия на период до 2020 года» (Республика Карелия); Программа инновационно-технологического развития промышленности Санкт-Петербурга на 2009 – 2011 годы (Санкт-Петербург) и другие.

Планируемый объем финансирования Программы до 2030 года равен 766 млрд. руб., в том числе средства предприятий и организаций частного сектора – 460 млрд. руб. Источниками финансирования, кроме Федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации, расположенных на территории СЗФО, являются бюджетные и внебюджетные венчурные и инвестиционные фонды, средства предприятий и организаций частного сектора, целевые федеральные программы и программы субъектов Российской Федерации, расположенных на территории СЗФО.

Реализация Программы будет способствовать диверсификации экономики округа, снижению доли сырьевого сектора, повышению удельного веса высокотехнологичных сырьевых и обрабатывающих производств, повышению качества продукции и конкурентоспособности экономики округа, а также поддержанию лидерства в ядерной энергетике, судостроении, ракетно-космических технологиях, авиации, программном обеспечении.

Будут основаны более 30 крупных промышленных предприятий приоритетных отраслей экономики СЗФО, созданы более 400 новых технологий.

Ожидается появление примерно 50 новых объектов инновационной инфраструктуры, призванных обеспечить укрепление взаимовыгодного сотрудничества науки, образования и производства.

Продолжится развитие новейших технологий укрепления здоровья людей через совершенствование диагностики и создание активных препаратов для профилактики и терапии сердечно-сосудистых заболеваний и сахарного диабета, препаратов, обладающих противовоспалительным антиоксидантным действием.

КНТП СЗФО будет способствовать повышению качества профессионального образования, обеспечению его большей доступности для талантливых молодых людей, повышению их конкурентоспособности на рынке труда.

Будет обеспечено формирование многоуровневой системы управления качеством, влияющей в том числе на все аспекты качества жизни населения округа.

Реализация мероприятий КНТП СЗФО, участие в ней учреждений РАН существенным образом изменит структуру экономики округа, делает ее более восприимчивой для инноваций, внедрения передовых информационных технологий, развития нанотехнологий и биотехнологий, электроники, энергетической, судостроительной и других отраслей, имеющих приоритетное значение для Северо-Западного федерального округа. КНТП СЗФО, отражая комплекс мероприятий по технологическому развитию отраслей экономики Северо-Запада, приведет к существенному увеличению вклада интеллектуального капитала в стоимость продукции макрорегиона.

Важным результатом реализации КНТП СЗФО станет расширение участия предприятий и организаций частного сектора экономики в финансировании научно-технических мероприятий. Привлечение средств частных компаний, осуществляемое на принципах государственно-частного партнерства, позволит сблизить интересы научных и инновационных организаций с интересами производственных предприятий, сориентировать научные исследования и разработки на текущие и перспективные потребности экономики округа, повысить уровень коммерциализации инновационных разработок, создать условия для капитализации новых высокотехнологических компаний.

Реализация проектов в сфере здравоохранения, образования, сохранения окружающей среды, развития человека и общества будет способствовать формированию лучших условий жизнедеятельности людей, созданию более благоприятной экологической обстановки, укреплению здоровья населения, что в конечном счете будет означать повышение качества жизни населения округа.

Принципиально важным представляется то, что названные документы (Стратегия комплекса «НОИ» СЗФО до 2030 г. и КНТП СЗФО до 2030 г.) интегрированы в Стратегию социально-экономического развития СЗФО до 2020 г., разработанную в конце 2010 года.

Одним из решений Межведомственного Северо-Западного координационного совета при РАН по фундаментальным и прикладным исследованиям от 16.02.2011г. было признание необходимости организации мониторинга реализации КНТП СЗФО.

Сегодня учеными института разработана методика мониторинга этой долгосрочной комплексной научно-технической программы. Основными особенностями этого мониторинга являются следующие:

- мониторинг Программы проводится с использованием многоуровневой системы менеджмента качества;
- ведется наблюдение за реализацией мероприятий и проектов Программы;
- осуществляется оценка выполнения целевых показателей Программы;
- поддерживается регулярное взаимодействие с региональными координаторами при содействии аппарата Полномочного представителя Президента РФ по СЗФО;
- проводится ежегодное уточнение и корректировка целевых показателей, конкретных мероприятий Программы;
- оценивается влияние мероприятий и проектов Программы на основные параметры социально-экономического развития субъектов СЗФО и округа в целом.

В целом реализация документов долгосрочного развития науки, техники, технологий будет иметь стратегическое значение для регионов СЗФО, поскольку это откроет возможность формирования документов комплексного социально-экономического развития макрорегиона «Северо-Запад» с учетом факторов научно-технического прогресса, влияния технологических инноваций на сферы жизнедеятельности населения субъектов РФ, расположенных на территории Северо-Западного федерального округа.

Региональные органы управления смогут формировать свои программы научно-технического, социально-экономического развития с учетом планирующихся к реализации в среднесрочной и долгосрочной перспективе крупных проектов макрорегионального уровня, более эффективно развивать межрегиональные экономические связи, развивать профессиональное образование, нацеливая его на удовлетворение потребностей формирующейся инновационной экономики региона.

Для органов власти регионального уровня указанные Стратегия и Программа являются инструментом проведения эффективной промышленной, инновационной, технологической, структурной политики, использования заложенных в них крупных проектов как полюсов роста своих территориальных образований.

Литература

1. Стратегия развития комплекса «Наука – образование – инновации» Северо-Западного федерального округа до 2030 года. – СПб., 2008.
2. Комплексная научно-техническая программа Северо-Западного федерального округа России до 2030 года (проект для обсуждения) / В.В. Окрепилов – научный руководитель Программы. – СПб.: ИПРЭ РАН, 2010.
3. Стратегические приоритеты регионального развития: от теории к принципам формирования единого социально-экономического пространства / под ред. В.В. Окрепилова; ИПРЭ РАН. – СПб.: Наука, 2009.
4. Фундаментальные проблемы пространственного развития макрорегиона при переходе к инновационной экономике (на примере Северо-Запада России) / под ред. В.В. Окрепилова; ИПРЭ РАН. – СПб.: Наука, 2010.

Ф.Д. Ларичкин, А.М. Фадеев, А.Е. Череповицын

**Формирование концепции рационального
недропользования, обеспечивающей
конкурентоспособность регионов Севера и Арктики
в глобальной рыночной экономике**

В развитии экономики большую роль играют институциональные реформы и продуманная экономическая политика, направленная на создание новых форм организации и кооперации труда, обеспечивающих освоение, накопление и эффективное использование природных и иных ресурсов. К таким формам относятся кластеры – группы связанных между собой отраслей, комплексы предприятий, организаций на базе территориальной интеграции поставщиков и производителей, связанных технологической цепочкой. Поэтому одним из важных направлений социально-экономического пространственного развития регионов России должно стать создание условий для модернизации промышленности, формирование и поддержка конкурентоспособных территориальных производственных кластеров.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в случае решения важной национальной стратегической задачи, связанной с экономическим пространственным развитием северных и арктических регионов России, богатых минеральными ресурсами. Успешное освоение технологически сложных углеводородных месторождений континентального шельфа может быть осуществлено за счет создания технологически современной, конкурентоспособной промышленности на основе кластерной модели развития. При реализации крупных нефтегазовых проектов до 80% работ приходится на долю поставщиков для добывающих предприятий: металлообрабатывающих, строительных, машиностроительных и других поставщиков металлоконструкций, оборудования, материалов. Поставщиками разного рода услуг становятся сервисные компании, научные и образовательные учреждения, предприятия транспорта и связи,

Ларичкин Федор Дмитриевич – д.э.н., профессор, директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина РАН.

Фадеев Алексей Михайлович – к.э.н., доцент ИЭП КНЦ РАН.

Череповицын Алексей Евгеньевич – д.э.н., профессор ИЭП КНЦ РАН.

лизинговые компании и т.д. Таким образом, очевидна необходимость построения гибких территориально-производственных систем в форме кластеров, которая позволит не только оптимизировать производственные издержки, но и адекватно оценить прямые и косвенные (мультипликативные) эффекты.

Существенное повышение эффективности минерально-сырьевого комплекса (МСК) России не может быть обеспечено простым сложением ресурсов. Оно требует нового качества использования научно-технического и производственного потенциалов, которое позволит на более высоком качественном уровне интегрировать материально-технические, инвестиционные и инновационные ресурсы регионов.

Исследования, проводившиеся в течение последних 20 лет, показывают, что отличительной чертой стратегии долгосрочного развития кластеров конкурентоспособности является их *инновационная ориентированность*. Потенциальные преимущества кластеров в осознании необходимости и создании возможности для инноваций очень велики, в не меньшей степени важными оказываются предоставляемая ими гибкость и способность к быстрому реагированию на эту потребность. Нередко компания в пределах кластера может значительно быстрее находить источники для новых компонентов, услуг, оборудования, а также других требуемых при введении инноваций элементов, независимо от того, что эти элементы собой представляют — новую производственную линию, новый процесс или новую модель снабжения¹.

Кластеры выступают в качестве механизмов повышения конкурентоспособности территорий, перехода к производственным процессам с большей добавленной стоимостью, способствуют установлению конструктивных взаимоотношений между предприятиями, исследовательскими, образовательными, финансовыми учреждениями и органами власти. Преимущество и новизна кластерного подхода заключаются в том, что он придает высокую значимость микроэкономической составляющей, территориальному и социальному аспектам экономического развития, предполагает использование эффективных инструментов для стимулирования развития индустриальных регионов, применение которых приведет к увеличению

¹ Гужов В.В. Применение кластерного подхода к совершенствованию механизмов стратегического управления НИС РФ // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Инвестиции — главный фактор экономического развития России» (Москва, ИНИОН, 26 мая 2005г.); Хансен Алек. Конкурентоспособность и кластеры: новые подходы к стимулированию экономического развития в эпоху глобализации // Материалы семинара «Конкурентоспособность и отраслевые кластеры: новая повестка дня для российского бизнеса и власти». — СПб, 2003.

занятости, повышению конкурентоспособности производственных систем, росту бюджетных доходов и другим позитивным изменениям.

Первые масштабные программы кластерной политики появились: в США – в 1970–1980 гг.; Дании – 1989–1990 гг.; Австрии, Великобритании, Японии (Хоккайдо) – в первой половине 1990-х гг.; Финляндии, Франции – 1995 г.; Венгрии – 1996 г.; Словении – 1999–2003 гг.²

В ряде стран в последние десятилетия приобрели значение эффективные «кластерные стратегии», которые строятся на центрах деловой активности, уже доказавших свою силу и конкурентоспособность на мировом рынке. Органы государственного регулирования концентрируют усилия на поддержке существующих кластеров и создании новых сетей компаний, ранее не контактировавших между собой. Государство при этом не только способствует формированию кластеров, но и само становится участником сетей. Кластерные стратегии широко используются в странах Европы³.

«Сетевые регионы» в глобальной экономике, представленные кластерами, все более и более выигрывают конкуренцию у иерархических регионов (таблица).

Сравнительная характеристика «сетевых» и «иерархических» регионов

Факторы сравнения	Иерархические регионы	Сетевые регионы
Базовая производственная структура	Централизация производства (градообразующие предприятия)	Сеть автономных фирм (networks of place). Концентрация без централизации
Организация хозяйства	Отраслевая или корпоративная	Производственные кластеры
Внутренняя конкуренция	Отсутствует. Функциональная специализация	Присутствует. Гибкая специализация
Мобильность рабочей силы	Низкая	Высокая
Роль органов власти	Высокая степень зависимости властей от компаний	Высокая степень автономии властей и компаний
Региональные стратегии	Доминируют стратегии корпораций	Стратегии как региональный консенсус (ЧГП*)

* ЧГП – частно-государственное партнерство.

Исследованию кластеров посвящены работы многих зарубежных и отечественных ученых. Впервые проблемы пространственной интеграции производства были исследованы М. Портером (M. Porter). Феномен кластерного развития экономики рассмотрен в работах Р. Коуза (R. Coase) («теория фирмы»), Й. Шумпетера (J. Schumpeter) (динамика конкуренции), Ф. Перру (F. Perroux) (теория «полюсов роста» или «полюсов развития»).

² Cluster specialisation patterns and innovation styles. – Den Haag, 1998. \ – P.5.

³ Дракер П.Ф. Инновации и предпринимательство. – М.: Экономика, 1992; Хансен Алек. Конкурентоспособность и кластеры: новые подходы к стимулированию экономического развития в эпоху глобализации // Материалы семинара «Конкурентоспособность и отраслевые кластеры: новая повестка дня для российского бизнеса и власти». – СПб, 2003; Цихан Т.В. Кластерная теория экономического развития // Теория и практика управления». – 2003. – №5.

Кластеры как экономическая категория рассматривались с позиции разных экономических наук. В контексте регионального пространственного развития и размещения производства выделяются теории И. Тюнена (J. Thünen), В. Лаундхардта (W. Launhardt), А. Вебера (A. Weber), А. Лёша (A. Lösch), П. Кругмана (P. Krugman). В исследованиях К. Эрроу (K. Arrow), Р. Нельсона (R. Nelson) и С. Уинтера (S. Winter) рассмотрены проблемы модернизации рыночной структуры и конкурентного развития как факторов повышения инновационной активности экономических систем. Институциональные проблемы кооперационного взаимодействия отражены в работах О. Вильямсона (O. Williamson), В. Нордхауса (W. Nordhaus), Ф. Хайека (F. Hayek).

Под промышленным кластером понимается система организационно-экономических отношений интегрированных по горизонтально–вертикальному, территориальному (пространственно не ограниченному) принципу по цепочке «ресурсы – маркетинг – логистика – производство – потребление» юридически обособленных фирм, функционирующих на различных стадиях и в различных режимах производства однородного инновационного продукта (услуги) на условиях кооперации и конкуренции, извлекающих выгоды из совместного использования специфических активов и социальной встроенности в хозяйство региона, способных довести прогрессивные технологии до новых систем деятельности и конечного продукта.

В развитии кластеров существенную роль играют государственные органы управления. Эта роль связана с инициированием и поддержкой процесса активации кластера (диагностика и вовлечение ключевых групп интересов); участием в кластерных совещаниях и принятии решений, касающихся развития кластера; ориентацией и повышением эффективности целевых программ (образование, НИОКР, инфраструктура и др.) и основных направлений политики развития кластера; диалогом с лидерами бизнеса, вузами, НИИ и урегулированием спорных вопросов; координацией усилий с другими уровнями власти; помощью в международном сотрудничестве.

Конкурентоспособность региона определяется как наличием тех или иных конкурентоспособных отраслей или сегментов отрасли, так и способностью региональных органов власти создать условия региональным предприятиям для достижения и удержания конкурентного преимущества в определенных областях.

Политика, опирающаяся на развитие кластеров, ведет к повышению конкурентоспособности государства. В качестве примера можно привести Финляндию и ее экономическую политику, базирующуюся на кластеризации. Эта страна на протяжении 2000-х годов занимает ведущие места в мировых рейтингах текущей и перспективной конкурентоспособности. За счет кластеров с высокой производительностью небольшая Финляндия, располагая всего 0,5% мировых лесных ресурсов, обеспечивает 10% мирового экспорта продукции деревопереработки и 25% – бумаги. На телекоммуникационном рынке она обеспечивает 30% мирового экспорта оборудования мобильной связи и 40% – мобильных телефонов.

В связи с реализацией крупномасштабного проекта разработки Штокмановского газоконденсатного месторождения важным и актуальным представляется использование опыта формирования и функционирования нефтегазовых кластеров Норвегии, системообразующим элементом формирования которых был процесс освоения морских нефтегазовых месторождений. К их числу относятся: **Ставангер** – кластер скважинных технологий (общественные и частные административные центры, технологические фирмы, НИИ и Университеты); **Берген** – кластер подводного оборудования (местные поставщики в рамках Норвежского центра экспертизы (НЦЭ) Подводного пространства, взаимодействие с Высшей школой бизнеса Норвегии и SINTEF); **Мор** – кластер морского судоходства (из 179 судоходных компаний, а также включает проектирование и моделирование, снабжение и судостроительные верфи); **Кристиансенд** – кластер бурения (из 50 предприятий, основанных на морских технологиях); **Конгсберг** – кластер высоких технологий (из 34 компаний); **Хаммерфест** – региональная ассоциация поставщиков нефтегазовой промышленности «Петро Арктик» (более 400 компаний) в рамках освоения морского газоконденсатного месторождения «Сновит» и строительства завода СПГ; **Молде** – региональная ассоциация поставщиков нефтегазовой промышленности в рамках освоения морского газоконденсатного месторождения «Ормен Ланге» и строительства завода СПГ.

В целях данной работы интерес представляют *шельфы Баренцева и Печорского морей*. По результатам геологической изученности и анализа разведанности месторождений на данных шельфах можно выделить 2 нефтегазодобывающих центра – *Печороморский (комплексный нефтегазовый)* и *Штокмановский (моносырьевой газовый)*.

По степени освоенности Печороморский и Штокмановский нефтегазодобывающие центры являются базой для развития высокотехнологичных кластеров, в частности для создания и развития Мурманского нефтегазового кластера.

Кроме того, по мнению авторов, в СЗФО в первом приближении целесообразно формирование следующих кластеров на основе месторождений твердых полезных ископаемых и накопленных горно-промышленных отходов:

1. *Кольский горно-химический кластер* для обеспечения страны высокочистыми соединениями и сплавами тантала, ниобия, титана, циркония, редких земель, иттрия, лития, рубидия, цезия, тория, никеля, меди, кобальта, платины, палладия, огнеупорами на основе хромитов и кианитов, современными сварочными материалами, пригодными для самых ответственных, в том числе подводно-технических, работ при освоении ресурсов арктического шельфа, арктического судостроения, производства оборудования в северном исполнении, высокочистым кварцем, природными сорбентами на основе слюд для борьбы с нефтяным загрязнением и захоронения высокотоксичных отходов.

2. *Горно-металлургический кластер Республики Коми* для обеспечения страны нефтью, титаном, бокситами и глиноземом, золотом, баритом.

3. *Архангельский горнопромышленный кластер* по добыче алмазов.

4. *Межрегиональный глиноземно-цементный кластер* для восполнения острого дефицита цемента в СЗФО за счет более полного использования хибинских нефелинов в сочетании с архангельским и норвежским карбонатным сырьем с одновременным производством глинозема, соды и поташа.

5. *Горно-химический кластер по производству стратегических материалов* – редкометалльной и редкоземельной продукции на основе комплексной переработки эвдиалит-лопаритовых руд и накопленных отходов фосфогипса.

Научно-инновационный потенциал региона, опирающийся на мощные исследовательские объединения Санкт-Петербургского, Кольского, Карельского и Коми научных центров Российской академии наук, вузовскую науку, способен обосновать оптимальный выбор современных технологических схем новых производств в рамках предлагаемых кластеров и поддержать их непрерывное совершенствование в дальнейшем, что является обязательным условием для успешной конкуренции на мировых рынках стратегического сырья.

Секция 1

Проблемы устойчивого социально-экономического развития территорий

Е.С. Губанова

Проблемы интенсификации инвестиционного процесса в регионе

От начала кардинальных экономических преобразований в РФ, связанных с переходом к рыночной модели хозяйствования, нас отделяет почти двадцать лет, а тематика, касающаяся инвестиционной деятельности, не теряет своей значимости, более того, с каждым новым шагом в развитии рыночной экономики она приобретает все большую актуальность. Сегодня мы имеем в своем арсенале достаточный временной интервал, чтобы констатировать определенные закономерности инвестиционного процесса и его проблематику, а также определять необходимые подходы к решению выявленных проблем.

После четырехкратного снижения объемов инвестиций в первой половине 1990-х годов, в течение нескольких последующих лет наблюдалась стагнация, при которой падение объемов вложений продолжалось, но несколько меньшими темпами. Эти явления сопровождалось падением темпов и объемов производства во всех сферах экономики, снижением уровня жизни населения. Для экономики страны и регионов дефолт 1998 года стал, в определенном смысле, переломным моментом, т.к. после него начинается оживление инвестиционного процесса.

К этому периоду в инвестиционной сфере обнажились серьезные проблемы, тормозившие социально-экономическое развитие страны в целом и ее отдельных регионов. Для их решения требовались значительные материальные и финансовые ресурсы, твердая политическая воля и время, которое, как мы понимаем сегодня, было ограничено почти десятилетним интервалом. Не преодолев полностью кризисные явления в инвестиционной сфере, вызванные переходом к новой модели хозяйствования, в 2008 году страна погружается в новую волну кризиса. Заметим при этом, что за предшествующие новому кризису годы произошли значительные перемены в инвестиционном процессе, но многие проблемы оказались нерешенными, что, вероятно, будет тормозить выход из новой волны кризиса. Попытаемся выявить эти «болевые» точки. В таблице 1 представлены ключевые показатели инвестиционного процесса.

Губанова Елена Сергеевна – д.э.н., профессор, Вологодский государственный технический университет.

Таблица 1. Ключевые показатели инвестиционного процесса Вологодской области

Показатели	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб., (в текущих ценах)	8,59	10,33	13,92	18,27	43,11	60,64	66,10	79,21	72,21	46,33
Инвестиции в основной капитал (в % к 1990 году)	23,0	27,5	33,7	39,2	82,4	108,4	108,9	113,0	97,1	69,0
Доля валового накопления основного капитала в ВРП, %	11,8	15,5	16,6	16,4	28,2	32,6	32,4	31,6	25,7	н.д.
Доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства (в % от общего объема)	42,4	48,9	57,0	46,6	40,0	35,8	32,8	35,1	35,3	43,2
Доля привлеченных средств, %	50,1	41,9	30,2	31,7	52,3	60,2	61,1	65,7	56,0	63,3
В том числе:										
кредиты банков	3,8	9,3	7,2	10,0	10,5	7,5	3,6	11,4	7,2	9,2
бюджетные средства	20,6	15,0	10,0	8,3	5,6	6,3	5,0	6,3	11,5	10,2
Доля иностранных инвестиций в общем объеме, в %	0,2	1,5	0,6	4,1	4,4	5,0	0,7	5,2	1,7	н.д.
Доля инвестиций в обрабатывающие производства (в % от общего объема)	н.д.	н.д.	н.д.	50,2	45,6	39,7	28,8	25,9	30,0	29,1
Доля инвестиций, поступающих в Вологду и Череповец (в % от общего объема)	37,5	38,3	50,4	52,8	47,0	43,5	40,0	37,4	48,1	41,4

Как видно из данных таблицы, за последние десять лет объем инвестиций в экономику Вологодской области увеличился, однако следует отметить, что заметных качественных изменений, способных поддерживать повышательную динамику инвестиционного процесса, не наблюдается. Проблемы остаются в тех же «болевых» точках:

1. Планка уровня 1990 года по-прежнему не преодолена, условия для инвестирования находятся в большой зависимости от конъюнктуры, и не только экономической. При этом отметим, что последние два года «повернули» кривую инвестиций в сторону снижения их объемов.

2. Невысокой остается на протяжении многих лет доля инвестиций в машины и оборудование, что затрудняет переход к инновационной модели развития и усиливает технологическую отсталость как самого машиностроительного комплекса, так и смежных с ним отраслей.

3. Недостаточна доля кредитных ресурсов в структуре источников финансирования, что препятствует реализации крупных проектов,

требующих значительных вложений. Государственные инвестиции устойчиво снижаются, т.к. после кризиса 2008 года бюджеты многих субъектов РФ стали дефицитными.

4. Незначительный удельный вес иностранных инвестиций в экономику региона свидетельствует о снижении инвестиционной привлекательности Вологодской области для иностранных инвесторов. Это говорит о том, что зарубежные инвесторы не готовы взять на себя риск организации собственного производства на территории региона. Динамика объемов иностранных инвестиций характеризуется неустойчивостью: снижение объемов инвестиций сменяется их ростом и наоборот.

5. Отраслевая структура капитальных вложений Вологодской области свидетельствует о несбалансированном развитии региональной экономики. На развитие отраслей, производящих конечный продукт, и обрабатывающей промышленности (химическая, деревообрабатывающая, машиностроение) направляется около 10% инвестиций. Катастрофически мало инвестиций в сельское хозяйство, развитие строительства и торговли.

6. Что касается территориальной структуры, то она остается по-прежнему асимметричной и не создает возможностей для развития муниципальных образований Вологодской области.

Представляет определенный интерес динамика некоторых показателей состояния экономической и социальной сфер, обусловленная развитием инвестиционного процесса (табл. 2).

Как видно из таблицы, реакция социальной и экономической сфер на изменение показателей инвестиционной деятельности присутствует, но с определенным лагом. Заметно, что начало оживления в инвестиционном процессе связано с 2004 годом, а в период 2005–2007 гг. начинается усиление инвестиционной активности, которое, к сожалению, оказалось очень недолговременным. Однако именно тогда резко изменилась доля валового накопления в ВРП, что создавало хорошие предпосылки на будущее. При этом и некоторые качественные характеристики инвестиционного процесса начали меняться, но для того чтобы эти тенденции стали устойчивыми, потенциала оказалось недостаточно. Обращают на себя внимание следующие особенности воспроизводственного процесса: уменьшается износ фондов, но при этом нет заметных изменений в динамике производства; безработица несколько снизилась, но устойчивости в этой динамике нет, значит, рабочие места не появились; реальные доходы

Таблица 2. Динамика показателей состояния социальной и экономической сфер Вологодской области

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Показатели социальной сферы										
1. Уровень безработицы, %	н.д.	9,0	6,0	4,7	6,3	5,3	5,3	4,1	5,9	8,4
2. Реальные денежные доходы населения, в % к п.г.	118,8	113,1	110,2	108,3	105,5	106,4	123,4	109,6	98,7	89,9
3. Коэффициент дифференциации доходов, в разгах	8,0	9,7	9,2	11,0	11,3	11,0	12,2	12,6	12,5	11,4
4. Ввод жилья, в т. кв. м	204,0	239,4	238,5	247,0	300,1	293,0	333,7	488,7	545,4	489,9
5. Доля ветхого и аварийного жилья во всем жилом фонде, %	2,1	4,8	4,8	4,7	5,0	5,5	5,9	6,0	5,6	6,0
Показатели экономической сферы										
1. Валовой региональный продукт, в % к п.г.	106,2	101,9	102,5	104,6	109,6	104,5	104,8	105,1	96,7	н.д.
2. Индекс объемов промышленного производства, в % к п.г.	107,7	96,9	105,6	103,8	106,6	106,5	107,1	104,8	95,8	87,5
3. Индекс объемов с/х производства, в % к п.г.	102,4	104,0	96,6	97,7	91,5	104,0	95,3	98,0	100,5	97,7
4. Степень износа основных фондов, %	42,0	33,1	38,9	39,7	39,8	42,2	40,6	38,5	39,9	41,4

чуть повысились, но потом опять произошло снижение. Стало быть, вывод очевиден: недостаточно предпосылок, чтобы придать устойчивость росту инвестиционной активности. Попытаемся понять, а в чем проблемы такой конъюнктуры инвестиционного процесса?

В целом многие важнейшие экономические и социальные показатели выглядят достаточно позитивно, но их динамика носит противоречивый характер. Например, при росте ввода жилья наблюдается рост ветхого жилья, а рост реальных доходов, сопровождающийся усилением их дифференциации, обгоняет рост производства. Поэтому вполне правомерен вопрос: достаточен ли этот рост, чтобы стать основой развития? Многие отечественные экономисты называют подобную ситуацию в экономике «ростом без развития». Думаю, что с этим следует согласиться.

Одна из главных проблем, без решения которой не достичь высокой инвестиционной активности, — низкая норма валового накопления. Этот показатель начинает увеличиваться с 2004 года благодаря удачному сочетанию внутренних и внешних факторов. Однако уже в 2008 году происходит его падение, продолжающееся и в настоящее время.

Представляет определенный интерес сравнение этого показателя с аналогичными в других странах. В Германии норма валового накопления составляет 18%, в Великобритании – 16%, но при этом целый ряд важнейших количественных (например, степень износа основных фондов) и качественных (например, структура экономики) показателей имеют совсем другие значения. Норма валового накопления в экономиках, которые, как и российская, переходили к рыночной модели хозяйствования, имеет совсем другие параметры, которые удерживаются не один год. Это Чехия (27%), Вьетнам (33%), Венгрия (22%), Китай (38%).

При такой низкой норме накопления капитала, которую мы имеем сегодня, нам вряд ли удастся в короткие сроки провести модернизацию основных фондов, повысить конкурентоспособность экономики и решить другие, в том числе и социальные, проблемы.

Дело в том, что накопление – это первый этап инвестиционного процесса, негативное изменение которого разрушает всю цепочку: трансформацию, вложение и эффективное использование капитала. Именно на этом этапе создаются предпосылки будущей инвестиционной активности. Логика механизма накопления капитала выглядит следующим образом: Доходы населения – Сбережения населения – Вклады в банке – Кредитные ресурсы в экономике.

Как этот механизм работает в действительности?

Во-первых, доходы населения по-прежнему остаются недостаточно высокими для того, чтобы финансы домохозяйств выполняли одну из важнейших своих функций – сберегательную. При средней заработной плате в пределах 16000–18000 рублей и ее покупательной способности – 2,87 большинству домохозяйств, как можно предположить, сберегать просто нечего.

Во-вторых, как видно из таблицы 3, вклады населения имеют тенденцию к росту (определенная часть населения с достаточными доходами может сберегать часть денежных средств), но какие это вклады? Это большей частью «короткие» деньги, а для накопления нужны более «длинные» деньги.

Вывод, который следует: сбережения населения не могут пока стать действенным инвестиционным ресурсом.

Есть еще одна проблема, которая препятствует смене вектора развития инвестиционного процесса: это существующая структура источников финансирования.

Таблица 3. Динамика показателей финансовой сферы региона

Показатели	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
1. Ставка рефинансирования БР, на н. г., %	55	25	22	21	16	12	11,5	10	13	8,75
2. Рентабельность продукции, товаров, %	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	31,7	23,5	19,9	21,5	26,8	10,6
3. Индекс цен промышленной продукции, %	126,2	106,5	132,7	122,4	139,9	100,7	113,0	106,8	106,7	97,9
4. Вклады населения, млрд. рублей	н.д.	н.д.	н.д.	11,0	14,7	17,6	24,1	28,9	36,8	46,6
5. Кредиты, предоставленные предприятиям, млрд. рублей	н.д.	н.д.	н.д.	9,6	16,1	21,9	33,6	55,1	65,1	54,5

В целом те изменения, которые происходили в структуре источников финансирования инвестиционной деятельности, можно признать достаточно позитивными. Мы постепенно уходим от той «архаичной структуры», где преобладали собственные средства, более разнообразными становятся привлекаемые ресурсы, изменяются и методы их привлечения. Но опыт многих стран показывает, что реализация крупных инвестиционных проектов, нацеленных на инновационные изменения в экономике, требует значительного объема средств, который может быть привлечен посредством венчурного финансирования, проектного финансирования и долгового финансирования. Первые два метода, к сожалению, не так широко представлены в экономике в силу разных причин, в том числе и институциональных. Но незначительная роль кредитных ресурсов выглядит удручающе.

Чем можно объяснить такое положение? Как было показано выше, недостаточность сбережений населения препятствует формированию достаточной базы ресурсов банков.

Один из значимых денежно-кредитных инструментов государства, каким является ставка рефинансирования ЦБ РФ, снижается, но при этом процентные ставки по кредитам, предоставляемым коммерческими банками, по-прежнему находятся на довольно высоком уровне. Поэтому и возникает сложная ситуация, в которой для многих участников

воспроизводственного процесса при невысокой средней рентабельности производства кредиты остаются недоступными. Объем кредитов, предоставляемый предприятиям, как видно из таблицы, выглядит достаточно значительным, но снова повторяется та же ситуация: это в основном «короткие» деньги.

Хотелось бы также отметить, что частный инвестор, обладающий определенными средствами для инвестирования, зачастую не может их использовать по этому направлению по причине многочисленных барьеров со стороны государства. Парадоксальная ситуация: государство хочет привлечь частный бизнес к инвестированию, но само же ему и мешает. А ведь мировой опыт показывает, что модернизация идет, как правило, снизу, а не сверху. Значит, надо облегчить путь к этому и рычаги государства должны стать более гибкими.

И в заключение хотелось бы указать еще на одну проблему, решение которой в значительной степени может повлиять на вектор инвестиционного процесса. Для того чтобы инвестиции были результативными с экономической и социальной точек зрения, нужна системная, обоснованная с точки зрения приоритетов инвестирования и эффективная инвестиционная политика.

Дифференциация регионов России и проблемы развития приграничных регионов

Региональному развитию присуща неравномерность, вызванная экономическими и политическими факторами: изменением ситуацией на рынках и дивергенцией свойств экономического пространства, а также определенными политическими решениями, приводящими к искажению экономического пространства. В то же время выбор пространственной модели и понимание региональной политики должны опираться на тенденции мирового экономического пространства и районирование с учетом многообразия спектра центр-периферийных связей и внешних вызовов и существующих проблем. В экономическом смысле мы должны найти корреляцию или сопряжение учетной формы и экономической сути, которая придает региону управленческую субъектность и определяет соответствующее проблемное поле.

Асимметрия регионов выражается в разных показателях, разном уровне развития регионов, величине их вклада в национальную экономику. Основным признаком асимметричного развития выступает динамика разброса региональных показателей (табл. 1). Из приведенных данных отклонение среднего значения от медианы значительно для таких показателей региональной экономики, как ВРП и объем инвестиций в основной капитал в расчете на одного человека, – явное нарушение нормального распределения. Следовательно, существует некий влияющий фактор.

В таблице отражены показатели, выбранные как наиболее характерные с точки зрения дифференциации регионов. Выделяются явные лидеры и большая группа аутсайдеров. По параметру «Инвестиции...» пять субъектов превысили среднее значение. Значения показателя «Объем инвестиций в основной капитал на одного человека» различаются в 1727 раз: от 0,83 тыс. руб. (Чеченская Республика) до 1434 тыс. руб. (Ненецкий АО), к лидерам относятся также Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО; Тюменская область, Республика Саха (Якутия), Архангельская область.

Толстогузов Олег Викторович – к.э.н., к.ф.-м.н., заместитель директора по научной работе Института экономики Карельского научного центра РАН.

По значению показателя «Объем ВРП на душу населения» 18 субъектов РФ превысили средний уровень. Разница по показателю составила 105 раз: от 22 тыс. руб. (Ингушетия) до 2319 тыс. руб. (Ненецкий АО). Среди лидеров – города федерального значения Москва и Санкт-Петербург; республики: Коми, Татарстан, Саха (Якутия); области: Вологодская, Ленинградская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская, Томская, Тюменская; края: Красноярский и Камчатский; автономные округа: Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский.

Таблица 1. Параметры нормального распределения экономических показателей, характеризующих региональное развитие (данные Росстата, 2007 г.)

	Объем ВРП (на душу населения), тыс. руб.	Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на одного человека (в ценах 2003 года), тыс. руб.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по субъекту РФ, руб.	Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума, %	Младенческая смертность, на 1 тыс. человек, родившихся живыми	Смертность населения трудоспособного возраста, на 100 тыс. человек населения соответствующего возраста	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя субъекта РФ, всего, кв. м	Доля продукции, произведенной малыми предприятиями, в общем объеме валового регионального продукта, %	Доля налоговых и неналоговых доходов в общем объеме доходов консолидированного бюджета субъекта РФ (за исключением субвенций из федерального бюджета), %	Уровень безработицы (по методологии Международной организации труда) в среднем за год, %
Среднее	189	41,6	12755	18,0	10,0	716,2	21,5	9,1	70,1	7,9
Максимум	2319	1434	37366	44,0	20,3	1099	29,4	22,0	122,5	53,0
Минимум	22	0,8	5664	6,7	4,2	155,8	4,9	0,8	7,8	0,8
Медиана	113	15,1	10749	17,3	9,3	707,8	21,4	8,9	75,9	6,4

Дифференциация территорий обуславливается свойствами изменяющегося экономического пространства, характерными особенностями производства и обмена. Исследование по основной массе статистических данных показало, что региональная экономическая политика не проявляется на уровне жизни в регионах: велико влияние специфических факторов, обусловленных внутренними свойствами регионов.

Для выявления влияющих факторов было проведено исследование пространственной организации экономики и дифференциация регионов путем их группировки. Применен факторный анализ, направленный на

исследование закономерностей изменения дисперсии экономических показателей и оценку размерности переменных путем исследования корреляционных матриц. В качестве факторов выступили комбинации переменных, выявляемые по критерию наибольшей факторной нагрузки. Первая группа факторов (30% дисперсии) связана с *денежной массой*, расходами бюджета субъекта РФ, ценой одного квадратного метра площади на рынке жилья. Вторая (15%) – *производственная*, измеритель экономического роста, ВРП на душу населения, среднемесячная номинальная заработная плата работников. Третья (10%) – *социальная нагрузка*, определяется уровнем безработицы, младенческой смертностью, долей населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, площадью жилых помещений (на одного жителя).

По влиянию комбинации факторов выявлены 4 группы регионов:

I. Развитые регионы (значимое влияние первых двух групп факторов): Москва, Санкт-Петербург, Московская и Свердловская области. К ним близки Красноярский и Краснодарский края, Республика Башкортостан.

II. Ресурсодобывающие регионы, в которых осуществляются крупные промышленные проекты (значимое влияние производственного фактора): Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский и Ханты-Мансийский АО, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха. К ним близки республика Коми, Тюменская и Мурманская области.

III. Депрессивные регионы, которые по многим показателям отстают от среднероссийского уровня (значимое влияние социальной нагрузки), – республики Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская и Тыва. К ним близки республики Калмыкия и Бурятия.

IV. Остальные периферийные регионы, обладающие специфическими проблемами, определенными в рамках модели «центр – периферия».

Первые три группы являются целевыми в рамках макроэкономической политики, и, собственно говоря, они определяют содержание федеральной политики. Но не они должны определять повестку региональной политики.

Четвертая группа характеризуется отсутствием влияния факторов на распределение. Очевидно, это связано с тем, что действие факторов сглаживается внешним влиянием или специфическими внутренними факторами. Именно эта группа должна формировать повестку региональной политики.

Сегодняшняя региональная политика РФ носит патерналистский характер, в соответствии с этим экономическое пространство России представляется упрощенной схемой парных взаимоотношений «центр – регион», в которых регион определяется как совокупность бюджетных кодов в соответствии с принятой номенклатурой, без учета многообразия и особенностей периферийных территорий в контексте внешних вызовов.

В таком аспекте региональная политика России в Северо-Западном федеральном округе – это взгляд и действия инновационного центра Санкт-Петербурга в отношении сырьевой периферии. Развитие округа определяется экономическим и инновационным потенциалом Санкт-Петербургской городской агломерации, выходом к важнейшим морским коммуникациям, наличием ресурсной базы для топливной, металлургической, химической, лесной и рыбной отраслей. Рост этой агломерации и прилегающих регионов в основном определяется развитием транспортных и деловых услуг, высокотехнологичных импортозамещающих отраслей обрабатывающей промышленности, в частности военно-промышленного комплекса, судостроения и автомобилестроения, а также традиционных индустриальных отраслей северо-западных регионов. В ресурсодобывающих областях округа особое значение приобретает использование новых технологий для развития и модернизации приоритетных отраслей, включая растущую добычу нефтегазовых ресурсов, в том числе на шельфе, металлургии, лесной промышленности с переходом к глубокой переработке древесины, а также добычу и переработку водных биологических ресурсов. Однако цели собственно развития территории, а не добыча ресурсов выпадают из повестки дня.

Поскольку урбанизация в России еще не завершена, то население по-прежнему стремится в крупные города. Разрежение внегородского пространства продолжается. Привлекательность региона для проживания выражается в конечном счете в т.н. «голосовании ногами». Фактор привлекательности проявляется в изменении миграционных потоков, а также в увеличении или уменьшении смертности, болезней, в статистике эксцессов девиантного поведения. Причем разрыв между развитыми (привлекательными для жизни) и неразвитыми регионами увеличивается. Данные проблемы актуализируют необходимость коррекции целей и задач региональной политики.

Таким образом, сегодня едва ли не главным фактором развития региона становится усиливающаяся дифференциация регионов и формирова-

ние новых форматов взаимодействия с федеральным центром, сводящих регион к роли просителя субвенций. В связи с этим использование простых решений, например политического объединения (через укрупнение регионов по принципу объединения сильного и слабого), приведет лишь к упрощению управленческого объекта – снижению размерности проблемного поля. Этот вывод подтверждается примером интеграции Евросоюза, которая привела не столько к выравниванию межрегиональных контрастов, а сколько к порождению новых форм периферийности. Влияние кризиса расширило «периферийную» повестку дня единой Европы и еще более актуализировало европейскую региональную политику в части неэффективности применяемых инструментов.

Для выяснения нового содержания и целеполагания региональной политики необходимо определить ее реальный объект и сущность проблем. С этой целью было исследовано влияние внешней среды и выделены соответствующие периферийные территории:

- расположенные вблизи крупных рынков, тесно вовлеченные в мировой и национальный рынок;
- удаленные от крупных рынков, но включенные в них;
- слабо вовлеченные в мировой или национальный рынок из-за разных факторов, снижающих доступность рынков.

Проведенные ранее исследования [1] позволили дополнить классификацию по степени вовлеченности в мировую экономику:

- глубинная территория или глубинный (внутренний) регион: экспортный регион с развитым производством (1 тип); регионы с ограниченной открытостью (2 тип);
- приграничный регион: изолированный и слабо вовлеченный в мировую экономику (3 тип); с развитой приграничной торговлей и внешнеторговой деятельностью (4 тип); территория с развитыми договорными отношениями приграничного сотрудничества (трансграничный регион) (5 тип).

Сильное влияние внешних факторов, которое испытывают приграничные регионы, определяет их специфику, заключающуюся в двоякости роли и функций. С одной стороны, приграничные регионы служат своеобразной площадкой, где непосредственно отрабатываются инструменты и формы взаимодействия национальной и мировой экономик. С другой стороны, состояние и структура экономики приграничных регионов выступают индикаторами эффективности использования инструментов управления, применяемых в рамках региональной политики.

Рассмотрим параметры, отражающие интеграцию регионов в мировую экономику. Таковыми параметрами в некоторой мере являются экспорт ($X_{э}$), импорт ($X_{и}$) и доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций (I). В то же время, чтобы сравнение регионов было более объективным, показатели приведем к безразмерной удельной величине следующим образом:

$$x_{э,и} = X_{э,и} / V * 100\%,$$

где $X_{э,и}$ – экспорт и импорт в стоимостном выражении; V – объем отгруженной продукции в стоимостном выражении; $x_{э,и}$ – соответствующий удельный показатель, отражающий величину потоков экспорта и импорта по сравнению с общим объемом произведенной в регионе продукции.

В данном исследовании остановимся на северо-западной части России, динамично развивающейся территории, в том числе за счет активизации внешнеэкономической деятельности. Распределение субъектов СЗФО по типам периферийных регионов позволило сделать сравнение регионов (табл. 2).

Таблица 2. Распределение субъектов СЗФО по типам периферийных регионов (2009 г.) Санкт-Петербург – агломерация и центр СЗФО (А)

Субъект Северо-Западного федерального округа	ВРП, тыс. руб.	Объем отгруж. товаров собствен. производства, тыс. руб.	Экспорт, тыс. руб.	Импорт, тыс. руб.	Инвестиции, тыс. руб.	Доля иностр. инвестиций, %	Тип	Специализация
Республика Карелия	180,3	109,5	46,5	10,4	28,7	38,3	5	производственная
Республика Коми	310,8	257,2	24,9	11,1	113,9	25,0	2	производственная
Архангельская обл.	237,7	182,5	97,7	5,6	52,6	26,8	1	производственная
Вологодская обл.	245,7	214,1	57,9	10,2	45,7	3,7	2	производственная
Калининградская обл.	193,7	197,9	18,0	167,7	57,1	6,3	5	транзитная
Ленинградская обл.	235,6	240,2	131,8	67,4	118,6	19,4	4-5	производственная и транзитн.
Мурманская обл.	258,1	161,9	58,8	12,3	49,4	4,5	3	производственная
Новгородская обл.	180,3	141,7	34,0	14,1	57,8	30,7	1	производственная
Псковская обл.	106,7	61,2	2,6	28,1	18,7	5,4	3-4	транзитная
г. Санкт-Петербург	308,9	239,1	87,6	116,4	70,6	51,0	А	производственная и транзитн.

На рис. 1 и 2 представлен портрет регионов – как они интегрированы в мировую экономику. Видно, что такие регионы, как Карелия, Ленинградская и Архангельская области и Санкт-Петербург, по весу удельных показателей в отношении отгруженной продукции и доле иностранных инвестиций оказались в числе наиболее встроенных в мировую экономику.

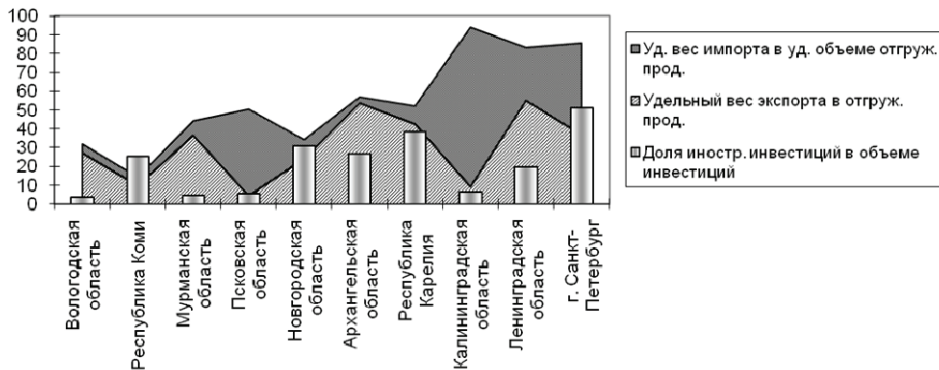

Рис. 1. Условно корректная оценка интегрирования регионов СЗФО в мировую экономику. По оси «у» отложены величины: $\Delta = x_3 + x_{II}$ и I, %.

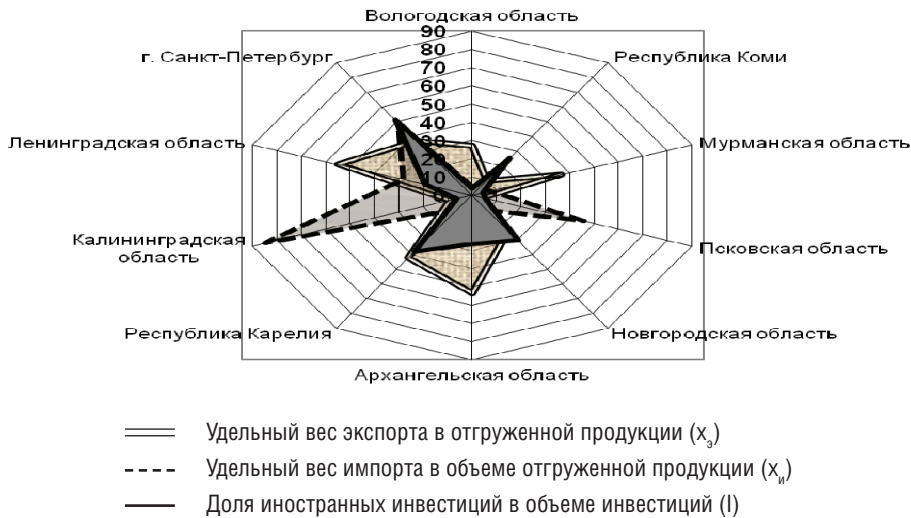

Рис. 2. Профиль интегрирования регионов СЗФО в мировую экономику

Особый случай представляет Калининградская область. Она является в большей степени не потребителем продукции, а транзитной территорией, т.е. фактически воротами для товарных потоков на российский рынок. Псковская область также является транзитной территорией, хотя в гораздо меньшем объеме (следовательно, в меньшей степени интегрирована).

Приграничный регион 5-го типа (Республика Карелия), выбранный в качестве примера, обладает рядом особенностей, таких как: *сильное влияние внешних факторов, транзитность и экспортная направленность экономики, специфический отклик на воздействия макроэкономических факторов, институциональные особенности приграничной торговли и других институтов, активное развитие приграничного и трансграничного сотрудничества.*

Исследование динамики развития периферийных приграничных регионов выявило сильную зависимость экономики от конъюнктуры национального и мирового рынка (интервал колебаний индекса производства достигал 40 и более пунктов). При этом регионы по-разному реагируют на кризис.

Промышленность, ориентированная на экспорт, в начальный период кризиса показала резкий спад, а перерабатывающее производство, ориентированное на внутренний рынок, в какой-то мере выручило (выступило в качестве буфера). Финансовый кризис обострил внутрирегиональные проблемы и потребовал ускоренного перехода на инновационный путь развития.

Близость экономически и технологически передового ЕС к России представляет собой хороший стимул для развития приграничных регионов страны. Западные фирмы заинтересованы не только в экспорте продукции, но и в развитии других форм сотрудничества с Россией, в частности в инновационной сфере. Однако следует предпринять усилия по преодолению устаревших стереотипов как со стороны зарубежных партнеров, так и российских за счет активизации личных международных контактов представителей власти и бизнеса местного и регионального уровня в рамках конкретных проектов сотрудничества. При этом межличностные взаимодействия рассматриваются как эффективное средство трансграничного и приграничного взаимодействия: они помогают преодолевать стереотипы.

В то же время наличие конкурентного преимущества в виде короткого транспортного плеча, благоприятной экономической конъюнктуры, экономической ренты не создает мотивации к инновациям. Так, Республика Карелия на фоне Санкт-Петербурга и остальных регионов Северо-Запада выглядит по уровню инновационного развития неудовлетворительно¹.

¹ В Карелии доля высокотехнологичного сектора в объеме отгруженной продукции составляет 0,14%, среднетехнологичного сектора – примерно 10%, низкотехнологичного сектора – 35-40%, доля добывающей промышленности – около 35%, производство и распределение газа, воды и электроэнергии – 15%.

Тем не менее обозначилась диффузия инноваций. Например, трансфер технологий происходит в лесопромышленном комплексе Карелии. В сравнении с Финляндией наблюдается следующая динамика: производительность труда в ЛПК сегодня 1:9 (в пользу соседей), в то время как в 90-е годы было 1:15. Это связано с продолжающимся внедрением сортиментной технологии заготовки древесины, доля которой в 2009 г. составила 93,2% в общем объеме заготовки древесины (в 2008 г. – 77,9%). Однако кризис 2009 г. внес серьезные коррективы в планы перестройки отрасли. Объем инвестиций в 2009 г. в ЛПК составил порядка 2,04 млрд. руб. или 51,4% к уровню 2008 года.

Вероятно, именно с диффузией инноваций связано изменение структуры экспорта республики (рис. 3). Несмотря на 2009 г., немного искажающий (в силу кризисности и структурной перестройки экономики) тенденцию, делаем вывод, что Карелия вступила на путь инновационного развития (по примеру Финляндии, однако с 40-летним опозданием).

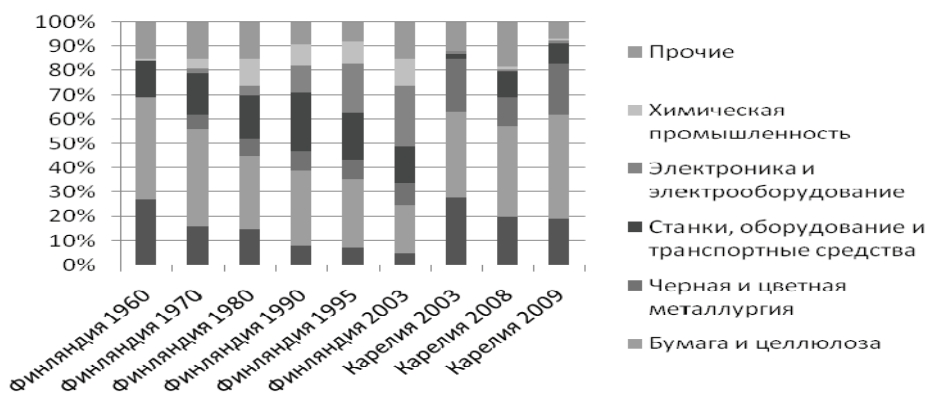

Рис. 3. Товарная структура экспорта: Финляндия и Карелия

В рассмотренных выше фактах проявляется недостаточность использования потенциала приграничного сотрудничества. Несмотря на позитивные изменения, в условиях бурной интернационализации финского бизнеса, Карелия оказалась неготовой к конкуренции с другими регионами.

Приграничное сотрудничество не сказывается на величине притока инвестиций на сопредельные территории. В СЗФО основные инвестиции попадают в Санкт-Петербург (65%), Ленинградскую область (20%), другие регионы (15%). Так, особенностью финских инвестиций является не только отраслевая специфика, но и активное освоение более удаленных регионов России.

Таким образом, приграничные регионы России представляют не столько фактор развития трансграничных связей, сколько препятствие для ее вхождения в мировую экономику. А трансграничное сотрудничество до сих пор остается практически нереализованным ресурсом. Причем Россия – одна из тех немногих стран Европы, в которых ряд приграничных областей отстает в развитии по сравнению с общенациональным уровнем, и сложившееся противоречие (точнее, его устранение) между функциональной ролью приграничных территорий как моста интеграции и их проблемным состоянием, по сути, является важной частью **региональной политики, ее особенным элементом, направленным на стимулирование и координацию приграничных территорий в контексте стратегии страны.**

Решение глобальных задач российской экономики актуализирует региональную политику в части формирования связности экономического пространства, проработки проекта наиболее эффективного ее освоения и заселения с высокими стандартами проживания. Не соперничая с агломерациями по величине добавленной стоимости, инвестициями и расходами домохозяйств, периферийные приграничные территории выполняют важнейшую функцию: несут ответственность за освоение территории в условиях формирующихся глобальных политических, культурных и экономических проектов и реализуют, каждая в силу своих возможностей, важную миссионерскую роль в контексте стратегии страны. **Федеральный центр должен учитывать данные обстоятельства при формировании региональной политики.**

Л.Д. Фомичева

Диалог власти и бизнеса

Несмотря на то что экономика набирает обороты, остается неудовлетворенность населения происходящими процессами.

Это мы чувствуем, понимаем и у себя в Вологде.

Остается противоречие между личными нуждами каждого человека в городе и, хотя, может быть, это очень резко сказано, безразличием к этим нуждам существующего общественного механизма.

Этот кризис настолько глубок и серьезен, что в одиночку с ним не справляются ни власть, ни бизнес, ни общественные организации.

Но если все эти игроки, включая ещё и СМИ, объединят свои усилия, то получим **новую модель управления**, которая заключается в переориентировании деятельности всех четырех игроков на **реальные нужды человека**. Политологи называют эту модель «межсекторное партнерство» (кросс-секторное партнерство).

И в Вологде мы сделали первые шаги в реализации этой новой модели управления, которая объединила три блока: **идеологическое партнерство, экономическое партнерство и социальное партнерство**.

Мы активно сотрудничаем с бизнес-клубами, общественными объединениями и СМИ. Представители Администрации входят в правление либо в членство бизнес-клубов, ассоциаций, принимая участие в обсуждении проблемных вопросов бизнеса.

В то же время представители бизнеса активно участвуют в деятельности рабочих групп по разным направлениям, созданных в Администрации, их мнение учитывается при принятии решений по развитию города.

Так, только в первом полугодии текущего года было проведено около сотни совместных заседаний, встреч, на которых рассматривались вопросы Стратегии развития города, концепции кадровой политики, развития промышленности, инвестиционной привлекательности города, нестационарной торговли, развития малого бизнеса, стратегии развития туризма, реализации социальных проектов и многие другие вопросы, волнующие бизнес и общество.

Фомичева Любовь Дмитриевна — заместитель главы г. Вологды, начальник департамента экономического развития.

Один из ярких примеров – удачное сотрудничество с Ассоциацией машиностроителей.

На заседаниях ассоциации, президиума, рабочих групп мы совместно с Правительством области, бизнесом рассматриваем и решаем наиболее острые проблемы в отрасли машиностроения.

Так, усилиями Администрации города погашена задолженность по заработной плате работникам ОАО «Электротехмаш» в сумме более 30 млн. рублей. При содействии Правительства области решались проблемы «Транс-Альфа-Электро» по расчетам за поставленную продукцию и размещение заказов в Правительстве Москвы.

Размещен заказ на обновление муниципального автобусного парка на Вологодском машиностроительном заводе на 54 автобуса.

В целях совместного управления экономическими процессами Администрация и бизнес заключают соглашения о взаимном сотрудничестве. Так, в 2011 году действует около двадцати соглашений, затрагивающих многие сферы экономики и интересы горожан.

В июне подписано **четырёхстороннее Соглашение** между Ассоциацией машиностроителей, Администрацией города Вологды, Вологодской городской Думой и Вологодским региональным отделением политической партии «Единая Россия».

В рамках реализации Соглашения мы совместно с ассоциацией разрабатываем предложения по выводу предприятий этой отрасли из сложной ситуации, по решению проблем нехватки квалифицированных рабочих кадров, продвижения продукции и других вопросов.

Нами сделана единая презентация продукции предприятий города Вологды и Череповца, которая сейчас активно используется при позиционировании наших предприятий.

Совместно с Ассоциацией машиностроителей мы ведем работу по закреплению «базовых» предприятий за учебными заведениями города и уже получили поддержку депутатского корпуса на предоставление им льготы по налогу на землю в размере 30%.

Еще один пример взаимного сотрудничества – сфера потребительского рынка. Большое наличие торговых объектов, сетей создает высокую конкурентную среду в городе. Но, несмотря на это, представители торгового бизнеса и власть все же садились за стол переговоров и договаривались о «правилах игры на рынке».

Решались вопросы предоставления вологодским производителям «режима наибольшего благоприятствования» при продвижении товаров в

местных магазинах, применения минимальных торговых наценок на социально значимые продукты питания, обеспечения продовольственной безопасности города.

Для поддержки местных производителей и сдерживания цен, мы использовали, кроме соглашений, **городские ярмарки**, где покупатели могли приобрести товары массового спроса с минимальной торговой наценкой. Только в 2010 году мы провели их более 80.

После того как ярмарочный механизм заработал в полную силу, торговые сети в борьбе за покупателя еще более активизировали практику дешевых распродаж и других маркетинговых акций, объективно сдерживающих цены на товарном рынке.

Еще одним действенным механизмом оживления рынка стала городская дисконтная **карта «Забота»**, позволяющая пенсионерам и многодетным семьям пользоваться льготами при покупке товаров и предоставлении услуг. Предприниматели, в свою очередь, получили прекрасную возможность для привлечения дополнительной категории покупателя и дополнительной рекламы своих товаров и услуг через местные СМИ.

Это один из первых наших проектов, реализуемых на основе **государственно-частного партнерства**.

В результате совместных действий власти города, бизнеса и общественных организаций в кризисный период **цены** на основные продукты питания в Вологде длительное время сохраняли стабильность, а по ряду важных позиций даже снижались. И сегодня стоимость набора социально значимых продуктов питания остается одной из самых низких в области.

В Вологде реализуется около десятка ярких проектов туристической направленности на основе государственно-частного партнерства. Два года набирает силу совместный проект области, города и бизнеса – Международный фестиваль молодого европейского кино «Voisec». Он стал ярчайшей страницей в культурной жизни Вологды. В результате город позиционирует себя как один из центров молодого европейского кино.

Организация пресс-туров иностранных журналистов и туроператоров – еще один инновационный проект совместный с бизнесом. Начиная с 2010 года город принял несколько делегаций журналистов и туроператоров.

О Вологде заговорили во многих известных французских, итальянских, немецких изданиях, тираж некоторых из них достигает 4 миллионов экземпляров. Город стал узнаваемым не только в России, но и за рубежом, и это, несомненно, положительно повлияло на его имидж.

Одним из ярких, мощных совместных с бизнесом проектов является постоянно действующая выставка малоэтажного домостроения «Вологодская слобода». Более 110 предприятий города и области представляют здесь свою продукцию, связанную с малоэтажным строительством. В 16 домах, возведенных по современным технологиям, размещены мини-музеи фольклорной направленности. Эта уютная деревня в центре города стала любимым местом отдыха вологжан и гостей, а для бизнеса — площадкой по продвижению и продаже своей продукции. Только за один год реализации проекта бизнес получил на 1 млн. рублей вложений 5 млн. рублей. Запущен новый туристический проект «В Вологду за домом».

Как результат, при минимальном вложении бюджетных средств, создавая условия для туристического бизнеса, мы наблюдаем прирост туристского потока за 2 года более чем в 1,5 раза.

С внедрением инструментов партнерского диалога и механизмов взаимодействия происходит вовлечение бизнеса и населения в решение важных социальных задач. Сегодня у нас более десяти социальных инновационных проектов, которые представляют пример эффективного сотрудничества власти, бизнеса и населения. Это проекты «Молодежные бригады», «Город детства», «Цветущий город» и другие.

Инициатива решения социальных проблем должна исходить от людей. В городе создана система вовлечения населения в реализацию социальных проектов через **Общественный совет, общественные приемные**, через еще одного участника партнерства — **средства массовой информации**.

И знаете, мы, заместители Главы города, на себе испытываем увеличение притока жалоб, пожеланий, предложений.

Число обращений в Администрацию возросло не потому, что в городе стало больше проблем, а потому, что горожане «просыпаются», перестают равнодушно относиться к изменениям и сами подсказывают, что, где и даже как нужно менять.

Таким образом, в Вологде запущены механизмы партнерства — власти, бизнеса, общества и СМИ, которые на основе сближения интересов объединяют свои усилия для решения социально-экономических задач. Мы вместе строим новый город, где будет комфортно, интересно жить и творить.

В.Я. Асанович, С.М. Дедков

Моделирование социально-экономического развития региона на примере Минской области

В качестве математического инструментария выбрано полисистемное моделирование. Полисистемное моделирование – новое научное направление математического теоретически обоснованного сквозного описания смежных природных, экономических, социальных процессов и явлений с разных системных позиций, в разных предметных областях исследования с помощью разнообразных моделей неповторяющимися средствами [1]. В основе полисистемного анализа лежит процедура полисистемного расслоения сложных образований на множество непересекающихся слоев – системных представлений объектов исследования. Одна из главных задач полисистемного моделирования – разработка методов построения и идентификации моделей. Эта задача решается расслоением свойств объекта – типологического расслоения, когда структура модели задается типом объекта и ее коэффициенты – типом среды объекта. Анализ результатов полисистемных исследований приводит к выводу, что эта методология призвана решить проблемы изучения и управления сложными системами, комплексами [1].

Рассматриваемая модель основывается на гипотезах теории механизмов взаимодействия. Существование четырех типов взаимодействия ($n = 1, 2, 3, 4$) подразумевает наличие трех видов социально-экономических сил.

Статические силы $F = q_0R$ подразумевают ресурсный потенциал, где заряд q_0 понимается как некоторая способность к взаимодействию.

Динамические силы $F_1 = q_1R'$ описывают активное поведение людей, и их заряды q_1 соответствуют объемам выпуска (положительный заряд) и объемам потребления продукции (отрицательный заряд).

Экономические силы $F_2 = q_2R''$ в качестве заряда q_2 имеют массу капитала.

Социальные $F_3 = q_3R'''$ силы возникают как следствие взаимодействия интересов. Заряд q_3 в общем случае как комплексное число предполагает 6 типов таких зарядов.

Асанович Валерий Яковлевич – д.х.н., профессор Белорусского государственного экономического университета (Минск).

Дедков Сергей Маратович – к.э.н., директор Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси (Минск).

Соответствие ресурсных и динамических сил $F_0 = F_1$ дает дифференциальное уравнение $R' = \frac{q_0}{q_1} R$, решение которого при $R(0) = R_H$ имеет вид $R = R_H \cdot \exp\left[\frac{q_0}{q_1} \cdot t\right]$. В условиях потребления ресурсов ($q_1 < 0$) система стремится к обретению равновесия, воспроизводство ($q_1 > 0$) обеспечивает устойчивый рост – отклонение от равновесия и переход в новое качество (слой существования).

Взаимодействие различных сил описывается функцией $F = F(F_0, F_1, F_2, F_3)$ равнодействующей силы, например в виде линейной комбинации $F = F_0 + F_1 + F_2 + F_3$. Подстановка сюда соответствующих выражений для сил дает уравнение механизмов взаимодействия типа:

$$F = q_0 R + q_1 R' + q_2 R'' + q_3 R''' , \quad (1)$$

где q_0, q_1, q_2, q_3 – заряды и R – степень отклонения состояния объекта от равновесия. В функционально согласованной системе заряды связаны соотношениями $q_{i-1} = h q_i$, где h – константа.

Тогда (1) преобразуется к виду:

$$R''' + h R'' + h^2 R' + h^3 R = F / q, \quad q = q_3 . \quad (2)$$

Уравнение (2) при $F / q = const$ в условии отсутствия третьей производной эквивалентно соотношению $R''' + h R'' + h^2 R' = 0$, рассматривается как условие критического существования объекта и может служить индикатором возможности разрушения и перехода в новое состояние.

Рассмотрим применение данного подхода при принятии решения в области стратегического развития региона. Список проблем региона начинается с задач удовлетворения базовых потребностей социально-значимых групп, обеспечения реализации их внутренних потенциалов и безопасной деятельности, уровня жизни не ниже социально обусловленного минимума. Механизмы их решения включают системы формирования бюджета и налогообложения, природопользования и охраны окружающей среды, совершенствование социальной сферы и общественной жизни. Равновесие в системе «интересы – потребности – потребление» – тактическая цель развития. Стратегическая цель предполагает формирование нового качества жизни с соответствием разных сторон жизни.

В качестве индикаторов изменений на территории могут использоваться показатели бюджетного процесса для выявления закономерностей связи его составляющих, что определяет наилучший путь поиска оптимальной стратегии социально-экономического развития региона.

Показатели динамики бюджетной сферы области служат объективными характеристиками для анализа итогов и перспектив развития территории. В них в интегрированном виде отображаются природные условия деятельности, уровень развития экономики, сформировавшаяся система экономических отношений в масштабе региона и страны в целом.

Диагностика поведения Минской области позволяет проследить влияние факторов, благоприятствующих или препятствующих её эффективному функционированию, и определить направления стимулирования или торможения их воздействия. Для решения такой задачи проанализируем исходные данные в таблице 1.

Таблица 1. Структура бюджета Минской области, % [2]

Год	Налоги на собственность	Подоходный налог с граждан	Налог на прибыль	Неналоговые доходы
2000	f	y	x	z
2001	1,718	12,101	19,286	0,798
2002	7,561	11,043	17,316	0,918
2003	10,105	10,557	14,536	0,908
2004	10,517	12,252	12,972	0,860
2005	9,132	15,634	14,068	0,858
2006	4,612	10,240	28,286	0,454
2007	3,109	7,765	9,783	0,661

Данные таблицы 1 указывают на разные тенденции изменения показателей бюджета за рассматриваемый период.

Методом корреляционно-регрессионного анализа получим итоговые уравнения взаимосвязи компонентов формирования бюджета Минской области:

$$f(t) = -0,023 + 0,00f(t) + 0,552y(t) - 0,127x(t) + 5,592z(t)$$

$$\Delta y(t) = -0,172 - 0,4f(t) - 0,443y(t) + 0,429x(t) + 21,791z(t)$$

$$\Delta^2 x(t) = 2,347 - 12,504f(t) - 8,981y(t) - 16,620x(t) + 263,516z(t)$$

$$\Delta^3 z(t) = -0,060 + 2,283f(t) + 0,618(t) + 2,384x(t) - 66,526z(t)$$

Из расчетов видно, что для различных подсистем бюджетной системы области наблюдается разный знак влияния компонентов пополнения бюджетов, и это обеспечивает довольно сложный характер поведения бюджетной сферы. От полученной выше системы уравнений перейдем к дифференциальным уравнениям.

Для понижения размерности задачи введем новые переменные: $\dot{x} = x_1(t)$, $\dot{z} = z_1(t)$, $\dot{z}_1 = z_2(t)$.

Выразим основные переменные, воспользовавшись равенством:

$$f(t) = -0,023 + 0,00f(t) + 0,552y(t) - 0,127x(t) + 5,592z(t).$$

Получим систему дифференциальных уравнений:

$$\begin{aligned} \dot{y}(t) &= 0,034 - 1,372y(t) + 0,123x(t) + 0,218z(t) \\ \dot{x} &= x_1(t) \\ \dot{x}_1 &= -0,400 - 1,360y(t) + 1,726x(t) + 8,433z(t) \\ \dot{z} &= z_1(t) \quad \dot{z}_1 = z_2(t) \\ \dot{z}_2 &= 1,564 + 1,649y(t) - 5,510x(t) - 24,829z(t) \end{aligned} \tag{3}$$

Если правые части уравнений (3) равны 0, то система находится в состоянии равновесия. Приравняв к 0 правые части, найдем значения $y(t)$, $x(t)$, $z(t)$, $f(t)$, при которых территориальная система Минской области находится в равновесии:

$$\begin{aligned} 0,034 - 1,372y(t) + 0,123x(t) + 0,218z(t) &= 0 \\ -0,400 - 1,360y(t) + 1,726x(t) + 8,433z(t) &= 0 \\ 1,564 + 1,649y(t) - 5,510x(t) - 24,829z(t) &= 0 \end{aligned} \tag{4}$$

Решением системы уравнений (4) будут следующие значения:

$$y = 0,65; \quad x = 0,544; \quad z = -0,053$$

Как видно из полученного решения, системе Минской области свойственна низкая социальная активность населения ($z = -0,053$).

Свободные коэффициенты уравнений (3) определяют базовый потенциал, т.е. источники развития района при условии $f = y = x = z = 0$. Необходимо найти такие значения коэффициентов, при которых по всем составляющим бюджета имелось бы благоприятное соотношение равновесных величин.

Для этого ставится задача управления, когда в правую часть уравнений (3) аддитивно вводятся переменные управления: u_f – дополнительный ресурсный потенциал; u_y – рост доходов населения (гранты и дотации, увеличение заработной платы, снижение безработицы); u_x – рост инвестиций;

u_z – рост общественной активности (повышение степени информированности общества, ускоренное социальное развитие, рост самосознания и деловой активности). Управленческое воздействие, преломленное через своеобразие жизни на территории, смещает состояние равновесия в ту или иную сторону. Устойчивое развитие предполагает, что это смещение происходит по всем показателям в направлении возрастания, но прежде всего в направлении развития производительных сил.

Для уравнений вида (3) задача оптимального управления удобно ставится и решается в терминах теории оптимизации, основанной на принципе максимума Понтрягина. С учетом управленческих воздействий система (3) переписывается так:

$$\begin{aligned} \dot{y}(t) &= 0,034 - 1,372y(t) + 0,123x(t) + 0,218z(t) + u_y + 0,092u_f \\ \dot{x} &= x_1(t) \\ \dot{x}_1 &= -0,400 - 1,360y(t) + 1,726x(t) + 8,433z(t) + u_x + 0,466u_f \\ \dot{z} &= z_1(t) \\ \dot{z}_1 &= z_2(t) \\ \dot{z}_2 &= 1,564 + 1,649y(t) - 5,510x(t) - 24,829z(t) + u_z - 2,593u_f \end{aligned} \quad (5)$$

Введем на все управления естественные ограничения сверху и снизу: $u_0 < u < u_1$.

В качестве функционального критерия оптимальности управления потребуем максимизацию суммы долей поступления средств в бюджет за период времени T :

$$J = \int_0^T (a_x x(t) + a_y y(t) + a_z z(t)) dt \rightarrow \max \quad (6)$$

В критерии эффективности территориальной системы (6) приоритеты развития района вводятся с помощью весовых коэффициентов a_i .

Из решений системы уравнений выбираются те, которые обеспечивают максимальное значение функции Гамильтона $H(u)$ на интервале допустимых значений управления u . Обычно максимум $H(u)$ получается при $u = u_m$, т.е. управление должно быть с переключением и выбор того или иного решения зависит от величины вспомогательной функции, выполняющей в данном случае информационную роль.

В табл. 2 представлены различные варианты приоритетов и соответствующих равновесных значений вспомогательных переменных (вариант 1 – базовый, рассмотренный выше). Вариант 1 ставит приоритетом рост доходов населения, рост ресурсного потенциала, повышение экономической активности населения.

Таблица 2. Варианты приоритетов развития территории

	В 1	В 2	В 3	В 4
a_x	1	1	0	0
a_y	1	0	1	0
a_z	1	0	0	1
$\varphi_1 = u_y$	0,960	0,566	0,290	0,104
$\varphi_3 = u_x$	3,937	-3,118	5,287	1,768
$\varphi_6 = u_z$	-0,770	0,729	-1,154	-0,345

С точки зрения оптимального управления данной системой этот вариант самый лучший. Он требует все управленческие воздействия ограничивать наибольшими значениями. Только управление, направленное на рост доходов населения, и $a_x = 1$ открывает возможности для воздействия на социальную активности населения ($\varphi_6 > 0$).

Из полученного набора вариантов следует, что имеется некоторый набор механизмов управления развитием региона с учетом выбранных параметров взаимодействия. Необходимо отметить, что представленные расчеты ни в коем случае нельзя рассматривать как единственно правильные, исключая другие возможные подходы. Существуют и другие, более детализированные методы, например метод динамического норматива, позволяющие более обоснованно судить о направлениях стратегического развития регионов.

Литература

1. Черкашин, А.К. Полисистемное моделирование / А.К. Черкашин. – Новосибирск: Наука, 2005. – 280 с.
2. www.minsk-region.gov.by – официальный сайт Миноблисполкома.
3. Соколов, Д.В. Стратегия регионального развития: формирование и управление / Д.В. Соколов, М.С. Мотышина. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2002. – 153 с.

Эргономика как вспомогательный инструмент обеспечения устойчивой конкурентоспособности предприятий в Словакии*

Введение

Жизнь в нашем обществе в последнее время характеризуется высокой динамикой изменений, превышающих все его составляющие и уровни. В современной экономике с развитыми рынками множество «подводных камней». Экономическое развитие и повышение требований к качеству и количеству продукции, к коммунальным услугам ведет к развитию эргономики. Устойчивое развитие вынуждает нас адаптировать и использовать новые методы и технологии. На пороге второго десятилетия XXI века эргономике следует быть частью стратегического управления компанией. Источник конкурентоспособности становится микро- и макро- эргономическим подходом и широкой базой методологических инструментов и программного обеспечения моделирования. Поэтому необходимо, чтобы эргономика не воспринималась как исполнитель меры: «создание условий труда для благополучной работы сотрудников». Эргономический подход должен стать регулярной либо ключевой частью стратегического управления компанией.

Современным предприятиям приходится иметь дело с непостоянными рыночными условиями: с влиянием мирового экономического кризиса, меняющимися потребностями клиентов, технологическим прогрессом, влияющим на последующие инновации. Акценты на производительности и сохранении статуса-кво должны соответствовать растущей возможности предприятия выжить в современном рынке.

Что касается производительности, недостаточно сократить длительность производственного цикла, увеличивая частоту производства и привлекая сотрудников к сверхурочной работе. Необходимо сосредоточиться и отслеживать влияние требуемой выработки на каждого рабочего.

* Эта статья была написана при содействии Словацкого агентства исследований и развития в рамках проекта No. LPP – 0384 – 09 «Концепция развития ЖКХ модель 3E против концепции Корпоративной социальной ответственности (КСО)».

Растислав Бено – доктор наук, доцент, научный центр Карол Хатиар, Словакия.

Для обеспечения производительности компании необходимо иметь здоровых, отдохнувших, удовлетворенных, хорошо обученных и хорошо работающих сотрудников. Это может быть достигнуто посредством эргономики как научной дисциплины, направленной на сохранение здоровья человека, то есть его физическое, психическое и социальное удовлетворение.

Эргономика помогает создать условия, при которых человек в процессе труда подвергается только рабочим нагрузкам, что позволит ему долго и стабильно работать без ущерба для его здоровья. Поэтому необходимо сосредоточиться на интеграции эргономики в окружающей среде компании с целью достижения как экономических задач, так и обеспечения хорошего здоровья работников, это основной элемент здорового функционирования компании в целом.

Описание задачи

Основные проблемы в эргономике связаны в основном с физической нагрузкой, которая значительно способствует расстройству и заболеваниям опорно-двигательного аппарата. Почему работники промышленных компаний имеют такие проблемы? Виды деятельности, выполняемые работниками, тесно связанные с физической нагрузкой, например следующие:

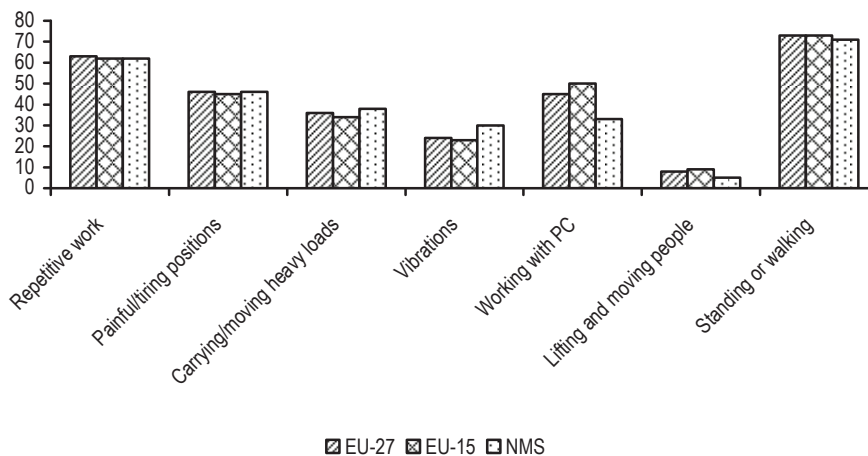
- получение материалов;
- перенос материалов;
- количественный и качественный контроль материалов;
- транспортировка внутри компании;
- различные формы обращения (ручное и механистическое обращение);
- управление машинами и оборудованием;
- работа на складе;
- подготовка материалов к производству;
- подготовка материалов к перевозке;
- фасовка;
- проверка поставщика и доставка заказов.

Основными с точки зрения эргономики факторами риска, влияющими на сотрудников промышленных предприятий во время их трудовой деятельности, являются следующие: экстремальные и неестественные условия, статические нагрузки, температура, вибрации, частые и монотонные работы, время восстановления, локальные механические нагрузки, химические, биологические и психосоциальные факторы.

В контексте вышеизложенных проблем возникает вопрос: как мы можем минимизировать факторы риска, влияющие на работников промышленных предприятий, в целях обеспечения устойчивого развития в рыночных условиях в Словацкой Республике?

Каждый год 5720 жителей стран Европейского союза умирают из-за несчастных случаев на производстве, согласно данным Евростата. Кроме того, по оценке Международной организации труда, дополнительно 159500 работников в ЕС ежегодно умирают от профессиональных заболеваний. Принимая во внимание обе цифры, можно подсчитать, что каждые три с половиной минуты кто-то в ЕС умирает от связанных с работой причин [3].

К примеру, статистические данные (рисунок [1]) показывают, что физическим рискам подвергаются 62% респондентов, занятых четверть или более рабочего времени монотонной работой – повторяющимися движениями рукой и кистью; 62% – находятся в постоянном стоянии или ходьбе; 45% опрошенных работают в болезненных или утомительных положениях; 35% – имеют дело с тяжелыми нагрузками в своей работе.

Факторы риска MSDS, % работников отчетного периода, подверженных рискам четверть или более рабочего времени (ЕС – 27, все работающие)

Материалы и методы

Наше эргономическое исследование влияния факторов риска было сосредоточено на проблеме опорно-двигательного аппарата рабочих промышленного предприятия. В исследовании рассматриваются 151 рабочий в выбранной компании в Словацкой Республике.

Для цели исследования было выбрано производство – технологическое предприятие с более чем 100-летней историей. Данное предприятие, акционерное общество с 1994 г., в настоящее время имеет семь подразделений. Успешное взаимодействие осуществляется совместно со шведской компанией, которая пришла в Словакию в 2003 году. Это разделение обеспечивает полные решения и услуги для всемирных информационных технологий и телекоммуникационного рынка. Это деление имеет технологический опыт, глобальный охват и ассортимент продукции и услуг для создания и поддержания устойчивой инфраструктуры телекоммуникационных сетей. Указанные разделение продуктов и решения представляют звенья из стандартных DC для создания энергичного товарищества в телекоммуникационной отрасли.

При сборе данных для исследования использовался метод анкетирования с применением модифицированных Северных анкет [2]. Впоследствии в качестве вспомогательного инструмента были проведены контролируемые интервью с работниками. Полученные данные стали основой использования вспомогательных инструментов, которые показали основные зоны риска, эффективно связанные с возникновением заболеваний опорно-двигательного аппарата. Используя модифицированную анкету северных стран, мы опросили 151 работника (56 женщин и 95 мужчин) из 155 респондентов. Доля ответов – 97,41%. Перед началом исследования работники были информированы о целях эргономического анализа и способе защиты индивидуальных данных. Это исследование проводилось на основе согласия занятых в производстве работников.

Из-за большого количества профессий с относительно небольшими представителями необходимо было для целей эргономического анализа распределить работников, в соответствии с выявленными нагрузками, на рабочие группы: администрация, упаковка и контроль, инженерия, предварительная сборка, монтаж и склад. Распределение работников по профессиям в рабочих группах приведено в таблице 1.

Результаты

Факторы труда и рабочей среды открыто не вредят здоровью работников складов, но последствия их влияния постепенно накапливаются, нанося вред здоровью после некоторого периода времени. Влияние факторов начнется, например, с болями, которые интенсивно будут увеличиваться. Этот факт отражается на производительности труда, которая уменьшается с увеличением интенсивности указанных проблем и потенциально приво-

Таблица 1. Число работников выбранных рабочих групп по их нагрузке

РАБОЧАЯ ГРУППА	СОКРАЩЕННО	ЧАСТОТА	%	ПРОФЕССИЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ	ADM	25	16,6	Административный работник
				Покупатель
				Контролер
				Координатор клиентов
				Аналитик
УПАКОВКА И КОНТРОЛЬ	BLK	16	10,6	Контролер входа
				Оператор склада
				Тестер
ИНЖЕНЕРИЯ	ENG	15	9,9	Технический писатель
				Инженер-механик
				Дизайнер
				Инженер-электрик
МОНТАЖ	MON	42	27,8	Оператор монтажа
				Слесарь-монтажник
				Мастер по обработке материала
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ СБОРКА	PRM	10	6,6	Оператор по резке
				Слесарь-механик
				Работник
				Оператор по предварительной сборке
				Производственный оператор
REPASS	REP	28	18,5	Механик
				Электрик
				Мастер по ремонту электроники
				Техник ремонтного цеха
СКЛАД	SKL	15	9,9	Оператор склада
ОБЩИЙ		151	100,0	

дит к увеличению продолжительности отсутствия на работе. Если компания не отреагирует на создавшуюся ситуацию предохранительными мерами, это может привести к появлению хронических, профессиональных заболеваний. Факторы труда и рабочей среды названы модифицированными факторами, так как их влияние следует уменьшить путем соответствующих предохранительных технологий и административных мер.

В исследовании применяется ретроспективный когортный метод для оценки модифицированных факторов труда и рабочей среды. С его помощью сравнивались частота описания между группами и распространенностью проблем и заболеваний опорно-двигательного аппарата, что показано в следующей таблице 2.

Таблица 2. Ретроспективный когортный метод в эргономике

Оценка Переменные		Наступление MSS проблем («Больной» – «Здоровый»)	
		ДА	НЕТ
Воздействие	ДА	a	B
	НЕТ	c	D

Затем было рассчитано отношение шансов (OR), соответственно доля вероятности.

Интерпретация:

Если $OR = 1$, то риск для незащищенных и нераскрытых работников;

$OR < 1$, то фактор риска – это не риск для наблюдаемой группы рабочих;

$OR > 1$, то у незащищенных работников больший риск заболеть наблюдаемой болезнью, в данном случае MSS проблем или заболеваний.

Благодаря ретроспективному когортному исследованию, проведенному на наблюдаемом предприятии, мы нашли следующие значимые факторы условий труда, которые влияют на возникновение проблем и заболеваний опорно-двигательного аппарата (табл. 3):

- Монотонные работы – у таких работников в 7,11 раза выше вероятность болезни, чем у других работников. Этот фактор отразился также статистически, очень существенная разница, это означает, что он в значительной степени способствует заболеваниям опорно-двигательного аппарата работников.

- Сверхурочные работы стоя в одном рабочем положении – у таких работников в 3,48 раза выше вероятность болезни. Этот коэффициент показывает рост уровня статистической значимости по отношению к MSDs работникам.

- Недостаточный рабочий перерыв (время отдыха) – у работников в 3,30 раза выше вероятность болезни. Этот коэффициент показывает рост уровня статистической значимости по отношению к MSDs работникам.

- Работа после травмы и во время болезни – у подобных работников в 2,99 раза выше вероятность болезни. Этот коэффициент показывает рост уровня статистической значимости по отношению к MSDs работникам.

- Другие факторы – все остальные факторы также включены в развитие MSDs рабочих, но в меньшей степени.

Таблица 3. Значимые факторы условий труда, которые влияют на возникновение заболеваний опорно-двигательного аппарата

Условия	Модифицированные рабочие факторы				Статистическая значимость различий
	Эпидемиологические показатели MSDs наступления		% риска	P (χ^2)	
	Доля вероятности (OR)	95% конфиденциальных ограничений			
Монотонная работа	7,11	1,66 < OR < 30,22	92,75	0,0033	**
Сверхурочные работы стоя в одном рабочем положении	3,48	1,05 < OR < 10,83	92,74	0,0548	-
Недостаточный рабочий перерыв (время отдыха)	3,30	1,00 < OR < 10,24	92,68	0,0678	-
Работа после травмы и во время болезни	2,29	0,84 < OR < 10,44	92,56	0,0994	-
Микроклиматические условия	4,03	0,72 < OR < 20,54	91,48	0,1376	-
Быстрый темп работы	2,76	0,72 < OR < 10,17	92,06	0,1624	-
Принудительное положение труда	2,35	0,62 < OR < 8,55	91,86	0,2568	-
Качество организации работы	2,24	0,60 < OR < 8,10	91,80	0,2928	-
Обращение с тяжелыми материалами	2,24	0,60 < OR < 8,10	91,80	0,2928	-
Качество рабочих инструментов	2,19	0,63 < OR < 7,49	92,10	0,2717	-
Качество обучения	2,02	0,58 < OR < 6,89	91,96	0,3375	-
Работы «выше головы»	1,87	0,54 < OR < 6,36	91,81	0,4097	-
Работа в пределах физических и психических возможностей	1,80	0,52 < OR < 6,11	91,74	0,4479	-
Обращение с мелкими предметами	1,51	0,44 < OR < 5,08	91,34	0,6552	-
Ненормальное наклонение или искривление тела	1,30	0,36 < OR < 4,57	90,82	0,8768	-

Выводы

Корректирующие меры для ликвидации непригодных условий труда, с точки зрения эргономики, можно осуществить с помощью технологий и административных мер.

Технические меры являются специфическими для эргономических факторов риска и заболеваний опорно-двигательного аппарата, связанных с работой, но основные принципы остаются такими же, как и в случае других опасностей на рабочем месте. Эти меры включают, например:

замену и модернизацию машинного оборудования, соответствующего рабочего оборудования, средств индивидуальной защиты, создание соответствующих микроклиматических условий, регулирование рабочего пространства для сотрудников с крупным размером тела и так далее.

Осуществление административных мер может зависеть от индивидуальных потребностей компаний. Они могут быть следующие: например, обучение, выбор соответствующего режима труда и отдыха, профилактические и специализированные посещения врача в зависимости от типа работы и так далее.

Использование принципов эргономики и ее знания могут помочь обеспечить эффективность работы операторов склада. Это также может способствовать повышению общей эффективности работы сотрудников и предприятия, достижению устойчивой конкурентоспособности.

Литература

1. Schneider, E., Irastorza, X. with support from S. Copesey, Work – related musculoskeletal disorders in the EU – Facts and figures, OSH in figures, 2010, 179 pp.
2. Hattar, K., Kobertičová, L. Hájnik, B. Ergonómia a preventívne ergonomické programy (4): Ergonomická analýza pomocou modifikovaného dotazníka „Nordic Questionnaire“. In Bezpečná práca, 2004, pp. 20 – 28.
3. Statistics, online [2010-09-16] <http://osha.europa.eu/en/statistics>

Роль сельского строительства в устойчивом развитии сельских территорий

Анализ опасности и последствий роста антропогенной нагрузки на окружающую среду в конце XX века привел к пересмотру стратегии развития человечества сначала учеными, а затем политиками и общественными деятелями. На смену безграничному понятию «экономический рост» приходит концепция устойчивого развития, предполагающая оптимальное ограничение потребления природных ресурсов и защиту среды обитания человека. В ноябре 2010 г. в России принята Концепция устойчивого развития сельских территорий¹, сформулировавшая, по сути, государственную политику в области устойчивого развития сельских территорий.

Большинство авторов² основным критерием устойчивого развития сельских территорий считают повышение качества жизни населения, увязывая его, в первую очередь, с ростом уровня доходов. По нашему мнению, качество жизни определяется не столько размером дохода, сколько диапазоном и разнообразием выбора человеком средств и форм удовлетворения своих потребностей. Конечно, уровень дохода является существенным фактором качества жизни населения, однако при дефиците предложения этот фактор теряет свое значение.

Население воспринимает общие социальные нормы и ценности в процессе своей повседневной жизнедеятельности через среду обитания (непосредственную жизненную среду), которая организуется в рамках определенной территории – города, агломерации, сельского поселения.

¹ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6748.

² Бакулина И.А. Устойчивое развитие сельских территорий на основе формирования инфраструктуры и методов поддержки малого и среднего предпринимательства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Воронеж: Б.и., 2007. – 18 с.; Третьякова Л.А. Стратегия формирования устойчивого жизнеобеспечения населения сельских территорий как инструмент управления качеством жизни: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Орел: Б.и., 2009. – 52 с.; Шевченко В.И., Белоусов В.И. Качество жизни сельских граждан и планирование устойчивого развития территорий Черноземья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kapital-rus.ru/articles/article/177217/ и др.

Староверова Галина Сергеевна – к.э.н., доцент кафедры экономики и менеджмента Вологодского государственного технического университета.

Эта среда формирует как повседневное поведение населения, так и долгосрочные фундаментальные процессы развития общества: коллективные ценности, доверие к общественным и государственным институтам, взаимоотношения социальных групп, нормы и стереотипы поведения, отношение к историческому и культурному наследию и т.п. Городские и сельские территории в разной степени обеспечены предприятиями и организациями, оказывающими услуги населению, характеризуются неодинаковой обустроенностью территории, степенью развитости производственной, транспортной и социальной инфраструктуры. Поэтому характеристики территории (пространства жизнедеятельности человека) определяющим образом влияют на качество жизни сельского населения.

Как следствие, меняется парадигма устойчивого развития сельских территорий. При ее формулировании мы исходим из следующих положений³:

1. Изменение соотношения экономического и социального при достижении устойчивого развития сельской территории. Социальное развитие следует рассматривать не как функцию и результат устойчивого развития, обеспечиваемого развитием производства, а как основной фактор этого развития. Поэтому для формирования экономического базиса, обеспечивающего рост благосостояния сельского населения, следует сначала обустроить его среду обитания.

2. Учет индивидуальных ценностей и предпочтений каждого человека при формировании среды обитания (индивидуальное жилищное строительство, отказ от концепции «неперспективных» деревень и др.).

3. Объектом управления устойчивым развитием сельской территории являются не отрасли, предприятия, отраслевые и территориально-производственные комплексы, а сельские сообщества, формы их расселения и среда обитания.

4. Переход от критерия устойчивого развития «повышение качества жизни сельского населения», который характеризуется значительной долей субъективизма в оценке, к критерию «повышение качества среды обитания», для которого можно разработать систему нормативных показателей.

³ При формулировании авторской парадигмы использована лит.: Ерофеев П.Ю. Особенности концепции устойчивого развития // Экономическое возрождение России. – 2006. – №2. – С. 21-26; Жук В.А. Социально-территориальное пространство как объект управления региональной социально-экономической системы // Проблемы современной экономики. – 2008. – №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=27490>

5. Рассмотрение образа жизни сельского жителя через комплекс его потребностей (материальных и духовных) и воспроизводственных функций. Это требует локально-пространственной (средовой) ориентации устойчивого развития сельских территорий.

6. Рассмотрение градостроительной устойчивости как одного из основных аспектов устойчивого развития сельских территорий.

Предлагаемая модель устойчивого развития сельских территорий приведена на рисунке 1.

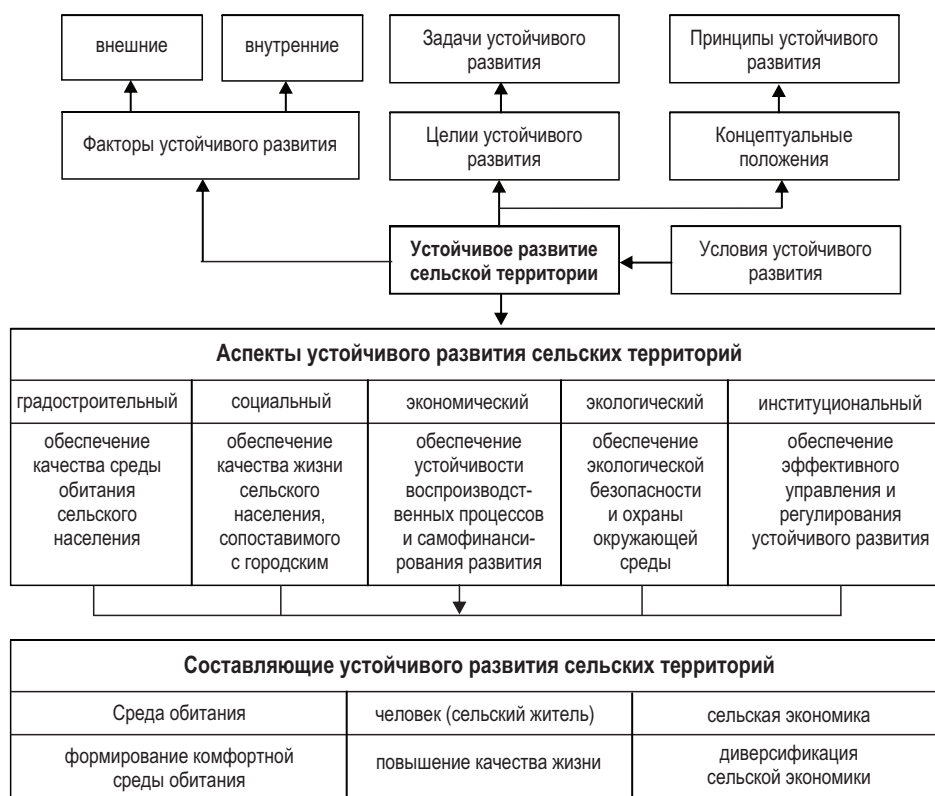

Рис. 1. Концептуальная модель устойчивого развития сельских территорий

Таким образом, основным фактором и объектом управления устойчивым развитием сельской территории является среда обитания человека (жизненная среда, пространство повседневной жизнедеятельности человека).

Среда обитания человека — окружающая человека среда, обусловленная физическими, химическими, биологическими, социальными и информационными факторами, способными оказывать воздействие на жизнедеятельность человека, его здоровье и потомство.

Среда обитания человека состоит из четырех взаимосвязанных подсистем:

- собственно природной среды, т.е. природных экосистем, в которых живет сельское население;
- агротехнической среды, к которой относятся все модификации природной среды, искусственно преобразованные людьми и характеризующиеся отсутствием системного самоподдержания, т.е. постепенно разрушающиеся без постоянного регулирующего воздействия со стороны человека (сельскохозяйственные угодья, культурные ландшафты, грунтовые дороги, бульвары, сады и т.п.);
- искусственной среды, т.е. совокупности элементов, созданных из природных веществ трудом человека с целью соответствия среды обитания социальным и экономическим потребностям и не имеющих аналогов в природе (здания, сооружения, шоссейные и железные дороги, каналы, аэродромы и т.п.);
- социальной среды, связанной с отношениями людей и жизнью в обществе.

Формирование агротехнической и искусственной среды обитания, в первую очередь, требует комплексного обустройства сельской территории, включающего дорожное и мелиоративное строительство, возведение новых и обновление старых строений, развитие объектов социальной и производственной инфраструктуры, создание элементов благоустройства, природоохранных объектов и т.п. Однако следует согласиться с точкой зрения ряда ученых⁴, что в последние 15–20 лет в России в целом и Вологодской области в частности образовались обширные ареалы деградирующей среды обитания сельских территорий. Это характеризуют следующие тенденции.

Во-первых, утрата агротехнической средой сельских территорий качеств окультуренности. Так, в Вологодской области с 1995 по 2009 г. из сельскохозяйственного оборота выпало почти 37% посевных площадей⁵, эти земли зарастают кустарником, заболачиваются, превращаясь в непроезжие пустоши.

⁴ Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008. – №5. – С.14-31; Социально-экологическая инфраструктура села в условиях урбанизации / В.Б. Самсонов, Е.В. Отставнова, В.Н. Рубцова [и др.] // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iagpran.ru>; Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. – 2004. – №12. – С. 64-73.

⁵ Сельское хозяйство Вологодской области в 2009 году: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2010. – 73 с.

Во-вторых, доминирование процесса обезлюдения сельских территорий, которое приводит к одичанию значительных сельских пространств. С 1959 по 2002 г.⁶ сельская поселенческая сеть Вологодской области сократилась более чем в 1,5 раза, при этом число населенных пунктов без постоянных жителей выросло более чем в 4 раза, а их доля в общем количестве населенных пунктов увеличилась с 3,6% в 1970 г. до 20,2% в 2002 г.⁷

В-третьих, деградация материально-технической базы сельского хозяйства как основной отрасли сельской экономики. Так, доля основных фондов сельского хозяйства в стоимости основных фондов Вологодской области снизилась с 11,5% в 1991 г. до 2,9% в 2009 г., износ фондов за этот же период увеличился с 30,0 до 43,3%⁸.

В-четвертых, распад инфраструктуры социального и инженерного устройства сельских территорий. Так, в сельских территориях Вологодской области с 1990 по 2009 год число школ уменьшилось почти на 40 %, детских дошкольных учреждений – более чем в 2 раза, участковых больниц – более чем в 3 раза, фельдшерско-акушерских пунктов – почти на треть, клубов – почти в 2,5 раза, библиотек – на 22% (табл. 1). Вследствие этого наблюдается снижение территориальной доступности для сельского населения образовательных, медицинских, культурных, досуговых, торгово-бытовых услуг.

Таблица 1. Тенденции развития социальной инфраструктуры сельских территорий Вологодской области

Виды учреждений	Год					2009 г. к 1990 г., %
	1990	1995	2000	2005	2009	
Школы	760	757	712	575	469	61,7
Детские дошкольные учреждения	917	...	518	477	446	48,6
Больничные учреждения	107	120	108	97	30	28,0
Фельдшерско-акушерские пункты	818	759	696	674	586	71,6
Клубы	777	888	802	741	314	40,4
Библиотеки	799	711	685	666	623	78,0

Таблица составлена на основе: Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2010. – 406 с.

В-пятых, низкий уровень благоустройства жилого фонда. Так, по данным статистики, в 2009 г. только 31% жилой площади сельских терри-

⁶ Годы проведения переписи населения.

⁷ Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2010. – 406 с.

⁸ Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2010. – 406 с.

терий Вологодской области оборудовано водопроводом, 21% – канализацией, 19% – центральным отоплением, 14% – горячим водоснабжением⁹. Естественно, что это усиливает непривлекательность среды обитания сельских территорий, особенно для молодежи.

Отмеченные тенденции вызваны рядом причин, в частности перегибами в приватизации и перепрофилированием ряда объектов социальной инфраструктуры: дошкольных учреждений, начальных школ, пунктов и комбинатов бытового обслуживания, клубов и др.; проводимой политической ликвидации «неперспективных» деревень; ростом числа населенных пунктов без постоянных жителей. Одной из основных причин масштабного сокращения объектов сельской социальной и инженерной инфраструктуры является резкое снижение объемов их возведения (табл. 2).

Таблица 2. Жилищное и социальное строительство в сельских территориях Вологодской области

Виды объектов	Год					2009 г. к 1990 г., %
	1990	1995	2000	2005	2009	
Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м общей площади	226,3	66,5	55,2	72,0	112,7	49,8
Общеобразовательные учреждения, мест	3376	570	488	-	720	21,3
Дошкольные учреждения, мест	840	100	-	-	30	3,6
Амбулаторно-поликлинические учреждения, посещений в смену	425	20	195	10	100	23,5
Учреждения культуры клубного типа, мест	1330	270	-	73	-	x

Таблица составлена на основе: Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2010. – 406 с.

За последние 20 лет ввод в действие основных объектов социальной инфраструктуры в сельских территориях Вологодской области сократился в разы, некоторые объекты строятся нерегулярно. Причиной этого является разрушение системы сельского строительства, созданной в России в 70–80-х гг. XX века. В 1990 г. доля сельского строительного комплекса в строительстве Вологодской области составляла 37,5%¹⁰, в 2009 г. она снизилась до 12%¹¹, только 7,8%¹² строительных организаций области функционируют в сельских районах.

⁹ Там же.

¹⁰ Дороговцев А.П., Староверова Г.С. Сельский строительный комплекс региона: состояние и направления развития: монография. – Вологда: ВоГТУ, 2003. – С. 61.

¹¹ Расчеты автора.

¹² Расчеты автора.

Оценка влияния сельского строительства на социально-экономическое и пространственное развитие сельских территорий может быть выполнена на основе функционального подхода. Роль сельского строительства в социально-экономическом развитии сельских территорий состоит в создании условий для обеспечения жизнедеятельности людей и жизнеспособности экономики, поддержания экологического равновесия и т.п. Следовательно, в общественном разделении труда сельское строительство выполняет такие социально-экономические функции, как:

- возведение объектов жилого назначения и социальной инфраструктуры в сельской местности;
- расширенное воспроизводство выбывающих в процессе естественного износа основных фондов агропромышленного комплекса;
- обеспечение создания и роста производственного потенциала других отраслей сельской экономики;
- создание объектов производственной и инженерной инфраструктуры сельских территорий;
- возведение объектов природоохранного назначения, рекультивация земель, мелиорация и т.п.;
- повышение эффективности капитальных вложений в развитие сельских территорий.

Роль сельского строительства в пространственном развитии сельских территорий заключается в «организации» социально-экономического пространства. Это проявляется в изменении территориальной организации населения, хозяйства, природопользования и других сфер сельской местности. Сельскому строительству присущи следующие пространственные функции в развитии сельских территорий:

1) «размещенческая» функция, т.е. сельское строительство является фактором размещения новых объектов и трансформации старых за счет реконструкции, расширения, демонтажа и т.п.;

2) дифференцирующая функция, в соответствии с которой различия в оснащении сельских территорий основными фондами, производственными и инфраструктурными объектами являются, с одной стороны, причиной возникновения, усиления и сглаживания их дифференциации по различным параметрам, с другой – способом ее регулирования;

3) коммуникационная функция, т.е. создание условий для развития объектов сельских территорий во взаимодействии друг с другом за счет установления пространственных связей путем строительства и модернизации инженерной и транспортной инфраструктуры, сетей связи;

4) интегрирующая функция – формирование территориальных систем и территориальных комплексов (производственных, социальных, природных и т.д.) в сельской местности;

5) морфологическая функция – изменение конфигурации и состава объектов сельских территорий;

6) процессуальная функция. Предпосылкой развития многих территориально-структурных процессов в сельской местности является строи-

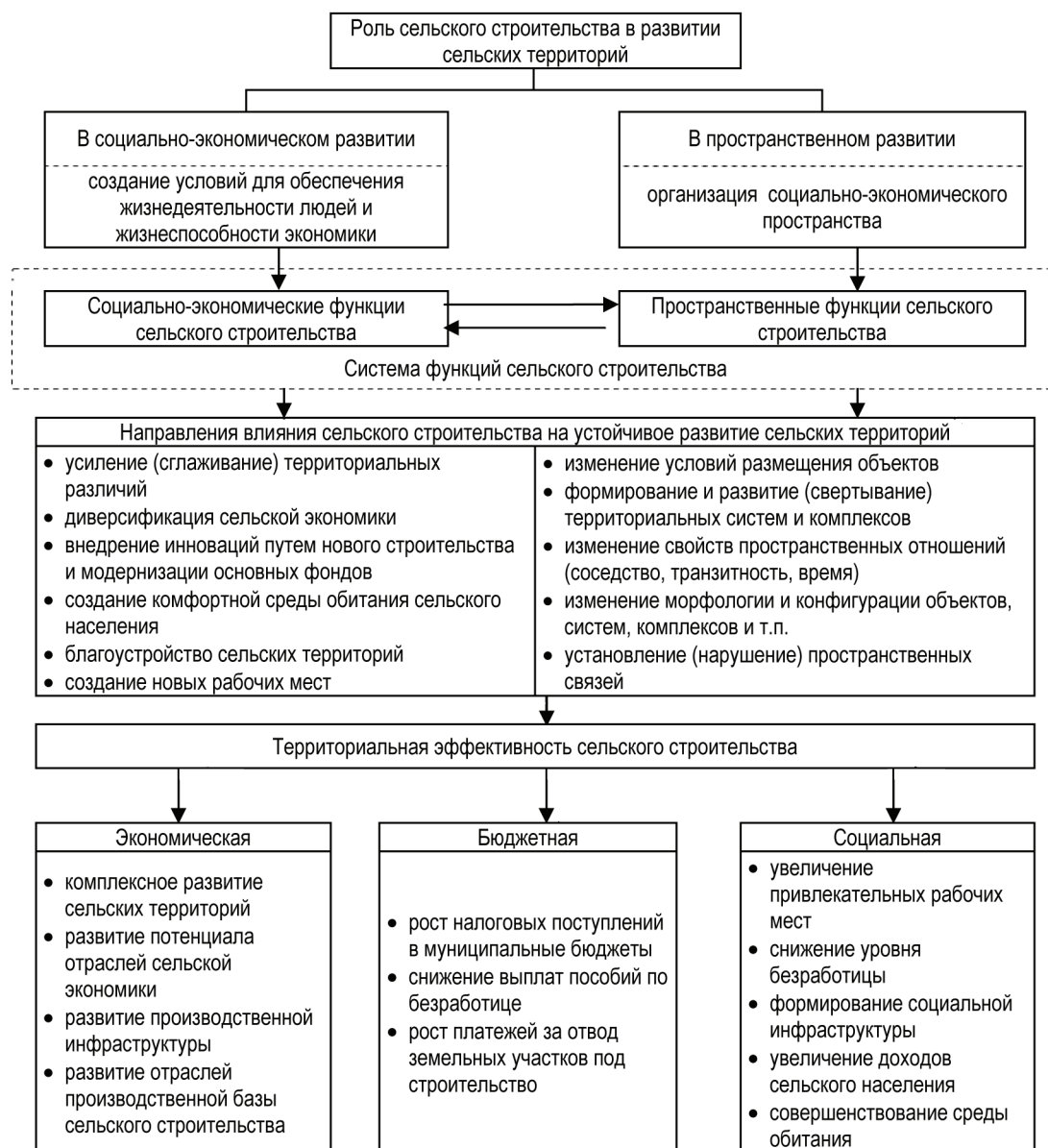

Рис. 2. Место сельского строительства в устойчивом развитии сельских территорий

тельство объектов жилого и производственного назначения, транспортной и инженерной инфраструктуры, коммуникационных сетей.

Рассмотренные функции характеризуют сельское строительство как активный фактор устойчивого развития среды обитания сельского населения (рис. 2).

Несмотря на значимость сельского строительства в развитии сельских территорий, в Концепции устойчивого развития сельских территорий¹³ эта отрасль не выделяется в качестве приоритетного пути их развития. Хотя практически все приоритетные задачи, сформулированные в Концепции (создание условий для переселения в сельскую местность, диверсификация сельской экономики, улучшение жилищных условий сельского населения, создание современной социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры в сельской местности), решить без развития сельского строительства невозможно.

Поэтому многие ученые и специалисты¹⁴, с точкой зрения которых следует согласиться, обосновывают объективную потребность приоритетного восстановления и развития сельского строительства, особо выделяя его роль в устойчивом развитии сельских территорий. Формирование сельского строительного комплекса региона позволит решить следующие проблемы сельских территорий: отсутствие или низкое качество сельского жилищного фонда, неразвитость или отсутствие социальной и инженерной инфраструктуры, возведение предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, благоустройство сельской территории, создание новых привлекательных рабочих мест, сохранение культурно-исторического наследия и др.

¹⁴ Бакулина И.А. Устойчивое развитие сельских территорий на основе формирования инфраструктуры и методов поддержки малого и среднего предпринимательства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Воронеж: Б.и., 2007. – 18 с.; Огарков А.П. Главный приоритет в устойчивом развитии сельских территорий // Экономика сельского хозяйства России. – 2009. – №7. – С. 67-72; О концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года: сборник материалов парламентских слушаний / сост. В.И. Дейнеко. – М.: Б.и., 2009. – 157 с.

А.Н. Поромонова

Факторы устойчивости социально-экономического развития сельских территорий Вологодской области

Сельские территории на сегодняшний день не просто находятся в трудной ситуации – село переживает системный кризис. Об этом свидетельствует тяжелая демографическая ситуация, сельская бедность, высокий уровень безработицы, отсутствие финансовых возможностей для развития производств, «кадровый голод сельских территорий» и, как следствие, низкий уровень и качество жизни, сохраняющаяся годами миграционная убыль населения в сельской местности¹ (в 2009 – 2010 гг. – 922–1051 чел. соответственно)². Вместе с тем, признавая наличие финансовых трудностей, стоит заметить, что именно эффективный управленческий подход к решению проблемы призван значительно расширить возможности развития сельских территорий.

В связи с этим особую актуальность приобретает принятая в регионе Концепция устойчивого развития сельских территорий Вологодской области на период до 2020 года³, которая формирует качественно новый уровень управления развитием села на основе комплексного подхода. Идеологическая составляющая Концепции предполагает «уход» от отраслевых принципов социально-экономического планирования и переход к эффективному освоению территории с определением целевых «точек роста», обеспечивающих взаимовыгодное экономическое сотрудничество в плане использования потенциала природных, производственных, технологических и кадровых ресурсов территории. Наиболее отстающие территории перенимают опыт прогрессивных и включаются в общую цепочку межмуниципального взаимодействия.

¹ Статистический ежегодник Вологодской области. 2009 / Вологдастат. – Вологда, 2009. – 406 с.

² Социально-экономическое положение Вологодской области в 2010 году: Доклад / Вологдастат. – Вологда, 2010. – 166 с.

³ О Концепции устойчивого развития сельских территорий Вологодской области на период до 2020 года: Постановление Правительства Вологодской области от 31.01.2011. № 57.

Поромонова Алёна Николаевна – к.э.н., начальник отдела мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований Департамента развития муниципальных образований Вологодской области.

Вместе с тем определение ориентировочных размеров потребности в финансировании конкретных мероприятий осложняется отсутствием установленных социальных стандартов по многим показателям, улучшение которых и является основной целью Концепции. Кроме того, представляется, что при расчете необходимо использовать не сегодняшние, а «завтрашние» социальные стандарты. Только такой подход позволит сохранить актуальность реализации Концепции, ее эффективность и положительный потенциал в течение значительного временного периода.

В рамках Концепции в качестве основного и наиболее приемлемого варианта развития села выбирается вариант «Комплексное развитие территорий», который предполагает максимально выгодное освоение ресурсного потенциала сельских территорий путем создания эффективно-организационно-управленческого механизма. В результате в качестве основных факторов устойчивости социально-экономического развития сельских территорий выступают следующие.

Во-первых, это рациональная пространственная (территориальная) организация сельских территорий, что предполагает экономически выгодную схему территориального размещения центров развития сельских территорий (далее – Центр) на базе конкретных муниципальных образований, сохранивших наиболее высокий инфраструктурный потенциал развития.

Отдавая предпочтение территориям, наиболее развитым как в социальном, так и в экономическом аспектах, возможно определить семь основных зон или центров (рис. 1):

Рис. 1. Территориальная организация размещения центров

1. Великоустюгский муниципальный район – с центром в г. Великий Устюг, включающий Великоустюгский, Нюксенский, Кичменгско-Городецкий и Никольский муниципальные районы.

2. Тотемский муниципальный район – с центром в г. Тотьме, включающий Тотемский, Верховажский, Тарногский и Бабушкинский муниципальные районы.

3. Сокольский муниципальный район – с центром в г. Соколе (г. Кадников), включающий Сокольский, Сямженский, Харовский и Вожегодский муниципальные районы.

4. Вологодский муниципальный район – с центром в г. Вологде, включающий Вологодский, Грязовецкий, Междуреченский и Усть-Кубинский муниципальные районы.

5. Череповецкий муниципальный район – с центром в г. Череповце (г. Кадуй), включающий Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский, Кирилловский и Белозерский муниципальные районы.

6. Устюженский муниципальный район – с центром в г. Устюжне, включающий Бабаевский, Чагодощенский и Устюженский муниципальные районы.

7. Вытегорский муниципальный район – с центром в г. Вытегре, включающий Вытегорский и Вашкинский муниципальные районы.

Указанные центры, являясь в настоящее время экономически более преуспевающими и социально более развитыми, представляются наиболее перспективными в качестве «пилотных» площадок по стимулированию комплексного развития территорий.

Во-вторых, это качественно новый уровень организации управленческой деятельности данных центров, предполагающий концентрацию усилий по решению вопросов доступности земельных, кредитных ресурсов, обеспеченности сырьевым потенциалом и сбытовыми возможностями хозяйств, создания условий для технической и технологической модернизации производств при усилении роли кадрового потенциала, а также формирования инженерной и социальной инфраструктуры участников Центра (рис. 2).

Наличие всесторонней инфраструктурной поддержки центров позволит оперативно отслеживать положительные результаты их работы на конкретных территориях. Эффективная работа центров послужит своеобразным «локомотивом» в развитии близлежащих муниципальных образований.

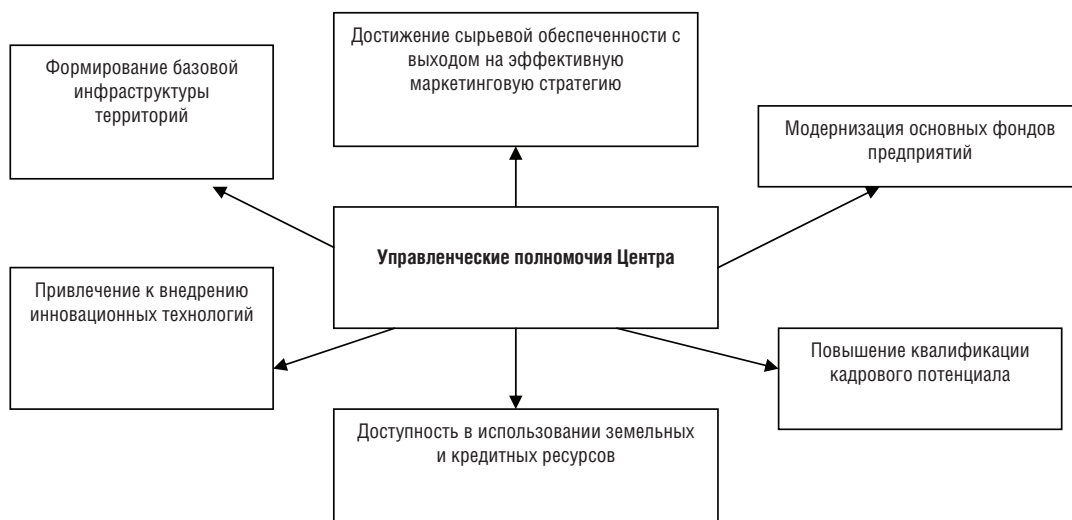

Рис. 2. Схема управленческой деятельности Центра

Финансирование деятельности центров предполагается в рамках единой областной долгосрочной целевой программы, ориентированной на комплексное развитие сельских территорий по различным направлениям деятельности за счёт бюджетных ассигнований федерального и регионального уровней по двум вариантам.

Первый вариант – это учреждение федерального и регионального фондов поддержки развития сельских территорий в формате предлагаемых центров. Практическая ценность фондов представляется как мощный организационно-управленческий механизм, способный организовать управление сельской экономикой с позиции централизованной проработки вопросов кадровой, технологической, материально-технической, инфраструктурной и финансовой обеспеченности сельских территорий.

Второй вариант – это формирование единой областной долгосрочной целевой программы на условиях грантовой поддержки муниципалитетов. Именно муниципальные образования в рамках собственных стратегических приоритетов должны доказать необходимость вложения средств в развитие конкретных инвестиционных проектов либо направлений развития, инфраструктурное обеспечение которых и оформится в качестве мероприятий программы, послужит потенциальным объектом вложения бюджетных инвестиций. В результате достигается цель осознанного комплексного подхода к использованию возможностей территорий, а действие программы позволит создать благоприятные условия для этого развития.

Особенностью финансового механизма предлагаемых вариантов является его гибкость по масштабу применения. Он может быть (при достаточности средств) развернут как на территории всей области, так и на территории определенной зоны, включающей в себя несколько муниципальных районов, либо в границах отдельного муниципального района. Однако в последнем варианте теряется возможность использования такого резерва, как межрайонная кооперация в достижении общей цели. Вместе с тем стоит заметить, что основная доля финансирования требуется именно на начальной стадии развития сельских территорий с последующим её снижением по мере развития села и увеличения собственных доходов местных бюджетов территорий.

Эффективное практическое применение вышеназванных факторов устойчивости социально-экономического развития сельских территорий как инструментов рационального использования действующего ресурсного потенциала муниципалитетов позволит создать более совершенную модель местной экономики, которая будет «работать» на создание условий для достижения социальных стандартов на селе.

Динамика расселения и системы местных центров Вологодской области

Интерес к изучению расселения Вологодской области определяется региональной спецификой его характера и рисунка, многообразием местных центров, различающихся по генезису, людности, ресурсной обеспеченности и транспортным связям, что объясняется значительными размерами области, различиями в истории освоения, особенностями современной хозяйственной специализации и территориальной организации экономики. В области своеобразная пространственная структура системы местных центров, определяемая исторически сложившейся бичентровостью, редкой для областей России.

Отличительной чертой Вологодской области всегда являлась внутренняя обособленность отдельных ее частей, которая объясняется историей заселения. Территория области была ареной соперничества Великого Новгорода, господствовавшего в Поморье, и Ростово-Суздальского, а позднее Московского княжества, включавшего земли на востоке и в центре от Белоозера и Вологды до Великого Устюга. Деление территории на западную «новгородскую» и центральную и восточную «московскую» закрепилось политико-административным устройством. Начиная с XVIII века западная часть области административно отделена от центральной и восточной, она постоянно тяготела к Великому Новгороду, а затем к Санкт-Петербургу – Ленинграду. Здесь сформировался свой центр – Череповец, возглавлявший с 1780 года уезд, с 1918 года – губернию, а с 1928 года по настоящее время являющийся центром района. Сейчас Череповец – самый большой по численности населения и крупнейший промышленный город области.

Центральная и восточная части с 1797 года входили в Вологодскую губернию, центром которой стала Вологда, являющаяся сейчас главным административно-организационным, культурным и вторым по размерам и промышленному значению городом области. Фактически в 1937 году область была сформирована из двух больших и обособленных частей.

Солдатова Наталья Владимировна – к.г.н., доцент кафедры географии Вологодского государственного педагогического университета.

За время существования их в рамках единого административного образования два главных центра развивались, не утрачивая своего значения. Сохранению бицентровости, явлению для России довольно редкому, способствовали особенность транспортной сети, развитие промышленности, размеры и конфигурация территории области.

Кроме того, на востоке, в значительном удалении от губернского центра, существовал крупный уездный город Великий Устюг, имевший с Вологодой трактовое и водное сообщение. В XVIII веке он утратил свою огромную торгово-транспортную роль, но не перестал быть центром восточных уездов, имел богатое купечество и даже свою епархию. Короткий период (1918 – 1929 гг.) Великий Устюг был центром Северо-Двинской губернии. Крайняя северо-западная часть области до начала XX века относилась к Олонецкой губернии и не имела крупных организующих центров, за исключением уездного города Вытегры.

Таким образом, на территории современной Вологодской области находятся три бывших губернских центра, которые и по сей день сохраняют свое межрайонное значение. Сформировавшиеся отдельно части до настоящего времени несут заметные следы региональных особенностей генезиса населения, расселения и хозяйства.

Значительная часть расселенческой системы Вологодской области, по мнению исследователей, сформировалась уже к середине XVII века¹, в силу этого ее можно отнести к староосвоенным территориям. Многие черты современной сети поселений являются категориями историческими, поддающимися пониманию только после изучения процесса их генезиса.

Главная исторически сложившаяся черта расселения Вологодской области – это **мелкоселенность**. Ее основные причины: раздробленность и мелкоконтурность пашни, низкая продуктивность бедных подзолистых почв и необходимость постоянного внесения органических удобрений для поддержания ее плодородия². Освоение территории шло по рекам и озерам – единственным в то время путям сообщения. Главной же причиной заселения долинных ландшафтов было то, что именно в речных и озерных долинах крестьяне находили наилучшие природные условия для сельскохозяйственного производства, а также возможности для традиционных занятий – рыболовства и охоты.

¹ Родословие Вологодской деревни. – Вологда, 1990. – 265 с.

² Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М., 1947. – 423 с.

Освоение водоразделов шло значительно позднее и, как правило, в наиболее густо заселяемых районах. Таким образом, по мнению И.В. Власовой³, сформировались три типа расселения по топографическому положению: речной, озерный и водораздельный.

На севере Вологодской области М.В. Витовым⁴ был выделен своеобразный тип долинного расселения, так называемый «гнездовой». Он характерен для северных лесных районов старинного освоения и представляет собой размещенные в пространстве, как правило в долинах рек, группы деревень, насчитывающие иногда более десятка на площади радиусом 0,5 – 2 километра.

Итак, в ходе многовекового заселения края сформировалась в основных чертах система очагового долинного и местами водораздельного расселения, характеризующаяся исключительной мелкоселенностью.

Значительные изменения в расселении области происходят в XX веке. С 1930-х годов происходит реконструкция сети крестьянских поселений, связанная с коллективизацией сельского хозяйства. До начала этого процесса на территории Вологодской области было, по данным переписи 1926 года, 18,5 тысячи сельских населенных пунктов (СНП), их средняя людность составляла 89 человек. В ходе коллективизации в первую очередь были ликвидированы хутора и выселки, как не вписывающиеся в систему коллективного хозяйства. С этого началось сокращение числа сельских поселений на всей территории Вологодской области.

Период 1959 – 2010 гг. характеризуется значительным – на 55% – сокращением численности сельского населения области и уменьшением количества СНП – на 36% (таблица). Различия в темпах сокращения демонстрируют большую инерционность расселенческих систем и, как следствие, большую их устойчивость. Однако следует отметить, что при большей устойчивости система расселения быстро реагирует на сокращение численности сельского населения изменением одного из основных своих показателей – людности СНП, которая сократилась за рассматриваемый период на 28% (уменьшилась в 1,4 раза).

³ Власова И.В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX века. – М.: Наука, 1976. – 119 с.

⁴ Витов М.В. Гнездовой тип расселения Европейского Севера и его происхождение // Сов. этногр. – 1955. – № 2. – С. 27–40.

Характеристика расселения Вологодской области

Год	Численность населения, тыс. чел.			Доля городского населения, %	Количество СНП	Средняя людность
	всего	городского	сельского			
1959	1303,8	449,3	854,5	34,5	12369	69,0
1970	1293,0	613,4	679,6	47,4	9950	68,3
1979	1309,3	763,7	545,6	58,3	7728	70,0
1989	1349,0	875,5	473,5	64,9	7113	66,5
2002	1269,6	876,6	393,0	69,0	8002	49,1
2010	1213,7	838,0	375,7	69,0	8005	47,0

Источники: Численность населения Вологодской области по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Вологда, 1990; Демографический ежегодник Вологодской области: Стат. сб. / Вологдастат, 2010.

Главной причиной процесса отрицательной динамики сельского населения и расселения являлась урбанизация, высокие темпы которой в 1950–1980-х гг. объяснялись интенсивным ходом промышленного строительства в области. Главными центрами промышленного строительства стали большие города – Череповец и Вологда. Следует отметить, что промышленное и транспортное строительство в Вологодской области и связанный с этим процесс роста городского населения начались значительно позднее, чем в соседних областях и в целом по стране. Таким образом, демографический потенциал сельского населения области в основном был потрачен на рост городского населения за ее пределами. Процесс урбанизации области оказался для сельского населения и расселения разрушительным и сопровождался значительным сокращением числа сельских поселений.

Одновременно с урбанизацией, которую можно назвать неизбежным для нашего времени внешним фактором воздействия на сформированную веками систему сельского расселения, в стране в послевоенный период был проведен ряд запланированных государством мероприятий и программ, или непосредственно направленных на реконструкцию расселения, или затронувших ее косвенно, но от этого не менее разрушительно. Данные мероприятия вели к разрушению сети сельских поселений изнутри. Это, во-первых, послевоенная программа укрупнения сельскохозяйственных предприятий, в то время – колхозов, которая привела к резкому сокращению числа организующих центров и, как следствие, к росту размеров периферии, где начинается неизбежное сокращение населения, числа СНП, вызванное ухудшением качества жизни в сравнении с центральными в системе населенными пунктами.

Во-вторых, это известное решение от 1974 года «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» о разделении всех сельских населенных пунктов на «перспективные», в развитие которых вкладывались средства государства, и «неперспективные». Данная программа привела к продолжению уже начавшегося процесса концентрации сельскохозяйственного производства и населения.

В 1960-е гг. среднегодовые темпы сокращения сельского населения в составили 1,87%, количество сельских населенных пунктов ежегодно сокращалось на 1,85%. В это десятилетие быстро увеличивается численность населения на территориях новых леспромхозов и лесопунктов на севере и востоке области. Здесь в указанный период происходит интенсивное перераспределение населения в рамках административных районов: например в Вожегодском районе, параллельно с ростом населения в двух сельских советах, идет его снижение в течение десятилетия в остальных на 25–50%; в Великоустюгском районе рядом с быстро растущими Опокским и Ломоватским сельскими советами все остальные теряют 25–50% населения, а Стреленский – более 50%.

В период 1970-х гг. среднегодовые темпы сокращения сельского населения составили максимальный за рассматриваемый период показатель – 2,27%, количество сельских населенных пунктов ежегодно сокращалось на 2,48%. Это было вызвано высокими темпами урбанизации: ежегодный рост доли городского населения составлял в 1960-е гг. – 3,39, в 1970-е гг. – 2,62%.

Практически все сельские советы области за этот десятилетний период потеряли до 20% своих поселений.

В 1980-е годы ежегодные темпы снижения количества сельских населенных пунктов и численности сельского населения сократилось до 0,80 и 1,26% соответственно. Этому содействовало, в первую очередь, замедление темпов промышленного строительства в крупных городах и, как следствие, замедление перемещения населения из села в город. Сеть расселения в это время становится более стабильной – практически вся территория теряет за это десятилетие менее 20% сельских поселений. Главным изменением в расселенческой системе становится «стягивание» населения, включая сельское, к местным центрам районного и областного значения.

В период 1990-х годов тенденция сокращения численности сельского населения области в целом сохранилась, ежегодная убыль составила 1,3%. Что касается количества сельских населенных пунктов, то тенденция в это десятилетие меняется кардинально: число СНП увеличилось, чему способствовала относительная стабильность численности сельского населения. Сокращение жителей села происходит в результате естественной убыли, в то время как миграционный отток резко сокращается. Ежегодные темпы урбанизации снижаются с 1,07% (1980-е гг.) до 0,47%.

В 2000-е годы продолжается снижение показателя среднегодового сокращения численности сельского населения – с 1,30 в 1990-е гг. до 0,33%. Количество СНП продолжает медленно расти. Впервые за период XX–начала XXI в. в области отмечается сокращение доли городского населения: ежегодный показатель сокращения – 0,1%. Снижение уровня урбанизации населения объясняется административными преобразованиями, происходившими в 2000-е гг., когда некоторые городские поселения области сменили свой статус на сельские.

Целью всех послевоенных программ по реконструкции расселения, приведших к сокращению числа сельских населенных пунктов, было преодоление его мелкоселенности. Однако, средняя людность сельских поселений области в период с 1959 по 2010 г. сократилась на 30% (с 68 до 47 человек). Мелкоселенность расселения проявляется в структуре СНП по людности. В 2010 году в Вологодской области 41% СНП составили мельчайшие поселения (до 10 чел.), 14% – мелкие (11–25 чел), таким образом, численность населения менее 25 человек имеют более половины всех вологодских деревень и 55% СНП области⁵. Населенные пункты с людностью более 500 человек в нашей области можно считать крупными. Их доля в системе современного расселения – 1,7%, но в них проживает почти половина всего сельского населения области (47,7%), следовательно, характер расселения в области является уже не мелко-, а скорее среднеселенным.

В ходе многовекового процесса формирования возникла определенная система организующих центров, сохраняющая генетически заданную преемственность на всех ее уровнях. На территории Вологодской области можно выделить три центра регионального уровня: областной – Вологду

⁵ Населенные пункты Вологодской области по муниципальным образованиям на 01.01.2009 года / Вологдастат. – Вологда, 2009. – 212 с.

и два окружных (межрайонных) – Череповец и Великий Устюг. Высокий статус городов – межрайонных центров – определяется уровнем развития в них промышленности.

Промышленный потенциал «рядовых» райцентров, число которых – 23, очень невелик и составляет менее 8% от областного, доля промышленного потенциала центров данного ранга сократилась за последние 15 лет на 2%.

На площади 145,7 тыс. км² существует, кроме 26 уже указанных, 25 центров межхозяйственного уровня (в 10 районах они вообще отсутствуют), соответственно на каждый из центров названных трех уровней приходится 2,9 тыс. км², т.е. более чем в 5 раз выше оптимального показателя.

Количество МО, организующих сельские населенные пункты, за период с 1960 по 2009 г. сократилось на 24%. Объединение сельских советов, а позднее и СП является главной линией реорганизации муниципальной системы России. Анализ данных о населенности низовых административных систем области за 1959–2009 гг. позволяет установить главную тенденцию изменения названных систем: их населенность постоянно сокращается. Общее сокращение количества и людности СП как расселенческих систем, продолжавшееся и в 2010 г., приводит к возрастанию сложности их обустройства транспортной и социальной инфраструктурой, снижает качество жизни сельских жителей.

Миграционные процессы как фактор развития территорий

Миграции в политическом аспекте рассматриваются как индикаторы социально-экономического и политического состояния территорий, поскольку являются наиболее оперативной и наглядной реакцией населения на экономический кризис, вооруженный конфликт, экологическую или техногенную катастрофу, системное нарушение прав человека и пр.

Отрицательный миграционный баланс демографической характеристики населения Вологодской области указывает на ее внутренние проблемы, но не противоречит общероссийской статистике, как не противоречат ей угрозы депопуляции, дефицита трудовых ресурсов для развивающейся экономики, ответственность за судьбы соотечественников за рубежом, — угрозы, на которые государство и область должны выработать адекватные управленческие решения.

Приоритетами будущей миграционной политики России, концепция которой активно обсуждается, являются: стабилизация численности населения за счет сокращения смертности и увеличения внешней миграции, использование потенциала внутренних миграций из трудоизбыточных регионов, создание дифференцированной системы привлечения иностранных работников.

Базисным является положение о корреляции миграционной политики со стратегией социально-экономического развития страны и конкретных регионов, а миграционные процессы должны стать важным фактором развития территорий, одним из механизмов решения проблем демографии, улучшения качества трудового потенциала, его увеличения и перераспределения.

Возможность достижения поставленных целей лежит в плоскости:

- повышения миграционной привлекательности России;
- стимулирования притока квалифицированных специалистов;
- повышения инвестиционной привлекательности государства и регионов;

Порохова Анна Николаевна — начальник отдела по делам миграции УФМС России по Вологодской области.

- повышения уровня жизни постоянного населения, что позволит предупредить проявления ксенофобии и национализма;
- упрощения механизма легализации трудящихся-мигрантов в зависимости от их востребованности на российском рынке труда и пр.

На уровне субъекта это предполагает разработку и реализацию ряда региональных программ: миграционной, по переселению соотечественников, по интеграции иммигрантов в принимающее сообщество, по профилактике ксенофобии и национализма и пр. Одни программы носят исключительно гуманитарный характер, другие решают прикладные задачи по увеличению трудового потенциала региона и улучшению его качества.

Региональный аспект проблем представляется особенно важным, поскольку регионы России находятся на качественно разных уровнях социально-экономического развития и, соответственно, потребности в притоке трудовых мигрантов и возможности их адаптации. Существующие региональные различия и конкретные результаты проводимой политики наиболее наглядно реализуются через миграционную привлекательность регионов.

Статистика Вологодской области полностью соответствует общероссийской. После распада Союза она впервые стала принимающей территорией и оставалась ею до начала экономического кризиса 2008 года.

Начиная с 1992 года ежегодная естественная убыль в области составляла от 5 до 10 тыс. человек, а миграционный прирост – от 3 до 6 тыс. (в 1994 г. был самый высокий миграционный прирост населения).

До 2000 года убыль населения в Вологодской области компенсировалась на 40% за счет миграционного притока. С 2002 года миграционный прирост составлял всего 100–300 человек в год. Население области по результатам переписи 2010 года составляет 1202 тыс. человек (для сравнения: в 1994 г. – 1320 тыс.). С 2008 года статистика показывает не только естественную убыль населения, но и миграционную тоже.

Источником миграционного прироста могли бы стать участники Госпрограммы по переселению соотечественников. Известно, что в странах ЕС 7 млн. человек говорит на русском языке, миграционный потенциал стран СНГ, по разным оценкам, составляет от 3 до 25 млн. человек.

Но за последние четыре года в 32 принимающих российских регионах переехало, в рамках Госпрограммы по оказанию содействия в добровольном переселении соотечественников, только 40 тыс. человек. Столь

скромное количество участников программы говорит о социально-экономическом состоянии регионов и их возможностях по приему переселенцев, прежде всего о жилищном обустройстве, трудоустройстве и пр., а также о финансовом положении самих потенциальных переселенцев. В конечном счете это показатель несоответствия интересов государства его возможностям.

Региональная программа Вологодской области по приему соотечественников отложена без определения срока в связи со сложной социально-экономической ситуацией в регионе, напряженностью на рынке труда. Однако у этой программы, помимо экономического, есть геополитический и этический аспекты: возможность возвращения на историческую родину соотечественников, которые в международном праве рассматриваются как особенная категория – репатрианты, органичные для принимающего сообщества по языку, ментальности, этнической принадлежности, высоко мотивированные на переезд граждане иностранных государств.

Поскольку государственная и региональные программы не предусматривают для соотечественников достаточной финансовой поддержки при переселении и лишь незначительно упрощают механизм получения гражданства России, без которого соотечественник остается иностранцем в глазах работодателей, то скромные результаты реализации программ вполне объяснимы.

Возможности внутренних миграций как механизма перераспределения населения ограничены продолжающимся демографическим кризисом. По итогам социально-экономического развития страны за первое полугодие 2011 года все регионы России показали снижение численности постоянного населения. А самые большие демографические потери понес Центральный федеральный округ. Высокая рождаемость и низкая смертность зарегистрирована только в Северо-Кавказском федеральном округе, за исключением Ставропольского края с общероссийскими показателями.

Незначительное число мигрантов в России, с одной стороны, демонстрирует ее внутренние проблемы, с другой – опровергает утверждение, что для России миграция такая же глобальная угроза безопасности, как для Европы и Америки. На наш взгляд, для регионов России большую опасность представляет внутренняя миграция из республик Северного Кавказа.

Поскольку государство обеспокоено сокращением численности постоянного населения, его концентрацией в европейской части, увеличением нагрузки на социальную сферу в связи с ростом числа пенсионеров, то внешние миграции представляются простым и доступным способом решения перечисленных проблем. Следует только упростить процедуры легализации иностранных граждан в рамках существующей селективной политики.

В реальности не все регионы заинтересованы в усилении миграций из-за стагнации экономики, отсутствия социальной инфраструктуры, что крайне важно в связи с существенным изменением этнического состава иммигрантов по сравнению с 90-ми годами XX века и возникающими отсюда сопутствующими проблемами.

Вместе с тем каждый прибывший в регион мигрант вносит в развитие экономики данного региона свой посильный вклад, выраженный как в прямых, так и в опосредованных выплатах: оплате проезда, питания, проживания, медосвидетельствования, услуг нотариусов, переводчиков, госпошлин, налогов, штрафов и пр. Только за 9 месяцев 2011 года в бюджет начислено 12 млн. рублей штрафных санкций за нарушение миграционного законодательства иностранными гражданами и их работодателями и около 20 млн. рублей за выданные разрешения на работу и патенты. Мигранты становятся очень доходной статьей бюджета.

Все эти важные экономические, социальные, морально-психологические проблемы придают дополнительную остроту взаимоотношениям государства и общества, центра и регионов, усиливают необходимость принятия оптимальных решений в области миграционной политики и выбора эффективных управленческих решений. Пока целесообразность привлечения иностранных трудящихся, их влияние на качество и количество произведенного национального продукта, трудовых ресурсов не учитываются и не исследуются.

Разработка политики начинается с анализа демографической ситуации в стране и ее корреляции с состоянием и стратегией экономического развития страны и регионов:

- определение реальных и потенциальных угроз, постановка целей и задач;
- разработка взвешенного и понятного законодательства;
- определение источников финансирования его реализации;

- мониторинг и корреляция законодательства и практики его реализации, их соответствия заявленным целям и изменяющейся социально-экономической ситуации в стране и регионе.

Используя экономические и социальные рычаги воздействия, можно усилить или сократить миграционные потоки в область. Этому должны способствовать программы социально-экономического развития субъекта, различные формы социальной поддержки мигрантов, формирование привлекательного имиджа Вологодской области и использование иных, новых для России механизмов управления миграциями. Работодатели и органы власти должны проявить свою заинтересованность в привлечении и использовании качественного трудового потенциала мигрантов.

И.Э. Сорокина

Глобализация и ее воздействие на формирование конкурентной среды

В последние годы происходит качественный скачок в изменении характера мирового хозяйства: взаимозависимость, взаимосвязанность, взаимообусловленность стран и народов в различных сферах человеческой жизнедеятельности приобретают устойчивый характер. Встраивание России в глобализирующуюся хозяйственную систему закономерно и неизбежно¹, несмотря на то, что по индексу глобализации (вовлеченности страны в мировую экономику, информационное пространство, международные и правовые дела) в начале третьего тысячелетия среди 62 стран мира она занимала 45 место².

Понятие «глобализация» образовано от английского «globe» – «земной шар», что подчеркивает системообразующий признак и планетарный характер данного явления, исследуемого с конца 60-х гг. XX в. Изучение процессов глобализации в России началось (как и на Западе) примерно треть века назад. Современная глобализация подготовлена всей предшествующей историей. Это развивающийся процесс, перспектива развития человеческого сообщества.

Эволюцию всех аспектов жизни мирового социума предопределяет экономический. Директор отечественного Центра политической конъюнктуры В. Федоров считает, что глобализация берет начало в XVIII в., проявляясь в интернационализации хозяйственной жизни³. Этот этап международного экономического сотрудничества характеризуется усилением взаимосвязи и взаимозависимости экономик отдельных стран, влиянием международных экономических отношений на национальные экономики, участием стран в мировом хозяйстве. И.Г. Владимирова полагает, что интернационализация хозяйственной жизни, в свою

¹ Кириченко Э. Как Россия встраивается в глобализирующуюся хозяйственную систему // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – №6. – С. 115-118.

² Андрианов В. Россия в глобальной экономике // Общество и экономика. – 2003. – №11. – С. 77-95.

³ Русский предприниматель. – 2002. – Январь. – С. 28.

Сорокина Ирина Эдуардовна – к.э.н., профессор, зав. кафедрой товароведения и коммерции Вологодского института бизнеса.

очередь, прошла ряд этапов: международное экономическое сотрудничество – развитие устойчивых хозяйственных связей между странами и народами, выход воспроизводственного процесса за рамки национальных границ; международная экономическая интеграция – сближение и взаимоприспособление национальных экономик, включение их в единый воспроизводственный процесс в интернациональных масштабах; глобализация мировой экономики (высшая стадия интернационализации мировой экономики) – усиление взаимозависимости и взаимовлияния различных сфер и процессов мировой экономики, выражающееся в постепенном превращении мирового хозяйства в единый рынок товаров, услуг, капитала, рабочей силы и знаний⁴.

Процесс глобализации охватывает разные сферы мировой экономики: внешнюю, международную, мировую торговлю товарами, услугами, технологиями, объектами интеллектуальной собственности; международное движение факторов производства; международные финансово-кредитные и валютные операции; производственное, научно-техническое, технологическое, инжиниринговое и информационное сотрудничество. Современная глобализация мировой экономики выражается в углублении интернационализации производства, капитала; глобализации производительных сил; формировании глобальной инфраструктуры; усилении интернационализации обмена; увеличении масштабов международной миграции рабочей силы.

Прогнозируется, что в видимой перспективе глобализация повлечет за собой: интенсификацию интеграционных региональных процессов; большую открытость экономических систем государств, в настоящее время еще не полностью осуществивших либерализацию хозяйственной деятельности; беспрепятственный доступ всем участникам на любые рынки; универсализацию норм и правил осуществления торговых и финансовых операций; унификацию регулирования и контроля за рынками; стандартизацию требований к перемещению капитала, инвестиционному процессу и всемирной платежно-расчетной системе.

Глобализация экономической деятельности разворачивается одновременно в двух плоскостях: на макроуровне (усиливаются взаимозависимость национальных экономик, интенсификация международных экономических отношений во всех их формах) и на микроуровне (связана с общей стратегической ориентацией компаний на хозяйственную

⁴ Владимирова И.Г. Глобализация мировой экономики: проблемы и последствия // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – №3. – С. 97-111.

активность на глобальном, мировом рынке). Всемирная по своему характеру деятельность транснациональных корпораций становится одной из основ процессов глобализации, ее главной движущей силой. Процесс глобализации обуславливают производственные; научно-технические и технологические; организационные; экономические; информационные; политические, социальные и культурные движущие силы. Огромное влияние на современные глобализационные процессы оказывает рыночная конкуренция, главными средствами которой являются снижение издержек, повышение качества и расширение ассортимента товаров и услуг. Экономическая глобализация превращает национальное и мировое хозяйства в единую глобализирующуюся экономику.

Термин «глобализация» применяется прежде всего к мировой экономике. Но существенно трансформируется и национальная экономика стран, участвующих в мирохозяйственных интеграционных связях. Такая экономика постепенно отходит от своего прежнего замкнутого состояния и становится органичной частью мирового хозяйства, приспособлявая свои внутренние условия хозяйствования к международным правилам на мировом рынке. Превращение национальной экономики в глобализирующуюся ведет к развитию конкурентной среды, что, в свою очередь, способствует созданию условий для состязательности хозяйствующих субъектов, повышению их эффективности и конкурентоспособности.

Глобализация мировой экономики, нарастание открытости национальных хозяйств приводят к относительному выравниванию условий конкуренции в масштабах планеты, что усиливает значение различных форм внешнеэкономических связей национальных экономик, степень их открытости для зарубежных товаров, услуг, капиталов. Универсальным требованием, предъявляемым открытой хозяйственной системой к любому национальному экономическому субъекту, выступает конкурентоспособность. Уровень конкурентоспособности отраслей, фирм определяет объемы и структуру экспорта и импорта, торговый и платежный балансы каждой конкретной страны, то есть их мирохозяйственные позиции. По мнению экспертов ИМЭМО РАН, под конкурентоспособностью страны понимается способность ее национальной экономики производить и потреблять товары и услуги в условиях конкуренции с товарами и услугами, производимыми в других странах, при повышении уровня жизни населения и соблюдении международных экологических стандартов⁵.

⁵ Конкурентоспособность России в глобальном экономическом пространстве. – М.: ИМЭМО, 2001. – С.10-11.

М. Портер утверждает, что конкурентные способности отраслей и фирм обуславливаются влиянием четырех взаимосвязанных факторов (детерминантов) экономической среды стран их базирования: фактором макроусловий (природные, трудовые, технологические и инвестиционные ресурсы, инфраструктура и характер конкуренции на внутреннем рынке); условиями спроса (уровень дохода, эластичность спроса, требовательность покупателя к качеству товара и услуг и др.); наличием родственных и поддерживающих отраслей (обеспечивающих фирму необходимыми ресурсами, комплектующими, информацией, банковскими, страховыми и другими услугами); стратегиями фирм, их структурой и соперничеством (создающими конкурентную среду и развивающими конкурентные преимущества)⁶. Р. Фатхутдинов склоняется к тому, что повышение конкурентоспособности товаров, отраслей, регионов и страны в целом во многом зависит от качества управления конкурентными преимуществами различных объектов, качества государственного регулирования конкурентной среды⁷.

Главной задачей всех стран в современном глобализирующемся мире является формирование и поддержание конкурентоспособности национального хозяйства, отдельных экономических субъектов. На основе системного методологического подхода, признающего конкурентоспособность как имманентный рыночной среде императив функционирования разноуровневых экономических систем и предполагающего учет влияния всех цивилизационных факторов на устойчивое развитие экономики, можно сконструировать целостную систему формирования национальных приоритетов и механизмов их реализации. Конкурентоспособность — активное состояние экономической системы, формирующее ее конкурентные преимущества. Она является основой для развития общества, которое представляет не сообщество отдельных экономических субъектов (предпринимателей), а единый и цельный организм, где экономическими агентами наряду с хозяйствующими субъектами выступают государство, политические, культурные институты, общественные организации.

В данной трактовке общество воспринимается как единство экономических, социальных, политических, культурных институтов, которое генерирует на основе конкурентоспособности.

⁶ Портер М. Международная конкуренция. — М., 1993. — С. 92.

⁷ Фатхутдинов Р. Стратегическая конкурентоспособность и экономика России // Общество и экономика. — 2003. — №1. — С. 31-43.

Это позволяет признавать явления и процессы, протекающие в их рамках, факторами конкурентоспособности, ее детерминантами. Предложенная концепция так называемой системной конкурентоспособности определяет рамки анализа и набор определяющих факторов конкурентоспособности. Ее исходная посылка состоит в том, что длительная промышленная конкурентоспособность осуществляется не столько за счет стабилизации макроэкономических условий и создания соответствующих этому стимулирующих структур, сколько за счет формирования такой системы отношений, которая поддерживает и концентрирует целенаправленные коллективные национальные усилия на развитие фирм или групп предприятий (кластеров) и территорий.

Создание такой результативной системы отношений является задачей, исходящей не только от государства. Но в этом процессе ведущую роль играют различные негосударственные объекты (предприятия, их объединения, некоммерческие организации и технологические сообщества). Наиболее эффективной представляется такая национальная хозяйственная система, в которой важнейшие субъекты найдут общую позицию в проблемных вопросах и смогут принимать конструктивные решения по поводу улучшения условий функционирования.

Конкурентоспособность является системной, если определяющие ее факторы могут быть поняты только при взаимосвязанном обмене между элементами, формирующимися на различных уровнях общественной системы. Поэтому недостаточно рассматривать только микро- (предприятия, потребители и рыночные сделки) и макроуровень (торговля и валютный курс, государственная бюджетная и внешнеторговая политика).

Исследование метауровня позволяет определить: почему государство создает общие условия, являющиеся более или менее благоприятными для устойчивого экономического развития; какую роль при этом играют различные субъекты общества; как взаимодействуют государственные и негосударственные институты; какие цели общественного и экономического развития преследуются в процессе этого взаимодействия.

Изучение мезоуровня направлено на анализ подходов к повышению конкурентоспособности отдельных отраслей и территорий. Важно не только выработать правильную стратегию развития страны, но и превратить её в скоординированную программу действий государства, хозяйствующих негосударственных субъектов (в первую очередь, крупные корпоративные структуры) и общественных институтов.

Таким образом, формирование и повышение конкурентоспособности национальной системы требует и макроэкономических реформ, и общественных трансформаций. На метауровне решающую роль играют факторы социокультурного, духовного и политического характера. Профессор М.И. Гельвановский считает, что, хотя с национальной воспроизводственной базой «обычно отождествляют только материальный, экономический потенциал, на самом деле он гораздо шире и глубже. Глубина его как раз определяется неким уникальным социокультурным кодом, формирующим тип хозяйственного поведения основной части населения страны, используя который, страна получает наивысший эффект от своей хозяйственной деятельности»⁸. Это так называемые долгосрочные вариации, способность изменения которых не выделяется в ортодоксальном анализе. В этом контексте необходимо учитывать, с одной стороны, совпадение проводимых общественных изменений с принципами рыночной организации хозяйства и ориентации на мировой рынок, с другой, – согласованность между всеми общественными интересами будущих приоритетов с настоящими общественными интересами большинства. Неоспоримым является и то, что государство должно максимально избегать влияния политических настроений на экономические факторы, способствующие формированию устойчивости экономического развития.

В условиях глобализации и увеличения числа конкурентов при возрастающем количестве факторных рынков, дифференциации потребительского спроса, снижении продолжительности инновационного цикла, переломе в технико-технологической системе при установлении новых отраслевых границ современным предприятиям требуется реорганизация на микроуровне, то есть изменение своей структуры в соответствии с организационными, социальными и техническими инновациями.

Реструктуризация предприятий обуславливается и трансформацией внешней среды, связанной с глубокими структурными изменениями, возникновением мощных механизмов расширенного самовоспроизводства международных и иных хозяйственных отношений. При этом наряду с унифицирующими тенденциями идет бурный рост расслоения и стратификации мирового хозяйства, его неоднородности.

⁸ Гельвановский М.И. Глобализация и национальная конкурентоспособность // Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика / под ред. Осипова и др. – М.: Юристъ, 2003. – С. 224.

В условиях глобализации в мировой экономике конкурируют не децентрализованные предприятия, а промышленные кластеры, группы предприятий, организуемые по типу сетей, для устойчивого развития которых важно и формирование промышленных территорий, и тесные контакты с некоммерческими образованиями. Тем самым возникает необходимость структуризации мезоуровня. Поэтому решающим фактором становится направленность общества на региональное размещение и институтобразование.

Данная концепция «системной конкурентоспособности» позволяет оценить возможности и проблемы конкурентного положения России на мировом рынке. Нацеленность доктрины устойчивого развития российской экономики предполагает постановку задач на достаточно длительный период, так как становление конкурентоспособности – многофакторный динамический активный процесс формирования национальных преимуществ в конкурентной борьбе.

Проблема конкурентоспособности давно стала приоритетной в макроуровневой экономической политике промышленно развитых стран. Методология конкурентоспособности Института развития менеджмента (IMD) определяет основные ориентиры для ее достижения. Они заключаются в следующем: создание стабильной и предсказуемой конкурентной среды; формирование гибкой экономической структуры; инвестирование в традиционную и технологическую инфраструктуры; продвижение частных сбережений и внутренних инвестиций; развитие активности на международных рынках, а также привлечение прямых иностранных инвестиций к внутреннему производству; концентрация внимания на качестве, скорости и прозрачности деятельности правительства; поддерживание связи между уровнем зарплаты, производительностью и налогообложением; развитие социальной структуры путем снижения неравенства в зарплате и укрепления среднего класса; вкладывание значительных инвестиций в образование, особенно в высшее, и долгосрочное обучение трудовых ресурсов; сбалансирование национальной экономики с глобальной экономикой для создания прочного благосостояния; поддержка традиционной системы ценностей, востребованной гражданами.

Выработка стратегических приоритетов страны, модернизация российской экономики связаны с обеспечением достаточного уровня национальной конкурентоспособности. Целостную систему формирова-

ния национальных приоритетов и механизмов их реализации содержит Программу развития конкуренции в Российской Федерации⁹.

Таким образом, глобализация – объективно обусловленный процесс общественного развития, который приводит к установлению, развитию и увеличению значимости отношений между экономическими, социальными и другими субъектами различных стран, усилению конкурентной среды на национальном и мировом уровне. Под влиянием более глубокого и разностороннего взаимодействия между странами происходят существенные перемены национально-государственных экономик. В этих условиях для России важно иметь свою стратегию включения в мирохозяйственные процессы, адекватно учитывающую суть и движущие силы глобализации; концептуальное обеспечение проводимых в стране кардинальных рыночных преобразований.

Литература

1. Глобализация / под общ. ред. В.А. Михайлова и В.С. Буянова. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – 544 с.
2. Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 1328 с.
3. Портер, Майкл Э. Международная конкуренция: пер. с англ. / Майкл Э. Портер; под ред. и с предисловием В.Д. Щетинина. – М.: Международные отношения, 1993.

⁹ Программа развития конкуренции в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 691-р.

Оценка конкурентных преимуществ региона

Одной из наиболее важных задач России и ее регионов является усиление темпов экономического роста. Динамичные, конкурентоспособные регионы представляют собой источник роста всей страны, опору проведения национальной политики снижения региональных диспропорций. Конкуренцию территорий в целом можно определить как соревнование между политической, законодательной, экономической, социальной, экологической и культурной системами и стратегиями регионов и городов в их стремлении «завоевать» различные целевые группы «потребителей» местных ресурсов и условий жизнедеятельности.

Регионы России на современном этапе экономического развития являются субъектами управления, где непосредственно реализуются поставленные перед обществом цели и задачи.

Региональная статистика отражает абсолютные и относительные показатели социально-экономического развития, их динамику и место в национальной экономике, но не даёт прямого ответа относительно «конкурентных преимуществ», «конкурентных позиций», «конкурентоспособности» региона. В то же время приобретение региональными системами экономической самостоятельности в условиях рынка вызывает необходимость переоценки положения и функций каждого региона в системе координат экономического пространства, в котором предстоит принимать управленческие решения, обеспечивающие их устойчивое развитие.

Эффективное использование конкурентных преимуществ региональными властями предполагает решение большого комплекса практических проблем, связанных с динамикой факторов конкурентоспособности, выявлением и систематизацией конкурентных преимуществ, увязкой их с ресурсными возможностями региона в рамках сценариев социально-экономического развития, разработкой механизма реализации конкурентных преимуществ.

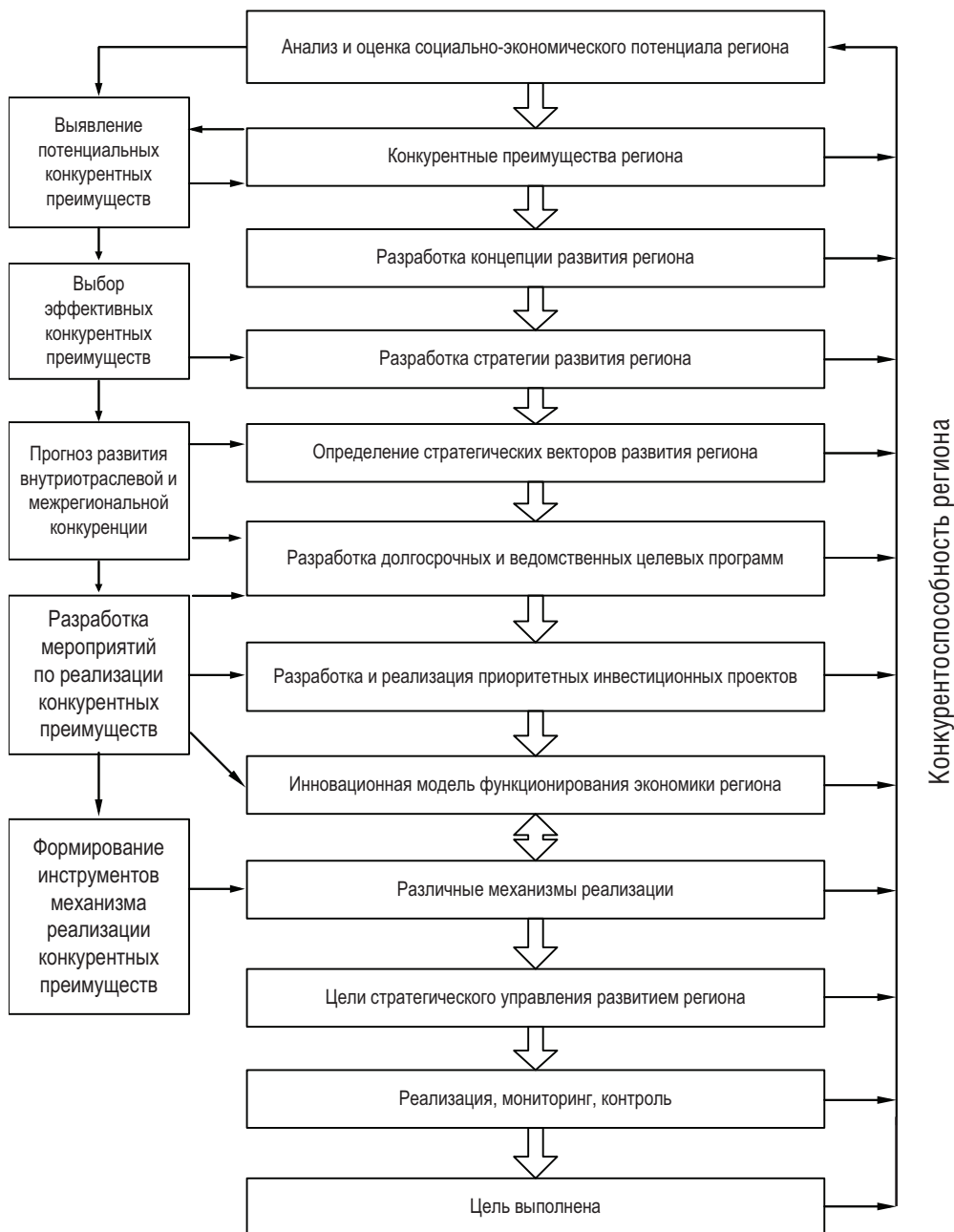
Ермолов Александр Петрович — консультант управления стратегического планирования департамента экономики Правительства Вологодской области.

Ответим, прежде всего, на вопрос: «Может ли конкурировать российский регион?» Было бы слишком тривиальным утверждение о том, что конкурентоспособность не бывает без конкуренции и для обеспечения конкурентоспособности регион должен участвовать в конкуренции. Заметим, что в ходе реформ понятие «конкурирующий регион» вызывает неудобство, неприятие в научных и политических кругах. Такое отношение вызвано как политическими событиями в российской действительности, так и наследием, сложившимся в виде стереотипов, среди которых конкуренция между регионами воспринималась как перетягивание материальных и финансовых ресурсов. Прежние централизованные, распределительные методы и механизмы утвердили осознание полной зависимости региональной политики от решений центра, что во многом проявляется и сейчас, так как продолжает преобладать теоретическая догма об общности интересов регионов одной страны. Нередко указывается, что регион не может выполнять самостоятельную роль в экономике, поскольку является частью страны и не может вести отдельную экономическую политику [1].

Если понимать регион как территорию, то понятие конкуренции к территории может быть применимо весьма условно, поскольку территория обладает определёнными постоянными физическими характеристиками и не может их изменить в ответ на динамику рыночных условий, что составляет суть конкурентного процесса. В нашем случае речь идет не о территории, а о регионе – экономическом агенте, субъекте конкурентного взаимодействия, в процессе которого происходит открытие новых возможностей регионального развития. По нашему мнению, регион в современных условиях является экономическим субъектом, который может вести самостоятельную политику, применять экономические инструменты для улучшения своих конкурентных позиций, выходить на мировой рынок в качестве участника мировых конкурентных процессов.

Вместе с тем очевидно, что регионы не являются полностью самостоятельными и независимыми от центра субъектами хозяйствования. Поэтому, на наш взгляд, задача заключается в создании условий эффективной межрегиональной конкуренции, обеспечивающих стимулирование регионов как экономических субъектов к конкуренции.

Формирование конкурентоспособности региона представляет динамичный процесс создания, поддержания и наращивания конкурентных преимуществ региона в межрегиональных отношениях.

Комплексный механизм реализации и наращивания конкурентных преимуществ и повышения уровня конкурентоспособности региона в алгоритмизированной системе стратегического управления социально-экономическим развитием региона

Следовательно, конкурентоспособность региона – это экономическая категория, выражающая отношение взаимодействия системы производительных сил территории, хозяйственных отношений и институциональной формы протекания названных процессов, осуществляющихся как синергетический эффект такого взаимодействия. По нашему мнению, ясное представление о постоянном воспроизводственном процессе региональной системы, взаимодействии и взаимопроникновении конкурентных преимуществ и конкурентоспособности региона даёт комплексный механизм реализации и наращивания конкурентных преимуществ и повышения уровня конкурентоспособности региона в алгоритмизированной системе стратегического управления социально-экономическим развитием территории (рисунок).

Резюмируя, отметим, что формирование, мобилизация и наращивание конкурентных преимуществ и конкурентоспособности региона, вывод экономики из сложившегося положения невозможны без продуманной государственной экономической политики, которая должна предусматривать взаимную увязку со стратегией социально-экономического развития конкретных регионов в условиях развития экономики в целом по стране. Для этого одним из основных направлений должен явиться стратегический подход на долгосрочной основе, рассчитанный на перспективу не менее 10 лет.

При этом стратегия регионального развития должна перейти от политики выравнивания социально-экономического развития территорий к политике поддержки «опорных регионов», своеобразных точек индустриального, технологического и инфраструктурного роста. Это, в свою очередь, будет способствовать созданию условий, при которых инвестиции, инновации и их интеграция смогут «притягивать» друг друга, обеспечивая высокие конкурентные позиции региона, появление на рынке новых продуктов и услуг, тем самым обеспечивая дальнейший подъем экономики регионов и государства в целом.

Туризм – генератор развития территорий на примере проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза»

В России более 700 малых городов, основу экономического развития которых составляют небольшие предприятия и организации народно-художественных промыслов.

Проблемы таких городов нам известны: отток молодежи в крупные города, неперспективность развития сохранившихся с советских времен предприятий, высокий уровень безработицы, недостаток или зачастую отсутствие объектов социокультурного назначения, т.е. отсутствие будущего развития и существования.

Одним из таких городов до середины 1990-х годов XX века был Великий Устюг, районный центр Великоустюгского района Вологодской области – один из древнейших городов Русского Севера, ровесник Москвы и Вологды, обладающий множеством исторических и гражданских памятников архитектуры, сочетание которых со «свежей» сказочной идеей послужило основой инновационного развития города.

Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза» родился как ответ на решение проблем малых городов и стал одним из классических образцов продвижения территории, вошедших в учебники по маркетингу.

В целях реализации проекта в 1998 году в 12-ти километрах от города Великий Устюг отведена территория для Вотчины Деда Мороза, а в 2002 году был разработан Стратегический план развития проекта.

Стратегией определена миссия проекта, этапность и механизмы его реализации на основе консолидации общества вокруг традиционных национальных и общечеловеческих ценностей через образ Деда Мороза.

Новизна и глобальность проекта предполагает постановку широкого спектра целей, варьирующихся от воспитания будущих поколений и сохранения национальной самобытности до создания туристического продукта, конкурентоспособного на мировом рынке.

Булатова Юлия Николаевна – соискатель, главный специалист управления по туризму Департамента международных, межрегиональных связей и туризма Вологодской области.

Дед Мороз – это сказочный герой, любимый в первую очередь детьми. Именно Деда Мороза ждут в Новогодние праздники дети и взрослые. Поэтому целевой сегмент потребителей – это семья.

Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза» – это сегодня действенный вариант освоения территории на основе создания благоприятных условий для развития туристско-рекреационного и малого бизнеса, вовлечения в развитие проекта населения Великоустюгского района, сохранения национальной самобытности, традиций и культуры, воспитания будущего поколения на основе общечеловеческих и местных традиционных ценностей.

Проводимые международные и межрегиональные акции демонстрируют консолидирующие возможности образа Деда Мороза по организации единого праздничного действия, объединяющего детей и взрослых в стремлении к добру, справедливости и волшебству.

Стартовав в 1998 году, проект динамично развивается, о чем свидетельствуют итоги 2010 года. Так, количество туристов, принятых в 2010 году, – 209 тыс. человек, что выше уровня 1998 года в 70 раз.

В туристской сфере занято 7,5% от общей численности занятых района. Важнейший социально-экономический результат реализации проекта – это снижение уровня безработицы в 2 раза.

Одним из главных объектов, введенных и успешно функционирующих, является Вотчина Деда Мороза, расположенная в 15 км от города Великий Устюг и включающая в себя основные объекты туристического продукта.

«Великий Устюг – родина Деда Мороза» – это системный проект. Для успешной его реализации необходима инфраструктура, обеспечивающая комфортные условия для туристов. Поэтому одной из первых задач, которую мы выполнили, явилось формирование «портфеля» инфраструктур, создание условий для приема туристов.

За 12 лет реализации в проект вложено 1,84 млрд. руб., более 40% из которых – это частные инвестиции. Построены и успешно функционируют Дом Деда Мороза, Почта Деда Мороза, Городская резиденция Деда Мороза, Зимний сад. У нас построен филиал Московского зоопарка, каскад прудов, а Пасека Деда Мороза, принимая туристов, угощает их медом.

Для обеспечения комфортных условий проживания и питания туристов построены гостиницы, кафе и рестораны, проводится благоустройство города и реставрация памятников.

Динамичное развитие проекта позволило уже в 2010 принять 209 тысяч туристов из более чем 20 городов России. Проект способствовал развитию всех отраслей Великого Устюга: культуры, образования, туризма, здравоохранения, спорта, сферы услуг, транспорта и других.

У нас есть партнеры и спонсоры по реализации проекта. Это Правительство Москвы, ОАО «РЖД», ОАО «Лукойл Волганефтепродукт», ОАО «СеверСталь», предприниматели области. Именно при их участии строятся объекты, ежегодно организуются детские специализированные турпоезда на родину Деда Мороза.

В настоящее время Дед Мороз из Великого Устюга признан на национальном уровне и приобрел статус Всероссийского Деда Мороза, а Почта Деда Мороза за 12 лет получила 2 млн. писем – не только от жителей России, но и из-за рубежа.

Дед Мороз стал брендом Вологодской области, одним из символов детства. Сегодня Российский Дед Мороз – это не просто сказочный персонаж, это наш современный герой и, как сказал Президент России Д.А. Медведев, «наш национальный бренд».

Мы не останавливаемся на достигнутых результатах, проект переходит на новый уровень развития. Поставленная нами цель принять 500 тыс. туристов в 2020 году и обеспечить им комфортные условия пребывания на родине Деда Мороза может быть достигнута только при реализации комплекса инвестиционных проектов, направленных на создание новых культурно-развлекательных и инфраструктурных объектов.

В ходе посещения В.В. Путиным в 2008 году Вотчины Деда Мороза было дано поручение по строительству таких объектов, как Ледовый Дворец и Дворец Деда Мороза.

Ледовый Дворец – это современный спортивный комплекс круглогодичного действия, направленный на развитие зимних видов спорта, формирование здорового образа жизни, включающий в себя целый комплекс объектов, позволяющих не только заниматься спортом, но и весело и увлеченно проводить свободное время. Проект создания Ледового Дворца Деда Мороза уже стартовал, и недалек тот день, когда он примет первых посетителей.

Дворец Деда Мороза – центральное всесезонное место проведения главных мероприятий проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза», включающее в себя официальную зону (Зал приемов), Почту Деда Мороза и зону развлечений.

Успешная реализация проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» позволяет сохранять национальную культуру и самобытность Великого Устюга, достигать экономического роста. Благодаря проекту укрепляются семейные традиции, дети воспитываются на основе идеологии добра и справедливости. В сознании детей Дед Мороз – это не просто сказочный герой, это – волшебник.

Литература

1. Гуляев, В.Г. Туризм: экономика, управление, устойчивое развитие: учебник / В.Г. Гуляев // Российская международная академия туризма. – М.: Советский спорт, 2008. – 280 с.
2. Данные управления по туризму Департамента международных, межрегиональных связей и туризма Вологодской области.
3. Данные ТО ФСГС по Вологодской области.
4. Данные Управления Федеральной налоговой службы по Вологодской области.

Приоритеты развития туризма в районах Вологодской области

Стратегия развития туризма в Вологодской области до 2020 г. определяет наиболее привлекательные для развития виды туристской деятельности:

- культурно-познавательный;
- сельский;
- водный экскурсионный и активный [3].

Для определения перспектив развития данных видов туризма в районах Вологодской области проведены расчеты на основе данных, полученных в ходе оценки туристского потенциала муниципалитетов региона. С учетом результатов критического анализа имеющихся методических подходов к оценке потенциала развития туризма был избран индексный метод, основу которого составил математический аппарат, представленный на рисунке [1].

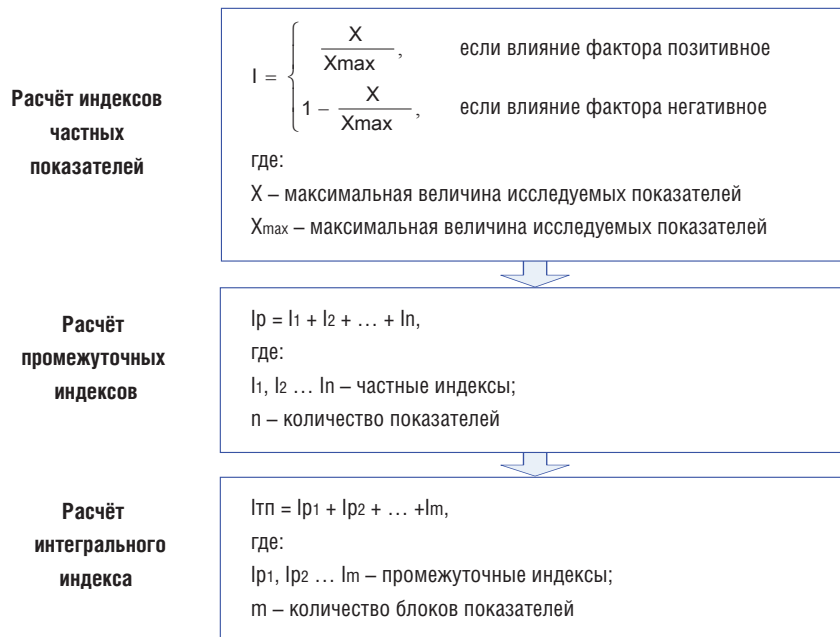

Рис. 1. Методический инструментарий оценки туристского потенциала

Леонидова Екатерина Георгиевна – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

Итоги расчетов показали, что наибольший потенциал для развития культурно-познавательного туризма имеют три сектора.

К ним относятся:

- г. Вологда, Вологодский, Грязовецкий и Кирилловский районы;
- г. Череповец, Череповецкий и Шекснинский районы;
- Великоустюгский район.

Привлекательность данных муниципальных образований для формирования культурно-познавательных туров определена следующими обстоятельствами:

- высокая концентрация культурно-исторических объектов (большое число усадеб, церквей и монастырей);
- хорошая обеспеченность природно-ресурсной составляющей (наличие особо охраняемых природных территорий, минеральных вод и т.п.);
- достаточно развитая туристская инфраструктура (высокие показатели формирования и использования коллективных средств размещения, объектов познавательного и спортивного назначения).

Необходимыми условиями для организации сельского туризма являются экологическая благоприятность территории, наличие гостевых домов и развитая сельскохозяйственная деятельность. Итоги расчетов выявили, что самым высоким потенциалом развития данного вида туристской деятельности обладают Великоустюгский, Вологодский и Череповецкий районы.

Высокий потенциал для формирования сельского туризма имеют Тарногский, Шекснинский и Кирилловский районы. Однако данные муниципалитеты характеризуются недостаточным количеством специализированных средств размещения и низкими объемами производства сельскохозяйственной продукции на душу населения. Последние позиции в рейтинге заняли города Вологда и Череповец, что объясняется промышленной специализацией данных территорий.

По оценкам специалистов, в настоящее время существует ряд причин, тормозящих развитие сельского туризма в регионе:

- ⇒ слабая предпринимательская активность местных жителей, неготовность к созданию собственного бизнеса;
- ⇒ низкий спрос на гостевые дома из-за их некомфортности, узкого спектра предлагаемых услуг и, как следствие, невысокая стартовая рентабельность гостевого бизнеса;

⇒ отсутствие лиц, заинтересованных в развитии сельского туризма (как среди предпринимателей, так и среди представителей муниципальных органов власти) [2].

Индекс потенциала развития активного туризма определяется количеством лыжных баз и горнолыжных комплексов, пропускной способностью спортивных сооружений, а также площадью земли, занятой реками, озерами и т.п.

По результатам расчетов можно определить, что наибольшим потенциалом для развития активного отдыха обладают Великоустюгский и Грязовецкий районы и г. Череповец. В Великоустюгском районе туристы могут заниматься как зимними, так и летними видами спорта. Грязовецкий район и г. Череповец известны как места проведения спортивных соревнований регионального уровня.

Достаточным потенциалом для развития активного туризма обладают Череповецкий, Вологодский, Вытегорский, Кичменгско-Городецкий и Кирилловский районы, г. Вологда. Наименьшие значения этого показателя у Верховажского и Тарногского районов.

На территории Вологодской области достаточно хорошо развит водный экскурсионный туризм. Наличие обустроенных причалов для приема речных судов и сформированная инфраструктура значительно способствуют увеличению туристского потока.

Для определения потенциала развития водного экскурсионного туризма использовался индекс наличия причалов на территории области. Причалы, оборудованные для приема круизных судов, имеют Кирилловский, Вытегорский, Шекснинский районы и г. Череповец. Среди них наибольшим потенциалом для развития водного экскурсионного туризма обладает Кирилловский район, в котором функционируют две круизные стоянки.

Активизации водного экскурсионного туризма на территории Кирилловского, Белозерского и Вашкинского районов будет способствовать реализация проекта «Туристская дестинация «Белоозеро».

Большой популярностью среди туристов пользуются речные круизы в восточные районы области (Тотемский и Великоустюгский), организуемые на небольших однопалубных судах. Однако осуществление такого водного маршрута возможно только в период высокой воды.

В целом эффективно осуществлению водных экскурсионных туров в регионе препятствуют следующие трудности:

- отсутствие соответствующей инфраструктуры, позволяющей принимать большие круизные теплоходы;
- недостаток привлекательных для туристов программ в местах остановки речных судов.

Следует отметить, что развитие такого направления водного туризма, как речные сплавы, возможно на территории Вытегорского, Великоустюгского и Тотемского районов, имеющих для этой цели необходимые природные ресурсы.

Таким образом, проведенный анализ потенциала развития различных видов туристской деятельности в Вологодской области позволил выявить районы, в которых организация культурно-познавательных, сельских, активных и водных экскурсионных туров является наиболее перспективной. Следует отметить, что в настоящее время в области доминируют точечные турпродукты, что ограничивает реализацию туристского потенциала многих муниципалитетов. Между тем объединение муниципальных районов в дестинации, предполагающее развитие на их территориях приоритетных видов туристской деятельности и реализацию межмуниципальных проектов, позволит создать новые продукты, ориентированные на современные запросы туристов, и эффективно использовать имеющийся в регионе потенциал.

Литература

1. Комплексная оценка туристского потенциала муниципальных образований Вологодской области: информ.-аналит. записка о первом этапе НИР / В.С. Орлова, Е.Г. Леонидова. – Вологда, 2011. – 86 с.
2. Отчет о деятельности Управления туризма Вологодской области за 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologdatourinfo.ru>
3. Стратегия развития туризма в Вологодской области до 2020 г.: утв. Постановлением Правительства Вологодской области от 11.08.2008 № 1547 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologdatourinfo.ru/info/legislation/>
4. Туризм в Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2010. – 106 с.

Секция 2

**Задачи и направления повышения
эффективности и качественного роста
реального сектора экономики**

А.В. Маклахов

Развитие льняного кластера Вологодской области

Лен – национальное достояние России, один из немногих возобновляемых сырьевых ресурсов, исторически являвшийся важной статьёй национального экспорта.

Россия, обладая благоприятными природно-климатическими условиями для выращивания льна, до 1980-х годов занимала первое место в мире по производству льноволокна и была одним из основных поставщиков льняного сырья в Европу. Лидирующие позиции в мире по посевным площадям льна Россия занимала до начала 1990-х.

На данный момент Россия контролирует порядка 15% мирового производства льна, занимая третье место после Китая и Франции (по данным FAOSTAT). Но при этом льняное производство Китая в основном ориентировано на получение масличного льна, который является разновидностью льна, произрастающего в России и Европе и используемого в текстильной отрасли. Китай же является и основным переработчиком льноволокна. Россия постепенно утрачивает позиции не только переработчика, но и производителя. Текстильный сектор обеспечивается отечественными сырьевыми ресурсами лишь на 40%. После распада СССР основная часть источников натурального сырья осталась за пределами России. Хлопок – основа текстильной промышленности – импортируется главным образом из Средней Азии. Немного лучше обстоит дело и с шерстью. Большинство предприятий, производивших современные синтетические волокна и нити, оказались в Белоруссии и Украине.

Единственная культура, которая может в достаточных объемах культивироваться на территории России, – это лен. Кроме того, льняная отрасль всегда давала в казну хороший валютный доход. И сегодня в связи с новыми технологиями лен используют в целлюлозно-бумажной, медицинской, химической, военной, автомобильной промышленности. С каждым годом сфера его применения расширяется.

Существующие в льняной отрасли проблемы носят общероссийский системный характер и затрагивают как сельское хозяйство, первичную

Маклахов Алексей Васильевич – к.э.н., начальник департамента промышленности, науки и инновационной политики Правительства Вологодской области.

переработку льна, так и текстильное производство. Активная часть основных фондов предприятий физически и морально устарела, при этом техническое перевооружение из-за недостатка инвестиций осуществляется крайне медленно. Предприятия утрачивают свои конкурентные возможности, не обеспечивают широту выпускаемого ассортимента, оперативность внедрения уже имеющихся научно-технических решений по новым технологиям.

Резко сократилось число льнокомбинатов. В 80-е годы в СССР было 60 крупных льнокомбинатов, работу которых обеспечивали 400 заводов первичной обработки льна. Эти предприятия были градообразующими, обеспечивали занятость населения и основной источник его доходов.

К настоящему времени в легкой промышленности Российской Федерации осталось всего 12 предприятий, производящих льняные ткани технического и бытового назначения. Тем не менее в этой отрасли России заложен огромный, пока не реализованный потенциал роста. В связи с этим особую актуальность приобретает задача сохранения и ускоренного развития текстильного и швейного производства.

Основным документом, призванным изменить в лучшую сторону сложившуюся в отрасли ситуацию, является Стратегия развития легкой промышленности России на период до 2020 года и план мероприятий по ее реализации. В Стратегию включены 5 пилотных проектов, разработанных в соответствии с поручениями Президента и Председателя Правительства Российской Федерации, в том числе и пилотный проект «Развитие льняного комплекса Вологодской области путем межотраслевой и межтерриториальной кооперации». Ключевая задача проекта — это «рывковая» модернизация льняного комплекса, создание условий для вывода на рынки нового «умного» продукта, повышение конкурентоспособности продукции (рис. 1).

Если заниматься модернизацией только текстильного сектора — предприятия будут вынуждены закупать сырье за границей. Если же «делать упор» на развитие сырьевой базы — станем производить больше, чем сможем переработать, а значит, будем экспортировать волокно по заниженной, диктуемой покупателями цене. И в том, и в другом случае прибыль останется за границей. Поэтому в рамках пилотного проекта «рывковая» модернизация льнокомплекса Вологодской области призвана устранить сложившийся дисбаланс между требованиями рынка и неспособностью российских предприятий их удовлетворить.

Рис. 1. Наличие традиций льноводства, собственного сырья и перерабатывающего производства – основа пилотного проекта

Данные проекты смогут выполнить свою роль именно как пилотных только при наличии собственных средств у предприятий, надежных инвесторов и поддержки со стороны региональных и федеральных властей, что сделает возможным их дальнейшее тиражирование как в других регионах Российской Федерации, так и в подотраслях агропромышленного комплекса и промышленного производства.

На территории Вологодской области сохранены не только многовековые традиции льноводства, но и полный комплекс предприятий по глубокой переработке льна – «от поля до прилавка», т.е. от выращивания и первичной переработки до выпуска готовых тканей и изделий из них.

Наличие льняного кластера, объединяющего усилия льносеющих хозяйств, предприятий первичной переработки совместно с льнокомбинатом – ОАО «Вологодский текстиль» под руководством управляющей компании «Доминион» и при поддержке Правительства Вологодской области является одной из основных предпосылок успешной реализации пилотного проекта в регионе (рис. 2).

Решение проблемы конкурентоспособности текстильной продукции выходит далеко за рамки данного производства, что обусловлено высокой зависимостью от качества сырья и составом оборудования. Применяемое оборудование и технологии имеют невысокую эффективность, их потенциал на каждом переделе ограничивается предыдущим переделом.

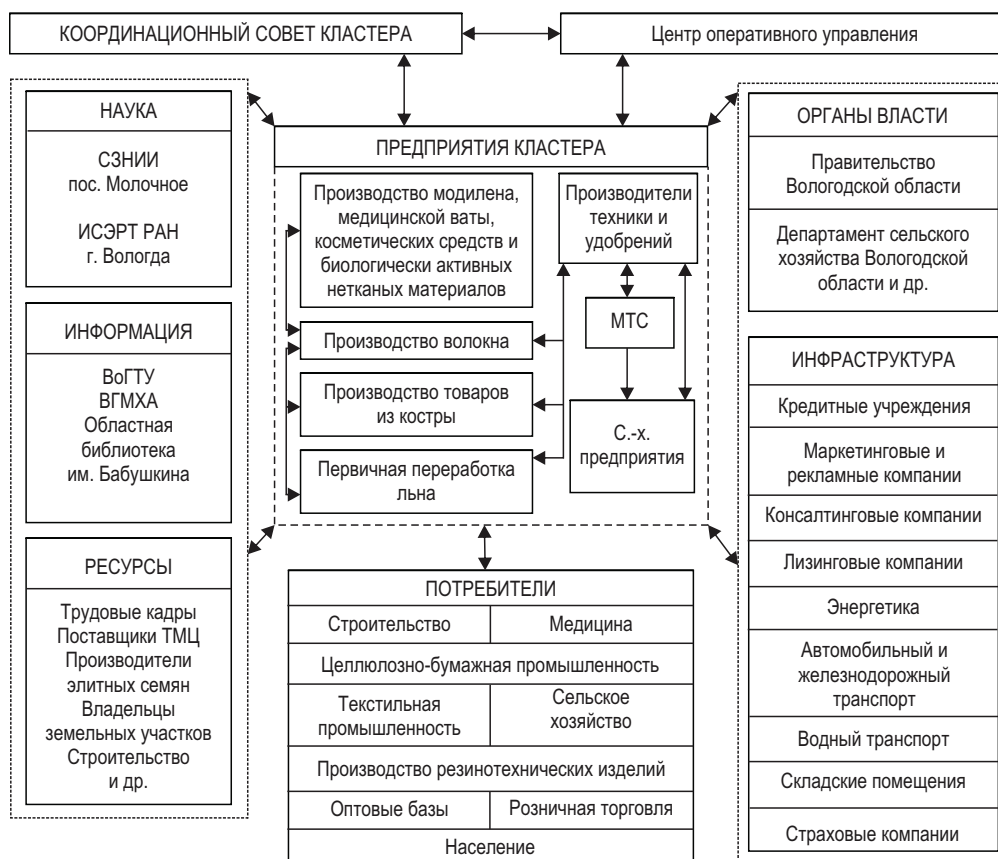

Рис. 2. Структура льняного кластера

Коренная техническая и технологическая модернизация текстильно-го сектора осуществляется на Западе через каждые 7–10 лет. На льнокомбинатах Вологодской области оборудованию уже по 30 лет, оно морально и физически устарело. При отсутствии достаточных финансовых средств, необходимых для проведения модернизации всех производств, в первую очередь средства требуется направлять туда, где они жизненно необходимы, а именно в отделочное производство для получения ткани с заключительной отделкой (самый доходный этап текстильного производства). Именно на ней зарабатывают европейские текстильщики, на ней «поднялась» турецкая легкая промышленность. В структуре цены готовой ткани за рубежом около 23% – это доля прибыли предприятий, занимающихся отделкой, тогда как российские производители работают с нулевой доходностью.

В условиях устаревшего парка оборудования, высоких затрат на энергоносители и высокой налоговой нагрузки отрасль характеризуется низкой рентабельностью производства. Необходимы кардинальные меры поддержки отрасли со стороны государства, т.е. поддержки предприятий-участников пилотных проектов, включенных в Стратегию.

Инвестиционный проект комплексно и системно подходит к решению проблемы отечественной льняной отрасли, охватывая всю производственную цепочку «от поля до прилавка». Он имеет стратегический характер и статус пилотного, первоочередного по важности и приоритетности. Предполагаемый эффект от его реализации выводит льняную отрасль Вологодской области на совершенно новый качественный уровень и обеспечивает работой около 10 тыс. человек. Консолидированный инвестиционный бюджет проекта составляет 9,8 млрд. рублей, в том числе за счет средств областного бюджета – 2,0 млрд. рублей, собственных средств и средств инвестора – 2,2 млрд. рублей, средств государственного финансового института развития – 5,6 млрд. рублей. Срок окупаемости – 10 лет.

Необходимо отметить, что при поддержке Правительства Вологодской области этот проект реализуется с 2008 года. Из средств областного бюджета в сельскохозяйственный и текстильный сектора льнокомплекса вложено более 1,7 млрд. рублей. Данная мера способствовала росту конкурентоспособности продукции, увеличению занятости, повышению бюджетной эффективности работы предприятий льнокомплекса региона.

Для сохранения исконно русской культуры возделывания и переработки «северного шелка», льна, необходима поддержка на федеральном уровне. В настоящее время единственным вариантом серьезного повышения коммерческой и производственной эффективности льняной отрасли в условиях жесткой сырьевой и технологической зависимости является кардинальная модернизация производств на всех переделах, внедрение передовых технологий производства. Это потребует одномоментных значительных и долгосрочных инвестиций в льняную отрасль, что не может заинтересовать частных инвесторов (высокие риски, непредсказуемость рынка, низкая рентабельность и недостаток оборотных средств). Только при участии государства возможно решение таких задач, позволяющих выполнить роль запускающего механизма для конкурентного развития льняной отрасли России.

Самой эффективной мерой подобной государственной поддержки является реализация пилотных проектов путем прямого инвестирования средств государства в уставной капитал. Такой путь господдержки кардинально снижает риски реализации пилотного проекта и повышает его эффективность.

Текстильные предприятия, как и другие организации обрабатывающей промышленности, жизненно заинтересованы в кредитовании со стороны банков как на пополнение оборотных средств, так и на проведение технического перевооружения, и неоспоримой мерой поддержки отрасли в этом плане является субсидирование подобных кредитов со стороны федерального бюджета.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации № 993 от 29.12.2007 «О порядке предоставления субсидий организациям легкой и текстильной промышленности на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях» организациям легкой и текстильной промышленности предоставляются субсидии в размере 2/3 ставки ЦБ РФ по кредитам, направленным на техническое перевооружение и на осуществление сезонных закупок сырья и материалов сроком до 1 года.

Постановлением Правительства Российской Федерации № 1171 от 28 декабря 2010 года «О мерах по реализации Федерального закона “О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов”» было снято ограничение по сроку предоставления субсидий на кредиты, полученные в 2006–2011 годах на осуществление технического перевооружения. Это дает возможность организациям текстильной и легкой промышленности получать субсидии на протяжении всего срока кредита.

Учитывая специфику предприятий текстильной отрасли, энергоемкость производств и необходимость вложения существенных затрат на продвижение продукции на отечественном рынке и за рубежом, следует сказать, что не менее важной для участников пилотных проектов является возможность предоставления:

- субсидирования прямых затрат на энергоносители и продвижение продукции хотя бы на период инвестиционной фазы;
- снижения тарифов на энергоносители и налогового бремени, которое в легкой промышленности крайне велико из-за низкой эффективности отрасли и трудоемкости по сравнению с другими высокотехнологичными отраслями обрабатывающей промышленности (нефтепереработка, газовая и химическая отрасли).

Проведение качественной модернизации текстильного производства возможно в первую очередь за счет закупки современного импортного оборудования. К сожалению, наше машиностроение значительно отстало от передовых западных технологий и предприятия, которые вкладывают деньги в модернизацию и хотят добиться реального повышения конкурентоспособности своей продукции, вынуждены закупать оборудование за рубежом, так как в России просто нет аналогов многих видов оборудования. Именно поэтому одной из дополнительных мер поддержки текстильной отрасли должна стать доработка действующего Постановления Правительства РФ №372 об освобождении от уплаты ввозного НДС на оборудование для текстильной отрасли, аналогов которого не производится в РФ. Отвлечение значительных сумм на уплату ввозного НДС отрицательно сказывается на финансовом состоянии предприятий отрасли.

В рамках реализации пилотного проекта в ОАО «Вологодский текстиль» ведется активная техническая модернизация производственных мощностей и обновление технологической базы за счет современного европейского оборудования для повышения конкурентоспособности продукции, расширения ассортимента, повышения экологической безопасности и эффективности производства, роста производительности труда и заработной платы работников, создания новых рабочих мест.

В ходе реализации пилотного проекта ОАО «Вологодский текстиль» при поддержке Правительства области и ОУК «Доминион» фактически стало лидером по производству костюмно-плательных тканей в России. Все ткани предприятия выпускаются коллекционно по графику мировой моды, продукция имеет международный сертификат в соответствии с экологическим стандартом Эко-Текс 100, представляется на ведущих международных и российских выставках и реализуется под маркой «Группа «Линум». Имеет множество престижных наград. Компания успешно развивает собственную оптовую и розничную сети в России и за рубежом, является истинным популяризатором высокоэкологичной продукции из вологодского льна.

Успехи текстильного сектора льнокомплекса Вологодской области на примере ОАО «Вологодский текстиль» – это и есть пилотный проект в действии, успешное развитие отрасли, положительный опыт для изучения и внедрения. Это яркий наглядный пример реализации на практике механизма частно-государственного партнерства, который позволяет не

только сохранять кадровый и производственный потенциал, но и добиваться существенных производственных успехов и показателей, являющихся результатом совместных продуманных и системных действий со стороны бизнеса и государства.

Еще одна из задач развития льняной отрасли – повышение эффективности льнопереработки. Только 1/3 волокна, получаемого в ходе первичной переработки, является длинным льноволокном, т.е. оно может быть использовано в текстильном производстве для изготовления тканей. Две трети волокна – это короткое льноволокно, которое, к сожалению, в настоящее время недостаточно эффективно используется. В рамках реализации проекта предусмотрено создание производства по выпуску нетканых материалов на основе собственной сырьевой базы и приобретения современного зарубежного оборудования. Примером может служить внедрение высокоэффективной углубленной технология переработки короткого льняного волокна и производства нетканых полотен в ЗАО «Шексна». На начало 2011 года установлено и смонтировано около 70% оборудования.

Таким образом, с помощью структурного обновления отрасли наши предприятия смогут увеличить выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью. В результате реализации проекта увеличится общий объем выпуска товарной текстильной продукции до 8,3 млрд. руб. в год, выпуск готовых тканей до 43,5 млн. кв. м в год, прибыль превысит 2 млрд. рублей.

В части сельскохозяйственного сектора планируется увеличение площадей посева льна до 20 тыс. га, валового сбора льносемян до 14 тыс. тонн, льноволокна до 34 тыс. тонн. Успешная реализация пилотного проекта предусматривает высокий социально-экономический эффект в сельскохозяйственном и текстильном секторах: создание около 3000 новых рабочих мест; рост заработной платы более чем в 4 раза; повышение производительности труда более чем в 10 раз и т.д.

Для дальнейшей успешной реализации проекта в 2011 году необходима помощь в софинансировании со стороны государственных институтов развития. Важна государственная поддержка и в части популяризации продукции отрасли, просветительской работы среди населения о полезных и высокоэкологических свойствах льносодержащей продукции, ведь здоровье нации – это одна из первоочередных задач.

При условии последовательной реализации пилотных проектов, включенных в Стратегию развития легкой промышленности, текстильная промышленность способна избавиться от импортозависимости, перейти на выпуск конкурентоспособного и инновационного текстиля, увеличить производительность труда и объемы производства, а следовательно, занять достойное место на отечественном и зарубежном рынках.

Правительством Вологодской области совместно с ООО «ОУК «Доминион», другими участниками пилотного проекта, представителями бизнеса, коллегами из льносеющих регионов подготовлены предложения по решению вышеназванных проблем.

Хотелось бы отметить, что в Стратегии развития легкой промышленности до 2020 года не нашли отражения такие вопросы льняного комплекса, как:

- выращивание и первичная переработка льна;
- сфера подготовки, формирования и размещения заказов на поставки готовой текстильной продукции с использованием льна для государственных и муниципальных нужд;
- определение роли государства в вопросах финансирования пилотных проектов и модернизации действующих льнопредприятий.

В связи с этим возникает необходимость разработки Федеральной целевой программы развития льняного комплекса России на период до 2020 года, в которой найдут отражение не вошедшие в Стратегию вопросы.

Литература

1. Постановление Правительства Вологодской области от 9 сентября 2008 года № 1719 «О долгосрочной целевой программе «Развитие льняного комплекса Вологодской области на 2009–2012 годы».
2. Пилотный проект «Развитие льняного комплекса Вологодской области путем межотраслевой и межтерриториальной кооперации».
3. Постановление Правительства Вологодской области от 28 июня 2010 года № 739 «Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года».

Декомпозиция проблем и факторов экономического роста в сельском хозяйстве

Когда правительственные источники сообщают об экономическом росте отечественного сельского хозяйства, в котором, по мнению главы государства, сейчас имеют место лишь «определенные сложности», было бы полезным взглянуть на проблемную ситуацию в сельском хозяйстве Российской Федерации сквозь призму удручающей динамики посевных площадей (рис. 1), из которой, во-первых, становится понятным, где мы находимся, откуда и к чему идем, а во-вторых, просматриваются контуры вселенского масштаба рукотворной катастрофы, обрушившейся на аграрную экономику России в конце XX – начале XXI века.

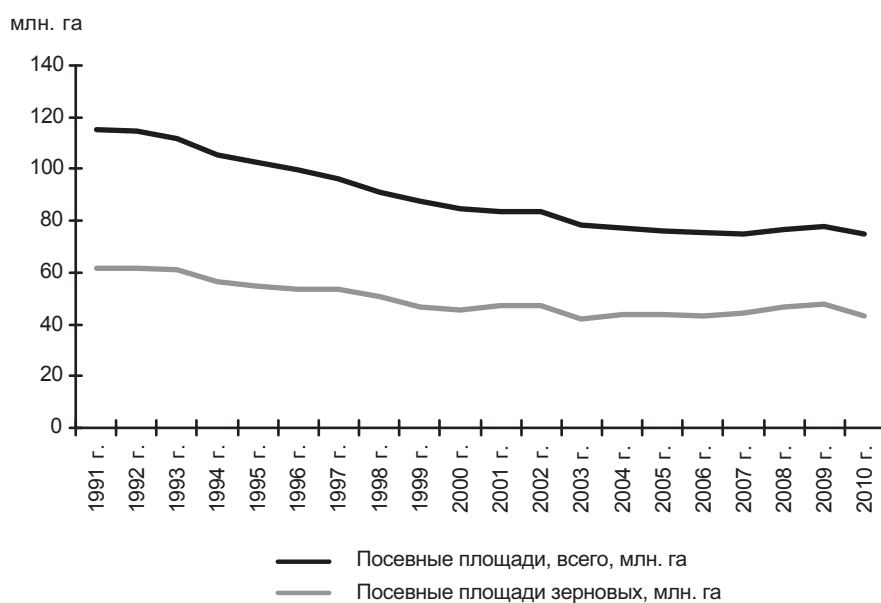

Рис. 1. Посевные площади сельхозкультур в хозяйствах всех категорий Российской Федерации

Как показывают официальные данные Росстата, посевные площади сельхозкультур в хозяйствах всех категорий страны уменьшились за последние 20 лет со 117,1 млн. га до 75,1 млн. га или в 1,6 раза, в том числе

Советов Павел Михайлович – д.э.н., профессор, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина.

зерновых культур – с 63,1 до 43,2 млн. га или в 1,5 раза. При этом урожайность зерна так и не приобрела устойчивости и не превысила дореформенный уровень 1990 г. Соответственно, в указанный период наблюдается неустойчивость и общее сокращение валовых сборов зерна (рис. 2). Если за десять лет, предшествовавших «реформам» 1990-х годов, валовой сбор зерна в РСФСР возрос со 107,3 до 116,7 млн. тонн, то за 20 лет реформ он упал до 61 млн. тонн, т.е. практически в два раза. И если в 1990 г. в РСФСР объем производства зерна в расчете на душу населения составлял 727 кг, то в 1998 г. он находился на уровне 325 кг и в 2010 г. – 430 кг. Отсюда очевидна первостепенная важность задачи количественного роста объема валовых сборов зерна в Российской Федерации в интересах достижения её продовольственной безопасности.

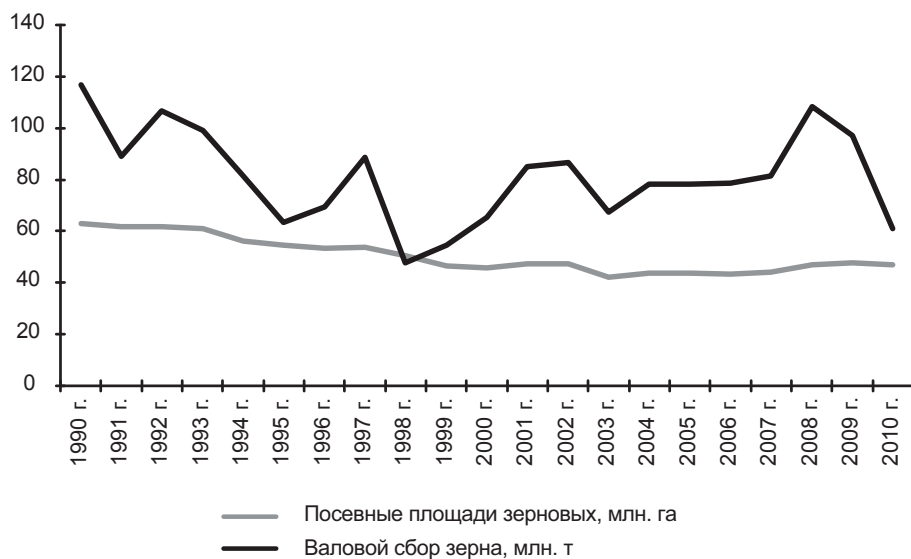

Рис. 2. Посевные площади зерновых культур и валовой сбор зерна (в весе после доработки) в хозяйствах всех категорий Российской Федерации

Решение этой главнейшей задачи, как и в целом достижение экономического роста в аграрном секторе, требует преодоления разрушительных последствий административных мер Правительства Российской Федерации по приватизации земли и государственной собственности, либерализации цен, преобразования форм хозяйствования, ликвидации системы государственного планирования и закупок продукции сельского хозяйства, отмены гарантированных занятости и доходов населения, прекращения развития социальной сферы сельской местности и т.д.,

осуществленных в рамках реализации «Стратегии реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР», разработанной в 1991 – 1992 гг. Всемирным банком и Комиссией России по сотрудничеству с ним.

Катастрофические итоги реализации названной стратегии обобщены в исследованиях научных учреждений РАСХН и РАН. Они регулярно приводятся на страницах научных изданий. И применительно к рассматриваемой теме хотел бы подчеркнуть только один из итогов современной земельной реформы в стране, где испокон веков земля рассматривалась как главная ценность, как уникальный природный ресурс со свойственной ему природной ограниченностью и невозполнимостью. Земельные доли в итоге приватизации земель 25 тысяч колхозов и совхозов получили 11,9 млн. чел. на площади 117,6 млн. га, но оформили к настоящему времени право на них лишь 3,2 млн. человек. Отсюда будет уместным усомниться в частнособственнической устремленности сельского населения и логично поставить вопрос: а насколько бережным стало отношение к земле-кормилице в результате земельной реформы?

Ответ на него позволяет сделать статистика выбытия продуктивных угодий из сельскохозяйственного оборота. По данным сельскохозяйственной переписи (2006 г.) выбытие продуктивных земель из сельскохозяйственного оборота достигло 41,5 млн. гектаров, которые перестали обрабатываться, в том числе 2,4 млн. га особо ценных мелиорированных земель. Увеличились на 23,3 млн. га площади, подверженные эрозии. Процесс сокращения и деградации сельхозугодий продолжается и поныне. И как следствие, земельно-ресурсный потенциал сельского хозяйства России в настоящее время по сравнению с 1990 г., началом земельной реформы, по расчетам ученых Государственного университета по землеустройству, снизился более чем на 30%, а кадастровая стоимость земель уменьшилась на 6,96 трлн. руб.

Либерализация цен в условиях существующей высокой степени монополизации сопряженных с сельским хозяйством отраслей вызвала на старте «броска в рынок» четырехкратный разрыв индексов цен на продукцию сельского хозяйства и отраслей, производящих средства производства. Это касается и уменьшения доли сельского хозяйства в конечных ценах продовольственных товаров. Разрыв не сокращается, и он значительно превышает добавленную стоимость, которая возникает на последующих после сельского хозяйства стадиях производства.

Если в 2001 г. сельхозпроизводители для приобретения одной тонны дизельного топлива должны были продавать 1,6 тонны молока, то в 2005 г. — 2,2 т, а в 2010 г. — 3,1 т, а для приобретения трактора — соответственно 58, 113 и 160 тонн! Из-за ножниц цен продолжается перекачка финансовых ресурсов из села многочисленным посредникам, переработчикам и спекулятивной торговле. В розничной цене сельскохозяйственной продукции систематически снижается доля товаропроизводителей. Следовательно, растет доля тех, кто не производит, а присваивает прибыль за счет финансово-посреднических спекулятивных операций.

Диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и средства производства, неэквивалентность межотраслевого обмена делают невыгодным для сельхозтоваропроизводителей выпускать продукцию растениеводства и животноводства. Затраты на производство основных видов сельскохозяйственной продукции не возмещаются ценой ее реализации. Рынок оказался неспособным сформировать равновесные цены при обмене сельскохозяйственной и промышленной продукцией, обеспечить во всей полноте создание системы страхования урожаев и доходов в сельском хозяйстве.

В качестве первого шага к возврату крестьянам необоснованных изъятий прибавочной стоимости должно стать погашение колоссальной кредиторской задолженности сельхозтоваропроизводителей, возникшей вследствие диспаритета цен и общей фискальной макроэкономической политики государства по отношению к селу. Кредиторская задолженность сельских товаропроизводителей в 2009 г. достигла почти 1,3 трлн. руб., тогда как выручка от реализации всей сельскохозяйственной продукции составила 950 млрд. руб. При этом вся прибыль — главный источник погашения кредитов (рассчитанная при включении в издержки производства вдвое заниженной оплаты труда работников сельского хозяйства) — была равна всего 83,6 млрд. руб.

Не формирует предпосылок к экономическому росту в сельском хозяйстве и динамика инвестиций в аграрное производство. Если в 1982–1990 гг. в агропромышленный комплекс страны направлялось до 32% государственных капиталовложений, то за последние 20 лет удельный вес аграрной экономики на рынке инвестиций в Российской Федерации не превышал и трех процентов. Бегство капитала из аграрной инвестиционной сферы обусловлено более высокой привлекательностью вложений в сферу обращения, его концентрацией в сфере финансово-спекулятивных

операций. Результатом инвестиционного голода в сельском хозяйстве стали известные плачевные параметры состояния и фондооснащенности сельскохозяйственного производства.

Таким образом, научные исследования проблем функционирования отечественного сельского хозяйства позволяют говорить о его сохраняющемся в настоящее время общем кризисном состоянии и отсутствии необходимых и достаточных условий для экономического роста.

Исследование экономических проблем АПК Европейского Севера России позволяет установить общее и особенное в состоянии регионального сельского хозяйства. Прежде всего, отметим отличительные черты формирования многоукладности. Наиболее рельефно они представлены в сельском хозяйстве Вологодской области (табл. 1), имеющем наибольший удельный вес в объеме производства валовой продукции сельского хозяйства Европейского Севера России (52,3%, а в производстве молока – 61,7%).

Таблица 1. Ресурсы и производство продукции сельхозпроизводителями основных организационно-правовых форм хозяйствования (в % к общему объему)

Показатели	Основные категории сельхозпроизводителей	Российская Федерация				Вологодская область			
		1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	1990г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.
1. Площадь сельхозугодий	Сельхозпредприятия	98,1	81,6	80,0	71,9	96,7	84,4	85,0	83,6
	Крест. (ферм.) хозяйства	0,05	5,0	7,4	10,2	0,1	2,5	2,4	2,2
	Личные подсобные хозяйства населения	1,8	4,7	5,6	9,5	2,6	12,3	11,6	13,1
2. Посевные площади	Сельхозпредприятия	98	90,7	86,8	79,8	97,1	90,4	89,5	87,5
	Крест. (ферм.) хозяйства	-	4,9	7,6	15,5	-	1,7	1,6	2,8
	Личные подсобные хозяйства населения	2	4,3	5,5	6,5	2,9	7,9	9,0	9,6
3. Валовой сбор продукции растениеводства: а) зерно (в весе после доработки)	Сельхозпредприятия	99,7	94,4	90,7	80,6	99,6	96,1	95,7	95,6
	Крест. (ферм.) хозяйства	0,01	4,7	8,4	18,3	-	1,4	1,1	2,0
	Личные подсобные хозяйства населения	0,3	0,9	0,9	1,5	0,4	2,5	3,2	2,4
б) овощи	Сельхозпредприятия	69,9	25,3	22,9	18,7	60,6	12,9	8,3	7,0
	Крест. (ферм.) хозяйства	0,0	1,3	2,4	6,9	-	0,2	0,1	0,1
	Личные подсобные хозяйства населения	30,1	73,4	77,9	74,4	39,4	86,9	91,6	92,9
в) картофель	Сельхозпредприятия	33,9	9,2	7,5	8,4	20,0	3,9	7,1	9,5
	Крест. (ферм.) хозяйства	0,0	0,9	1,3	2,8	-	0,5	1,0	3,3
	Личные подсобные хозяйства населения	66,1	89,9	91,2	88,8	80,0	95,6	92,0	87,2

Окончание таблицы 1

Показатели	Основные категории сельхозпроизводителей	Российская Федерация				Вологодская область			
		1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.
4. Поголовье крупного рогатого скота	Сельхозпредприятия	82,7	69,8	60,5	51,6	88,2	81,6	80,0	84,5
	Крест. (ферм.) хозяйства	-	1,5	1,9	4,3	-	0,9	0,8	1,7
	Личные подсобные хозяйства населения	17,3	28,7	37,6	44,2	11,8	17,5	19,2	13,7
5. Поголовье свиней	Сельхозпредприятия	81,5	65,0	54,2	54,5	76,0	77,7	79,8	82,7
	Крест. (ферм.) хозяйства	-	1,3	2,6	3,9	-	0,7	0,4	0,7
	Личные подсобные хозяйства населения	18,5	33,6	43,2	41,6	24,0	21,6	19,7	16,7
6. Производство скота и птицы на убой	Сельхозпредприятия	75,2	49,9	40,3	46,2	77,0	66,2	66,1	75,8
	Крест. (ферм.) хозяйства	0,01	1,5	1,8	2,4	-	1,7	0,6	0,7
	Личные подсобные хозяйства населения	24,8	48,6	57,9	51,4	23,0	32,1	33,0	23,5
7. Производство молока	Сельхозпредприятия	76,2	57,1	47,3	45,1	77,3	66,4	68,5	81,3
	Крест. (ферм.) хозяйства	0,0	1,5	1,8	3,1	-	2,0	0,8	1,4
	Личные подсобные хозяйства населения	23,8	41,4	50,9	51,8	22,7	31,7	30,8	17,3
8. Производство яиц	Сельхозпредприятия	78,4	69,4	70,9	74,1	91,8	82,6	89,2	95,1
	Крест. (ферм.) хозяйства	-	0,4	0,4	0,7	-	0,1	0,06	0,8
	Личные подсобные хозяйства населения	21,6	30,2	28,7	25,2	8,2	17,3	10,7	4,1

Однако и Вологодская область не обнаруживает устойчивого роста объемов сельскохозяйственного производства (рис. 3), хотя в производстве молока и яиц корпоративным сектором здесь имеет место рост продуктивности и ресурсоотдачи.

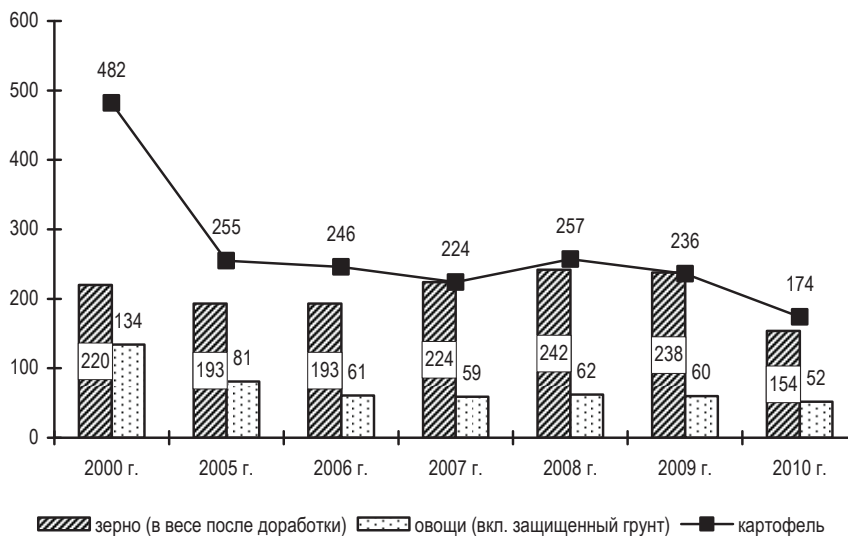

Рис. 3. Валовой сбор сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий Вологодской области, тыс. тонн

В сельском хозяйстве Европейского Севера РФ наблюдается очаговое оживление производства продукции земледелия и животноводства и его некоторый рост в ареале притягательности крупных рынков спроса продуктов питания. Базой тому послужили сохранившиеся от дореформенного периода развития преимущества специализации и концентрации производства, а также генетический потенциал животных и птицы, сформированный в советское время.

Ретроспективный обзор динамики функционирования сельхозтоваропроизводителей Европейского Севера РФ, наблюдения и экспертная оценка проблемной ситуации в его развитии в сопоставлении с индикаторами воспроизводственного процесса, протекающего в смежных регионах, делают возможным систематизировать вытекающие из них суждения посредством SWOT-анализа (табл. 2).

Таблица 2. Интегральная оценка современного состояния сельского хозяйства Европейского Севера РФ

<i>Сильные стороны (Strength)</i>	<i>Возможности (Opportunities)</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Многоотраслевой характер сельскохозяйственного производства 2. Высокий генетический потенциал стада животных и кроссов птицы 3. Наличие группы товаропроизводителей, адаптированных к условиям конкурентной среды и обеспечивающих рентабельное ведение сельскохозяйственного производства. 4. Невыразительность антагонистических противоречий среди субъектов коллективных и индивидуальных форм хозяйствования в сельской местности 5. Наличие необходимых мощностей специализированных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья 6. Высокий ресурсный потенциал и резервы увеличения посевных площадей в растениеводстве 7. Сохранившаяся система повышения квалификации и профессионализма кадров 8. Устойчивый платежеспособный спрос на продукцию растениеводства и животноводства 9. Активная позиция субфедеральных органов власти и управления по бюджетному субсидированию целевых программ развития сельского хозяйства 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Финансирования и реструктуризации задолженности сельхозтоваропроизводителей по кредитам 2. Развития системы кооперативного кредитования, облегчающего инвестирование сельскохозяйственного производства 3. Внедрения прогрессивных технологий в сельскохозяйственное производство 4. Кооперирования крупнотоварного производства с крестьянскими, фермерскими хозяйствами и личными подворьями 5. Развития агропромышленной интеграции 6. Консолидированного выхода на межрегиональный рынок предложения высококачественных продовольственных товаров. 7. Увеличения объемов собственного производства кормов и высококачественных кормовых смесей из привозных компонентов 8. Восстановления (на принципах кооперации) системы агрохимического и мелиоративного обслуживания сельхозпроизводства 9. Расширения государственного участия в субсидировании инновационных проектов агропромышленного производства и целевых программ развития сельской местности
<i>Слабые стороны (Weaknesses)</i>	<i>Угрозы (Threats)</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Низкое естественное плодородие почв и усиление тенденции его ухудшения 2. Высокий износ и устаревание основных производственных фондов 3. Недостаточная для освоения инноваций квалификация и профессионализм менеджмента сельхозтоваропроизводителей 4. Высокая задолженность по кредитам и хроническая нехватка оборотных средств 5. Незрелость системы сельскохозяйственного кредитования 6. Слабая мотивация высокопроизводительного труда персонала сельхозпредприятий 7. Дезинтеграция российского агропромышленного комплекса 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Деградация почвенного плодородия и интенсивного выбытия земель из сельхозоборота 2. Массового выбытия основных производственных фондов 3. Ухудшения демографической ситуации и депопуляции сельских территорий 4. Снижения платежеспособного спроса на высококачественное продовольствие 5. Сокращения объемов государственной поддержки при вступлении России в ВТО 6. Усиления диспаритета цен на приобретаемые ресурсы и реализуемую сельхозпродукцию 7. Роста ценового давления импорта продовольствия на отечественный рынок

Системный подход к рассмотрению текущего состояния, внешних и внутренних условий функционирования агросектора, пищевой и перерабатывающей промышленности, структуризация сильных и слабых сторон сельского хозяйства Европейского Севера РФ, а также возможностей и угроз его развитию позволяют сформулировать присущие аграрной сфере основные экономические проблемы (рис. 4).

Рис. 4. Важнейшие экономические проблемы сельского хозяйства Российской Федерации

Декомпозиция указанных на рис. 4 экономических проблем и авторская интерпретация факторов влияния в их причинно-следственной обусловленности позволяют сделать вывод о необходимости обозначить приоритетные задачи по их разрешению, в числе которых выступают:

- 1) защита отечественных товаропроизводителей от негативного влияния мирового рынка и недобросовестной конкуренции;
- 2) сглаживание амплитуды предложения и минимизация колебаний цен на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие;

3) страхование и поддержание доходов сельхозтоваропроизводителей на уровне, необходимом для расширенного воспроизводства.

Решение перечисленных задач следует рассматривать как неременное условие достижения устойчивого экономического роста в сельском хозяйстве. Их осуществление станет возможным на основе действенной системы мер государственной поддержки, свойственной практике индустриально развитых стран мира и позитивному отечественному опыту. При этом формы и направления государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей следует избирать дифференцированно, т.е. сообразно типу динамики их функционирования и развития (табл. 3).

Следует также заметить, что механизм господдержки будет работоспособным и эффективным при условии жесткого государственного регулирования цен на зерновом рынке, так как обвал цен на зерно сведет к нулю любой объем государственной финансовой помощи сельхозтоваропроизводителям.

Будет уместным подчеркнуть, что существующие в настоящее время объемы государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей остаются весьма незначительными, не превышающими выплачиваемых ими сумм налогов.

Таблица 3. Модель дифференциации государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей северного региона РФ

Мероприятия государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей	Тип динамики развития сельхозтоваропроизводителей региона			
	Прогрессирующая устойчивая	Замедленный рост	Структурно-неустойчивый рост	Депрессивная
Направление 1	содержание мероприятий	содержание мероприятий	содержание мероприятий	содержание мероприятий
Направление 2	содержание мероприятий	содержание мероприятий	содержание мероприятий	содержание мероприятий
Направление 3	содержание мероприятий	содержание мероприятий	содержание мероприятий	содержание мероприятий
Направление 4	содержание мероприятий	содержание мероприятий	содержание мероприятий	содержание мероприятий

Сельскохозяйственными товаропроизводителями Вологодской области, например, за 2009 г. было получено бюджетных средств всех уровней в качестве государственной помощи в сумме 1149523 тыс. рублей, или десять копеек в расчете на один рубль выручки от реализации продукции, тогда

как выплачено налогов сельхозтоваропроизводителями 1738256 тыс. руб. Как видим, сумма выплаченных налогов в 1,5 раза превысила размер государственной помощи! Мизерность государственной поддержки отечественного сельхозтоваропроизводителя выглядит впечатляюще в сравнении с соседней Финляндией (не обладающей к тому же, в отличие от Российской Федерации, огромными доходами от экспорта энергоносителей), где бюджетные выплаты достигли 82% в объеме выручки от реализации сельхозпродукции.

Системный анализ проблемной ситуации, существующей в отечественном сельском хозяйстве, обусловленной действием множества объективных и субъективных факторов, предполагает необходимым сочетание антикризисных мер и мероприятий из арсенала государственного стратегического управления экономикой, рассчитанных: 1) на стабилизацию социально-экономического положения сельхозтоваропроизводителей посредством применения комплекса существующих и оправдавших себя, а также дополнительных инструментов рыночного и нерыночного воздействия; 2) экономический рост в сельском хозяйстве, инициируемый возрастающей динамикой рыночного спроса и стимулируемый механизмами государственной поддержки сельскохозяйственного производства; 3) устойчивость социально-экономического развития сельской местности, обеспечиваемую ее субъектами в условиях конкурентной среды и действием механизма государственного регулирования агроэкономики, нацеленного на продовольственную безопасность страны и достижение сельским населением условий жизни, не уступающих по комфорту городским.

Литература

1. Сельское хозяйство Вологодской области в 2010 году: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2011. – 74 с.
2. Статистический ежегодник Вологодской области. 2010: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2011. – 402 с.
3. Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 813 с.
4. Волков, С.Н. Государственная земельная политика и землеустройство / С.Н. Волков // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2010. – №1. – С. 8-13.

Трудовая миграция Региональные механизмы управления

Миграция населения в любой стране является важнейшим процессом, влияющим на ее социально-экономическое развитие. В России вследствие разнообразия природно-климатических, исторических, социально-экономических условий расселение населения по территории является неравномерным. В условиях резкой неравномерности расселения, оттока жителей из стратегически важных районов миграционная политика становится важнейшим средством рационализации использования трудовых ресурсов не только в отдельных регионах, но и в масштабе всей страны.

К приоритетам российской политики в сфере миграции относится замещение естественной убыли населения за счет миграционного прироста, прежде всего за счет соотечественников из стран СНГ, а также перераспределение собственного населения из трудоизбыточных в трудонедостаточные регионы страны и создание цивилизованной системы привлечения иностранных работников.

Для достижения поставленных целей предполагается решить целый ряд задач в области внешней и внутренней миграции, а именно:

- создать условия для повышения привлекательности России для ми-грантов;
- стимулировать приток квалифицированных специалистов, образованных и законопослушных;
- обеспечить приоритет граждан России на занятие вакантных мест с учетом ситуации на внутреннем рынке труда;
- стимулировать внутреннюю миграцию;
- перейти от управления массовыми миграциями к дифференцированному подходу к каждой конкретной семье;
- противодействовать незаконной миграции.

Жестяников Сергей Геннадиевич – зам. начальника Управления Федеральной миграционной службы России по Вологодской области.

Согласно исследованиям текущего состояния и динамики развития трудового потенциала Вологодской области, которые проводит Институт социально-экономического развития территорий РАН, наш регион отличается высоким уровнем смертности населения, значительной экономической нагрузкой на лиц трудоспособного возраста, относительно низким уровнем миграции.

Вологодская область остается регионом, характеризующимся превышением естественной убыли населения над миграционным приростом. После резкого снижения миграционного прироста в 2001 году значения этого показателя остаются крайне низкими¹ (рис. 1).

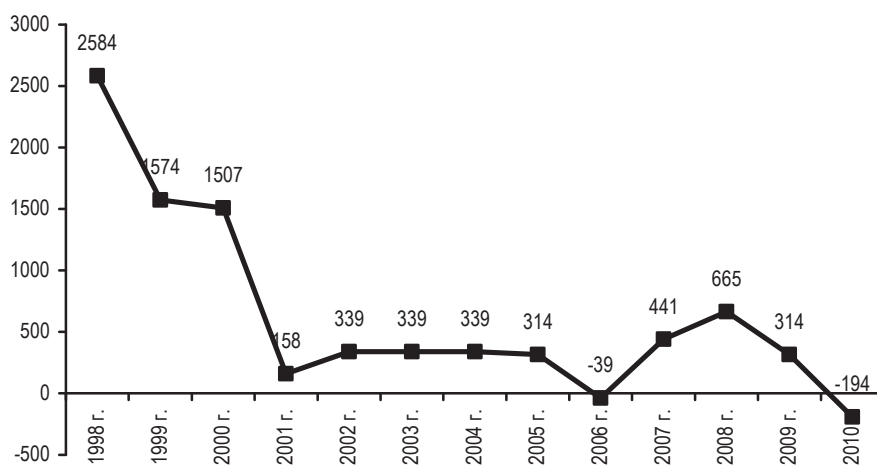

Рис. 1. Миграционный прирост (убыль) населения Вологодской области в 1998 –2010 гг.

Данные демографические процессы позволяют спрогнозировать снижение численности трудоспособного населения Вологодской области, следовательно, и снижение количественных показателей трудового потенциала региона².

В настоящее время все большее количество экспертов склоняются к мнению, что экономический рост невозможен без масштабного пополнения трудовых ресурсов за счет миграции. Вместе с тем важной функцией государства остается регулирование процесса трудовой миграции, её качественной и количественной составляющих.

Опыт зарубежных стран показывает, что существует много способов, при помощи которых контролируется доступ мигрантов на рынок труда

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www://gks.ru>

² Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики. <http://gks.ru>

и их свобода в выборе работы. Процедура выдачи разрешений на работу позволяет властям ограничивать доступ иностранцев к определенным профессиям³. Такая ситуация имеет место в ряде стран, в том числе на Кипре, в Бельгии и в Чехии. Кроме того, мигрантов могут направлять в определенные районы страны, как это делается в Болгарии и Швейцарии.

В Российской Федерации механизм привлечения иностранных работников урегулирован Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в РФ». В соответствии с ним работодатели, принимающие на работу иностранцев, должны получить разрешение на привлечение и использование иностранной рабочей силы, а иностранные граждане, въехавшие в РФ с целью осуществления трудовой деятельности, должны получить разрешение на работу.

В 2007 году были внесены изменения в законодательство для легализации и регулирования процессов трудовой миграции. Основной целью указанных законодательных новаций стало изменение процедуры оформления на работу трудовых мигрантов, системы взысканий за использование труда нелегалов и правил проживания иностранных рабочих на территории РФ.

Стоит отметить ряд положительных моментов в отношении регулирования трудовой миграции.

Во-первых, после внесения изменений в миграционное законодательство заметно увеличилось число иностранных работников, осуществляющих свою деятельность легально. До 2009 года объемы привлечения иностранных работников на территорию Вологодской области ежегодно возрастали (рис. 2).

После кризисных явлений в экономике ситуация на рынке труда изменилась, выросло число безработных граждан. В связи с высвобождением, потерей работы на рынок труда вышли российские граждане, имеющие опыт работы и квалификацию, и иностранные работники замещают в основном низкоквалифицированные, не востребованные российскими гражданами рабочие места. Количество привлекаемых иностранных граждан сократилось. На 1 января 2011 г. в Вологодской области осуществляли трудовую деятельность на законном основании более 4 тыс. иностранных граждан, что меньше в 1,5 раза, чем в 2008 г., и в 2 раза, чем в 2006 г.⁴

³ См.: Ромодановский К.О. Организация иммиграционного контроля в Российской Федерации: учебно-методическое пособие. – 2008.

⁴ По данным отчета ФМС России 1-РД [Эл. ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.fms.gov.ru/about/ofstat/index.php>.

Рис. 2. Количество оформленных разрешений на работу и уведомлений о привлечении к трудовой деятельности иностранных граждан в период 2007–2010 гг.

Во-вторых, изменения в миграционном законодательстве позволили регулировать количество привлекаемой иностранной рабочей силы в зависимости от социально-экономической ситуации. С этой целью были введены квоты, ограничивающие количество и качество привлекаемых трудовых мигрантов. Квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности и на выдачу им разрешений на работу формируются по заявкам работодателей с учетом ситуации на рынке труда и ежегодно утверждаются Правительством Российской Федерации.

Приказами Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации данные квоты распределяются по субъектам Российской Федерации (рис. 3, 4).

Иностранная рабочая сила не оказывает существенного влияния на рынок труда Вологодской области. На протяжении ряда лет количество иностранной рабочей силы по отношению к экономически активному населению области не превышало 1,5%, т.е. не являлось дестабилизирующим фактором на рынке труда⁵. Вместе с тем в сложившейся экономической ситуации иностранные работники создают дополнительную напряженность, конкурируя с российскими гражданами за рабочие места.

⁵ По официальным данным Департамента занятости населения Вологодской области, в 2010 году количество экономически активного населения составило 666,2 тыс. чел., при этом число иностранных граждан, законно осуществляющих трудовую деятельность на территории области, — 4316 человек, т.е. менее 1% (Эл. ресурс. — Режим доступа: // <http://www.depzan.info>).

Рис. 3. Количество выданных квот на привлечение иностранной рабочей силы организациями на территории Вологодской области в 2007–2010 гг.

Рис. 4. Количество использованных квот на привлечение иностранной рабочей силы организациями на территории Вологодской области в 2007–2010 гг., в %

Исходя из этого потребность в привлечении иностранных работников определяется Межведомственной комиссией Правительства Вологодской области с учетом предложений органов местного самоуправления и подлежит безусловной корректировке в течение календарного года.

Важным моментом в привлечении высококлассных специалистов для работы в регионе является упрощение процедуры трудоустройства ряда категорий специалистов. Установлены дополнительные категории иностранных граждан, имеющих право осуществлять трудовую деятельность на территории РФ вне квоты как квалифицированные, высококвалифицированные

специалисты или держатели патентов. Государственная пошлина за патент составляет 12 тыс. рублей в год и поступает в доход субъекта. За полгода патенты в Вологодской области получили 483 иностранных гражданина⁶.

Перечень специальностей и должностей, занимаемых квалифицированными и высококвалифицированными специалистами, утвержден Постановлением Правительства РФ. Отнесение специалиста к высококвалифицированным зависит только от уровня заработной платы – не менее 2 млн. рублей в год. Уровень компетентности и квалификации такого специалиста работодатель оценивает самостоятельно.

Иностранные граждане, имеющие патент, могут работать по найму у физических лиц на основании трудового договора или гражданско-правового договора. Главное требование, чтобы работа не была связана с получением прибыли.

Создание благоприятных условий для привлечения высококвалифицированных специалистов и привлечение на работу по патентам, безусловно, оказывают положительное влияние на качественную составляющую трудового потенциала региона и накопления человеческого капитала. Но надо признать, что число привлекаемых специалистов и держателей патентов в нашей области крайне незначительно.

Качественным показателем трудовой миграции является здоровье прибывающих в нашу страну иностранных работников. Положительным моментом является то, что при получении разрешения на работу иностранные граждане в обязательном порядке проходят медицинское обследование. Это очень важно, так как в последнее время среди мигрантов и их близких отмечался высокий рост смертельных инфекционных болезней, таких как туберкулёз, СПИД, сифилис.

Анализируя трудовую миграцию, стоит отметить, что доминантную роль в миграционном движении рабочей силы Вологодской области играют потоки из стран с безвизовым порядком въезда (страны СНГ). Их численность составляет **91,7% всех трудовых мигрантов**. Среди граждан из стран с безвизовым порядком въезда наибольшую численность – 71,1% – составляют граждане Узбекистана, Украины, Таджикистана.

Эти граждане трудились в следующих отраслях экономики (рис. 5):

- строительстве – 28,7%;
- сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве – 24,9%;
- обрабатывающих производствах – 21,7%;
- в других – 24,7%.

⁶ По данным отчета ФМС России 1-РД (<http://www.fms.gov.ru/about/ofstat/index.php>).

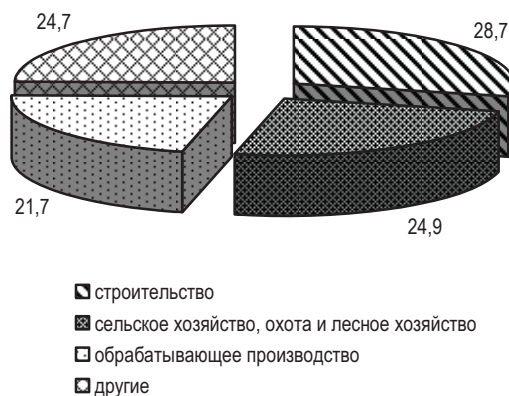

Рис. 5. Распределение иностранных работников, прибывших в безвизовом порядке, по основным видам экономической деятельности, %

Трудовые мигранты занимают определенную нишу в экономике области. Рабочие места для иностранных работников – это, как правило, тяжелый, низкоквалифицированный труд, и основная часть иностранных работников осуществляет трудовую деятельность по рабочим профессиям. Согласно уведомлениям работодателей, привлечение иностранных работников на данные рабочие места составило 77,1% от общего количества работающих трудовых мигрантов. Данные специальности не пользуются спросом у населения области по следующим причинам: временный характер работ, тяжелые условия труда, низкая заработная плата.

Иностранная рабочая сила из стран с визовым режимом (Вьетнам, Турция, Эстония и Литва) незначительна (составляет 8,3% от общего объема трудовой миграции) и представлена в основном специалистами в области:

- оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (менеджер, мастер, слесарь-ремонтник, товаровед) – 23,8%;
- строительства (инженер, главный строитель, производитель работ, руководитель группы, начальник участка, мастер, арматурщик, маляр, монтажник, плотник, каменщик) – 21,3%;
- обрабатывающих производств (директор, заместитель директора, электрогазосварщик, швея, электрик участка, оператор стеклоформирующих машин, газорезчик, главный бухгалтер, главный технолог, шлифовщик) – 22,9%;
- в других отраслях (переводчик, повар, эксперт, массажист, спортсмен-инструктор) – 32% (рис. 6).

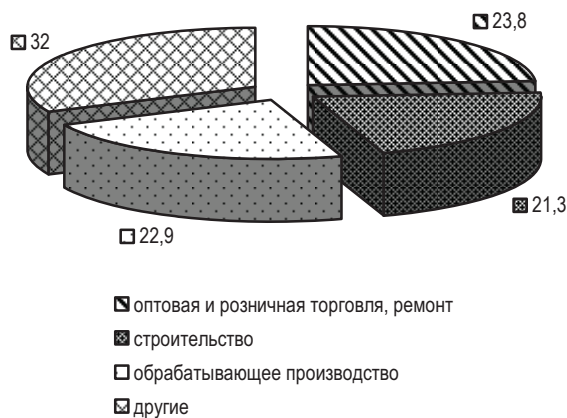

Рис. 6. Распределение иностранных работников, прибывших в визовом порядке, по основным видам экономической деятельности, %

В анализе качества трудовой миграции существенное место занимают социально-демографические характеристики иностранных работников. Анализ возрастной структуры свидетельствует, что доля иммигрантов трудоспособного возраста значительна и составляет около 75%. Эта возрастная категория представлена работниками, осуществляющими трудовую деятельность в строительстве, обрабатывающем производстве, ремонте, в сельском и лесном хозяйстве. 87% имеют среднее и среднее специальное образование. По гендерному составу более 90% составляют мужчины⁷.

В результате проведенной работы в 2010 г. на участие в квоте 2011 г. в Департамент занятости населения области поступило 411 заявок от работодателей на привлечение 9007 иностранных работников. Впоследствии с учетом корректировки она была сокращена до 7640, удовлетворены 244 заявки. Квота на 2011 г. утверждена в размере 6227. Это дает основание предположить, что теневой сектор в 2011 г. будет составлять не более 1500 иностранных работников, что, в свою очередь, должно быть компенсировано держателями патентов с учетом эффективного использования административного ресурса.

Подводя итог, отметим следующее. Используя экономические и социальные рычаги воздействия, можно увеличить либо уменьшить миграционные потоки в область. Этому должны способствовать программы социально-экономического развития субъекта, различные формы социальной поддержки мигрантов, формирование привлекательного имиджа Вологодской области.

⁷ По данным отчета ФМС России 1-РД (<http://www.fms.gov.ru/about/ofstat/index.php>).

Успешная интеграция не может быть осуществлена при наличии языкового барьера, незнания традиций, правовой и социальной неграмотности. Именно поэтому планируется реализовать проекты, способствующие адаптации мигрантов и формированию у них толерантности. Например, проект создания так называемой «школы мигрантов». Вместе с тем это необходимо делать не только за счет бюджетных средств. В настоящее время представители ряда диаспор ведут активную благотворительную деятельность в русле «престижной этнической благотворительности» (строительство культовых зданий, финансирование религиозного обучения). Это подтверждает наличие ресурсов, которые могут быть переориентированы на усиление интеграционных процессов.

Сегодня в процессе использования иностранной рабочей силы в регионе происходит удовлетворение спроса в основном на неквалифицированную рабочую силу, заполнение на ряде предприятий вакансий, не востребованных местной рабочей силой из-за низкой заработной платы, тяжелых условий труда. Однако для формирования качественной составляющей трудового потенциала региона необходимо обеспечить его квалифицированной рабочей силой.

Особое внимание требуется уделить разработке региональной миграционной стратегии, которая позволит обеспечить область недостающими трудовыми ресурсами. Это возможно сделать путем заключения соглашений Правительства Вологодской области с государствами-поставщиками трудовых мигрантов о количестве, профессиональной подготовке и подборе специалистов тех направлений, которые необходимы региону. Такой положительный опыт существует в других регионах.

Необходимо стимулировать деятельность предприятий, привлекающих иностранную рабочую силу, по созданию достойных условий для работы и проживания мигрантов.

Кроме того, в перспективе, которая сейчас обсуждается с органами государственной власти области, возможно создание единого банка трудовых вакансий для мигрантов с целью привлечения специалистов именно тех отраслей, которые необходимы экономике региона.

Комплекс предлагаемых мер, на наш взгляд, поможет качественно улучшить структуру трудовой миграции и, следовательно, способствовать развитию Вологодской области.

Практические результаты применения комплексной методики для повышения качества товаров в интересах компании и клиентов

1. Комплексный подход к улучшению качества товаров в интересах компании и потребителей на практике

Комплексный подход, упомянутый также как процедура улучшения ценности товаров в системе логистики компании, является результатом многолетнего опыта автора в научно-исследовательских проектах в области управления процессом сборки и в исследовательских проектах VEGA. Подход был проверен в полном объеме во многих словацких автомобильных компаниях.

При его применении в компаниях всегда оговариваются пять начальных условий, то есть расходы на логистические процессы, интегрированная логистическая цепь, процессный подход к функционированию системы логистики, активная взаимосвязь стратегии логистической системы со стратегией компании и полное следование стратегии компании.

Применение подхода в компании означает последовательное улучшение эффективности процессов в цепи логистической системы в 11 этапов (рис. 1 и 2). Первые четыре шага методики особенно требуют определения основных исходных условий логистической системы, то есть ее отражения на наборе показателей матричной модели и оценки процессов логистических цепочек в отношении их доли в создании дополнительной и повышенной ценностей товаров. А именно оценка времени и материальных затрат процессов логистических цепей (изменяющиеся требования потребителей) меньше используется в компаниях, однако необходимые данные находятся в распоряжении баз данных информационных систем. Эти данные необходимы для объективной оценки эффективности отдельных процессов, они создают основу оценки эффективности предлагаемых изменений в цепях системы логистики.

Цибулка Вильям – кандидат наук, доцент, профессор, Словацкий технический университет, факультет материаловедения и технологий, Институт организации производства, управления и качества (Трнава, Словакия).

Рис. 1. Комплексный подход к улучшению качества товаров для компании и клиентов

Источник: собственный.

Важно сказать, что повышенная ценность товаров является новым термином, который не был использован в компаниях до сих пор, однако его значение не является неизвестным. До сих пор это термин просто не был определен и использован в оценке процессов логистической цепочки. Применение показателя для оценки повышенной ценности очень важно, так как оно учитывает набор услуг и информации, которые помогают отличать компанию от конкурентов и которые позволяют получить конкурентное преимущество и улучшить свои позиции на рынке.

Результаты анализа текущего состояния системы и требований существующих и потенциальных клиентов представляют стимулы для планирования изменений в цепочке логистической системы. Тем не менее необходимо принимать во внимание и знания, принесённые новыми логистическими и информационными технологиями, аспекты интеграции и координации логистических процессов, а также, естественно, случайные изменения в эффективных процессах.

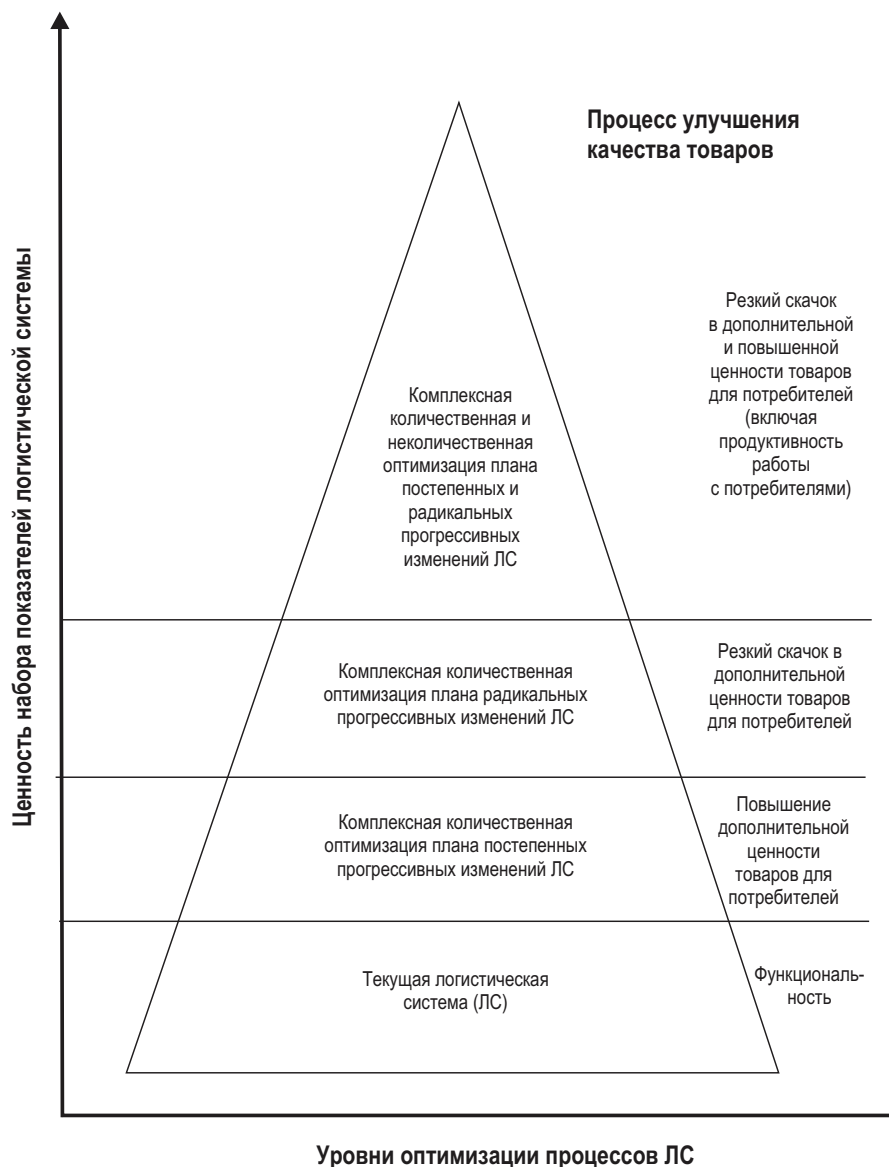

Рис. 2. Концепция комплексного подхода к оптимизации процессов ЛС

Источник: собственный.

Простые и эффективные изменения логистических процессов, такие как сокращение количества автопогрузчиков для материальной манипуляции недисциплинированными потребителями или их устранения с помощью установки соответствующего фильтра в базе данных информационной системы, на практике являются результативными. Оба предложения способствовали значительному сокращению времени и

затрат на логистические процессы, что нашло свое отражение и в повышении ценности продукции для потребителей.

При проектировании изменений необходимо обратить внимание главным образом на те процессы логистических цепочек, применение которых обеспечивает – в дополнение к более высокой норме прибыли (эффективность процесса изменений) и более высокую продуктивность работы с потребителями.

Например, более широкое использование транспортировки покупателей, соразмерные доставки товаров покупателю, снижение запасов расходных материалов на клиента, повышение надежности поставки товаров или снижение доверительного интервала поставки заказчику с одного месяца до недели при сохраняющемся значении надёжности поставок. Такие предложения необходимы в силу того, что они способствуют повышению дополнительной ценности продукции для компании, но больше всего они увеличивают продуктивность работы с клиентами. Как правило, изменения в процессе следующие: улучшение деловых отношений с поставщиками материалов, что затем отражается на увеличении дополнительной ценности товаров, снижении запасов расходных материалов и росте денежных потоков компании, и улучшение продуктивности работы с покупателями. Предпочтение отдается тем изменениям, которые приносят синергические эффекты не только компании, но и её клиентам. Наивысший приоритет отдается изменениям в процессе, которые приносят резкий и значительный синергический эффект.

2. Конкретные примеры применения подхода на практике в выбранных компаниях

Конкретные примеры применения подхода на практике в выбранных компаниях [1], [2], [3] доказали справедливость стартовых условий и отдельных шагов подхода. Применение подхода на практике в выбранных компаниях принесло следующие положительные изменения:

- экономия времени для логистических процессов (от 10 до 20%);
- экономия затрат для логистических процессов (от 10 до 35%);
- увеличение значения прибыли в отдельных цепочках логистической системы и системы логистики компании в целом (от 19 до 50%);
- снижение запасов расходных материалов на отдельных складах (покупка, полуфабрикаты и готовая продукция) (от 15 до 40%);
- увеличение денежных потоков компании, как результат снижения поставок запасов расходных материалов (от 10 до 40%);

- повышение продуктивности работы с потребителями, например увеличение использования транспортировки клиентов (от 10 до 25%), сбалансированность поставки товаров клиентам (от 10 до 35%), снижение запасов расходных материалов на клиента (от 10 до 35%);
- изменение повышенной ценности товаров (поставка отремонтированных товаров, продление срока претензии на товары).

Рекомендуемая система, приводящая процессы логистических цепочек к большей эффективности, является оригинальной в том, что она проста, прозрачна и не требует больших усилий. Это позволяет добиться высокой эффективности процесса без больших инвестиций в информационные технологии, включая специализированные базы данных. Подход может быть применён на любом уровне данных, так как это открытая модель, имеющая структуру набора элементов, которая может быть подключена к любой базе данных и информационной системе в компаниях. Этим она отличается, например, от установки программного обеспечения на флеш-память, которая требует заполнения упомянутой базы данных, однако заполнение данных – частая проблема, и поэтому программное обеспечение не всегда подходит. Более того, при использовании такого программного обеспечения «алгоритм решения задачи либо универсален, либо предназначен для одной цели», что может прийти в противоречие с условиями в компании.

Принимая во внимание вышеупомянутое, рекомендуемый комплексный подход более эффективного проведения процессов логистической цепочки применим в компаниях:

- с различной структурой управления системой логистики;
- с различными базами данных по процессам;
- для любой информационной системы компании;
- для всех логистических и промышленных предприятий с дискретным производственным процессом (состоящим из отдельных процессов);
- для различных уровней эффективности процесса (от предложений простых изменений процесса до сложных);
- для проверки эффективности изменений любого числа процессов и любого числа логистических цепочек с различными точками отделения на уровне логистической цепи;
- для оценки эффективности логистической системы в соответствии с различными критериями;

- для оценки эффективности текущей логистической системы;
- для повышения эффективности логистических и производственных процессов;
- для непрерывного мониторинга логистической системы с помощью набора индикаторов матричной модели логистической системы;
- для непрерывного повышения эффективности процессов логистических цепочек, направленных на повышение конкурентоспособности компании (увеличение дополнительной и повышенной ценностей и повышение продуктивности работы с клиентами).

Результаты применения подхода на практике доказали его применимость в повышении эффективности процессов цепочек логистической системы. Использование подхода может быть изменено для эффективности производственных процессов, так как начальные условия алгоритма определены для производственных и логистических процессов. Изменение использования требует добавления таких показателей матричной модели, как дополнительные показатели производственной системы. Остальные пункты подхода применимы для расширенной версии использования.

Условием повышения эффективности логистических цепочек являются успешные процессы логистической системы, особенно с точки зрения оценки материальных и информационных потоков. Следует ещё добавить финансовые потоки. Результаты применения подхода в выбранных компаниях доказывают зависимость этих трех потоков в виде потоков наличности компании, например, в сокращении времени и объема закупок материалов. Однако это только частичное решение, рассматривающее эффективность всех трех потоков. В связи с этим необходимо совершенствовать ход повышения эффективности процессов в логистических цепочках в соответствии с тремя упомянутыми потоками.

Относительно менее автоматизированных процессов компании особенно важно учитывать социальный аспект, который предотвращает неправильное использование рабочих для процессов, несовместимых с правилами эргономичности и техники безопасности. Интеграция этого оценочного аспекта может быть включена в группу показателей уровня работы службы снабжения.

3. Выводы

Применение подхода обеспечивает предпосылки для достижения, совершенствования и сохранения конкурентоспособности компании на рынке. Рекомендуемая методика была проверена в выбранных производственных компаниях. Применение подхода на практике доказало его удобство в повышении эффективности процессов цепочек логистических систем. Применение подхода в выбранных компаниях имело результатом значительные экономические выгоды для компаний (экономия времени и затрат, снижение необходимости запасов, увеличение денежного потока и увеличение повышенной/дополнительной ценности товаров), а также повышение продуктивности работы с потребителями.

Будущее логистики требует создания надежных, эффективных и действенных логистических систем, которые позволяют применять комплексный подход к эффективному управлению логистической системой, ориентированной на повышение качества поставляемых товаров в интересах компании и потребителей.

Литература

1. Cibulka, V. Increasing of Company Competitiveability with Usage of Logistics exact Tools and Simulation Instrument Project Management Forecast Chosen. In Vedecké práce MTF STU v Trnave, (Scientific papers of STU MTF in Trnava), 2007, No. 23, pp. 13 - 20. ISSN 1336-1589
2. Cibulka, V. Aktívne manažovanie zefektívňovania procesov logistických reťazcov logistického systému (Active management of making the logistics chains of logistics systems more efficient). In Materials Science and Technology [on line] 3/2007. Dostupné na internete (available on the Internet): < http://www.mtf.stuba.sk/generate_page.php?page_id=2450 > ISSN 1335-9053.
3. Cibulka, V. Complex Approach to Goods Quality Improvement for the Company and the Customer, 1st ed., Köthen : Hochschule Anhalt, 2010, 103 p., ISBN 978-3-86011-035-5.

О.И. Барина, Т.Г. Юренева

Совершенствование информационной системы управления предприятием

Процесс управления предприятием в настоящее время стал гораздо более сложным. Эффективное управление производственной и сбытовой деятельностью предприятия все в большей степени зависит от уровня информационного обеспечения работников управления всех уровней. Под информационной системой процесса управления организацией, на наш взгляд, следует понимать совокупность способов получения необходимой информации для выполнения управленческих функций.

Данный подход использовался при проведении специального исследования, цель которого заключается в оценке современного состояния информационных систем управления в сельскохозяйственных организациях.

Для достижения поставленной цели нами были решены следующие задачи:

- выполнена оценка системы управления в сельскохозяйственных предприятиях в разрезе разных групп респондентов;
- проанализирована сложившаяся информационная система управления;
- выявлены недостатки в формировании информационного обеспечения процесса управления;
- намечены пути совершенствования системы информационного обеспечения сельхозорганизаций.

В ходе исследования использовался метод стандартизированного интервью, которое было проведено по специально разработанной анкете. Генеральной совокупностью исследования являлись 100 сельскохозяйственных организаций Вологодской области молочно-мясного направления деятельности. Респондентами выступали руководители, экономисты и бухгалтеры сельхозпредприятий.

Барина Ольга Игоревна – старший преподаватель кафедры финансов и кредита Вологодской государственной молочнохозяйственной академии имени Н.В. Верещагина.

Юренева Татьяна Гельевна – к.э.н., доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита ВГМХА им. Н.В. Верещагина.

Как показал опрос, проведенный среди руководителей, бухгалтеров и экономистов сельскохозяйственных предприятий Вологодской области, в настоящее время назрели проблемы в системе управления предприятием. Так, большинство опрошенных руководителей, а именно 50%, оценили существующую систему управления на «хорошо», а вот бухгалтеры и экономисты – на «удовлетворительно» (76,3 и 66,7% опрошенных соответственно) (рис. 1). Мнения групп опрошенных разделились, хотя цель работы предприятия, объединяющей коллектив, все видят одинаково: получение прибыли.

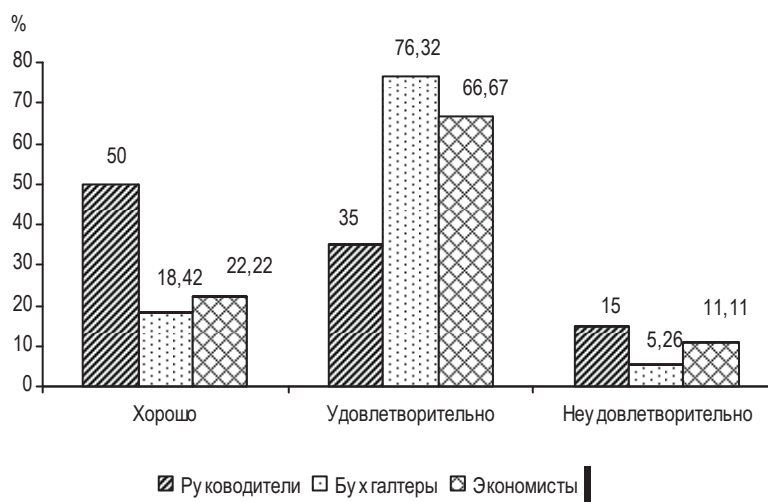

Рис. 1. Оценка системы управления на предприятии

В настоящее время существующая на большинстве предприятий АПК информационная система, сосредоточенная главным образом в рамках бухгалтерского учета, ориентирована на внешних пользователей. В то же время руководители, принимающие жизненно важные для предприятий решения, не могут получить информацию, которая послужила бы обоснованием для принятия таких решений. Эта ситуация негативно отражается на эффективности работы хозяйствующего субъекта.

При принятии управленческих решений только 31% опрошенных руководителей сельхозорганизаций ориентируются на данные анализа, справочных материалов и расчеты за предыдущий период, полученные на основе бухгалтерского учета и экономического анализа (рис. 2).

Прогнозную и плановую информацию используют для принятия решений 27% опрошенных. В сельском хозяйстве при принятии управлен-

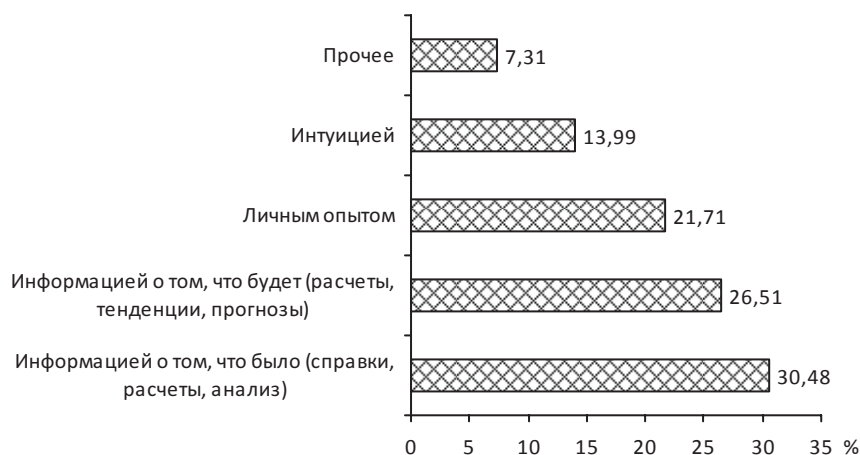

Рис. 2. Чем руководствуются руководители в принятии управленческих решений

ческих решений очень большое значение имеет опыт работы руководителя в этой отрасли. Радует то, что 22% респондентов руководствуются при принятии решений личным опытом. Положительным является то, что абсолютно все опрошенные руководители занимаются планированием своей деятельности.

Главной причиной, мешающей принимать правильные решения, в настоящий момент времени, по мнению опрошенных руководителей, является недостаток информации (21% от числа всех опрошенных), а точнее, недостаток своевременной информации (16% от числа всех опрошенных) (рис. 3), то есть сложившаяся в сельском хозяйстве информационная система не отвечает требованиям достаточности и оперативности.

Руководители сельскохозяйственных организаций при принятии решений отдадут приоритет учетной информации, которую они используют при осуществлении всех функций управления и которой бывает не всегда достаточно для принятия правильного и своевременного решения.

Оценка руководителями действующей системы обеспечения необходимой бухгалтерской и экономической информацией процесса управления показала, что большинство оценивает получаемую информацию как по объему, так и по срокам предоставления на «удовлетворительно», а по форме предоставления – на «хорошо» (рис. 4).

Существующая система получения бухгалтерской и экономической информации позволяет лишь 46% опрошенных руководителей предсказать возникновение тех или иных проблем и дает возможность для анализа и прогнозирования, а 51% опрошенных – только иногда позволяет это сделать.

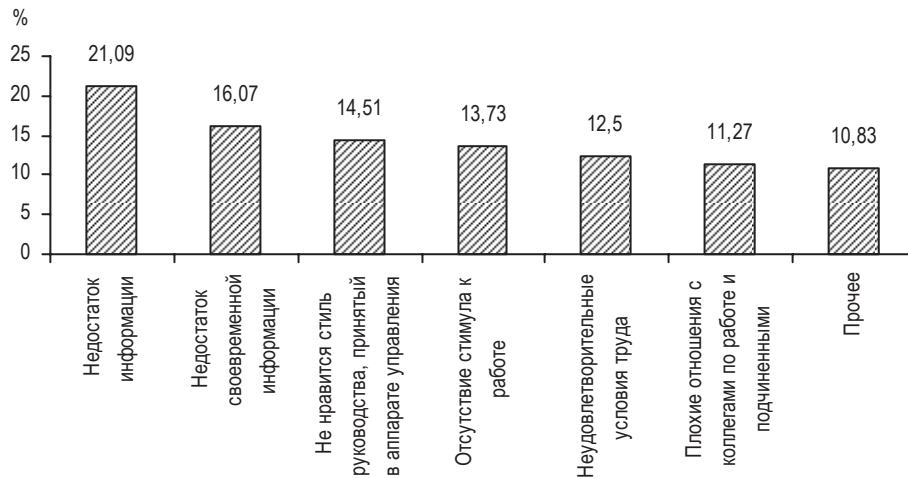

Рис. 3. Причины, мешающие руководителям принимать правильные решения

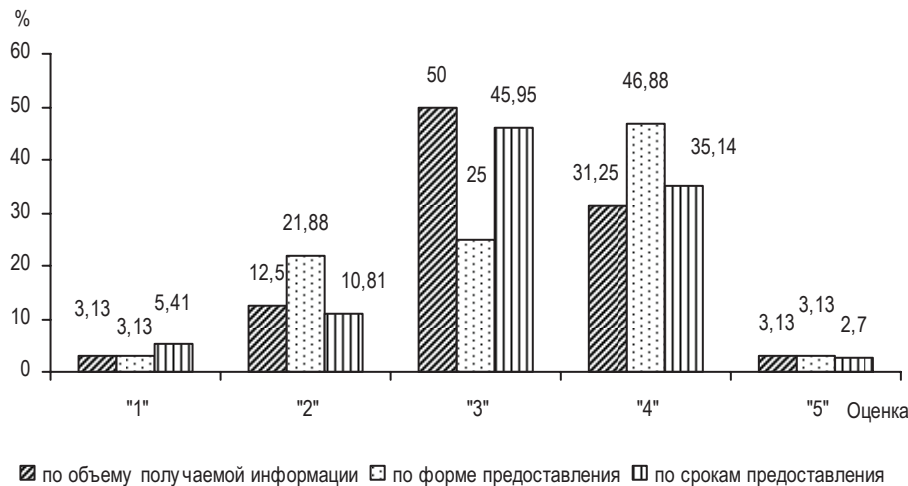

Рис. 4. Оценка руководителями существующей системы обеспечения необходимой бухгалтерской и экономической информацией процесса управления

Низкая оценка подтвердила несостоятельность существующей системы обеспечения бухгалтерской и экономической информацией, получаемой с помощью традиционного бухгалтерского учета и анализа. Основными недостатками бухгалтерского учета и экономического анализа с точки зрения интересов управления руководители назвали низкую оперативность (25% всех опрошенных), высокую трудоемкость (22%), сложность расчетов (21%).

В качестве недостатков, возникающих при работе с бухгалтерскими документами, руководители отмечают слишком большой объем работы

(44% опрошенных), недостаток навыков работы (22%) и неудобство формы (18%). Противоположная точка зрения на информационное обеспечение аппарата управления сложилась в службах бухгалтерского учета предприятий.

Вывод о том, что управление – ведущий фактор, а учет – ведомый, к сожалению, не является очевидным для большинства руководителей учетных служб, которые целью работы возглавляемых ими отделов считают предоставление отчетности государственным органам. Как показали данные опроса, только 28% главных бухгалтеров видят ключевой задачей своей службы обеспечение необходимыми данными руководителя предприятия. Исходя из этого следует сделать вывод, что одной из ведущих причин отсутствия на предприятиях управленческой информационной системы является именно недостаточно эффективная с точки зрения управления организация бухгалтерского учета. К такой ситуации привели различные причины, но жесткая ответственность за неисполнение налогового законодательства является, на наш взгляд, главной.

Кроме того, руководители предприятий и главные бухгалтеры по-разному видят недостатки организации и ведения бухгалтерского учета на предприятии. Руководитель предъявляет претензии в первую очередь в отношении низкой оперативности системы (24% от всех опрошенных), а 30% главных бухгалтеров основной проблемой считают процесс постоянных изменений в бухгалтерском и налоговом законодательстве. Такая ситуация часто приводит к конфликтам в аппарате управления, вследствие чего высшее руководство стремится сократить учетную службу, утверждая, что она не приносит никакой пользы для управления предприятием и т.п.

Решение существующих проблем мы видим в организации управленческого учета на предприятии. В настоящее время стандартного бухгалтерского учета и анализа становится недостаточно для эффективного управления предприятием. Управление должно использовать полную, объективную и своевременную информацию, собираемую, обрабатываемую, сохраняемую и распространяемую с помощью современных научных методов и технических средств. Сейчас это объективная необходимость, обусловленная, в частности, требованиями рынка адекватно реагировать на постоянные изменения экономических условий деятельности предприятия. Другими словами, становится насущной проблема организации на предприятии системы управленческого учета.

Сущность системы управленческого учета заключается в сборе и обобщении экономической информации для осуществления руководителями всех уровней функций управления и принятия обоснованных решений.

Поэтому главная цель внедрения управленческого учета на предприятиях АПК сводится к обеспечению менеджеров (управленцев) внутри организации максимально полной информацией, необходимой для эффективной согласованной работы подразделений и своевременного оперативного принятия решений.

Важным элементом системы управленческого учета является внутренняя управленческая отчетность. Это определенным образом сгруппированная информация, предоставляемая различным пользователям для обеспечения функций управления. Информация управленческого учета составляет коммерческую тайну. Она не публикуется и носит конфиденциальный характер. Администрация предприятия самостоятельно устанавливает состав, формы, сроки и периодичность представления внутренней отчетности, степень ее детализации в зависимости от потребностей управленческого звена в информации. То есть показатели и в целом информация, отражаемая управленческой отчетностью, определяются потребностями пользователей. Внутренняя управленческая отчетность индивидуальна и уникальна для каждого хозяйствующего субъекта.

Методика составления управленческой отчетности на сельскохозяйственном предприятии включает в себя следующие этапы:

1. Формирование децентрализованной структуры управления с выделением центров ответственности.
2. Выявление потребностей управления в информации о различных аспектах деятельности центров ответственности.
3. Закрепление установленных элементов системы внутренней управленческой отчетности внутренними положениями.

На наш взгляд, разработка и внедрение внутренней управленческой отчетности в сельскохозяйственных организациях позволит решить проблему информационного обеспечения и повысить эффективность деятельности.

Вопросы обеспечения продовольственной безопасности регионов Европейского Севера России

Современное продовольственное положение России характеризуется снижением потребления основных видов продовольствия, когда значительная часть населения из-за резкого падения объемов производства и низкой покупательной способности не может обеспечить себя продуктами питания, необходимыми для поддержания активной и здоровой жизни. Принятая в мае 2010 года Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи и основные направления государственной экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности страны. В соответствии с данным документом, стратегической целью продовольственной безопасности является «является обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов (далее – рыбная продукция) и продовольствием. Гарантией ее достижения является стабильность внутреннего производства, а также наличие необходимых резервов и запасов» [2]. Таким образом, основным способом разрешения проблемы стабильного продовольственного обеспечения населения РФ продовольствием государство определяет рост внутреннего производства продовольствия и формирование необходимых государственных резервов.

Сама категория продовольственной безопасности определяется как «состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни» [2], что соответствует мнению большинства исследователей данной проблемы.

Моронова Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры экономики и менеджмента Вологодского государственного технического университета.

Но система критериев определяет пороговые значения самообеспечения страны только по ограниченному перечню продовольствия и сельскохозяйственного сырья: зерна, сахара, растительного масла, мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов, рыбной продукции, картофеля и пищевой соли. Кроме того, не определена методика оценки потребности в продовольствии. Несмотря на то, что введено определение рациональных норм потребления продуктов питания, сами нормы, в настоящее время определенные законодательно, остаются дискуссионным с научной точки зрения вопросом и в различных исследованиях обосновываются на разном уровне. Особо следует отметить радикальное различие между медицински обоснованными нормами питания и нормами, заложенными в расчет минимальной потребительской корзины.

Проблема обеспечения продовольственной безопасности России объективно должна решаться не только на национальном, но и на региональном уровне, что обусловлено значительными различиями между производством продовольствия и потребностью в нем на российской территории. Очевидно, что система критериев и показателей, вводимых на национальном уровне, не может быть полностью реализована на уровне региона и требует существенной корректировки. Но игнорирование индивидуальной роли отдельных территорий и регионов в решении проблем продовольственной безопасности недопустимо.

Объектом данного исследования выбраны пять регионов Европейского Севера: Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская, Вологодская и Мурманская области. Европейский Север характеризуется выраженными отличиями природно-климатических условий, неравномерностью размещения производственно-экономического потенциала, социальной инфраструктуры и уровнем доходов населения. Вместе с тем данные регионы входят в северный экономический район и достаточно тесно связаны административно (являясь составной частью Северо-Западного федерального округа). Изучение особенностей производства и потребления продуктов питания на территории Европейского Севера позволит выстроить концепцию продовольственной безопасности регионов, входящих в его состав, и сформировать стратегию роста продовольственной безопасности, которая будет являться частью общенациональной стратегии, максимально используя конкурентные преимущества данной территории.

Концепция здорового питания предполагает качество, безопасность, а также физическую и экономическую доступность пищи. Обеспечение населения региона продовольствием в достаточном количестве и ассортименте представляет собой проблему, включающую в себя комплекс вопросов производства продовольственной продукции, конъюнктуры мирового, национального и регионального рынков, конкурентоспособности и платежеспособности населения региона, уровня доходов и структуры питания населения, социальной политики государства и местных органов самоуправления.

Из этого следует, что в проблеме продовольственного обеспечения следует выделить как минимум два аспекта. Первый заключается в физической доступности основных видов продовольствия для всех слоев населения на всей территории региона, вне зависимости от места проживания. Это предполагает бесперебойное поступление продуктов питания от места их производства к конечным потребителям. Физическая доступность означает решения комплекса стратегических задач, связанных прежде всего с организацией производства достаточного количества продуктов питания на территории региона и их беспрепятственным перемещением как внутри страны, так и между странами.

При оценке уровня продовольственной обеспеченности традиционно используют показатели уровня потребления основных продуктов питания относительно биологически обоснованных норм потребления, что позволяет выявить тенденции в количественном и качественном составе потребляемого продовольствия. Среднестатистический житель региона потребляет (относительно биологической нормы) около 75% мяса и мясопродуктов, менее 60% молочных продуктов, порядка 80% яиц (табл.1).

Потребление наиболее важных с точки зрения обеспечения потребностей организма в животном белке продуктов существенно различается по регионам. Среднедушевое потребление мяса колеблется в пределах 60–95% от необходимого уровня, но ни один из исследуемых субъектов не достигает физиологически обоснованных норм. Наиболее сложной является ситуация, сложившаяся в Архангельской области, где потребление мяса находится на уровне 60%, молока – порядка 45%, яиц – ниже 70%. И даже потребление рыбы, традиционного для данного региона продукта, едва превышает 90% от физиологических потребностей. За последние 8 лет стабильное увеличение потребления основных групп продовольствия зафиксировано практически во всех регионах Европейского Севера,

Таблица 1. Потребление основных продуктов питания на Европейском Севере
(в % от нормы, на 1 потребителя, в год)*

Вид продовольствия	Норма** кг	Год							
		1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010***
Хлеб и хлебобулочные изделия	110	95,5	98,2	104,5	103,1	103,3	102,1	101,1	102,4
Картофель	118	92,0	101,8	105,4	85,7	86,3	92,1	75,5	88,9
Овощи и бахчевые	139	44,1	58,7	66,8	66,5	68,1	71,1	62	68,7
Мясо и мясные продукты	81	60,3	48,6	66,2	69,1	72,8	75,8	76,4	75,3
Молоко и молочные продукты	392	50,7	45,2	52,4	54,6	55,3	56,5	55	57,4
Яйца, шт.	292	71,7	71,5	81,6	83,8	81,8	83,2	100,9	100,2
Сахар и кондитерские изделия	41	75,1	87,8	93,2	93,7	97,1	96,8	92,5	98,6
Растительное масло	10	60,6	102,8	125,4	127,0	128,1	126,3	128,8	127,9
* По результатам выборочного обследования домашних хозяйств. ** За основу расчета приняты нормы, рекомендованные Институтом питания РАМН. *** Расчеты произведены на основе предварительных данных.									

но в подавляющем большинстве случаев уровень 1990 г. не достигнут, а сам рост практически совпадает с периодами роста реальных доходов населения и носит неравномерный характер. Следует учитывать также, что представленные расчеты опираются на статистические данные, полученные на основе выборочного обследования домашних хозяйств. При использовании данных о балансе продовольствия результаты получаются ниже на 7–14%. Любопытно, что Вологодская область, безусловный лидер по объему производства сельскохозяйственного сырья на душу населения, не является лидером по потреблению продуктов питания (за исключением продукции птицеводства, особенно яиц), а занимает устойчивое «среднее» положение среди пяти регионов.

При оценке качественных характеристик рациона питания населения существенное значение занимает его калорийность, а также сбалансированность по составу потребляемых питательных веществ. Оценка калорийности отражает энергетические потребности организма и ориентирована прежде всего на 3 основных параметра: возраст, пол и интенсивность труда (оценка дается через коэффициент физической активности). В соответствии с данным набором требований Институтом питания РАМН совместно с Институтом социально-экономических проблем народона-

селения РАН и Министерством труда Российской Федерации при участии Всемирной организации здравоохранения разработаны рекомендации, положенные в основу расчетов минимальной потребительской корзины. Эти показатели дифференцированы по половозрастным группам, но включают и среднелюдиные нормы, использованные в дальнейшей оценке (табл. 2).

Таблица 2. **Калорийность питания на Европейском Севере**
(в % от нормы, на 1 потребителя, ккал/сут.)

Регион	Год							
	1997	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1. Республика Карелия	109,1	108,6	120,3	121,2	121	122,6	122,1	123,1
2. Республика Коми	86,6	111,5	115,9	113,0	113,9	118,2	111,0	114,3
3. Архангельская область	94,6	102,8	108,0	109,1	111,8	108,6	111,5	111,6
4. Вологодская область	113,3	116,9	140,2	135,3	132,6	124,2	127,7	127,8
5. Мурманская область	98,8	107,5	107,1	109,5	107,9	109,9	106,5	109,4
Северо-Западный федеральный округ	113,6	114,6	116,7	117,7	116,6	118,4
Российская Федерация	102,9	107,1	117,6	114,2	114,6	112,9	114,1	115,2

При сопоставлении данных о калорийности питания в домашних хозяйствах регионов очевидна тенденция роста. Но следует помнить, что в качестве «нормы» использована минимально необходимая потребность, так что некоторое превышение энергетического баланса не следует рассматривать, как негативную тенденцию.

При определении физиологических норм питания с учетом удовлетворения потребностей организма в пластических веществах исходят из того, что большинство из них может синтезироваться в организме; другие вещества (незаменимые аминокислоты, незаменимые жирные кислоты, все минеральные вещества и микроэлементы, витамины) в организме человека не синтезируются и должны поступать с пищей. Так, источником аминокислот являются белки пищи, резервом белка или аминокислот организм не располагает. Это обуславливает необходимость поступления в организм белка из расчета 0,75–1 г на 1 кг массы тела взрослого человека в сутки. При этом 55–60 % суточной потребности белка должно обеспечиваться белками животного происхождения (молоко, молочные продукты, яйца, мясо, рыба) (табл. 3).

При анализе данных, полученных по результатам обследования домашних хозяйств, подтверждается выявленный ранее дефицит белковых продуктов, причем фактически дефицит может быть и существенно

Таблица 3. Потребление белка на Европейском Севере
(в % от нормы, на 1 потребителя, г/сут.)

Регион	Год							
	1997	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1. Республика Карелия	86,3	82,2	98,5	100,5	98,8	101,8	103,7	104,2
2. Республика Коми	71,7	86,3	92,8	93,3	93,9	99,7	95,4	98,6
3. Архангельская область	74,2	77,3	85,9	85,5	90,6	90,4	92,1	93,2
4. Вологодская область	88,5	87,5	107,5	105,3	104,9	107,1	104,3	106,9
5. Мурманская область	82,2	87,1	92,8	95,4	96,6	101,2	99,0	101,4
Северо-Западный федеральный округ	94,2	98,0	100,7	102,0	101,4	101,2
Российская Федерация	83,8	84	96,7	96,1	97,4	98,9	99,6	100,1

выше (как из-за некоторого искажения статистических данных, так и из-за невозможности выявить долю животных белков, потребление которых обеспечивает организм незаменимыми аминокислотами).

Потребление жиров имеет совершенно иную тенденцию. За весь период исследования не выявлено ни одного случая дефицита потребления по данному виду питательных веществ (табл. 4).

Таблица 4. Потребление жиров на Европейском Севере
(в % от нормы, на 1 потребителя, г/сут.)

Регион	Год							
	1997	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1. Республика Карелия	155,9	153,7	181,5	186,9	187,9	194,4	198,2	196,3
2. Республика Коми	122,7	151,1	162,3	165,1	167,9	177,5	171,1	174,2
3. Архангельская область	128,3	133,9	151,2	160,7	163,9	161,6	167,6	167,5
4. Вологодская область	146,3	152,6	195,6	195,1	193,8	196,7	189,2	195,8
5. Мурманская область	149,5	166,9	169,9	176,2	176,1	183,8	180,3	182,4
Северо-Западный федеральный округ	175,9	180,8	186,8	189,4	188,0	189,2
Российская Федерация	142,1	143,8	168,7	167,6	171,5	173,4	174,8	173,3

Превышение норм свидетельствует о компенсации калорийности рациона за счет наиболее доступных видов продовольствия, высокой доле низкокачественных полуфабрикатов и фастфуда в рационе питания населения.

Рост объемов производства сельскохозяйственного сырья, прослеживающийся последние годы, является неравномерным и не обеспечивает достижение уровня 1990г. Увеличение производства продуктов питания достигается преимущественно за счет «точечного» развития нескольких крупных сельхозтоваропроизводителей, не способных покрыть потребности регионов в собственной продукции. Практически во всех регионах отмечается снижение числа сельскохозяйственных организаций и

уменьшение средних размеров производства, что негативно сказывается на уровне технической вооруженности производства, количестве вносимых удобрений, поголовье скота и птицы, снижает и без того невысокую эффективность сельскохозяйственного производства. Все это в совокупности с диспаритетом цен, недостаточностью государственной поддержки, в том числе и в рамках государственной национальной программы, приводит к устойчивому снижению уровня самообеспечения продовольствием регионов Европейского Севера (табл. 5).

Таблица 5. Уровень самообеспечения основными видами продовольствия Европейского Севера России

Вид продовольствия	Год							
	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Мясо и мясопродукты	0,29	0,20	0,20	0,21	0,22	0,23	0,22	0,24
Молоко и молокопродукты	0,44	0,43	0,40	0,41	0,41	0,40	0,41	0,43
Яйца	0,68	0,69	0,64	0,76	0,69	0,68	0,70	0,71
Картофель	2,37	1,72	1,05	1,0	0,73	0,87	0,83	0,85
Овощи и бахчевые	0,28	0,33	0,23	0,18	0,18	0,19	0,20	0,23
Хлеб и хлебобулочные изделия*	0,75	0,53	0,48	0,46	0,46	0,45	0,46	0,46

* Расчет произведен на основе данных о производстве готовой продукции, без учета источников поставок сырья.

Регионы Европейского Севера обеспечивают за счет собственного производства только 1/5 потребности населения в мясопродуктах, менее 50% потребности в молочной продукции, практически полностью зависят от ввоза овощей, фруктов и ягод. При всей специфичности комплекса природно-климатических условий сельскохозяйственные предприятия на данной территории способны обеспечить существенно более высокую физическую доступность продовольствия для населения. Но это требует значительных вложений как непосредственно в производственную сферу, так и в инфраструктуру, в том числе и социальную. Сами сельхозтоваропроизводители в настоящее время не обладают достаточным инвестиционным потенциалом, а существующие государственные программы не в полной мере соответствуют потребностям регионов, что, в свою очередь, снижает привлекательность предприятий АПК для частных инвесторов.

Однако физическая доступность продуктов питания – необходимое, но не достаточное условие продовольственной обеспеченности. Основные виды продовольствия (как минимум составляющие базовую продовольственную корзину) должны быть экономически доступны для всех

категорий населения в пределах физиологически обоснованных норм питания. Это обеспечивается пропорциональным соответствием между среднедушевыми денежными доходами населения и стоимостью продовольственной корзины. Денежные доходы населения включают в себя оплату труда, пенсии, пособия и другие социальные трансферты, доходы от собственности в виде процентов от вкладов, ценных бумаг, доходы от предпринимательской деятельности, ссуды, страховые возмещения и другие доходы (включающие доходы от теневой деятельности: зарплата, скрываемая от налогообложения, приобретение работникам недвижимости и предметов длительного пользования, открытие депозитных счетов в банке и др.).

Анализируя изменение покупательной способности доходов жителей Европейского Севера, следует отметить устойчивую тенденцию ее роста как в среднем, так и по отдельным социально-экономическим группам. За исследуемый период она увеличилась по основным продуктам питания в 2–2,5 раза, что повышает экономическую доступность продовольствия для различных социально-экономических групп, но темпы роста существенно различаются. Лидером выступает Ненецкий автономный округ, где доходы возросли почти в 7 раз – до 34,4 тыс. руб. на душу населения, в то же время в Республике Коми доходы увеличились всего в 4,8 раза.

Прослеживается углубление дифференциации домохозяйств по уровню благосостояния, коэффициент фондов колеблется от 11,6 в Архангельской области до 18,0 в Республике Коми, что свидетельствует о существенных различиях в уровне экономической доступности продовольствия для различных социально-экономических слоев. Экономическое неравенство групп населения определяется не только неравенством в доходах, но и имущественным неравенством, различиями в потреблении и демографическими особенностями домохозяйств (размер и состав семьи, демографическая нагрузка на трудоспособное население, численность пенсионеров, инвалидов и т.д.).

Вместе с тем однозначной зависимости между темпами роста доходов и темпами роста потребления отдельных групп продовольствия не выявлено.

Таким образом, исследование тенденций потребления продуктов питания населением Европейского Севера России подтвердило, что, несмотря на устойчивый рост доходов населения и наметившуюся тен-

денцию некоторого увеличения объемов сельскохозяйственного сырья, основные проблемы региональной продовольственной безопасности — физическая и экономическая доступность продовольствия — остаются нерешенными. Интегральный показатель самообеспечения находится на беспрецедентно низком уровне, что свидетельствует о систематическом недопотреблении основных видов продовольствия, вызванным как экономическими причинами, так и ограниченными возможностями производства сельскохозяйственного сырья на отдельных территориях.

Литература

1. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Продовольственная безопасность. — М.: МГФ «Знание», 2001.
2. Доктрина продовольственной безопасности [Эл. ресурс]. — Реж. дост.: <http://state.kremlin.ru>
3. Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели 2005, 2007, 2009, 2010 гг. [Эл. ресурс]. — Реж. дост.: <http://www.gks.ru>

Стратегический анализ отраслей машиностроительного комплекса

Исследование проблем экономической эффективности не только отдельных предприятий, но и отраслей, межотраслевых комплексов является актуальным направлением в экономической науке и практической деятельности.

Рассматривая период до 2008 года, до наступления кризисных явлений в экономике, можно констатировать высокий уровень динамики производства в машиностроении. Темпы прироста составляли 10 – 14% в год. С наступлением глобального кризиса, затронувшего все отрасли российской экономики, спад в национальном машиностроении составил 33% (рис. 1). С 2010 года экономическая ситуация постепенно восстанавливается, прирост объемов выпуска в машиностроительном комплексе составил 24% к уровню 2009 года.

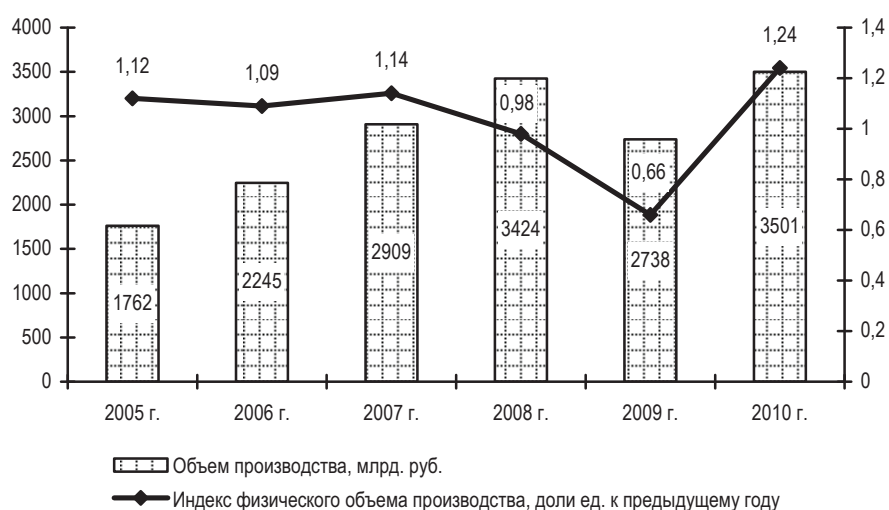

Рис. 1. Динамика объемов производства в машиностроительном комплексе России в 2005–2010 гг.*

* Рассчитано на основе данных [1].

Машиностроительный комплекс России отличается большим разнообразием отраслей, представлены все виды производства в соответствии

Гулый Илья Михайлович — к.э.н., доцент, Вологодский государственный технический университет.

с классификацией ОКВЭД. В отраслевой структуре доминирует автомобилестроение и автокомпоненты (26%), продукция военного назначения (более 13%), производство электродвигателей, распределительной аппаратуры (8%), медицинская техника, контрольно-испытательное и оптическое оборудование (7,7%) и некоторые другие отрасли (рис. 2).

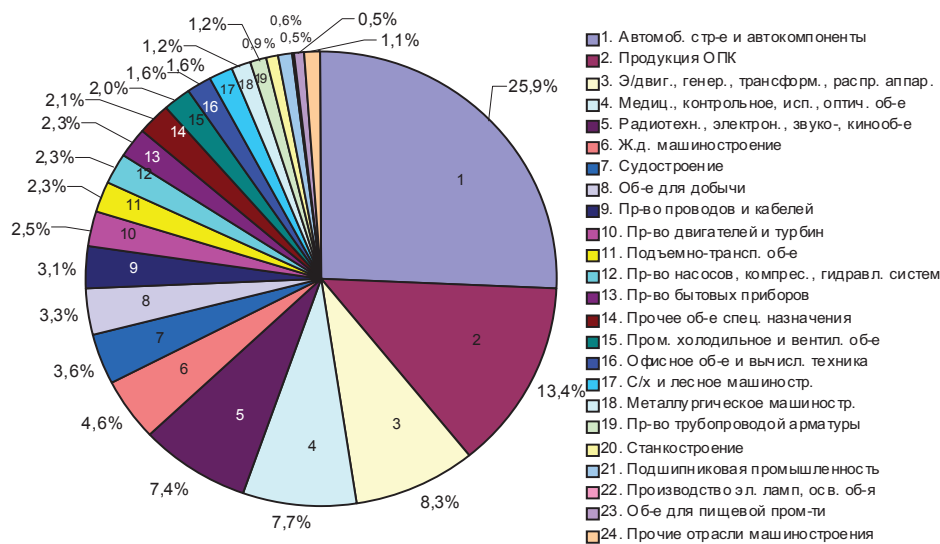

Рис. 2. Отраслевая структура машиностроительного комплекса России

(по данным в среднем за 2005–2010 гг.)*

* Построено по данным [1].

Более подробно остановимся на анализе экономической эффективности МК. Одним из важнейших показателей эффективности производства является уровень его рентабельности. На протяжении всего рассмотренного периода рентабельность производства находится на невысоком уровне – не более 7% в год, что в 2,5 раза ниже среднепромышленного значения (рис. 3).

Хронической проблемой эффективности является и низкий уровень производительности труда. В 2010 году значение показателя выработки в среднем по МК составило 1,6 млн. рублей на 1 работника в год, в то время как в промышленности – 3 млн. рублей (рис. 4).

Проблема низкой рентабельности является причиной следующей проблемы национального МК – невысокого значения показателя инвестиционной активности. Так, объем инвестиций в основной капитал в машиностроении в 2005–2010 гг. составлял в среднем 3% от объема продаж (по промышленности – 5–9% в разные годы) (рис. 5).

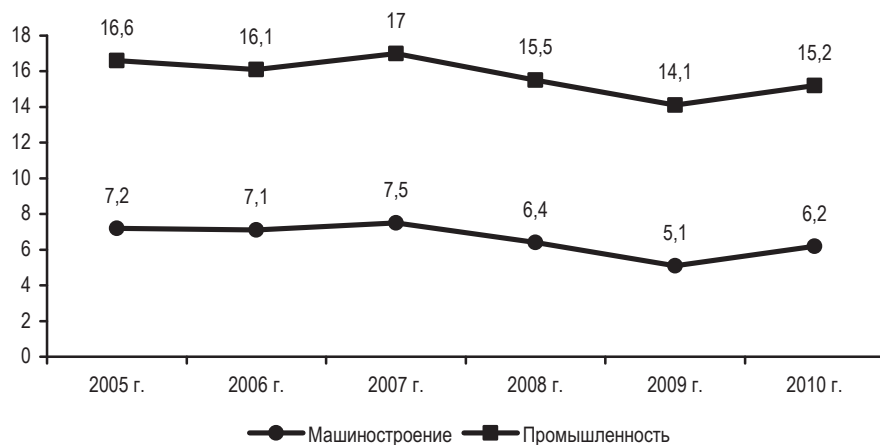

Рис. 3. Рентабельность производства продукции в машиностроении и промышленности России в 2005–2010 гг., %*

* Построено по данным [1].

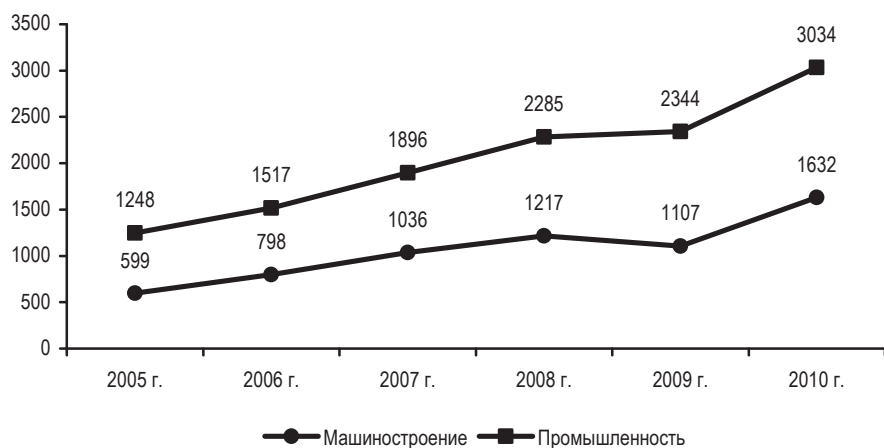

Рис. 4. Выработка на 1 работника (по реализованной продукции) в машиностроении и промышленности России в 2005–2010 гг., тыс. руб./чел. [1]

Проблема низкой инвестиционной активности тормозит рост конкурентоспособности продукции российского машиностроения, не позволяет осуществлять необходимые инвестиции в приобретение новой техники и технологий. Низкий уровень выработки порождается во многом недостаточным финансированием инвестиционной деятельности предприятий комплекса.

В таблице приведены обобщенные финансово-экономические показатели основных отраслей МК России (в среднем за 2005–2010 гг.). Анализируя данные таблицы, можно прийти к выводу о дифференцированном,

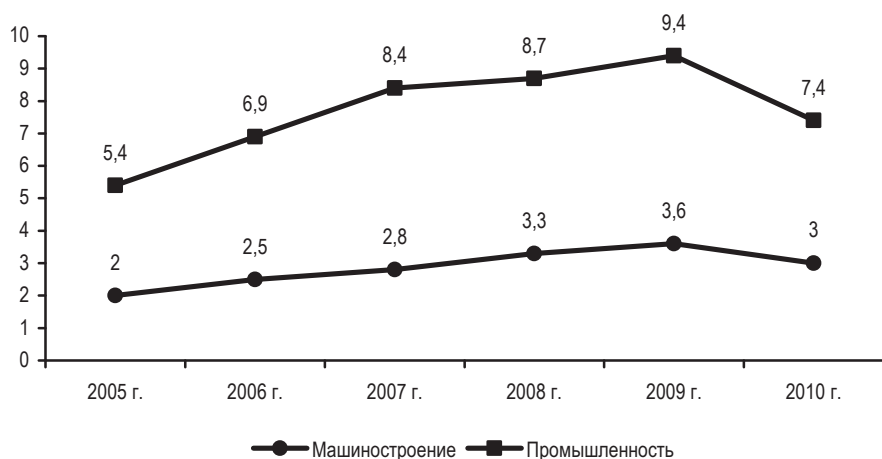

Рис. 5. Доля инвестиций в основной капитал в выручке в машиностроении и промышленности России в 2005–2010 гг., %*

* Построено по данным [1].

неодинаковом развитии отраслей: ряд отраслей имеет отрицательные показатели роста, крайне низкие значения выработки, рентабельности, показателей инвестиционного развития, ликвидности и финансовой устойчивости. Наилучшие финансовые показатели достигнуты в таких отраслях, как: оборудование для пищевой промышленности, производство бытовых приборов, офисное оборудование и вычислительная техника, медицинская техника, контрольное, испытательное оптическое оборудование.

Сводные финансово-экономические показатели функционирования машиностроительного комплекса России в 2005–2010 гг.¹

Отрасли машиностроительного комплекса	Среднегодовой прирост объемов реализации, % ²	Производительность труда, тыс. руб./чел. ³	Рентабельность производства продукции, % ⁴	Рентабельность активов, % ⁵	Инвестиции в основной капитал, в % от выручки	Коэффициент финансовой автономии, % ⁶	Коэффициент текущей ликвидности, % ⁷	Среднемесячная зарплата, руб./чел. (2010 г.)	Фондоотдача, руб./руб. ⁸
1. Производство двигателей и турбин	-1,8 / -7,3	1220	9,8	2,8	3,5	26	139	24221	6,5
2. Производство насосов, компрессоров, гидравлических систем	11,6 / 18,2	1047	10,1	5,5	3,8	40	135	20673	6,2
3. Производство трубопроводной арматуры	7,1 / 12,4	997	10,2	7,4	4,0	44	150	19130	5,9

Продолжение таблицы

Отрасли машиностроительного комплекса	Среднегодовой прирост объемов реализации, % ²	Производительность труда, тыс. руб./чел. ³	Рентабельность производства продукции, % ⁴	Рентабельность активов, % ⁵	Инвестиции в основной капитал, в % от выручки	Коэффициент финансовой автономии, % ⁶	Коэффициент текущей ликвидности, % ⁷	Среднемесячная зарплата, руб./чел. (2010 г.)	Фондоотдача, руб./руб. ⁸
4. Подшипниковая промышленность	-6,2/ -1,6	505	7,6	2,7	4,0	51	160	16329	3,7
5. Прочее оборудование общего назначения (в т.ч. ОПК)	21,9/39,6	1206	7,1	4,5	1,8	44	123	25077	9,9
6. Подъемно-транспортное оборудование	1,8/ 13,8	974	6,9	4,1	1,5	23	115	19248	10,2
7. Промышленное холодильное и вентиляционное оборудование	8,9/32,5	1497	8,1	6,1	2,3	29	124	19529	8,7
8. Сельскохозяйственное и лесное машиностроение	-5,5/3,4	660	6,3	0,7	2,0	23	116	11880	7,1
9. Станкостроение	-1/2,7	742	5,7	1,2	1,7	26	123	14642	6,0
10. Металлургическое машиностроение	0,4/6,6	815	4,2	0,8	2,1	36	128	21681	7,1
11. Оборудование для добычи полезных ископаемых	-5,2/12,8	890	6,9	1,8	2,8	31	119	17836	5,9
12. Оборудование для пищевой промышленности	1,5/7,6	1140	9,0	6,8	1,7	38	144	15737	8,8
13. Прочее оборудование спец. назначения	12,2/18,1	1130	6,7	4,3	2,8	35	112	20204	5,6
14. Производство бытовых приборов	20/22,9	2042	9,7	4,0	4,3	37	127	17290	3,4
15. Офисное оборудование и вычислительная техника	8,5/23,9	3018	5,3	5,0	0,5	26	128	27300	21,0
16. Э/двиг., генераторы, трансформаторы, распредел. и регулирующая аппаратура	2,2/6,9	1012	8,1	6,0	2,1	36	131	19471	8,5
17. Производство проводов и кабелей	-1,7/11,4	2892	6,0	3,5	2,3	34	141	21261	8,1
18. Производство электрических ламп, осветительного оборудования	4,5/8,3	757	4,8	-1,3	2,8	21	108	12637	5,7
19. Радиотехническая, электронная, звуко-, кинооборудование	15,4/18,4	1440	8,0	4,2	2,9	31	122	19756	6,8
20. Медицинское, контрольное, испытательное, оптическое оборудование	23,4/10,5	1053	9,9	6,0	2,8	40	143	21427	6,1

Окончание таблицы

Отрасли машиностроительного комплекса	Среднегодовой прирост объемов реализации, % ²	Производительность труда, тыс. руб./чел. ³	Рентабельность производства продукции, % ⁴	Рентабельность активов, % ⁵	Инвестиции в основной капитал, в % от выручки	Коэффициент финансовой автономии, % ⁶	Коэффициент текущей ликвидности, % ⁷	Среднемесячная зарплата, руб./чел. (2010 г.)	Фондоотдача, руб./руб. ⁸
21. Автомобилестроение, автокомпоненты	5,3 / 16	2935	3,0	-2,1	3,2	36	101	17873	4,9
22. Судостроение	3,3 / -11,9	967	4,2	-1,6	2,9	10	150	24487	2,9
23. Железнодорожное машиностроение	10,1 / 17,9	832	7,6	3,9	3,8	36	134	21967	6,3
24. Прочие отрасли машиностроения	-0,7 / 6,2	938	6,3	2,0	2,3	34	123	10379	5,4
<i>Машиностроение в целом</i>	6,5 / 11,5	1234	6,5	1,4	2,9	31	130	20379	5,3
<i>Промышленность</i>	4 / 11,2	2367	15,6	7,2	7,9	53	143	21736	3,3

¹ Значения показателей рассчитаны за период 2005–2010 гг. (в среднем)

² Через дробь указаны: в числителе – среднегодовой прирост объемов реализации продукции в 2005–2010 гг. (в сопоставимых ценах), в знаменателе – тот же показатель за предкризисный период 2005–2008 гг.

³ Производительность труда оценивается как выработка – отношение объема реализованной продукции к среднесписочной численности работников за 2007–2010 гг.

⁴ Отношение совокупной прибыли от реализации за 2005–2010 гг. к полной себестоимости реализованной продукции за период, в %.

⁵ Рентабельность активов рассчитана как отношение совокупной чистой прибыли за 2005–2010 гг. к средней стоимости активов за этот же период.

⁶ Коэффициент финансовой автономии представляет собой отношение собственных средств в суммарной стоимости имущества (активов) предприятия, в % (в среднем за 2005–2010 гг.). Нормативное значение показателя – больше 50%.

⁷ Коэффициент текущей ликвидности рассчитан путем отношения оборотных средств к краткосрочным обязательствам (в среднем за 2005–2010 гг.), в %. Нормативное значение показателя – больше 100 %.

⁸ Фондоотдача основных фондов – отношение суммарной выручки от реализации продукции к средней остаточной стоимости основных фондов, в %.

Одним из распространенных методов отраслевого анализа является использование стратегических матриц, позволяющих определить стратегическую позицию каждой отрасли, графическим способом провести интегральную оценку уровня экономического и рыночного развития каждой отрасли. Воспользуемся наиболее распространенными моделями: матрицей Бостонской консалтинговой группы (БКГ) и матрицей МакКинзи.

Матрица БКГ разделяет всю совокупность отраслей на 4 группы в зависимости от соотношения «рост продаж / эффективность, объемы производства отрасли»: 1) «звезды»; 2) «трудные дети» (перспективные, но сложные, пока недостаточно развитые); 3) «дойные коровы» (эффективные, но уходящие); 4) «собаки» (бесперспективные). На рисунке 6 представлена матрица БКГ, построенная для отраслей отечественного МК (по данным за 2005–2010 гг.).

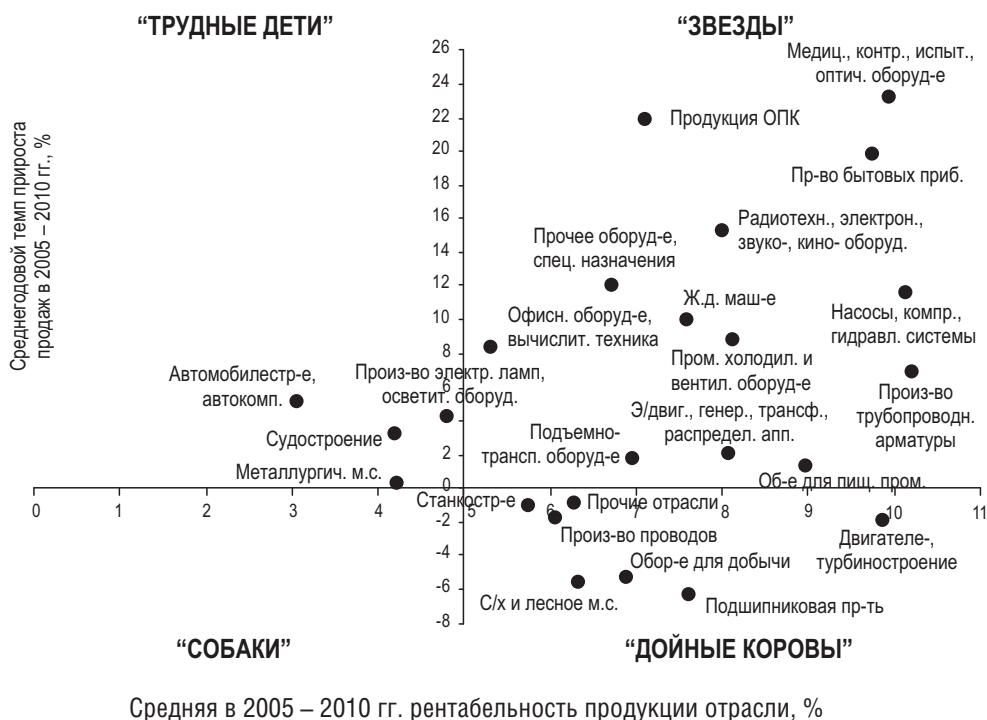

Рис. 6. Матрица Бостонской консалтинговой группы по темпам развития и эффективности отраслей машиностроительного комплекса России

Второй рассмотренной моделью является матрица МакКинзи. Она позволяет провести группировку отраслей по двум составляющим: «конкурентные преимущества самой отрасли» (ось X матрицы) и «перспективы самого бизнеса, рынка, продукции отрасли» (ось Y). Все отрасли в конечном счете разделяются на «победителей» (наиболее перспективных и успешных), «проигравших» (наименее перспективных), «неопределенных» (которые имеют определенные проблемы, но при правильном их решении, целевых инвестициях способны выйти в разряд «победителей»). Нами проведена балльная оценка конкурентных преимуществ и привлекательности отрасли по методике расчета частных значений баллов, по 5-балльной системе (формула расстояний) с последующим расчетом

усредненного балла для каждой отрасли. В качестве показателей для балльной оценки конкурентных преимуществ отрасли использовались показатели: выработки, рентабельности продукции и активов, инвестиционной активности, финансовой устойчивости, эффективности использования основного капитала, средней зарплаты, позволяющей привлекать квалифицированных работников в отрасль. Привлекательность рынка продукции, выпускаемой отраслью, оценена по показателям среднегодовой роста продаж и рентабельности продаж продукции. Построенная по двум координатам матрица МакКинзи приведена на рисунке 7.

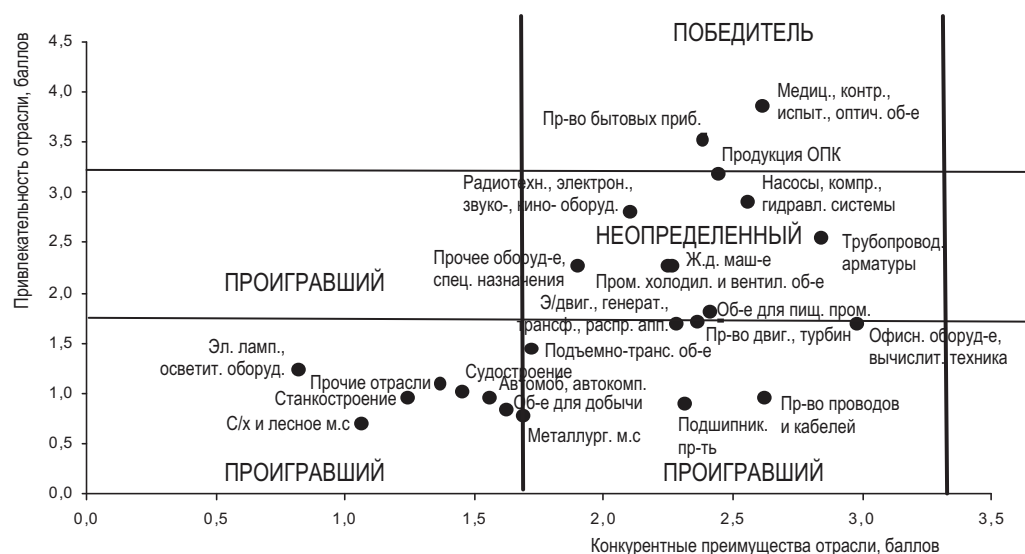

Рис. 7. Стратегическая матрица МакКинзи для отраслей МК России

Анализируя графические модели экономической эффективности и стратегических перспектив отраслей национального МК, можно выделить наиболее успешные и стратегически устойчивые отрасли по производству:

- 1) медицинской техники, контрольного, испытательного, оптического оборудования;
- 2) бытовых приборов;
- 3) продукции оборонного назначения;
- 4) радиотехники, электроники, вычислительной техники;
- 5) подъемно-транспортного, железнодорожного, насосного, холодильного и вентиляционного оборудования, электрогенераторов, трансформаторов, электродвигателей и др.

В заключение хочется подчеркнуть, что российский машиностроительный комплекс безусловно имеет выраженный потенциал роста. Несмотря на ряд экономических проблем, в целом многие отрасли демонстрируют динамику и рост показателей эффективности. Позиционирование отраслей позволяет выявить определенные рыночные ниши отечественного машиностроительного бизнеса для целенаправленных вложений капитала в будущем.

Литература

1. Официальные данные Федеральной службы государственной статистики за 2005–2010 годы [Электронный ресурс] // Центральная база статистических данных. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Я.М. Горина, О.Б. Кирик

Методы и способы оценки конкурентоспособности текстильной промышленности Вологодской области (на примере ОАО «Вологодский текстиль»)

Одна из важнейших предпосылок развития национальной экономики в целом — это стабилизация и рост производства на каждом отдельном предприятии. Однако в современных условиях успешно развиваться и расширять производственную деятельность может не каждое предприятие, а только конкурентоспособное. Заинтересованность предприятий в результатах своей деятельности заставляет искать новые возможности завоевания места на рынке, что требует совершенствования и модернизации их работы как хозяйствующих субъектов. Оценка конкурентоспособности предприятия в современном мире носит универсальный характер [4, с. 256].

Легкая промышленность входит в комплекс отраслей, производящих товары народного потребления. Ведущим видом экономической деятельности легкой индустрии по объему производства является текстильная промышленность, так как она включает первичную обработку сырья и производство всех видов тканей, трикотажа, текстильной галантереи, нетканых материалов и других изделий на основе волокнистого сырья. Это одна из самых социально-ориентированных сфер экономики с быстрой оборачиваемостью капитала. Отрасль чрезвычайно важна для обеспечения занятости населения, особенно женщин. Текстильная промышленность — это комплекс по производству товаров народного потребления, важная составная часть экономики страны, способствующая стабилизации общероссийского потребительского рынка.

На 1 января 2011 года текстильная промышленность Вологодской области представлена 55 предприятиями. Самым крупным из них является ОАО «Вологодский текстиль». Это единое предприятие, в состав которого вошли две производственные площадки: Вологодский и Красавинский льнокомбинаты. Управляет предприятием компания «Доминион».

Горина Яна Михайловна — аспирант ИСЭРТ РАН, преподаватель Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета в г. Вологде.

Кирик Ольга Борисовна — к.э.н., доцент кафедры экономики и менеджмента Вологодского государственного технического университета.

В таблице 1 представлена общая характеристика предприятия через стоимостные и объемные показатели за динамику последних лет.

Предприятие характеризуется достаточно высоким уровнем показателей эффективности использования основных фондов, трудовых ресурсов.

Таблица 1. Показатели деятельности ОАО «Вологодский текстиль» за 2006 – 2010 гг.

Показатель	Год					Темп прироста, %	
	2006	2007	2008	2009	2010	2010 к 2006	2010 к 2009
Выручка от реализации продукции, тыс. руб.	178474	184558	190809	321598	371052	в 2,1 р	115,4
Себестоимость, тыс. руб.	174088	166324	172615	269254	261445	150,2	97,1
Прибыль от продаж, тыс. руб.	(3654)	3224	5693	12227	62295	в 17,0 р	в 5,1 р
Среднегодовая стоимость основных производственных фондов, тыс. руб.	418771	525582	591366	860007	1316468	в 3,1 р	153,1
Среднегодовая численность работников, чел.	938	667	593	994	1056	112,6	106,2
в т.ч. ППП, чел	917	642	543	952	998	108,8	104,8
Фондоотдача, тыс. руб./ тыс. руб.	50,87	33,78	33,92	38,10	28,21	55,4	74,3
Производительность труда на 1 работающего ППП по товарной продукции, тыс. руб./чел.	19,3	24,2	27,2	28,4	31,4	162,7	110,6
Фондовооруженность, тыс. руб./чел.	446,45	787,97	997,24	865,19	1319,1	в 2,9 р	152,5
Рентабельность производства, %	-2,0	1,77	3,07	3,95	4,05	в 2,1 р	102,5
Чистая прибыль, тыс. руб.	353	436	624	881	1060	в 3,0 р	120,3

Выручка от реализации продукции за анализируемый период увеличивается, темп роста в 2010 году к 2006 году составил 2,1 раза, что свидетельствует об увеличении спроса на продукцию анализируемого предприятия. Положительным моментом в его деятельности можно отметить снижение себестоимости производимой продукции в 2010 году относительно 2009 года на 2,9% при росте объемов производства на 14%. Предприятие постепенно переходит на ресурсосберегающие технологии.

Резкое увеличение основных фондов предприятия в 2010 г. по сравнению с 2006 годом объясняется объединением двух производственных площадок (присоединением Красавинского льнокомбината).

Данная интеграция повлекла за собой снижение показателей фондоотдачи, так как темпы роста стоимости ОПФ опережают темпы роста объемов производства двух производственных площадок.

При наметившемся росте спроса на продукцию «Вологодского текстиля» менеджерам предприятия особенно важно не только сохранять существующие позиции на рынке, но и укреплять их и, по возможности, увеличивать рыночную долю, что обеспечит рост деловой активности предприятия и его бизнес-репутацию.

Одним из направлений улучшения сложившейся ситуации является повышение конкурентоспособности предприятия за счет роста производительности труда в сочетании с развитой системой менеджмента, поддержкой инвесторов и органов государственной власти. Это позволит производить качественные товары, соответствующие тенденциям моды и предпочтениям потребителей, что довольно быстро повысит конкурентоспособность предприятия в целом. Именно производительность труда представляет в конечном счете большой резерв для наращивания производства и повышения эффективности деятельности предприятия.

Главнейшей задачей текстильной промышленности Вологодской области является возрождение и продвижение текстильной продукции на внутренний и, что особенно важно, на внешние потребительские рынки. Выход на мировой рынок не возможен без выпуска качественной, конкурентоспособной продукции, соответствующей международным стандартам и сертификатам.

Конкурентоспособность товара зависит не только и не столько от имеющегося производственного, научно-технического и кадрового потенциала предприятия-производителя, сколько от желания и способности рынка приобрести данный товар [5, с. 56]. А создание и использование благоприятной конъюнктуры рынка – это задача менеджеров предприятий, которая решается на основе анализа внешней (общей и ближней) и внутренней среды предприятия (табл. 2).

Конкурентоспособность предприятия можно оценить с помощью интегрального показателя. Увеличение его в динамике свидетельствует об улучшении конкурентоспособности (табл. 3).

За период с 2005 по 2009 год мы можем наблюдать динамику роста показателя конкурентоспособности, который характеризует рост уровня конкурентоспособности за счет повышения эффективности производственной деятельности, освоения новых рынков сбыта, конкурентоспособности товара, что позволяет увеличить объем продаж.

Таблица 2. Сводная матрица SWOT-анализа ОАО «Вологодский текстиль»

<p align="center">СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Благоприятное географическое положение региона, для выращивания льна-долгунца, что позволяет обеспечивать предприятие собственным сырьем. • Возможность вхождения в интеграционную структуру. • Модернизация оборудования (установлена швейцарская линия белия тканей, джиггеры немецкой фирмы, что позволит наладить собственное крашение тканей, итальянская линия крашения тканей). • Активное участие органов региональной власти в поддержке развития предприятия. 	<p align="center">СЛАБЫЕ СТОРОНЫ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Отсутствие собственной сырьевой базы по хлопковому волокну. • Низкая производительность труда. • Сильная конкуренция со стороны легальных и нелегальных импортеров. • Отсутствие собственных источников финансирования. • Дефицит специализированных кадров. • Невысокие показатели инновационной активности предприятий.
<p align="center">ВОЗМОЖНОСТИ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Расширение рынков сбыта продукции. • Расширение ассортимента выпускаемой продукции. • Рост объемов производства за счет проведения реструктуризации и диверсификации существующих производств, использования незагруженных производственных мощностей. • Поиск инвесторов и привлечение дополнительных инвестиций. 	<p align="center">УГРОЗЫ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Дефицит высококвалифицированных кадров, низкий уровень менеджмента на предприятии. • Рост зависимости предприятия от привозного сырья (хлопковое волокно). • Ухудшение ситуации на мировом рынке и медленный рост спроса на внутренних рынках сбыта. • Появление на рынке большого числа товаров-конкурентов.

Таблица 3. Расчет показателя конкурентоспособности ОАО «Вологодский текстиль»

Показатель	Год				
	2005	2006	2007	2008	2009
Эффективность производственной деятельности предприятия (Эп)	79,9	91	107	135,9	132,7
Финансовое положение предприятия (Фп)	0,33	0,29	0,31	0,47	0,42
Эффективность организации сбыта и продвижения товара (Эс)	2,38	(0,54)	0,82	1,29	1,58
Конкурентоспособность товара (Кт)	0,98	0,93	0,90	0,88	0,88
$K_{к.т.п} = 0,35 P_t + 0,15 \Phi_n + 0,15 \Xi_c + 0,25 K_t$					
Конкурентоспособность предприятия (Кк.т.п)	28,6	32,2	37,9	47,9	46,8

Таким образом, анализ конкурентоспособности предприятия, проведенный с помощью количественных и качественных методов, позволяет говорить о том, что в настоящее время ОАО «Вологодский текстиль» нуждается в продолжении коренной модернизации и техническом перевооружении, в обеспечении высокопроизводительным, конкурентоспособным оборудованием. Кроме того, предприятие испытывает дефицит в высококвалифицированных специалистах и источниках финансирования.

Литература

1. Катаев, А.Е. Интегрированная оценка конкурентоспособности предприятий / А.Е. Катаев // Текстильная промышленность. – 2007. – № 4.
2. Портер, М.Э. Конкуренция: пер. с англ.: учеб. пособие / М.Э. Портер. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. – 495 с.
3. Фатхутдинов, Р.А. Управление конкурентоспособностью организации: учеб. пособие / Р.А. Фатхутдинов. – М.: ЭКСМО, 2004. – 544 с.
4. Царев, В.В. Оценка конкурентоспособности предприятия (организации). Теория и методология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / В.В. Царев, А.А. Кантарович, В.В. Черныш. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 779 с.
5. Конкуренция и антимонопольное регулирование: учеб. пособие / И.А. Южаков, Н.И. Клейн, Н.Е. Фонарева, А.Г. Цыганов. – М.: ЭКСМО, 2001. – 150 с.

Тенденции изменения характера труда в условиях современных трансформационных процессов

Современные изменения, происходящие в нашей стране, могут рассматриваться как начало большой социальной трансформации, материальной основой которой является современная технологическая революция, а нематериальной – становление творчества как наиболее распространенной формы производительной деятельности. Непосредственным толчком для перемен стал сдвиг от производства материальных благ к производству услуг, а также доминирование информационного сектора.

Мы живем в эпоху «сдвига парадигмы», т.е. формулирования нового подхода, способного объяснить мир адекватно новым условиям. Как высказался популярный футуролог Джоэль Баркер, парадигма попросту устанавливает правила (писанные и неписанные), определяет границы и подсказывает, как вести себя в пределах этих границ для достижения успеха [2, с. 6]. Появляющиеся новые правила, действующие в пределах новых границ, требуют от современных профессионалов для достижения успеха принципиально иных форм поведения в рамках организаций, возрастает потребность в изменении образа мыслей и поведения современных работников.

Трансформационные процессы изменяют характер рабочей среды и самого труда:

- традиционная организация уступает место многообразию организационных форм и способов выполнения работы;
- рабочую элиту составляют профессионалы-носители знания;
- изменяются подходы к управлению качеством, что требует от организаций и работников проявления креативности;
- происходят перемены в области системы мотивов и стимулов современного работника;
- сама по себе работа получает новое содержание: постоянное обучение, больше интеллектуальной деятельности высшего порядка, уменьшение объема традиционной рутины.

Климова Анна Вячеславовна – доцент Вологодского государственного педагогического университета.

Информационные технологии и информативное оформление работы привели к более плоским организационным структурам компаний и уменьшению количества должностных градаций. Электронный обмен данными позволяет за считанные секунды в любом количестве передавать большому числу людей любые документы, общаться всем со всеми, таким образом устраняется необходимость в лишнем бюрократических уровнях управления. Информация вводится непосредственно в компьютеры, чьи программы позволяют ее интерпретировать и принимать решения. Природа работы изменяется, это приводит к исчезновению должностей, позволяя организациям сокращать свои размеры применительно к средним и высшим уровням менеджмента и не терять при этом своей эффективности.

Другой путь реструктуризации организации заключается в полной ликвидации подразделений, не связанных с центральными направлениями работы. За счет аутсорсинга вторичных функций (найм других фирм для выполнения второстепенной работы) предприятие может сфокусироваться на том, что делает лучше всего, своем главном потенциале, называемом основной компетенцией.

Помимо воздействия на организационную структуру, информационные технологии в компаниях наших дней оказали огромное влияние и на сами процедуры ведения бизнеса. В современных организациях усиливается тенденция наделять работников дополнительными полномочиями. Преимущество получают сотрудники, обладающие выраженным творческим потенциалом и организаторскими способностями. Следствием становится качественно новый тип координации деятельности, который рассматривается как работа в команде или проект-группе. Выполнение функций в такой производственной ассоциации осуществляется не на основе консенсуса, а на базе внутренней согласованности ориентиров и устремлений [1, с. 78].

Новые электронные способы коммуникации позволяют выполнять работу вне традиционных рабочих помещений (например, работа в домашних условиях с использованием телекоммуникаций). Это позволяет организациям сокращать инвестиции в физические активы (недвижимость, склады, оплата электроэнергии, бензина) и лучше удовлетворять потребности своих клиентов. В то же время телеработа приводит к еще мало изученным психологическим последствиям: изменяются структура сотрудничества (ослабевают социальные контакты в труде, сокращаются потребности в прямых связях) и коммуникации внутри организации.

Дистанционное присутствие, предоставляя определенную гибкость, может нарушать границу между работой и семейными делами, что чревато профессиональными деструкциями сотрудника.

Меняющаяся ситуация в демографии рабочей силы приводит к пополнению организации работниками старшего возраста, женщинами, представителями этнических меньшинств и лицами с разным образованием и здоровьем. Особую обеспокоенность вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста числа и доли пенсионеров, хотя иногда называют и другие последствия (старение самого трудоспособного населения, замедление обновления знаний и идей, ослабление напора поколений, геронтократия и пр.). Многообразии работников в коллективе требует от профессионала коммуникативной компетентности, навыков политкорректного поведения, эмпатии, соблюдения этики.

Таким образом, организации, ориентированные на ресурсы, уступают свои позиции организациям, в основе которых лежат знания. Современным организациям необходимо порождающее научение, которое позволяет опережать и предугадывать изменения, потому что включает в себя творческий подход и инновации.

Сегодня, когда информационная революция порождает новые продукты быстрее, чем в обществе успевает возникнуть осознанная потребность в них, залогом успеха в конкурентной борьбе становится не следование спросу, а его формирование [1, с. 76]. Производителям товаров и услуг необходимо изменять человеческие предпочтения, формировать новые потребности, используя для этого знания о стереотипах поведения, особенностях индивидуальной психологии. Это означает, что мобилизация творческого потенциала работников компании оказывается основным средством, обеспечивающим ее выживание и развитие. Важным конкурентным преимуществом становится способность профессионалов использовать и генерировать новое знание, наращивать свой интеллектуальный капитал. Инвестиции в человека выходят сегодня на первый план в структуре капиталовложений, а качество образования становится наиболее принципиальным фактором, определяющим как эффективность сотрудника, так и уровень оплаты его труда. Умение работать с базами данных, объем и качество освоенной информации, способность продуцировать новое знание становятся сегодня источником социального признания и необходимым условием приобщения к более насыщенной

и качественной жизни. В условиях модернизации организации нужны не просто компетентные исполнители функций, а работники – носители знания.

Современные потребители предъявляют спрос на товары и услуги высокого качества. Критерием становится не бездефектность продукции или соответствие предоставляемой услуги стандартам обслуживания, а удовлетворение и даже превышение ожиданий потребителя. Для реализации этого подхода требуется, чтобы каждый работник был привержен нововведениям, необходимым для совершенствования качества. Забота о качестве является приоритетной во всех аспектах организационной культуры не только в производственном процессе, но и в вопросах затрат, обслуживания, скорости и инноваций.

По мере развертывания важнейших хозяйственных изменений – увеличения доли услуг в экономике, формирования адекватных новым условиям производственных структур – создаются объективные предпосылки для трансформации системы общественных ценностей, расширения хозяйственной и личной свободы. Меняется характер мотивов и стимулов, определяющих каждодневную деятельность современного работника: они трансформируются из внешних, задаваемых стремлением к росту материального благосостояния, во внутренние, порождаемые потребностью самореализации и личностного роста. Изменяются ожидания людей относительно различных аспектов работы. Предпочтение вызывает работа, позволяющая максимально реализовать свои способности, не выполнять рутинных операций, профессионально расти. Поскольку трудовая деятельность все в большей мере становится основным содержанием жизни человека, усовершенствование активности людей (обогащение труда, ротация рабочих мест) на их рабочих местах должно стать задачей современного менеджмента. С другой стороны, стремление людей посвящать как можно больше времени семье, самообразованию, занятиям спортом не может больше не учитываться организациями. Многообразие жизненных стилей требует многообразия методов работы. Большинству работников необходимо согласовывать потребности семьи и профессиональные требования. Один из широко распространенных способов достижения этого – программы гибкого графика работы – политика предоставления работникам определенной свободы в выборе времени начала и окончания работы, что облегчает адаптацию трудового распорядка к потребностям личной жизни.

Происходящие изменения создают предпосылки для становления новой мотивационной системы неэкономического характера, что превращает профессиональную деятельность в личностное самоутверждение, в одухотворенное творчество.

Труд сегодня становится ареной непрерывного обучения и повышения квалификации, что также связано с внедрением новых технологий. При этом работа становится все менее осязаемой и менее понятной (вследствие чего возрастает отвращение к работе и трудовой обстановке), увеличивается доля интеллектуальной деятельности высшего порядка, уменьшается объем традиционной рутины. В современных условиях грань между свободным и рабочим временем, между рабочим местом и рекреационным пространством в известной степени стирается. К началу 1980-х годов около 30% производственной деятельности менеджеров, конструкторского персонала и информационных работников осуществлялось за пределами нормированного рабочего дня [1, с. 106]. В результате происходит размывание границ между производительным и непроизводительным трудом, между производственной деятельностью и досугом. Люди предпочитают работать интенсивнее, чтобы продвинуться по социальной лестнице. Временной прессинг вызывает выделение стрессовых гормонов, изменяет поведение, отношение ко многим сферам жизнедеятельности, устойчивые и стереотипные психологические реакции на разные жизненные явления. Наблюдающаяся в последние годы тенденция возрастания частоты синдрома хронической усталости, стрессов, эмоционального выгорания требует от современного работника навыков саморегуляции и самоменеджмента.

Сегодня, когда профессиональная деятельность любого человека становится основным содержанием его жизни, важно отслеживать, как трансформационные тенденции, содержащиеся в себе начала новой реальности, влияют на изменение характера работы и содержания труда, чтобы быть готовым к вызовам времени и предложить адекватные экономические и социальные ответы.

Литература

1. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов / В.Л. Иноземцев. – М.: Логос, 2000. – 304 с.
2. Лютенс, Ф. Организационное поведение: пер. с англ. – 7 изд. / Ф. Лютенс. – М.: ИНФРА-М, 1999. – XXVIII, 692 с.

Личные хозяйства населения в аграрной экономике России начала XXI века

Одним из результатов аграрной реформы 1990-х гг. в России стало значительное увеличение доли хозяйств населения в сельскохозяйственном производстве и продовольственном обеспечении страны. К хозяйствам населения относятся личные подсобные хозяйства, другие индивидуальные хозяйства граждан в сельских и городских поселениях, а также садоводческие, огороднические, животноводческие, дачные некоммерческие объединения граждан. Эти категории хозяйств объединяет то, что они занимаются непредпринимательской деятельностью по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, осуществляемой личным трудом гражданина и членов его семьи в целях удовлетворения личных потребностей на земельном участке.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, в аграрном секторе экономики России преобладали личные подсобные и другие хозяйства граждан, проживающих как в городской, так и в сельской местности. Вместе с некоммерческими объединениями граждан, имевших участки в садовых, огороднических и дачных кооперативах, их насчитывалось около 22,8 млн. единиц и они составляли более 98,5% от числа всех сельхозпроизводителей. Доля крупных и средних сельскохозяйственных организаций в общей численности землепользователей составляла 0,12%, доля малых сельскохозяйственных организаций, индивидуальных предпринимателей, фермерских и крестьянских хозяйств — 1,29% [1].

В условиях острого продовольственного кризиса и реорганизации крупных сельскохозяйственных предприятий роль личных хозяйств населения в производстве продуктов питания резко возросла (табл. 1).

Если в 1992 г. они произвели 31,8% общего объема сельскохозяйственной продукции, то в 2000 г. — уже 53,6%. В 2000 г. государство усилило меры по поддержке сельскохозяйственных предприятий, и доля хозяйств

Карпов Сергей Григорьевич — к.и.н., доцент, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

Таблица 1. Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств
(в фактически действовавших ценах; в % к итогу)

	Год			
	1992	1995	2000	2006
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100
В том числе:				
сельскохозяйственные организации	67,1	50,2	43,4	40,9
хозяйства населения	31,8	47,9	53,6	52,7
крестьянские (фермерские хозяйства)	1,1	1,9	3,0	6,4
Составлено по: Россия в цифрах. 2002: краткий стат. сб.– М., 2002.– С. 204; Россия в цифрах. 2007: краткий стат. сб. – М., 2007. – С. 231.				

населения в производстве сельскохозяйственной продукции стала медленно сокращаться. В 2006 г. она уменьшилась до 52,7%, но по-прежнему составляла более половины общей стоимости сельскохозяйственной продукции. При этом хозяйства населения безоговорочно лидировали в производстве картофеля (90,1%), овощей (78,3%), мяса скота и птицы (88,6%) от общего объема производства этих видов продукции [2].

В условиях экономического кризиса и высокого уровня безработицы не только сельские, но и многие городские жители были полностью или частично заняты в личных хозяйствах. Характеристика трудовых ресурсов личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан представлена в таблице 2. Из таблицы видно, что трудовой потенциал этой категории хозяйств был ограничен: в 55,6% хозяйств проживало 1 – 2 человека, в 34,0% хозяйств – 3 – 4 человека.

Доля хозяйств, в которых проживало пять и более человек, составляла 10,4%. Эти пропорции применительно к хозяйствам граждан, проживавших в сельских и городских поселениях, существенно не различались.

По данным переписи 2006 г., из общего числа личных хозяйств 88,7% производили сельскохозяйственную продукцию. Распределение хозяйств по числу лиц, занятых выполнением сельскохозяйственных работ, было следующим: в 29,7% хозяйств работы выполнял один человек, в 38,3% – два человека, в 27,9% – от трех до четырех человек и в 4,1% хозяйств – пять и более человек [3]. Таким образом, в хозяйствах с малой численностью проживающих (один – два человека) практически все граждане занимались выполнением сельскохозяйственных работ. В хозяйствах с численностью проживающих от трех и более человек доля занятых сельскохозяйственными работами была меньше, что указывает на наличие в таких хозяйствах малолетних детей, инвалидов и престарелых.

Таблица 2. Трудовые ресурсы личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан (на 1 июля 2006 г.; тыс. хозяйств)

Распределение хозяйств по числу лиц, проживающих в них	Личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства граждан	Из них хозяйства			
		личные подсобные	граждан с участками для индивидуального жилищного строительства	граждан, имеющих садовые, огородные дачные и другие участки	граждан, не имеющих участков, но содержащих сельскохозяйственных животных
1 человек	5815,3	4605,0	1039,8	154,2	16,3
2 человека	5919,9	4468,0	1297,3	143,4	11,2
3 – 4 человека	7163,6	5252,1	1774,0	120,6	16,9
5 – 6 человек	1815,9	1285,8	498,4	26,3	5,4
более 6 человек	377,7	229,0	140,7	6,2	1,8
Распределение хозяйств по числу лиц, занятых выполнением с/х работ					
1 человек	5924,9	4539,1	1227,2	142,3	16,2
2 человека	7628,6	5686,2	1763,6	161,1	17,7
3 – 4 человека	5570,6	4070,6	1398,9	90,0	11,1
5 – 6 человек	720,0	507,4	199,1	11,6	1,9
более 6 человек	89,6	52,4	35,1	1,8	0,3
Число хозяйств, привлекавших временных или сезонных работников	1569,1	1362,8	176,9	27,8	1,6

Источник: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т.: т. 1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации.– М., 2008. – С. 95.

Использование наемного труда в личных хозяйствах граждан не носило массового характера. Так, в 2005 г. доля личных хозяйств граждан, привлекавших временных или сезонных работников для выполнения сельскохозяйственных работ, составила 9% в сельских поселениях, 4,8% – в городских [4].

Личные подсобные хозяйства, по сути дела, являются хозяйствами семейного типа с ограниченным производственным потенциалом. В ходе приватизации большая часть сельскохозяйственной техники оказалась в собственности крупных и средних предприятий, а также фермеров. В личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах с малой площадью обрабатываемой земли использовались в первую очередь средства малой механизации – мотоблоки и мотокультиваторы (99,4% их общего количества).

В собственности индивидуальных хозяйств находилось также 506,6 тыс. грузовых автомобилей, 413 тыс. тракторов и некоторое количество другой сельскохозяйственной техники [5]. Однако, учитывая большое количество индивидуальных хозяйств, можно сказать, что этой техники было явно недостаточно. В расчете на 100 хозяйств приходилось менее 2-х тракторов и чуть более 2-х автомобилей. Поэтому основная часть работ выполнялась вручную с использованием архаичных технологий.

Несмотря на слабость материально-технической базы, личные подворья нередко демонстрируют неплохую эффективность, получая с каждого гектара в 2 – 3 раза больше продукции, чем коллективные хозяйства. Объясняется это не только личной заинтересованностью граждан, но и снятием ограничений прав на землепользование, имущество и хозяйственную деятельность, введением налоговых льгот и других юридических свобод. К тому же при высокой трудоемкости продукции, но незначительном использовании дорогостоящих средств производства и при существенном использовании ресурсов коллективных предприятий продукты личных подсобных хозяйств имеют более низкую себестоимость, чем в других хозяйственных единицах.

На долю индивидуальных хозяйств населения в 2006 г. приходилось чуть более 4% общей земельной площади, а средний размер участка составлял в личных подсобных хозяйствах 0,44 га, у членов коллективных садов и огородов – от 0,09 до 0,1 га [6]. Структура землепользования индивидуальных хозяйств имела особенности по сравнению с другими сельхозпроизводителями. Использовался такой участок комплексно. В составе сельхозугодий пашня занимала 33,3% и использовалась для выращивания картофеля и овощей, кормовых культур, другая часть площади отводилась под сенокосы, пастбища и плодово-ягодные насаждения. Подавляющая часть хозяйств населения имела многоотраслевой характер: в них развивалось как растениеводство, так и животноводство.

В колхозно-совхозный период большая часть поголовья скота находилась в общественных хозяйствах. Так, на начало 1990 г. в колхозах, совхозах и других коллективных предприятиях насчитывалось 15,7 млн. коров, 33,8 млн. свиней, 45,9 млн. овец, тогда как в личных хозяйствах граждан численность этих видов животных составляла соответственно 5,1, 6,2 и 15,4 млн. голов [7]. В условиях реформирования сельского хозяйства началось существенное сокращение поголовья скота в хозяйствах всех категорий.

Одновременно стало меняться соотношение поголовья скота в пользу личных хозяйств граждан. В 2006 г. 51,6% коров, 50% свиней, 55,8% овец и коз, 55,3% лошадей содержалось в индивидуальных хозяйствах [8].

Товарность индивидуальных хозяйств граждан была ниже, чем в коллективных и фермерских хозяйствах, что вполне отвечало их назначению. Появление безработицы, снижение доходов населения привело к ситуации, когда личные хозяйства стали для многих россиян единственным средством выживания. Среди владельцев личных подсобных хозяйств, которые производили сельскохозяйственную продукцию, 99,1% граждан указали, что главная цель их деятельности заключается в самообеспечении продовольствием; 14,8% опрошенных рассматривали ведение подсобного хозяйства также в качестве дополнительного источника получения денежных средств. Основным источником дохода личное подсобное хозяйство являлось только для 0,7% опрошенных граждан [9].

Примерно в таких же пропорциях указали цель занятий сельскохозяйственным производством владельцы других категорий личных хозяйств в сельских поселениях. От 96 до 98% владельцев небольших земельных участков занимались сельскохозяйственным производством для самообеспечения продовольствием, часть из них преследовала цель получить дополнительный денежный доход. Лишь в хозяйствах граждан, занимавшихся животноводством в сельских поселениях, доля лиц, которые рассматривали это занятие как основной источник получения денежных средств, была несколько выше и составляла 5,9% [10].

Граждане, проживавшие в городских поселениях, также в подавляющем большинстве (от 98,1 до 99,7%) рассматривали сельскохозяйственную деятельность как возможность обеспечить себя продуктами питания. В качестве дополнительного источника денежных средств называли работу на земле от 2,7 до 4,8% владельцев различных категорий личных хозяйств. Среди граждан, занимавшихся животноводством, доля тех, кто рассматривал эту работу в качестве дополнительного источника денежных средств, составляла 16,7%. В качестве основного источника дохода работу в личном хозяйстве указали от 0,1 до 1,0% горожан [11].

По ассортименту продукции, особенно плодоовощной, хозяйства населения превосходили крупные сельхозпредприятия, что также свидетельствует о нацеленности их на самообеспечение. В то же время для получения денежных средств часть произведенной продукции владельцы личных хозяйств поставляли на рынок (табл. 3).

Таблица 3. Реализация сельскохозяйственной продукции индивидуальными хозяйствами населения в 2005 г.

Вид продукции	Число хозяйств, реализовавших продукцию	В том числе их распределение по доле реализованной продукции (в %) от общего объема производства					
		до 11	11 – 25	26 – 50	51 – 75	76 – 90	свыше 90
Сахарная свекла	20319	5,8	2,2	9,3	4,6	9,2	68,9
Картофель	1299539	17,6	20,4	46,2	10,7	4,6	0,5
Овощи	496193	16,4	15,6	34,3	11,9	16,7	5,1
Мясо	994305	11,6	15,0	48,7	12,5	10,2	2,0
Молоко	928982	10,3	11,2	43,4	14,6	18,1	2,4

Источник: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т.: т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации.– М., 2008. – С. 82- 83.

Объем товарной продукции во многом зависел от ее вида. Так, среди личных хозяйств населения, которые более половины произведенной продукции реализовали на рынке, 81,9% выращивали сахарную свеклу, 15,8% – картофель, 33,7% – овощи, 24,7% хозяйств специализировались на производстве мяса и 35,0% – молока.

Таким образом, существование личных хозяйств населения и их важная роль в аграрной экономике России были обусловлены рядом факторов. Среди них: переходный характер экономики, ликвидация старых и возникновение новых форм хозяйствования, затяжной кризис аграрного производства, особенности политики государства. Личные хозяйства населения представляют особый уклад в сельском хозяйстве России, поскольку сочетают в себе и натуральное и товарное производство. Однако по своему производственному потенциалу и целям производства они не однородны. В рамках единого уклада существуют три типа хозяйств населения: потребительский, смешанный (потребительско-товарный) и преимущественно-товарный. В условиях острого кризиса аграрного сектора экономики личные хозяйства населения показали высокую жизнеспособность, дополняли крупные сельхозпредприятия, способствуя решению важных экономических и социальных задач.

Литература

1. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т.: т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации.– М., 2008.– С. 12-13.

2. Россия в цифрах. 2007: краткий стат. сб. – М., 2007. – С. 234.
3. Рассчитано по: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т.: т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации. – М., 2008. – С. 95.
4. Там же. С. 97.
5. Там же. С. 19, 21.
6. Россия в цифрах. 2007: краткий стат. сб. – М., 2007. – С. 234.
7. РСФСР в цифрах в 1989 г.: краткий стат. сб. – М., 1990. – С. 197.
8. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т.: т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации. – М., 2008. – С. 26-27.
9. Там же. С. 71.
10. Там же. С. 71.
11. Там же. С. 70 – 71.

Лесная сертификация как фактор устойчивого развития лесного комплекса региона

Внедрение лесной сертификации на лесопромышленных предприятиях региона является одной из актуальных задач повышения конкурентоспособности бизнеса. Связано это с усилением конкуренции на экологически-чувствительных рынках и развитием различных систем добровольной сертификации в западноевропейских странах. В рамках сертификации, согласно установленным требованиям, оценивается эффективность управления лесами, качество ведения лесного хозяйства и лесопользования, легальность происхождения древесины.

Следует отметить, что стандарты добровольной лесной сертификации разделяются на международные и национальные (рис. 1). Международные системы используются, в первую очередь, для торговли лесопродукцией на международном рынке, а национальные – на внутреннем.

Рис. 1. Наиболее распространенные виды систем лесной сертификации

Селименков Роман Юрьевич – к.э.н., зам. зав. отделом Института социально-экономического развития территорий РАН.

При этом наибольшее распространение получили международные системы Панъевропейской лесной сертификации (PEFC) и Лесного Попечительского Совета (FSC). На их основе сертифицировано более 30 и 25% лесных участков соответственно (рис. 2).

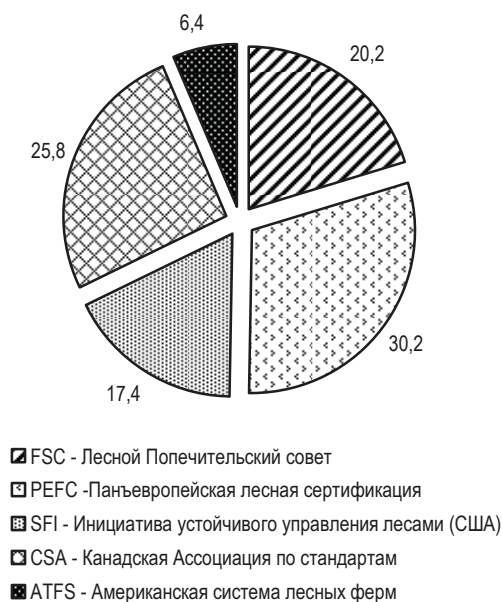

Рис. 2. Структура сертифицированных лесов по наиболее распространенным системам сертификации на 2010 г., % [9]

В России более распространена добровольная система сертификации Лесного Попечительского Совета (FSC). За десять лет на российском рынке по системе FSC сертифицировано 25 млн. га лесов и выдано 140 сертификатов. Это позволило в ряде регионов привести к международным нормам и стандартам не только процесс лесопользования, но и лесосоуправления (рис. 3).

При этом сертификация лесосоуправления имеет особую значимость для устойчивого развития регионального лесного комплекса, так как она обеспечивает выполнение принципов устойчивости:

- рационального использования лесов (сохранение всех свойств и функций лесов в долгосрочной перспективе);
- эффективности (использование ограниченных ресурсов наилучшим вариантом из возможных);
- социальной справедливости (предоставление всем группам населения, использующим лесные ресурсы, равных возможностей);

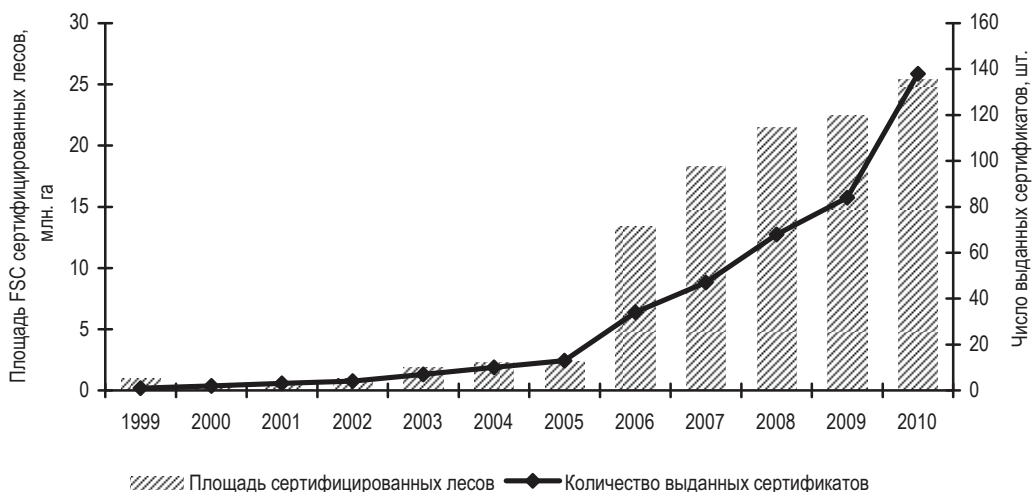

Рис. 3. Развитие сертификации лесов в России [11]

- партнёрства (установление партнерских отношений с участниками производственных цепочек, управленческими структурами разных уровней, средствами массовой информации, потребителями, представителями общественности и местными жителями);

- согласованности (объединение и синхронизация усилий субъектов лесных отношений в достижении устойчивого развития).

Сертификация лесопользования позволяет получить субъектам лесных отношений экономические, правовые, социальные и экологические преимущества (табл. 1).

При явных преимуществах лесной сертификации её развитие сдерживают достаточно длительный процесс и высокая стоимость процедуры оценки соответствия уровня ведения лесного хозяйства и лесопользования международным стандартам. Опыт одной из первых компаний-сертификаторов, Rainforest Alliance (США), показывает, что в разных странах и в разных типах предприятий лесного комплекса длительность процесса подготовки к получению сертификата FSC составляет от 2 до 5 лет. Оценка (аудит) процесса лесопользования занимает от 4 месяцев до полугода и более. Ориентировочная стоимость проекта по сертификации лесопользования составляет от 1 – 2,5 млн. рублей, а сертификации процесса лесопользования – от 200 до 800 тыс. рублей [8]. Из-за сложности процедуры и высокой стоимости многие руководители предприятий лесного сектора задумываются о целесообразности проведения сертификации и, соответственно, её экономической эффективности.

Таблица 1. Влияние сертификации лесоуправления на субъекты лесных отношений

Правовой субъект	Преимущества			
	экономические	правовые	социальные	экологические
Бизнес и органы госуправления (Минэкономразвития и торговли России)	Большой доступ на рынки, улучшение имиджа компании, повышение инвестиционной привлекательности и снижение корпоративных рисков, повышение доходности от управления лесами	Сокращение штрафов и платежей, связанных с несоблюдением законодательства	Повышение отдачи от персонала, сокращение числа конфликтов с местным населением	Улучшение состояния лесных экосистем
Органы госуправления (Рослесхоз, Росприроднадзор, налоговая инспекция, таможня)	Своевременное и полное поступление в бюджет полённой платы и других налоговых платежей	Сокращение числа незаконных рубок, повышение качества лесовосстановления, лесозаготовки, контроля за управлением лесами	Конструктивные отношения с бизнесом, повышение социальной защищённости	Повышение уровня охраны и защиты лесов
Местное население, коренные народы, местные администрации	Ответственный бизнес, сохранение лесов и рек, представляющих ценность для местного населения	Обеспечение интересов местного населения через участие в планировании управления лесами	Защита прав коренных народов, обеспечение местного населения дровами, стройматериалами и др.	Сохранение биоразнообразия, охрана почвенных и водных ресурсов

В ряде научных публикаций представлен методический инструмент оценки эффекта от лесной сертификации рентным и экспертным методами [6, 8]. Однако их использование требует расширенного объёма данных, отражающих информацию о затратах на аудит и приведение лесохозяйственной деятельности к стандартам системы сертификации. Так как на практике большинство предприятий не выделяют в отчетности объемы производства сертифицированной продукции, ее себестоимость и доходы от реализации, то оценка рентным и экспертным методами весьма проблематична.

На наш взгляд, для оценки экономического эффекта от лесной сертификации в условиях ограниченной информационной базы целесообразно использовать индексный метод, сущность которого заключается в сравнении индексов роста показателей, характеризующих принципы устойчивого лесоуправления (рациональности и эффективности) по сертифицированным предприятиям, со средним значением индексов несертифицированных предприятий региона. При этом через изменение индексов к их средней величине определяется совокупный экономический эффект предприятия от сертификации.

В результате апробации данного метода на базе исходных данных бухгалтерской отчетности лесозаготовительных предприятий ЗАО «Белый Ручей», ОАО «Белозерский леспромхоз», прошедших сертификацию, были определены изменения индексов и их отклонение от среднерегиональных значений (табл. 2).

Таблица 2. Показатели эффективности лесной сертификации за период 2004–2008 гг.

Показатели	Индексы индикаторов к базовому году			Изменение индексов предприятий к индексам ЛК	
	Среднее по ЛК	ЗАО «Белый Ручей»	ОАО «Белозерский леспромхоз»	ЗАО «Белый Ручей»	ОАО «Белозерский леспромхоз»
Индекс деловой древесины – ID	0,93	1,01	0,98	0,08	0,05
Индекс товарности – IT	0,96	2,33	1,08	1,37	0,12
Индекс удельных затрат – IZ	0,96	0,98	0,90	0,02	-0,05
Индекс рентабельности – IR	1,39	1,53	1,48	0,14	0,09

Из данных таблицы видно, что внедрение лесной сертификации обеспечивает более рациональное использование древесных ресурсов. Так, в обоих обществах индексы деловой древесины и товарности превышают величину этих индексов в целом по лесному комплексу. За счёт внедрения лесной сертификации повысилась эффективность управления доходностью. Рентабельность имеет тенденцию роста, а индексы рентабельности значительно превышают среднеотраслевой уровень.

Согласно расчетам, оба предприятия за рассматриваемый период реализации процессов сертификации получили прирост экономического эффекта, который составляет к объему продаж в ЗАО «Белый Ручей» 0,25%, в ОАО «Белозерский леспромхоз» – 0,67%, а на один кубометр заготовленной древесины – соответственно 5,03 и 4,2 руб. (табл. 3).

Таблица 3. Экономический эффект от лесной сертификации за период 2004–2008 гг.

Показатель	Индексы индикаторов к базовому году	
	ЗАО «Белый Ручей»	ОАО «Белозерский леспромхоз»
Совокупный экономический эффект за период, тыс. руб.	6946,5	7133,0
Среднегодовой экономический эффект, тыс. руб.	1736,6	1783,3
На 1 куб. м заготовленной древесины, руб.	5,03	4,20
Уд. вес в объёме продаж, %	0,25	0,67

Следовательно, внедрение добровольной сертификации позволяет предприятию увеличить объем реализации, получить дополнительную прибыль за счет ценовой политики, повысить конкурентоспособность продукции, улучшить свое финансовое положение и имидж, расширить рынки сбыта.

Вместе с тем основными проблемами внедрения добровольной сертификации на предприятиях лесной отрасли региона остаются [3]:

- низкая эффективность воспроизводства лесов;
- несоответствие данных лесоустройства фактической расчётной лесосеке;
- применение нерациональных схем технологии лесозаготовок;
- отсутствие нормальных социальных условий для работников лесных предприятий;
- отсутствие учета урегулированных отношений с местным населением.

Решение указанных проблем позволит, на наш взгляд, активизировать процессы внедрения лесной сертификации на лесных предприятиях и обеспечит устойчивое развитие лесного комплекса региона.

Литература

1. Заварзин, В.В. Условия и возможности проведения лесной сертификации в России [Текст] / В.В. Заварзин // Лесной вестник. – 2001. – № 2. – С. 230-232.
2. Калинин, В.А. Экономическая оценка лесов / В.А. Калинин // Вестник Министерства образования РФ. – 2003. – С. 168-173.
3. Климов, А.Ю. Принципы стандарта FSC и общие рекомендации по их применению в лесных предприятиях Архангельской области [Текст] / А.Ю. Климов // Экологические проблемы современности (Междунар. науч. практ. конф., Пенза, 17-18 марта 2005 г.) – Пенза: Изд-во Приволжского дома знаний, 2005. – С. 206-208.
4. Кондратьев, К.Я. Устойчивое развитие: Концептуальные аспекты [Текст] / К.Я. Кондратьев, А.П. Романюк // Известия Русского геогр. общества. – 1996. – Т. 128. – Вып. 6. – С. 1-12.
5. Лесная сертификация в России [текст]: приложение к журналу «Лесопромышленник и лесозаготовитель России». – 2003. – № 1. – 10 с.
6. Носов, С.П. Экономические методы управления в землепользовании. Рентные платежи в сельском хозяйстве: критерии, методы, эффективность. [Текст]: монография / С.П. Носов. – М.: Связьоценка, 1983. – 178 с.
7. Основы устойчивого лесопользования [Текст]: учеб. пособие для вузов / М.Л. Карпачевский, В.К. Тепляков, Т.О. Яницкая, А.Ю. Ярошенко; Всемирный фонд дикой природы (WWF). – М., 2009. – 143 с.
8. Как выйти на FSC-рынок? [Текст]: практическое пособие по добровольной лесной сертификации / Ю. Паутов, А. Птичников, Р. Сунгуров [и др.]. – М.: WWF PRO, 2000. – 80 с.
9. Птичников, А.В. Леса России: независимая лесная сертификация и устойчивое управление [Текст]: монография / А.В. Птичников. – М.: WWF PRO, 2000. – 160 с.
10. Российские предприятия, имеющие сертификат FSC на лесопользование (Forest Management) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fsc.ru/Russia_03.html
11. Российские предприятия, имеющие сертификат на отслеживание движения сертифицированной продукции (Chain-of-Custody) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fsc.ru/Russia_04.html

Секция 3

Роль интеллектуального капитала и научно-технической сферы в решении задач социально-экономической модернизации

М.А. Безнин, Т.М. Димони

Механизмы формирования интеллектуального капитала российской деревни: советский опыт

Не столь давно ведущееся осмысление роли и места интеллектуального капитала в развитии общества показало, что в условиях форсированной капитализации и постиндустриальных процессов именно этот ресурс является мотором прогресса. Полностью справедливо данное утверждение и для советской эпохи. Главными источниками формировавшегося социального класса интеллектуалов в СССР были получавшие образование профессионализирующиеся группы (в советское время их называли специалистами), которые предлагали в товарно-денежной экономике (в плановом ее варианте) свои знания в качестве продаваемого товара. В этом и состоял главный водораздел интеллектуалов как социального класса и интеллигенции — аморфного формирования, отличающегося, как считает большинство обществоведов, особыми нравственно-этическими свойствами (духовностью)¹.

Социальный класс сельскохозяйственных интеллектуалов состоял из агрономов, зоотехников, ветеринаров, инженеров, экономистов и т.д., работавших в сельскохозяйственном производстве. Как уникальное для деревни явление они появились еще в позапрошлом столетии, однако действительно массовой группой, с присущими специфическими классобразующими признаками, стали в 1930-е гг., наращивая свое присутствие в течение всего советского времени. Это было обусловлено потребностями советского государственного аграрного капитализма, сложившегося в 1930 — 1960-е гг. и полномасштабно функционировавшего в 1960 — 1980-е гг.²

Величину интеллектуального капитала позволяют определить имеющиеся статданные. В 1930 г. в Советском Союзе насчитывалось при-

¹ См. подробнее: Куренной В. Интеллектуалы // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. — Москва: Фонд «Наследие Евразии», 2006. — С. 5-26.

² См. подробнее: Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930—1980-х гг. — Вологда, 2005.

Безнин Михаил Алексеевич — д.и.н., профессор, проректор по научной работе, зав. кафедрой отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

Димони Татьяна Михайловна — д.и.н., доцент, Вологодский государственный педагогический университет.

близительно 46 тыс. человек, работавших на должностях специалистов (в т.ч. практики) сельского хозяйства (вместе с работавшими в органах государственного управления, занятых в преподавании и т.д.)³. В 1941 г. в СССР численность специалистов сельскохозяйственных специальностей (агрономов, зоотехников, ветеринарных работников, получивших высшее и среднее специальное сельхозобразование) составляла 34 тыс., в 1960 г. — 294 тыс., в 1980 г. — 792 тыс.⁴ Численность специалистов сельскохозяйственных специальностей (агрономов, зоотехников, ветеринарных работников) с высшим и средним специальным образованием, занятых в сельском хозяйстве РСФСР, составляла в 1960 г. 132 тыс., в 1970 г. — 229 тыс., в 1980 г. — 366 тыс., в 1987 г. — 445 тыс.⁵ Таким образом, в СССР за 40 лет, с 1941 по 1980 г., сельскохозяйственный интеллектуальный ресурс возрос в 23 раза. Это был, пожалуй, наиболее масштабно увеличившийся вид капитала в сельском хозяйстве (в сравнении с физическим и финансовым капиталом).

Интересен процесс складывания класса интеллектуалов. Первоначально этот класс формировался во внедеревенской среде. В начале 1930-х гг. начались постоянные и систематические перемещения в колхозно-совхозное производство специалистов сельского хозяйства, «осевших» в городах и сельских учреждениях⁶, однако до 1950-х гг. основная их часть была занята вне предприятий сельскохозяйственного производства. В 1951 г. 27% интеллектуалов сельского хозяйства работали в аппарате управления (министерствах, исполкомах и др.), 28% — в участковой сети, 19% — в МТС, 5% — в колхозах⁷. С 1953 г., когда Пленум ЦК КПСС принял решение о реорганизации системы участкового обслуживания колхозов⁸, начинается *первый этап* в «оседании» интеллектуалов «на земле», теперь агрономы и зоотехники концентрировались в МТС. *Второй этап* межкуладных перемещений сельскохозяйственных интеллектуалов относится к 1955 г., когда агрономы и зоотехники переводились из штатов МТС

³ Народное хозяйство СССР. Стат. справочник. — М., 1932. — С. 498-499.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1958 г. Стат. ежегодник. — М., 1959. — С. 528; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. — М., 1971. — С. 456; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. — М., 1981. — С. 359.

⁵ РСФСР за 50 лет. Стат. сборник. — М., 1967. — С. 102; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегодник. — М., 1977; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегодник. — М., 1988. — С. 308.

⁶ Борисов Ю.С. Производственные кадры деревни, 1917 — 1941. Цивилизованные хозяйственники или «винтики» государственной машины? — М., 1991. — С. 72.

⁷ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 1144. Л. 2; Д. 1683. Л. 53.

⁸ Постановление Пленума ЦК КПСС от 7 сентября 1953 г. «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 4. — М., 1968. — С. 23, 52.

непосредственно в колхозы⁹. *Третий этап* связан с реорганизацией МТС в 1958 г., когда все категории сельскохозяйственных интеллектуалов стали концентрироваться в колхозах и совхозах. Таким образом, власть внедряла интеллектуалов в сельскохозяйственное производство постепенно: этот процесс начался в 1930-е, а завершился к началу 1960-х гг.

Формирование слоя интеллектуалов в сельском хозяйстве происходило через создание им особых преференций в правовом статусе и экономическом положении. С 1930 г. интеллектуальный капитал находился под покровительством государства. Агрономы, зоотехники, ветеринары и др. являлись служащими, имели монетаризированную, фиксированную, гарантированную заработную плату, имели паспорт и т.д. Агрономам, зоотехникам и др. предусматривалось в сельской местности бесплатное жилье и коммунальные услуги.

Власть готовила предпосылки для перехода от внешней имплантации этого социального класса к укоренению интеллектуального капитала непосредственно в сельскохозяйственном производстве. В 1933 г. был введен институт «распределения» выпускников высшего или среднего специального учебного заведения, согласно которому они должны были отработать в хозяйстве не менее 5 лет¹⁰. В 1939 г. сельскохозяйственные интеллектуалы получили право на приусадебный участок (0,15 га) и предоставление выпасов. В этом же году все служащие, проживающие в сельской местности, были привлечены к обязательным поставкам молока и мяса государству¹¹. Следовательно, 1930-е гг. были периодом начала «усаживания» сельскохозяйственных интеллектуалов на «землю», нивелирования их привилегированного социального статуса, включения в систему повинностных отношений, характерных для деревни 1930 – 1950-х гг.

В 1950-е гг. многие из поставленных задач по внедрению сельскохозяйственного интеллектуального капитала в деревенское аграрное производство были решены. Класс сельскохозяйственных интеллектуалов консолидировался, осознал свои классовые интересы и показал способность бороться против их ущемления.

⁹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 20 августа 1955 г. «О мерах по дальнейшему улучшению агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов» // Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству. – Т. 1. – М., 1958. – С. 185.

¹⁰ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 15 сентября 1933 г. «Об улучшении использования молодых специалистов» // <http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=29839>

¹¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 1 июня 1939 г. «О привлечении рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, к обязательным поставкам молока и мяса государству» // Сборник постановлений СНК СССР. 1939. – Т. 3. – С. 184-185.

Это ярко продемонстрировали события второй половины 1950-х гг., когда агрономы, зоотехники переводились из МТС в колхозы и становились колхозниками по социально-правовому статусу, а, следовательно, оплачивались колхозными трудоднями, лишались «соцпакета» (прав на пенсию, на оплачиваемый отпуск, на членство в профсоюзе и ряда других льгот, которыми они пользовались в штате МТС). Протест против «понижения» привилегированного социального статуса сельскохозяйственных интеллектуалов выражался в массе писем, направлявшихся ими в разные инстанции, а также динамичном уходе из сельского хозяйства. Например, А.С. Козьменко, агроном колхоза из Калининградской области, писал в газету «Сельское хозяйство»: *«Будут ли иметь право на пенсию и сохраняют ли свой профсоюзный стаж специалисты сельского хозяйства, проработавшие 20 и более лет, при условии, что они теперь работают в колхозах?... Нас не страшит ни жизнь колхозная, ни оплата трудоднями, так как все это очередная естественная необходимость. Для нас является большой обидой, что мы лишаемся права на пенсию»*¹². По неполным данным справки, подготовленной Управлением руководящих кадров Министерства сельского хозяйства СССР, только за 1956 г. ушло из колхозов РСФСР около 13000 агрономов и зоотехников или 23% к общему их количеству по состоянию на конец 1956 г. За 1957 г. убыло из колхозов еще свыше 14000 специалистов сельского хозяйства или более 25% к их наличию на начало 1958 г.¹³ Возникла опасность потери созданного в аграрном производстве интеллектуального ресурса, интеллектуальной декапитализации села.

Итак, сельскохозяйственные интеллектуалы продемонстрировали государству силу и сплоченность действий. Так как интеллектуальный капитал – ресурс особого рода, его носителем является человеческая личность, достаточно чувствительная к ущемлению своих классово-групповых интересов и устремлений, – власти пришлось учитывать этот фактор, реализуя политику интеллектуальной капитализации деревни в благоприятной для интеллектуалов направленности государственных инновационных вложений. Результаты борьбы сельскохозяйственных интеллектуалов за свои права последовали достаточно быстро. Уже в начале 1960-х гг. на специалистов сельского хозяйства, перешедших в колхозы из МТС и других государственных учреждений и предприятий, было распространено трудовое законодательство.

¹² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 1356. Л. 37-38.

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 202. Л. 7.

Они возвратили право на оплачиваемые ежегодные отпуска, на пенсию по инвалидности, по старости, за выслугу лет, могли состоять в профсоюзе, совмещая это членство с членством в сельхозартели¹⁴.

В этом сюжете ярко прослеживается специфичность взаимоотношений власти и носителей интеллектуального сельскохозяйственного капитала. Агрономы, зоотехники, ветеринары, инженеры, экономисты не отождествляли себя с деревенским населением в методах обеспечения средств к существованию (через приусадебное хозяйство), а считали себя людьми «государственными» и апеллировали к государству, ища у него гарантий обеспечения приемлемого для интеллектуального капитала уровня жизни. В то же время движение власти навстречу требованиям интеллектуального ресурса в сельском хозяйстве было связано с его нарастающей значимостью в капитализированной экономике, и прежде всего с острой необходимостью полномасштабной реализации накопленных ресурсов физического капитала, невозможной без людей, обладающих знанием.

В первой половине 1960-х гг. практически завершилось «вживание» отстоявших свои классовые позиции интеллектуалов в аграрное производство как особого класса. В 1964 г. было принято Постановление ЦК КПСС и СМ СССР об установлении размеров должностных окладов имеющим высшее и среднее специальное образование специалистам колхозов на уровне размеров должностных окладов, устанавливаемых для специалистов совхозов с соответствующим объемом производства сельхозпродукции¹⁵. В том же году было определено, что колхозным специалистам, имеющим высшее или среднее специальное образование и работающим по специальности во всех звеньях колхозного производства, назначаются пенсии по старости и по инвалидности в порядке, предусмотренном для рабочих, служащих и членов их семей¹⁶.

Следовательно, две группы сельскохозяйственных интеллектуалов, работающих в двух основных производственных укладах сельского хозяйства страны (государственном и колхозном), были формально консолидированы в единую для законодателя группу, что является важнейшим признаком сложившегося класса.

¹⁴ 740 вопросов и ответов по колхозному законодательству (сборник консультаций). — М., 1961. — С. 300.

¹⁵ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12 марта 1964 г. «О мерах подъема экономики отстающих колхозов» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 5. — М., 1968. — С. 454.

¹⁶ Постановление СМ СССР от 20 июля 1964 г. «О государственном пенсионном обеспечении и социальном страховании председателей, специалистов и механизаторов колхозов» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 5. — М., 1968. — С. 484.

Особое внимание власти привлекала проблема эффективного управления сельскохозяйственным интеллектуальным капиталом, что было невозможно сделать без внедрения интеллектуалов на этаж сельскохозяйственного менеджмента. В сложном производстве, которым стало сельское хозяйство России послевоенного времени, необходимо было использовать интеллектуальный ресурс в системе, то есть охватывая все виды капитала: его физическую форму (живой и мертвый капитал), финансово-денежные потоки и т.д. Поэтому только сеть интеллектуальных капиталистов, внедренных в производство и взаимодействующих между собой (экономистов, плановиков, финансистов, агрономов, зоотехников, ветеринаров, мелиораторов, гидротехников и т.д.), могла дать ожидаемый экономический эффект. Поэтому столь важным и регулируемым властью процессом было проникновение носителей интеллектуального капитала на верхний социальный этаж деревни – в слой протобуржуазии¹⁷ (председателей колхозов, директоров совхозов, директоров МТС). Протобуржуазная фракция, будучи распорядителем и пользователем физических капиталов, в качестве такового рассматривала и интеллектуальный капитал и, следовательно, содействовала его рациональному внедрению в производство. Движение в этом направлении развивалось в 1950–1980-е годы. В 1952 г. 14% председателей колхозов СССР, 0,3% бригадиров колхозов, 0,5% заведующих животноводческими фермами имели образование агронома, зоотехника, ветврача и т.д.¹⁸ В 1959 г. среди председателей колхозов России было 45% имеющих высшее и среднее специальное образование, среди бригадиров и заведующих животноводческими фермами – около 3%¹⁹. В государственном укладе сближение сельскохозяйственных интеллектуалов с классами протобуржуазии и менеджеров (бригадиров, заведующих животноводческими фермами и др.) было еще более интенсивным. В 1958 г. среди директоров совхозов Министерства совхозов РСФСР было 86% сельскохозяйственных специалистов с высшим и средним специальным образованием (инженеров, техников, агрономов, зоотехников, ветврачей, ветфельдшеров и других), 35% образованных специалистов было среди зав. ремонтными мастерскими, 29% – среди управляющих отделениями совхозов²⁰.

¹⁷ См. подробнее: Безнин М.А., Димони Т.М. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 25-43.

¹⁸ Рассчитано по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 379. Л. 83.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 240. Л. 64.

²⁰ Рассчитано по: РГАЭ. Ф.7486. Оп. 18. Д. 1430. Л. 3, 3об.

Среди директоров машинно-тракторных станций России в начале 1958 г. 91% имел высшее или среднее специальное сельскохозяйственное образование, среди зав. ремонтными мастерскими МТС — 54%²¹. Устав сельхозартели 1969 г. сделал еще один шаг вперед в эволюции правового положения сельскохозяйственных интеллектуалов, утвердив обязательность их распоряжений для всех членов колхоза. В 1970-е гг. сближение сельскохозяйственных интеллектуалов и менеджеров²² в правовом плане продолжалось, развивалось и сближение с протобуржуазным слоем. Специалисты имплантировались на высшие должности сельхозпредприятий (председатели колхозов, директора совхозов), в среднее и низшее звено управленцев (бригадиры, управляющие отделениями, заведующие фермами и т.д.)²³, эта же линия была продолжена в 1980-е гг.²⁴

Одним из важных механизмов выделения сельскохозяйственных интеллектуалов среди других групп деревенского населения была презентация их как наиболее передового в культурном отношении слоя. Показателен в этом плане кинофильм «Дело было в Пеньково» (1957 г., реж. С. Ростоцкий), вышедший на экраны в момент решающего этапа утверждения сельскохозяйственных интеллектуалов в деревенском производстве. Приехавшая работать из города в деревню зоотехник Антонина задает деревенским девушкам моду в одежде (колхозница Лариса хочет такую же юбку «гармошкой, как у Тоньки»), в поведении (спорит с председателем колхоза, организует молодежь для постройки клуба), в работе (рассказывает о возможностях новых машин и технологий). Не случайно к ней тянется представитель самого передового уклада — тракторист МТС Матвей. И в реальной жизни сельскохозяйственные интеллектуалы быстро становились объектом для подражания. В материалах этнографического обследования села Вирятино Тамбовской области, проведенного в 1952–1954 г., отмечалось, что «учитель, фельдшер, агроном... своей общей культурой, своим поведением и даже своим внешним обликом влияют на жизнь колхозников. Колхозники рассматривают представителей интеллигенции как людей, у которых есть чему поучиться»²⁵.

²¹ Рассчитано по: Там же. Л. 26, 26об.

²² См. подробнее об этом социальном классе: Безнин М.А., Димони Т.М. Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930 – 1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). – Вологда, 2009.

²³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 12. – М., 1979. С. 144-145.

²⁴ Там же. – Т. 14. – М., 1983. – С. 468.

²⁵ Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. – М., 1958. – С. 247.

Постепенно серьезные культурные различия между сельскохозяйственными интеллигентами и остальным деревенским населением исчезали: об этом свидетельствуют результаты социологического обследования сельской молодежи 1969 г. Однако «культурная компонента» в жизни специалистов сельского хозяйства была все же выше — они больше читали художественной литературы, активнее интересовались политическими событиями в стране и в мире (чаще читали газеты, чаще других имели транзистор)²⁶.

Сельскохозяйственные интеллигенты из очень непривычной в 1930–1950-е гг. для деревни группы с «городской» субкультурой, манерой поведения, одеждой, «монетаризированной» зарплатой постепенно становятся достаточно обычной группой сельскохозяйственного населения. Происходит это сближение в 1960–1980-е гг., в первую очередь, за счет «интеллектуальной капитализации» других групп сельского социума — протобуржуазии и менеджеров, рабочей аристократии и сельского пролетариата. Однако, сблизившись в культурном плане с сельским населением, сельскохозяйственные интеллигенты продолжали сохранять свою «особость». Они были слоем более высокообразованным, культурным и начитанным, больше общались внутри своей группы и занимали на селе высокое, близкое к протобуржуазии, «начальственное» место в иерархии.

Советский опыт внедрения интеллектуального капитала в деревенское производство, с одной стороны, показателен, а с другой стороны, достаточно типичен для капитализирующихся, модернизирующихся стран. В СССР наглядно проявилась параллельность процессов экономической и интеллектуальной капитализации, бывшая объектом пристального государственного регулирования. Сельскохозяйственные интеллигенты как класс сформировались и внедрились в аграрное производство при серьезных социальных преференциях, созданных государством, при этом власть чутко реагировала на запросы интеллигентов, учитывая модернизационную значимость интеллектуального капитала для прогрессивного развития страны.

²⁶ Социальный облик колхозной молодежи по материалам социологических исследований 1938 и 1969 гг. — М., 1976.

Сущность модернизации российской экономики и необходимость ее проведения в современных условиях хозяйствования

В настоящее время категория «модернизация» достаточно широко используется в политических выступлениях, периодической печати, научных исследованиях и по-разному трактуется. Согласно классическому определению, модернизация (от греч. «moderne» – новейший) – это усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества [5].

Под модернизацией экономики будем понимать процесс преодоления той или иной территорией своего отставания в развитии, чреватого потерей конкурентоспособности и утратой позиций на мировой арене [4].

Можно выделить общие черты модернизационных процессов в экономике (табл. 1). В то же время существуют и специфические характеристики, которые зависят от объекта модернизации, а именно от особенностей развития экономики на макро-, мезо- и микроуровнях. Причём успех модернизации во многом определяется активностью и слаженностью действий государства, бизнеса, науки и общества (субъекты модернизации).

Таблица 1. Общие черты модернизации экономики [4]

Черта	Описание
Потребность	Начинается в условиях упадка и воспринимается как вынужденная мера
Революционность	Приводит к существенным изменениям в развитии
Глобальность	Зависит от общемировых тенденций
Преемственность	Основана на использовании уже имеющегося опыта
Приоритетность	Концентрируется на приоритетных направлениях развития
Комплексность	Требует полной мобилизации усилий и ресурсов
Системность	Предполагает разработку и реализацию мер на системной основе
Эталонность	Ориентируется на лидеров технологического прогресса

Кондаков Игорь Анатольевич – к.э.н., зав. отделом маркетинга научной продукции и информационного обслуживания ИСЭРТ РАН.

В основе модернизации экономики лежит смена производств, образующих технологический уклад. Экономическую модернизацию можно подразделить на *адаптивную* (осуществляется путём заимствования уже созданных нововведений) и *креативную* (реализуется при условии постепенного точечного создания и внедрения собственных технологических разработок).

Содержательно категория «модернизация» достаточно близка к категории «инноватизация», поэтому их необходимо разграничить: если инноватизация представляет собой ускорение социально-экономического развития территории на основе вновь созданного («движение из настоящего в будущее»), то модернизация – создание фундаментальных, инфраструктурных предпосылок такого развития с ориентацией на уже известные достижения («движение из прошлого в настоящее»). Одним словом, модернизация является основанием для перехода территории на инновационный путь развития.

Анализ мирового опыта свидетельствует о том, что в настоящее время существуют три основные стратегии. Для высокоразвитых стран характерна стратегия «наращивания», заключающаяся в активной разработке и освоении инноваций на основе имеющегося потенциала. Развивающиеся страны широко используют стратегии «переноса» и «догоняющего развития», подразумевающие заимствование технологий и освоение производства продукции, ранее выпускавшейся в развитых странах.

Осознание необходимости проведения экономической модернизации возникает тогда, когда разрыв в уровне развития территории по сравнению с передовым опытом становится очевидным или даже угрожающим.

После продолжительного периода стабильного роста экономика Российской Федерации столкнулась с серьёзными вызовами глобального финансово-экономического кризиса, начавшегося осенью 2008 г. (табл. 2). Ухудшение конъюнктуры мировых и внутренних рынков повлекло за собой ряд негативных последствий, которые отрицательно сказались на экономической ситуации в стране.

Активно разрушалась в последние десятилетия и промышленность. Как результат, господствующими в большинстве отраслей производства являются третий и четвертый технологическиеклады. Если в 1990 г. средний срок службы машин и оборудования в России составлял 12-13 лет, то в 2010 г. – 19 лет (в Западной Европе – 8 лет). Уровень производительности труда в России по сравнению с развитыми странами ниже

Таблица 2. **Индексы основных социально-экономических показателей в Российской Федерации** (% к предыдущему году; стоимостные показатели в сопоставимых ценах) [6]

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2008 г., %
Валовой внутренний продукт	108,3	105,7	92,4	104,0	96,1
Объём промышленного производства	106,8	100,6	90,7	108,2	98,1
Объём продукции сельского хозяйства	103,3	110,8	101,4	88,1	89,3
Инвестиции в основной капитал	122,7	109,9	83,8	106,0	88,8
Внешнеторговый оборот	123,5	132,1	64,9	131,8	85,5
Доходы федерального бюджета	123,9	119,2	79,1	115,6	91,4
Сальдированный финансовый результат предприятий	111,8	69,1	124,1	140,9	120,8*
Среднедушевые денежные доходы населения	113,1	103,8	101,2	104,3	109,6*
Общая численность безработных	84,9	124,6	116,5	89,1	129,3*
* 2007 г. к 2010 г., %.					

в 2,5-3,5 раза, энергоёмкость ВВП выше в 2-3 раза, материалоёмкость – в 1,5-2 раза. Доля высокотехнологичных, наукоёмких и инновационных отраслей в отечественном ВВП достигает только 10-11% (в развитых странах – более 30%) [2, 7].

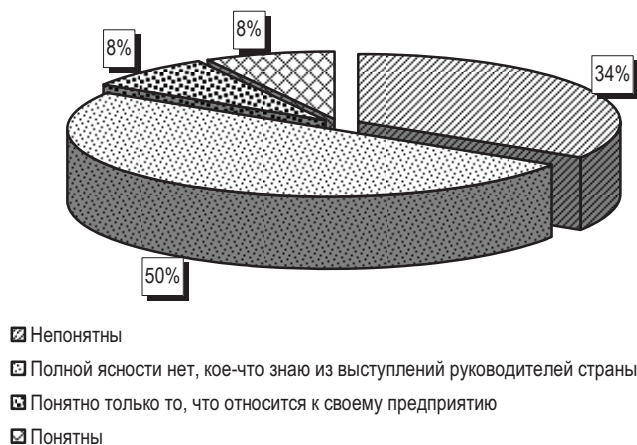
Важность преобразований в экономике и социальной сфере осознаётся руководством страны. В Послании Федеральному Собранию ещё в ноябре 2009 г. Президент России провозгласил стратегической целью развития российского общества создание «умной» (т.е. инновационной) экономики, удовлетворяющей интересы и потребности широких слоёв населения страны. Причём достижение намеченных ориентиров предполагается посредством всесторонней модернизации экономики.

Однако, судя по результатам анкетного опроса [3], ясности у представителей бизнеса (как и у российского общества в целом) в отношении того, каким образом должна осуществляться модернизация, до сих пор нет (рисунок).

Рассмотрим, каковы шансы России совершить очередной рывок и что для этого надо сделать.

Во-первых, необходимо определиться, в чём цель модернизации и что в итоге предполагается достигнуть.

Как на федеральном, так и на региональном уровнях принимаются определённые меры, но долгосрочных стратегических ориентиров и чёткой программы действий, которая объединила бы усилия всех участников модернизационных процессов, органами власти и управления до сих пор не выработано.

Распределение ответов на вопрос: «Государство провозгласило курс на модернизацию российской экономики. Понятны ли Вам практические меры по реализации намеченного курса?» (% от числа ответивших)

Стоит отметить, что единой модели модернизации не существует и существовать не может, поскольку внутренние и внешние условия развития территорий различны. Поэтому необходима разработка собственной стратегии, учитывающей отечественный опыт прошлых лет и успешные примеры проведения модернизации в других странах.

На наш взгляд, цель российской модернизации должна заключаться в преодолении отставания в социально-экономической сфере и в создании условий для последующего перехода страны на инновационный путь развития.

Первоочередной задачей российской модернизации должно стать создание современной конкурентоспособной промышленности. Только активно развивающийся реальный сектор экономики способен воспринимать инновации, формировать направления будущих прорывов на мировой рынок.

Прежде всего, Россия должна приобрести и освоить самые современные достижения четвертого и пятого технологических укладов. По мере приближения к уровню развитых стран необходимо всё в большей мере переключаться на инновации, сосредоточив внимание на становлении ключевых направлений шестого уклада и выбрав из них такие, следуя которым Россия может выйти в лидеры и найти свои ниши на мировом рынке.

Во-вторых, нужно определиться, кто будет осуществлять модернизацию и какие для этого потребуются средства.

В настоящее время на территории России можно выделить два основных центра концентрации значительных финансовых ресурсов (потенциальные субъекты модернизации, которые могли бы взять на себя функцию катализатора экономического развития): государство и сырьевые монополии. Однако ситуация складывается следующим образом: российское государство стремится экономить, боясь ошибочности вложений и опасности «закапывания» средств (которые вследствие кризиса и так ограничены). Не менее осторожно ведёт себя и крупный капитал, оценивая высокзатратность любых технологических проектов, их высокую рискованность и отложенный экономический эффект по сравнению с инвестициями в нефть, газ или торговлю. Что касается малого и среднего бизнеса, то он пассивно участвует в процессах разработки и освоения инноваций. Ни для кого не секрет, что и развитию российской науки в последние десятилетия также уделялось недостаточное внимание.

В сложившейся обстановке государство должно определять приоритетные направления и формировать условия, при которых в России станет выгодно и безопасно производить товары и услуги. В свою очередь, малый, средний и крупный бизнес должен стать главным агентом будущей модернизации, взяв на себя функции приобретения либо разработки (при активном участии представителей науки), распространения и внедрения передовых достижений. Чтобы добиться необходимого результата, органам власти и управления в процессе своей деятельности следует опираться на разнообразные формы частно-государственного партнёрства с максимальным использованием конкурентных преимуществ, которыми располагает страна.

По мнению академика А.Г. Аганбегяна [7], источниками дополнительных инвестиций для модернизации экономики в России могут быть: а) увеличение доли инвестиций в консолидированном бюджете за счёт сокращения текущих расходов; б) использование части золотовалютных резервов страны; в) приватизация части нестратегических государственных предприятий; г) выпуск правительством доходного для населения и иностранных инвесторов облигационного инвестиционного займа; д) предоставление кредитов российскими банками после принятия решений по усилению стимулов реализации «длинных» денег, в том числе за счёт пенсионных, страховых и паевых фондов; е) использование средств хозяйствующих субъектов в случае снижения налогов и таможенных сборов и др.

В-третьих, необходимо выбрать приоритетные направления развития экономики, от которых в большей степени зависит успех модернизации.

На первом заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики, состоявшемся 18.06.2009 г., Президент России назвал пять направлений модернизации и технологического развития экономики: медицинские технологии, повышение энергоэффективности, ядерные технологии, телекоммуникации и космическая отрасль, информационные технологии. Однако вклад ядерной энергетики, космического комплекса, фармацевтики и информатики в ВВП составляет около 3,5%, в этих отраслях занято менее 3% всех работающих в стране. Создается впечатление, что намеченные ориентиры отражают «остаточный» подход к самой проблеме модернизации [1].

Как считают многие специалисты, реализация этих приоритетов в ближайшие годы не изменит ситуации в стране. Необходимо развивать традиционные сектора экономики, обеспечивающие высокий потенциал роста, производительности и спроса на инновации. В то же время следует ориентироваться на элементы будущего технологического уклада, т.е. на новые «точки роста»: продление активной жизни человека, нано- и биотехнологии, альтернативная энергетика и др.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее.

1. Модернизация – это не одномоментный шаг, а комплексная задача, которая требует скоординированных действий по широкому кругу вопросов. Поэтому должна быть разработана стратегия с четкой программой мероприятий, что позволит обеспечить мобилизацию и концентрацию всех ресурсов страны на модернизации.

2. При разработке стратегии необходимо принимать во внимание, что модернизация осуществляется в конкретной стране и предполагает в полной мере учёт историко-культурных традиций населения, которые должны органично вписываться в модернизационные процессы, повышая их внутренний потенциал. Причём государство в данном случае берёт на себя функции определения приоритетов и формирования условий для дальнейшего развития всего народного хозяйства, а предпринимательский сектор при активном участии науки осуществляет воспроизводственную деятельность заданной направленности.

3. У России есть шанс совершить инновационно-технологический прорыв, ориентируясь на приобретение новых достижений четвертого и пятого технологических укладов, а по мере приближения к уровню развитых стран

всё в большей мере переключаясь на освоение базисных технологий шестого уклада с учетом собственного уникального потенциала и исторического опыта.

Литература

1. Иноземцев, В. Модернизация: кто и чем оплатит? / В. Иноземцев // Российская Федерация сегодня. – 2010. – №22. – С. 18-21.
2. Институциональные проблемы технологической модернизации российской экономики / Г.В. Артамонов, А.В. Кольцов, В.И. Косарев, Е.А. Наумов, С.Ф. Остапюк // Информационно-аналитический бюллетень ЦИСН. – 2010. – №6. – 46 с.
3. Коленникова, О.А. Проблемы экономики: мнения руководителей предприятий-товаропроизводителей / О.А. Коленникова // ЭКО. – 2010. – №9. – С. 94-101.
4. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сборник статей и материалов / под ред. В.Л. Иноземцева. – Вып. 1. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 240 с.
5. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 495 с.
6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
7. Щербакова, Л.А. Модернизация российской экономики: многофакторная задача со многими неизвестными / Л.А. Щербакова // ЭКО. – 2010. – №9. – С. 73-94.

Связь между социальным капиталом и экономикой*

Определения, аспекты и компоненты социального капитала

Развитие феномена «социальный капитал». С начала формирования современной экономической теории труд и капитал рассматриваются как два основных понятия любой экономической деятельности. С течением времени все больше и больше факторов попадают в центр ее внимания, такие как земля или способности предпринимателя. Кроме того, еще в XVIII веке часто упоминались некоторые другие факторы, способные положительно влиять на результат производства на уровне стран.

Наблюдая экономические системы разных народов, Адам Смит (1766) обнаружил, что понятия «честность» и «пунктуальность» значительно варьируются в различных странах. Столетие спустя Джон Стюарт Милль (John Stuart Mill) (1848) писал о препятствиях для крупного бизнеса в некоторых европейских странах, отметив «редкость лиц, которым хотелось бы доверять».

Концепция социального капитала появилась в начале XX века в работах Лида Джадсон Хейнифена (Lyda Judson Hanifan) (1916 и 1920), в исследованиях, касавшихся сельских школьных общин. Хейнифен понимает под социальным капиталом те осязаемые обстоятельства, которые определяют повседневную жизнь людей. Кроме того, в это понятие могут входить два элемента, которые встречаются в более поздних определениях социального капитала. Эти два элемента: человеческое сообщество, взаимоотношения в сообществе и правила сосуществования. Вместе с тем, среди прочих правил сосуществования, Хейнифен обсуждал благие намерения, симпатии и дух сообщества как скрепляющие силы сообщества.

Прошло много времени после Хейнифена, пока авторам удалось обнаружить значение социального капитала в формировании человеческих отношений и, более того, пока не начали искать их влияние на экономику.

* Благодарность за финансовую поддержку исследований Яноша Бойяи (Janos Bolyai) (Стипендия Вегерской академии наук).

Тамаш Ковач – доктор наук, доцент, колледж Эстерхази, Институт деловой экономики (Венгрия).

Это произошло в 1977 году, когда Гленн Лоури (Glenn Loury) вновь ввел понятие социального капитала как новый термин, чтобы описать такого рода факторы. Хотя Бурдьё (Bourdieu) (1985) делал попытку первого систематического исследования социального капитала, современный интерес к понятию был вызван исследованием Коулмэна (Coleman) (1988) отношений между социальным капиталом, человеческим капиталом и школьным обслуживанием в Соединенных Штатах. Сегодня учреждения занимаются изучением концепции, признавая ее значение. Так, например, Всемирный банк (1998) объяснил в одном из своих заявлений, что «все больше данных показывают, что социальное единство имеет решающее значение для устойчивого экономического процветания и развития общества».

В литературе нет единого понятия социального капитала. Общий элемент, связанный с областью экономических наук, — то, что можно обнаружить неявно или явно во всех инвестициях в социальный капитал — как в случае физического, так и человеческого капитала, — вызывает некоторый процесс создания ценности или, по Аннену (Annen) (2003), приводит к потоку выгоды в течение долгого времени. Можно сказать, что еще один элемент различных определений — это то, что нормы и социальные сети считаются детерминантной частью общественного капитала. И в большинстве определений доверие также играет роль, как и в случае Винтера (Winter) (2000) или Стоуна (Stone) (2001).

Одним из основных различий между точками зрения в социологической и экономической литературе, на мой взгляд, является то, что социология исследует социальный капитал скорее на уровне общества или социальных групп, в то время как экономика изучает социальный капитал скорее на уровне индивидуумов. Естественно, эти понятия не могут быть разделены резко, так как общество или социальные группы состоят из отдельных лиц, а уровень социального капитала общества является совокупностью социального капитала его членов [Аннен (Annen) (2003)].

Социальные концепции капитала на уровне общества. Подробное сравнение точек зрения Коулмэна (Coleman) (1988 и 1990) и Патнэма (Putnam) (1993) было представлено Гротерттом (Grootaert) (1998). Он подтверждает существование и значение социального капитала, представив несколько тематических исследований; он упоминает и представляет три дополня-

ющие друг друга теории, связанные с интерпретацией социального капитала. Он считает теорию Патнэма и социальную концепцию капитала наиболее ограниченной. Ключевой особенностью социального капитала в определении Патнэма является то, что *он облегчает координацию и сотрудничество членов ассоциации для взаимной выгоды.*

Гротерт полагает, что Коулмэн (1988) приближается к более широкому понятию, включающему более широкий диапазон, и рассматривает социальный капитал как «множество различных юридических лиц, с двумя общими элементами: они все состоят из некоторого аспекта социальной структуры, и они облегчают определенные действия субъектов – будь то личные или корпоративные субъекты – в пределах структуры». В своей более поздней концепции Коулмэн (1990) рассматривает следующие факторы как ресурсы социального капитала: *1) отношения власти; 2) отношения доверия; 3) согласованное распределение прав, которое устанавливает нормы.*

Третий фактор включает в себя широкий политический и социальный фон, что *способствует формированию и развитию общественных отношений, рождению социальных норм*; Гротерт (Grootaert) (1998) считает это третье определение социального капитала в широком смысле наиболее подходящим.

Аналогичное сравнение концепции социального капитала было проведено Винтером (Winter) (2000). В своем анализе социального капитала и семейной жизни Винтер (Winter) утверждает, что, несмотря на некоторый концептуальный беспорядок в литературе о социальном капитале, три самых известных автора определения социального капитала осмысливают его тем же самым способом. Бурдьё (Bourdieu) (1985), Патнэм (Putnam) (1993) и Коулмэн (Coleman) (1988 и 1990) – каждый понимает *социальный капитал как ресурс для коллективных действий, результатов, которые касаются экономического благосостояния, демократии на уровне государства, а также приобретение человеческого капитала в форме образования.*

В таблице приведен простой обзор некоторых ключевых концептуальных понятий социального капитала. Работы Бурдьё (Bourdieu), Коулмэна (Coleman) и Патнэма (Putnam) сравниваются с тем, как они определяют социальный капитал, цель, с которой они используют понятия, и социальную шкалу, в которой они применяют его.

**Сравнение определений, цели и анализа социального капитала
в работах Бурдьё, Коулмэна и Патнэма**

Авторы	Определение	Цель	Анализ
Бурдьё (Bourdieu)	Средства, которые обеспечивают доступ к группе товаров	Охранять экономический капитал	Индивидуумы в классовой конкуренции
Коулмэн (Coleman)	Аспекты социальной структуры, которые личность может использовать в окружающей обстановке	Охранять человеческий капитал	Индивидуумы в семье и денежные средства получены
Патнэн (Putnam)	Доверие, нормы и система, которые способствуют взаимодействию	Охранять эффективную демократию и экономику	Пространство внутри нации для взаимной выгоды

Источник: Винтер (Winter, I.) (2000).

Социальный капитал, как рассматривает его Винтер (2000), является ресурсом для коллективных действий. Этот ресурс включает в себя нормы и санкции, доверие и взаимную выгоду, которые действуют в социальных сетях. Структурные компоненты сети, такие как «размер», «плотность», степень «замкнутости», и относительные аспекты, такие как «неравенство» формы социального капитала сети. Итоги социального капитала внутри сети составляют различные формы и масштабы коллективных действий. Согласно подобной концепции Стоуна (2001), социальный капитал состоит из сети социальных отношений, которые характеризуются нормами доверия и взаимности. Таким образом, социальный капитал может быть определен как ресурс для коллективных действий, которые могут привести к широкому спектру результатов. Выявляя ключевые компоненты социального капитала, Стоун (2001) показывает, что социальный капитал является многоплановым понятием.

Теория корпоративной культуры Крепса (Kreps) (1990) также появляется в серии теорий, касающихся социального капитала общества. Крепс (Kreps) (1990) ограничил сообщество фирмы или университета и определил понятие *корпоративной культуры*. С одной стороны, он имел в виду комплекс аксиом, касающихся функционирования организации и определения ее. С другой стороны, корпоративная культура означает для него также превосходный форум, который контролирует деятельность организации, и то, что сотрудники получают ориентацию на принципы работы, для того чтобы дать им возможность адаптироваться к этим принципам. Это означает, что фактически он разместил все *нормы и образцы поведения*, связанные с работой организации, в соответствии с концепцией корпоративной культуры.

Согласно Крепсу (1990), *репутация* означает веру в организацию и в ее хорошее функционирование, полезное для членов сообщества. «Если сотрудники или студенты предоставили такие полномочия фирме или университету, то они должны верить, что они будут использоваться справедливо. Что является источником этой веры? Это то, что фирма и университет характеризуются их репутацией. Способ организации адаптироваться к непредвиденному обстоятельству может добавить или уменьшить эту репутацию...»

После обзора определений о роли и влиянии социального капитала могут возникнуть вопросы: какие компоненты составляют социальный капитал сообщества и каковы источники этих компонентов? Кнэк (Knack) и Кифер (Keefe) (1997) ссылаются на следующие три элемента, которые составляют социальный капитал: *доверие; совместные нормы; объединения в пределах групп.*

Поскольку социальный капитал связан также с производительностью, доходами и другими показателями экономической эффективности, международные организации, такие как Всемирный банк и МВФ, считают социальный капитал новой важной областью исследования: «Социальный капитал общества включает в себя институты, взаимоотношения, установки и ценности, которые регулируют взаимодействия между людьми и способствуют экономическому и социальному развитию. Социальный капитал, однако, это не просто сумма учреждений, которые укрепляют общество, это еще и связующее звено, которое держит их вместе. Он включает в себя общие ценности и правила поведения в обществе выраженные в личных отношениях, доверии и «гражданской» ответственности, которая делает общество больше, чем просто совокупность индивидуумов» (Всемирный банк, 1998).

На основе этих трех элементов исследования Кнэка (Knack), Кифера (Keefe) (1997) и Всемирного банка (1998) Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (2001) определяет восемь источников или «факторов» важных для развития социального капитала. К ним относятся: *семья, школы, местные общины, фирмы, гражданское общество, государственный сектор, пол и этническая принадлежность.*

Норрис (Norris) и Дэвис (Davis) (2003) рассматривают социальный капитал как «связи между людьми — социальные сети, нормы взаимности и доверия, которые вытекают из них».

Таким образом, они выделяют два основных элемента социального капитала: 1) *общественная взаимность* и 2) *социальные связи*. Первый состоит из *социального доверия* и *социальной терпимости*, а второй состоит из *формального и неформального членства в социальных сетях*. В их теории уровень социального сотрудничества определяется уровнем социального доверия и социальных сетей, и эти два последних фактора положительно коррелируют. Они показывают, что уровень социального капитала влияет не только на экономические показатели, но и на функционирование демократии.

Социальные концепции капитала на уровне физических лиц. Более позднее понятие социального капитала различает социальный капитал групп и социальный капитал физических лиц. Сначала Патнэм (2000) имел дело с тремя различными типами социального капитала: «связывание», «соединение» и «сцепление социального капитала». Патнэм (2000) понимает под «связыванием социального капитала» как различные однородные группы, общины (например, религиозные, национальные, клановые), так и последовательные человеческие отношения, которые укрепляют группу. «Соединение социального капитала» означает общее понимание, соединяющую силу, мост, через который однородные группы могут поддерживать отношения друг с другом. Патнэм (2000) выделил шесть измерений социального капитала, в том числе соединение как признак, через который узы доверия и взаимности могут заполнить социальное неравенство. В случае сцепления социального капитала, в отличие от связывания и соединения капитала, авторы не ищут связь между группами, но ищут место личности в группе и факторы, определяющие его.

В соответствии с Патнэмом (2000), Мэтью (Mateju) (2003) также выделяет два измерения социального капитала: социальный капитал как *общественные акции* (общественная собственность) и как *частные акции* (частная собственность). Социальный капитал как общественные акции заключается в следующем: *доверие* и *благовидность*. Одной из форм социального капитала является качество общественных отношений, которые позволяют людям сотрудничать и действовать совместно. Социальный капитал построен на высоком уровне *межличностного доверия* и *доверия к государственным и политическим институтам*, а проистекает из убеждения, что большинство соединений благовидны и безопасны. Социальный капитал как отдельный признак – это способность человека эффективно провести в жизнь и мобилизовать те сети социальных взаимосвязей, которые были накоплены и применены, чтобы достичь

индивидуальных (групповых) целей. Эта форма социального капитала может помешать эффективному функционированию рыночных механизмов и подорвать благовидность и доверие.

Роль личности в социальной сети была также изучена Анненом (2003), который кратко изложил основы социального капитала в следующем: «Социальный капитал определяется как репутация игрока взаимодействовать в пределах социальной сети. Социальная сеть представляет собой ряд игроков и порядок обмена информацией и/или товарами между этими игроками. Игрок может быть отдельным лицом или организацией (например, фирма, семья, родственники, нации и т.д.)».

Среди элементов понятия одно из самых важных слов «репутация». Следует отметить, что Крепс (Kreps) (1990) также высоко поднял понятие «репутация», тем не менее, он подошел к нему с противоположной стороны. В теории Аннена (2003) убеждение членов сообщества имеет важное значение для целостности игрока.

Репутация — это явление, вокруг которого строится концепция социального капитала. Это означает, что акцент в концепции Аннена находится на заявлении о том, что недостаточно показать адаптивное поведение игрока и выполнить нормы сообщества, но все другие члены сообщества должны признать это. Практически социальный капитал предполагает с этой точки зрения, что члены сообщества признают надежность, достоверность и целостность игрока. Целостность самого игрока не создает стоимость согласно Аннену, но другие учитывают признание и репутацию этого качества. Таким образом, идентифицирование социального капитала с репутацией игрока квалифицируется как «социальное». Однако важно отметить, что *получатель социального капитала является отдельным игроком, который является единоличной категорией*. Например, социальный капитал страны, общества не может быть измерен и интерпретирован как совокупность социального капитала физических лиц.

Другая важная особенность понятия Аннена — то, что он интерпретирует социальный капитал в пределах сообщества. Уверенность в целостности игрока, живущего в сообществе, может только развиваться в сообществе¹. Этот элемент понятия появляется также в определении Патнэма (1993). Таким образом, элементы понятия физического лица социального капитала по Аннену — следующие: 1) целостность и доверие как важные признаки игрока сообщества; 2) членство в сети; 3) репутация целостности, доверия как важные признаки игрока сообщества.

¹ То есть основной критерий — то, что игроки знают друг друга и находятся в отношениях друг с другом.

Детерминанты социального капитала. Высокий уровень социального капитала вызывает ряд преимуществ в экономической, политической и социальной жизни. В связи с этим возникают важные вопросы: как увеличить уровень социального капитала и что является детерминантами, которые положительно влияют на один или несколько элементов социального капитала?

Социальный капитал часто рассматривается как сумма общих событий в прошлом [Коулмэн (1990)]. По мнению Готчи (Gautschi) (2001), «фонд социального капитала – это функция временно созданной ситуации доверителя и доверенного лица». С его точки зрения социальный капитал – это вера доверителя в поведение доверенного лица. Обновление основного капитала, следовательно, обучение доверию. Он понимает социальный капитал как основной капитал, используемый доверителем, чтобы определить его поведение, которое представляет собой *сумму прошлых результатов и ожидание дальнейших действий*.

Таким образом, согласно Коулмэну (1990) и Готчи (2001), уровень социального капитала в обществе зависит от времени и населения. Если мы сосредоточиваемся только на доверии, существенном компоненте социального капитала, оно также может быть связано с населением и прошлым. Естественно, согласно Аннену (2003), социальный капитал можно также рассматривать на индивидуальном уровне, то есть доверие можно заметить между двумя людьми в определенной ситуации и времени.

В Австралии исследования социального капитала традиционно в течение нескольких десятилетий проводит Институт семейных исследований (АИСИ)². Институт проводит исследования в первую очередь австралийских семей, занимается вопросами благополучия детей, родителей-одиночек, молодых безработных и преступников. Во второй половине 1980-х годов. Институт сосредоточился на изучении социального капитала и его воздействия на жизнь семей. По Винтеру (Winter) (2000), «как правило просто утверждается, что семейная жизнь – основа социального капитала».

В 2003 году АИСИ опубликовал результаты исследования социального капитала, определив его как «сети общественных отношений, которые характеризуются нормами доверия и взаимности и которые приводят к результатам взаимной выгоды». АИСИ разработал концептуальные основы социального капитала (рис. 1), которые выделяют различные

² АИСИ – Институт, установленный Правительством Австралии в 1980 г. на основе Семейного акта, принятого в 1975 г.

Иллюстрации предполагаемых детерминант социального капитала	Социальный капитал		Иллюстрации предполагаемых результатов социального капитала
	Типы систем (в которых действуют доверие и взаимодействие)	Система характеристик (в типах систем)	
<p>Личностные характеристики:</p> <ul style="list-style-type: none"> • возраст • пол • здоровье <p>Семейные характеристики:</p> <ul style="list-style-type: none"> • взаимоотношения и семейное положение • наличие детей <p>Ресурсы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • образование • занятость • домовладелец <p>Отношения и ценности:</p> <ul style="list-style-type: none"> • терпимость к разнообразию • общие цели <p>Территориальные характеристики:</p> <ul style="list-style-type: none"> • сельский/городской уровень социально-экономических преимуществ • пропорции систем в ограниченном районе • безопасность ограниченного района 	<p>Неофициальные связи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • родственные связи • семейные связи • соседи • коллеги <p>- характеристики по семейным/личным формам доверия и взаимности</p> <p>Общественные отношения</p> <ul style="list-style-type: none"> • местные жители • люди вообще • люди в гражданской группе <p>- характеризуемый обобщенным доверием и взаимностью</p> <p>Установленные отношения:</p> <ul style="list-style-type: none"> • отношения с установленными системами • связи с властью <p>- характеризуемый доверием к учреждениям</p>	<p>Размер и экстенсивность:</p> <ul style="list-style-type: none"> • количество неформальных связей • как много соседей знаете лично <p>компактность и закрытость:</p> <ul style="list-style-type: none"> • члены семьи знают близких друзей каждого • друзья знают друг друга • местные жители знают друг друга <p>Разнообразие:</p> <ul style="list-style-type: none"> • этническое разнообразие друзей • разнообразие членов группы по уровню образования • смешение культур в регионе 	<p>Личное/семейное благосостояние:</p> <ul style="list-style-type: none"> • способность «сводить концы с концами» (удовлетворять потребности заботы о детях) • способность «преуспеть» (иметь возможность что-либо изменить) <p>Общественное благосостояние:</p> <ul style="list-style-type: none"> • общественное здоровье <p>Яркая гражданская жизнь:</p> <ul style="list-style-type: none"> • добровольность • общественное сотрудничество <p>Благополучие соседей/региона:</p> <ul style="list-style-type: none"> • толерантность к разнообразию • уменьшение преступлений <p>Благополучие общества:</p> <ul style="list-style-type: none"> • организованные общественные действия • качественное управление <p>Экономическое благополучие:</p> <ul style="list-style-type: none"> • процветание • низкий уровень неравенства
<p>Источник: Австралийский институт семейных исследований (2003).</p>			

Рис. 1. Концептуальные основы социального капитала согласно АИСИ

«характеристики сети» — нормы доверия и взаимности, размер сети, плотность и разнообразие — для различных сетей в трех социальных сферах: неформальной, обобщенной и институциональной. Эта структура основана на том, что социальный капитал может иметь диапазон возможных детерминант и результатов, с эффектами взаимодействия между ними.

К структуре понятия социального капитала АИСИ Ньютон (Newton) (2003) также подобрал наиболее важные поведенческие детерминанты социального капитала, а также возможные поведенческие результаты, которые могут оказать положительное влияние на общество. Отношения, которые укрепляют индивидуальный социальный капитал и побуждают к действию, представлены на рисунке 2.

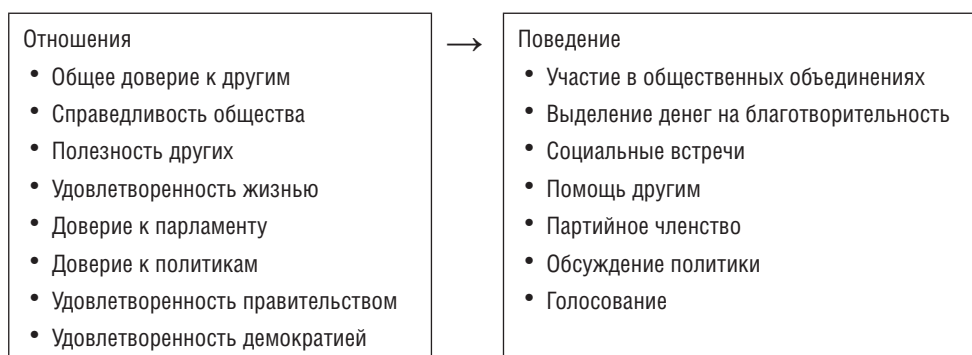

Рис. 2. Влияние отношений на социальное поведение

Источник: Ньютон (Newton) (2003).

На основе данных Европейского социального исследования Ньютон (Newton) (2003) выделяет в своем исследовании общества с яркой и слабой социальной жизнью. По его мнению, к первой группе относятся общества (с высокой интенсивностью социальной деятельности), в которых гражданское участие в общественной ассоциации часто встречается, люди обладают сильным чувством общественных интересов и общего блага, отношения между людьми, такие как взаимопомощь, добрососедство и высокое доверие к другим людям, к государственным учреждениям и политикам.

С другой стороны, основными характеристиками общества с низким уровнем социального капитала являются следующие: редкое гражданское участие в общественных объединениях, слабые общественные интересы, высокий уровень коррупции и преступности, уклонение от уплаты налогов, недоверие, подозрительность, отчуждение и общее недовольство всей социальной и политической средой.

Ньютон (Newton) нашел, что различия в интенсивности гражданского участия могут наблюдаться между обществами, а не между видами деятельности в рамках одного общества. Он заключил, что есть страны с традиционно высоким уровнем гражданской активности и в этих странах люди избирательно не участвуют в широком списке мероприятий, в то время как в других странах, с более низким уровнем участия, все виды таких действий проигнорированы таким же образом. Это открытие также поддерживает теорию, что уровень социального капитала может быть чрезвычайно зависим от культуры. Данная проблема будет обсуждена в деталях в следующей статье.

Литература

1. Annen, K. (2003), 'Social capital, inclusive networks, and economic performance'. *Journal of Economic Behavior & Organisation*. 50. p. 449–463.
2. Bourdieu, P. 1985, 'The formes of capital', in Richardson, J. (ed), *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, Greenwood, New York, p. 241–258.
3. Coleman, J.S. (1988), 'Social Capital in the Creation of Human Capital', *American Journal of Sociology* 94, S95–S120.
4. Coleman, J.S. (1990). 'Social Capital in the Creation of Human Capital'. Cambridge, MA, Harvard University Press.
5. Gautschi, T. (2001). 'Trust Over Time: The Effects of Dyadic Social Capital'. Utrecht University Press.
6. Grootaert, C. (1998). 'Social capital: The missing link?' *The World Bank, Social Capital Initiative Working Paper*. No. 3.
7. Hanifan, L.J. (1916). 'The rural school community center'. *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 67. p. 130–138.
8. Hanifan, L.J. (1920). 'The Community Center'. Silver Burdett, Boston.
9. Knack, S., Keefer, P. (1997). 'Does Social Capital Has an Economic Payoff? A cross-country investigation'. *Quarterly Journal of Economics*, CXII, p. 1251–1288.
10. Kreps, D.M. (1990), 'Perspectives on Positive Political Economy'. Edited by James E. Alt – Kenneth A. Shepsle, Harvard University.
11. Mateju, P. (2003), 'Trust and Reciprocity Networks: two distinctive dimensions of social capital'. Presentation prepared for the OECD Conference, May 2003, Budapest.
12. Mill, J.S. (1848). 'Principles of political economy'. London, John W. Parker.
13. Newton, K. (2003). 'Disaffected citizens? Civic engagement in the modern world.' Presentation and conference paper for the European Social Survey Launch Conference. Brussels, 25–26 November 2003.
14. Norris, P., Davis, J. (2003). 'The Continental Divide? Social Capital in the USA and Europe'. Presentation and conference paper for the European Social Survey Launch Conference. Brussels, 25–26 November 2003.
15. OECD (Organisation for Economic Cooperation and Development) (2001). 'The Wellbeing of Nations: the Role of Human and Social Capital'. OECD, Paris.

16. Putnam, R. (1993). 'Making Democracy Work'. Princeton, NJ, Princeton University Press.
17. Putnam, R.D. (2000), 'Bowling Alone. The collapse and revival of American community'. New York, Simon and Schuster.
18. Smith, A. (1997/1766). 'Lecture on the influence of comers on manners'. Reprinted in: Reputation: Studies in the Voluntary Elicitation of Goods Conduct. University of Michigan Press.
19. Stone, W. (2001). 'Measuring social capital. Towards a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life'. Australian Institute of Family Studies. Working Paper 24.
20. Winter, I. (2000). 'Towards a theorised understanding of family life and social capital'. Australian Institute of Family Studies. WP 21.
21. World Bank (1998). 'The Initiative on Defining, Monitoring and Measuring Social Capital: Overview and Program Description'. Social Capital Initiative Working Paper. No.1. The World Bank, Washington.

**Корпоративная социальная ответственность
как потенциальное средство
для социально-экономического развития
стран Центральной и Восточной Европы**

Введение

Корпоративная социальная ответственность в Европе

Социально значимая совместная деятельность влечет за собой добровольную приверженность общественному благу, что было продемонстрировано в ходе развертывания бизнес-ресурсов в корпоративной или предпринимательской деловой практике. Корпоративная социальная ответственность означает не просто простое следование определенному набору правил и критериев, а является таким деловым поведением, при котором предоставляются выгода и преимущества для работников, ближайшего окружения и макросреды, в том числе для окружающей среды, что положительно влияет на общее благосостояние общества. Это, однако, не должно ограничивать финансовую поддержку, поскольку благосостояние выступает не только в денежном выражении, но и может быть продемонстрировано разработкой таких новых показателей, как экологический отпечаток стопы, как показатель человеческого развития, а также другие более сложные экологические показатели (Szlávik, 2005, с. 132). Любое важное в социальном и экологическом отношении предприятие стремится достигнуть успеха в бизнесе, сохранив при этом право на будущее, а социальные, экологические, деловые аспекты и критерии находятся во взаимосвязи и являются неотделимыми друг от друга (Ligeti, 2007). Устойчивость — основное условие социальной ответственности, означающее такое деловое поведение, при котором гарантируется доступность услуг и возможностей, предоставленных соответствующими бизнес-ресурсами, окружающей средой и обществом для будущих поколений.

Хайналка Чафор — к.э.н., доцент кафедры менеджмента Eszterhazy Karoly University-College (Венгрия).

Дело в том, что сегодня некоторые крупные компании обладают большей экономической мощью, чем некоторые отдельные государства, что оправдывает развитие более грамотной управленческой перспективы, учитывающей вышеупомянутые проблемы.

Хотя понятие корпоративной социальной ответственности появилось в Соединенных Штатах еще в 1953 году¹, американские эксперты из научно-исследовательских организаций начали сосредотачиваться на этических аспектах, социальных и экологических последствиях ведения бизнеса только с 1970-х годов (Bowen, 1953); в Европе же КСО получила признание только в начале 1990-х годов. По определению Европейской комиссии КСО – это «концепция, согласно которой компании интегрируют социальные и экологические проблемы в своих деловых операциях и взаимодействуют с заинтересованными сторонами на добровольной основе» (Комиссия Европейских Сообществ, 2001 г., с. 6). Согласно этой европейской концепции, важной долгосрочной ролью КСО является получение устойчивого экономического развития с участием всех заинтересованных лиц – от правительственных учреждений до гражданских организаций и местных сообществ. КСО – один из инструментов, которые могут помочь европейским странам развить свою конкурентоспособность и динамические знания, на которых базируется вся экономическая деятельность (Szlávik, 2005).

Европейская практика деловых отношений не только демонстрирует доходность, но и борется за развитие такого экономического и социального контекста, который главным образом направлен на решение социальных и экологических проблем. Это положение подкрепляется заявлением Европейской комиссии от 2006 года: «Европейская комиссия полагает, что КСО имеет большое значение для каждого европейского гражданина, так как представляет собой один из аспектов европейской социальной модели. КСО может способствовать устойчивому развитию, увеличивая инновационный потенциал Европы и ее конкурентоспособность, таким образом, также может способствовать возможности трудоустройства и созданию новых рабочих мест» (Комиссия Европейских Сообществ, 2006 г., с. 1).

¹ Фактически само понятие было разработано Говардом Боуэном в его эпохальной книге под названием «Социальная ответственность бизнесмена» (1953). В то же время многие исследователи утверждают, что концепция КСО была впервые введена в 1932 г. Э. Меррик Доддом в статье под заголовком «For Whom are Corporate Managers Trustees?»

Корпоративная социальная ответственность, являясь одной из важных предпосылок стабильности и в то же самое время решающим европейским компонентом социально-экономического развития, играет существенную роль в усвершенствовании конкурентоспособности европейских предприятий.

Хотя такой подход не был так принят в большинстве Центральных и Восточноевропейских странах, как в Соединенных Штатах или в странах, присоединившихся к Европейскому союзу ранее, представители международных компаний наряду с крупными предприятиями в упомянутых странах уже приняли принципы социально ответственного управления и склонны настаивать на том, чтобы достигать экономической прибыли путем ответственного ведения бизнеса (ПРООН, 2007 г., с. 49).

Результаты введения КСО в некоторых европейских постсоциалистических странах могут быть полезными для России в том плане, чтобы начать использовать КСО в качестве инструмента для ее социально-экономического развития.

Особенности КСО в странах Центральной и Восточной Европы

Чтобы исследовать подобные экономические, социальные и политические особенности и особенности КСО в Центральной и Восточной Европе, я сравнил несколько европейских постсоциалистических стран, таких как Венгрия, Польша, Румыния и Словакия. Центральная и Восточная Европа — это определенная территория с существенно отличающимися экономическими, культурными, социальными, демографическими и этическими особенностями, но есть также общие факторы, которые сходны в этих четырех странах на фоне существующей практики КСО. Проводя этот анализ, я использовал результаты своей собственной эмпирической научно-исследовательской деятельности по КСО в Венгрии (2009); результаты научно-исследовательских работ европейских ученых (RARE², 2005); Исследование Всемирного банка: «Что думает бизнес о корпоративной социальной ответственности?» (вторая часть). (Всемирный банк, 2005); а также результаты научно-

² RARE: Риторика и реальность — Анализ корпоративной социальной ответственности в Европе, финансируемый в рамках Шестой структурной программы ЕС. Данный проект исследует, в какой степени компании добровольно участвуют в КСО, а также в какой степени смежные виды деятельности действительно способствуют ее устойчивости, и в частности устойчивости целей, поставленных ЕС. 2005–2007 www.rare-eu.net

исследовательской работы ЕС ПРООН «Исследование основных методов КСО в новых странах-членах Европейского союза и странах-кандидатах» (ПРООН, 2007) и дополнил информацией, в основном полученной от докладчиков на международной конференции «Как это работает» – Корпоративная социальная ответственность в Карпатском Еврорегионе (сентябрь 2007 г., г. Пресов, Словакия) и из некоторых других дополнительных источников, перечисленных в списке использованной литературы. Ниже я привожу перечень этих общих факторов с целью дать полные рекомендации для развития КСО.

- Все страны имеют серьезные экономические зависимости от различных секторов бизнеса, которые являются доминирующими. Развитие КСО в этих странах в первую очередь зависит от вклада этих доминирующих компаний.
- Корпорации не используют широкий диапазон методов КСО, а специальные филантропические действия типичны.
- Практика КСО распространена среди крупных корпораций практически во всех странах. Однако и малые, и средние предприятия играют важную роль в экономике этих стран. Они являются крупнейшими работодателями, и совместное влияние их работы также значительно.
- В эпоху социализма существовали значительные социальные преимущества во всех странах. Экономика там финансируется скептицизмом со стороны делового сектора относительно эффективности государственных услуг в качестве налоговых отчислений с доходов.
- Многие крупные корпорации использовали КСО только в маркетинговых и рекламных целях. Долгосрочных перспектив ее использования в их деятельности не подразумевалось.
- Неправительственные организации не используют эффективно свой потенциал, чтобы играть значительную роль в социальном диалоге между обществом и деловым сектором.
- Только немногие компаний сообщают о своей деятельности в сфере КСО и редко публикуют отчеты о деятельности и эффективности КСО.
- Только в Венгрии есть правительственный отдел, отвечающий за вопросы КСО.
- Планирование экономики оказывается неэффективным, если не брать во внимание потребности общества и окружающей среды.
- Отношение СМИ к проблемам КСО в этих странах не является удовлетворительным и положительным.

- Осведомленность общества находится на довольно низком уровне. В то время как потребители и деловые партнеры не заставляют бизнес-субъекты сократить или компенсировать негативные последствия их хозяйственной деятельности, мы не можем ожидать самостоятельного ограничения деловой деятельности от них. Анализ КСО в западноевропейских странах также показывает, что распространение КСО не может быть достигнуто без давления со стороны потребителей.

- Вопросы КСО не используются в виде отдельных дисциплин в образовательных школьных программах, но в большинстве стран вопросы относительно окружающей среды, социального развития и деловой этики интегрированы в учебные программы гимназий и высших учебных заведений.

- Правительства стран разработали стратегии устойчивого развития, но правительственные решения и правовые системы страны не дают стимула к действиям относительно КСО.

- Число компаний, которые имеют сертификаты Международной Организации по стандартизации или Глобального Договора, достаточно низко.

- Быстрые политические изменения в странах в 1990-х годах создали своего рода отрицательный имидж профсоюзам, общественным работам и даже старшему поколению.

Предложения по развитию КСО в странах Центральной и Восточной Европы

Хотя каждая страна имеет различные характеристики национальных и культурных особенностей, которые необходимо принимать во внимание при создании своей национальной стратегии КСО, предыдущее сравнение дало мне возможность составить некоторые общие рекомендации, адресованные бизнес-сектору, гражданским организациям, общественным администрациям, СМИ и системам образования для развития корпоративной социальной ответственности³.

Одна из важнейших задач **делового сектора** — это понять реальные потребности общества, разработать творческие и инновационные решения для создания партнерских отношений с неправительственными организациями для того, чтобы сделать их деятельность в рамках КСО более эффективной.

³ Рекомендации следуют из обсуждений тематических рабочих групп «Как это работает» с международной конференции для того, чтобы развить КСО в странах Еврорегиона, Словакия, 2007.

Роль крупных корпораций заключается в содействии участию МСП в области КСО с использованием соответствующей информации (передовой опыт, исследование, средства массовой информации).

Они должны распространять концепцию КСО, отмечая события в компании (например, день открытых дверей), когда много людей и средств массовой информации могут посетить помещения компании. Компании должны проводить количественные исследования своей деятельности по КСО с целью продемонстрировать свои преимущества перед другими фирмами, они также должны контролировать результаты своей деятельности по КСО. Они должны разработать систему тщательного контроля поддерживаемых проектов. Члены бизнес-сектора должны также делиться своим опытом в области КСО с другими компаниями, например, в рамках бизнес-ассоциаций. Они должны привлекать СМИ, делать усилия для пропагандирования достижений деятельности КСО, использовать аргументы конкурентных преимуществ и выстраивать репутации (смягчающий риск репутации), чтобы сделать анализ экономической ситуации КСО.

Гражданские организации также должны создавать творческие и новаторские партнерские отношения с бизнес-сектором. Неправительственные организации с пониманием реальных потребностей общества могут быть теми субъектами в экономике, которые передают сведения об этих потребностях лицам, принимающим решения в компаниях. Они должны рассмотреть их, не только не попросив за это денег, но и предложить к тому же ряд специальных услуг для компаний. НПО должны также гарантировать прозрачность проектов, которые они осуществляют, и представлять результаты своей работы. Гражданские группы должны так выстраивать свою подотчетность, чтобы вызывать доверие у бизнес-сектора. НПО также играют важную роль в привлечении средств массовой информации путем создания хороших отношений с ними на местном уровне. Они должны развивать и распространять обратную связь с проектами КСО, отмечая как удачные моменты, так и негативный опыт. Содействуя в решении конкретных вопросов, гражданские организации позволяют компаниям объединиться. Они также могут помочь в создании долгосрочных партнерских отношений в рамках КСО. Неправительственные организации могут играть важную роль в организации общественных дебатов о КСО на всех уровнях и в поощрении диалога по вопросам, связанным с КСО, – все должно быть согласовано путем диалога.

Важная роль *государственного управления* (национальные и местные органы власти) заключается в предоставлении поддержки или даже законодательного обеспечения деятельности КСО при сохранении ее добровольного характера. Органы местного самоуправления также могут помочь в достижении лучшего диалога между всеми участниками под эгидой местной администрации. Они должны организовать группы перекрестного сектора для проведения оценки потребностей общества, они также должны способствовать общественной дискуссии о концепции КСО на всех, особенно на политическом, уровнях. Местные органы власти также должны сыграть свою роль в повышении информированности, а именно в передаче КСО-кампании Европейской комиссии гражданам, а также организациям с помощью местных СМИ. Они должны просвещать и поощрять обратную связь проектов, способствовать развитию положительных примеров и удачных идей, использовать преимущества КСО для бизнеса, работая социально ответственным образом.

Важная роль средств массовой информации состоит в том, чтобы правдиво и своевременно оповещать общественность об инициативе корпоративной социальной ответственности, порожденной тремя субъектами (бизнесом, неправительственными организациями, национальными и местными органами власти), и поддерживать данные идеи и концепции в обществе. У СМИ также есть очень важная задача, заключающаяся в том, чтобы повышать осведомленность о КСО путем оглашения удачных примеров и преимуществ. Средства массовой информации должны пропагандировать ценность добровольчества как важного аспекта КСО вне благотворительности. Прежде всего, роль средств массовой информации заключается в организации общественной дискуссии о КСО на всех уровнях и в распространении информации об успехах и неудачах проектов КСО, подчеркивании преимуществ деятельности КСО для бизнеса и всего общества в целом.

Наконец, есть рекомендации для *образовательных систем* стран. Их наиболее важная роль состоит в реализации концепции корпоративной социальной ответственности в соответствии со спецификой стран Восточной Европы, а также разработке соответствующего образования в этой области в средней школе и университетах. Они играют ведущую роль в управлении научно-исследовательскими проектами КСО, а также в создании критериев (качественных и количественных) для оценки КСО.

Они должны публиковать больше информации о корпоративной социальной ответственности, особенно о КСО в деятельности малых и средних предприятий, упомянув удачные примеры соседних стран, которые добились более высоких результатов в реализации корпоративной социальной ответственности. Сравнение законодательных систем (налогов и правовых реформ, и т.д.), проведенное исследователями, может дать полезную информацию не только государственным структурам, но и всем сторонам. Помимо научных исследований, система образования играет важную роль в повышении осведомленности подрастающего поколения путем развития устойчивого и ответственного мышления в различных субъектах через свои учебные программы.

Заключение

В Европе, да и во всем мире, после 2008 года наступает время правды для КСО. Финансовый кризис покажет, в каких компаниях КСО была модным явлением лишь на один сезон, а какие компании вырабатывают реальные стратегии относительно КСО. Всем компаниям приходится сталкиваться с кризисом и соответственно корректировать свой бюджет в отношении КСО. Однако такая экономия вовсе не означает отказа от использования КСО, особенно в компаниях, которые уже включили КСО в свою стратегию. Эта ситуация заставит компании направить свои действия на осуществление таких программ, которые экономят ресурсы, сокращают издержки и помогут добиться новых интересных экологических результатов с меньшими затратами. Этот период является также толчком для инноваций и развития творческого потенциала, что может помочь компаниям приобрести конкурентоспособные преимущества и занять устойчивое положение на рынке (Owsianska, 2010).

Литература

1. Bowen, H.R.: 'Social Responsibility of the Businessman', (New York, New York University Press) 1953.
2. Commission of the European Communities: 'Promoting a European Framework for Corporate Social Responsibility - Green Paper (Office for Official Publications of European Communities, Brussels) 2001. – P. 6.
3. Commission of the European Communities: 'Communication from the Commission to the European Parliament, the Council and the European Economic and Social Committee' (Office for Official Publications of European Communities, Brussels), COM(2006) 136, p. 1.

4. Ligeti, GY. : 'CSR Vállalati felelősségvállalás', (Kurt Lewin Alapítvány, Budapest) 2007.
5. Owsianska, M.P.: 'Focus on Partner Report - Responsible Business Forum' (http://www.csreurope.org/pages/en/focus_fob.html, downloaded: 10. 08. 2010) 2010.
6. RARE – Rhetoric and Realities: 'Analyzing Corporate Social Responsibility in Europe - Project Report' research project funded within the Sixth Framework of the EU (Brussels) 2005.
7. Szlávik, J.: 'Fenntartható környezet- és erőforrás-gazdálkodás' (KJK-KERSZÖV Jogi és Üzleti Kiadó Kft., Budapest) 2005.
8. UNDP – United Nations Development Program and European Commission: 'Baseline Study on CSR Practices in the New EU Member States and Candidate Countries' (http://ec.europa.eu/employment_social/soc-dial/csr/pdf/undpconference_26062007_brochure.pdf downloaded: 28. 09. 2007) 2007.
9. World Bank Study: 'What does Business think about Corporate Social Responsibility? Part II.' (Office for Official Publications of European Communities, Brussels) 2005.

Научно-методическое обеспечение модернизации региональной системы образования

В период кардинальных перемен конца XX и начала XXI века традиционная система образования России оказалась неспособной обеспечить адекватный ответ на вызовы времени и создать зависящие от нее предпосылки для развития личности и новой экономики, основанной на знаниях.

Возникла острая необходимость проведения модернизации образовательной системы на всех ее уровнях. В России был принят ряд законов и нормативных актов, направленных на решение этих проблем. Среди них законы РФ «Об образовании» (1992, 1996), «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (1996), Национальная доктрина образования РФ (2000), Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (2002) и др. В 2010 году утверждена национальная образовательная инициатива «Наша новая школа». Приняты федеральные государственные требования к дошкольному образованию, федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) начального и основного общего образования, стандарты третьего поколения профессионального образования. Активно обсуждаются проекты ФГОС среднего (полного) общего образования.

Инновационная политика государства направлена на демократизацию и гуманизацию образования, учет потребностей детей и взрослых, соответствие местным социально-экономическим условиям. Современная образовательная политика обусловила инновационный характер развития системы образования на федеральном, региональном, муниципальном и институциональном уровнях.

Ведущим направлением в модернизации и инновационном развитии региональной системы образования стало его научно-методическое обеспечение, подготовка руководящих и педагогических кадров, способных к работе в современных условиях, освоивших новую методологию и технологии развития образования.

Углицкая Маргарита Альбертовна – к.п.н., доцент, проректор по научно-методической работе ГОУ ДПО «Вологодский институт развития образования».

Большинство задач научно-методического обеспечения модернизации региональной системы образования решаются ГОУ ДПО «Вологодский институт развития образования».

В институте разработаны и реализуются многоуровневые дифференцированные дополнительные профессиональные образовательные программы повышения квалификации для всех категорий работников региональной системы образования, в том числе модульные программы, позволяющие педагогам выбирать актуальные и значимые для них темы. Программы направлены на повышение уровня методологической и технологической культуры педагога, учитывают обновление и стандартизацию содержания современного образования, способствуют формированию инновационной компетентности. Программы повышения квалификации руководителей образовательных учреждений отражают такие направления инновационного развития системы образования, как формирование оптимальной модели управления качеством образования, развитие государственно-общественного характера управления и социального партнерства, определение механизма демократизации управления и гуманизации инновационных процессов в образовании и др. В процессе освоения программ педагоги и руководители овладевают современными образовательными и управленческими технологиями, инновационным моделированием и проектированием.

Все большим успехом пользуются программы прохождения стажировки у учителей, победителей конкурса «Учитель года России» и конкурса лучших учителей, проводимого в рамках приоритетного национального проекта «Образование».

Востребованы получившие государственную аккредитацию дополнительные профессиональные программы профессиональной переподготовки: «Менеджмент организации», «Педагогика и психология», «Педагогика и методика дошкольного образования».

На базе института силами кафедры дефектологического образования ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет» проводится профессиональная переподготовка учителей с высшим педагогическим образованием по специальностям «Олигофренопедагогика» и «Логопедия».

Продолжается сотрудничество с ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», который в этом году осуществляет профессиональную переподготовку по программе «Менеджмент организации» руководителей образовательных учреждений дополнительного образования детей Вологодской области.

В соответствии с заданием Департамента образования Вологодской области в 2011 году начинается подготовка резерва управленческих кадров.

Руководящие и педагогические работники общеобразовательных учреждений участвуют в реализации федерально-региональных проектов повышения квалификации: «Современный образовательный менеджмент», «Актуальные вопросы преподавания курса “Основы религиозных культур и светской этики” в общеобразовательных учреждениях РФ».

Институт организует научную и научно-методическую работу по различным направлениям модернизации образования.

В течение последних пяти лет разработаны концепции: развития сельской школы Вологодской области, региональной комплексной службы сопровождения в образовании, развития государственно-общественного управления в системе образования Вологодской области, развития специального (коррекционного) образования. Осуществляется научно-методическое обеспечение их реализации посредством подготовки педагогов к решению новых задач, разработки учебно-методических пособий.

В контексте решения проблем духовно-нравственного воспитания продолжается разработка учебно-методического комплекта «Истоки», внедрение которого идет в более чем 50 регионах России.

С участием ученых, преподавателей вузов, прежде всего ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет», методистов и педагогов-практиков разработаны и активно внедряются в образовательный процесс учебно-методические комплекты: «История Вологодского края» (6–9 классы), «Литература Вологодского края» (5–9 классы), «География Вологодской области» (8–9 классы), «Экономика региона» (7–9 классы), «Экология Вологодской области» (7 класс).

Региональный компонент содержания дошкольного образования отражен в методических пособиях: «Вологодские писатели – детям», «Природа и дети», «Дидактические игры краеведческого содержания»; пособиях для детей старшего дошкольного возраста и их родителей «Вологда – город моего детства», «Мой родной город».

Сотрудники института участвуют в федеральных проектах по экспериментальной проверке примерной программы образования детей старшего дошкольного возраста, апробации курса «Основы религиозных культур и светской этики». Проводится опытная проверка новых учебно-методических комплектов по большинству предметов учебного плана

общеобразовательных учреждений, организуется экспериментальная работа по воспитанию экологической культуры учащихся, разработке программы мониторинга здоровьесберегающей деятельности, диагностике готовности ребенка к обучению, раннему обучению иностранному языку с помощью информационных технологий и др.

Успешно завершены исследования психологического обеспечения инновационной деятельности в образовании, развития у учащихся способности к творчеству, формирования информационно-коммуникативной культуры учащихся, воспитания культуры безопасной жизнедеятельности у учащихся учреждений начального профессионального образования, формирования диагностической культуры педагога, формирования инновационной компетентности руководителя образовательного учреждения и др.

По результатам научно-исследовательской работы в 2006 – 2009 годах сотрудниками института защищены 9 кандидатских диссертаций по специальностям «философия науки и техники», «теория и методика профессионального образования», «педагогическая психология», «общая педагогика, история педагогики и образования». Результаты исследований активно внедряются в практику.

По договору с Федеральным институтом развития образования сотрудники института участвовали в разработке проектов федеральных государственных образовательных стандартов начального профессионального образования. В течение последнего года занимаются сопровождением внедрения стандартов, в частности, разработки основных профессиональных образовательных программ.

Институт осуществляет научно-методическое сопровождение федеральных и региональных конкурсов, проводимых в рамках приоритетного национального проекта «Образование» (ПНПО), мероприятий областной целевой программы «Развитие системы образования Вологодской области», регионального пилотного проекта «Развитие социального потенциала сельских поселений», проекта «Цифровая школа XXI века».

Издаются и направляются в образовательные учреждения сборники задач и заданий по подготовке к олимпиадам школьников, пособия серий: «Предпрофильное и профильное обучение», «Подготовка к единому государственному экзамену», «Специальное (коррекционное) образование», монографии по педагогике, методические пособия по психологии.

Научные, научно-методические и учебно-методические разработки проходят опытную проверку, подвергаются экспертизе ученых и педагогов-практиков, апробируются и внедряются в процессе повышения квалификации, переподготовки педагогов, в ходе научно-практических конференций и семинаров.

Обобщается опыт педагогов и образовательных учреждений – победителей конкурсов педагогического мастерства, федеральных и региональных конкурсов образовательных учреждений и педагогических работников, проводимых в рамках ПНПО. В областном банке педагогических данных размещаются модели обобщенного опыта и информационных карт инновационного опыта педагогов-победителей конкурсов. Эта информация используется в образовательном процессе института, предоставляется индивидуальным и коллективным пользователям на электронных и печатных носителях, а также по электронной почте. Информация об опыте победителей федерального конкурса лучших учителей размещается в инфотеке ФГОУ «Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования». В целом в областном банке педагогических данных представлен передовой опыт более 500 педагогов. Создается единая база инновационного опыта в региональной системе образования, которая будет размещена в сети Интернет. В различных формах осуществляется диссеминация инновационного педагогического опыта.

Новый импульс научно-методической работе института придает национальная образовательная инициатива «Наша новая школа». Наиболее актуальными становятся научно-педагогические и психологические разработки, связанные с переходом на федеральные государственные образовательные стандарты общего и профессионального образования. Особое внимание – реализации проектов здоровьесбережения в образовании, развития системы выявления и поддержки талантливых детей, развития самостоятельности образовательных учреждений, а также совершенствованию педагогических кадров, что всегда являлось и остается приоритетным направлением деятельности института.

Литература

1. Модернизация системы образования Вологодской области: стратегия развития. – Вологда, 2010. – С. 56.
2. Найденова, З.Г. Инновационное развитие региональной системы образования: гуманистический подход: автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра пед. наук / З.Г. Найденова. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 40.

Механизмы развития регионального рынка знаний

Исследования, проведенные в Вологодской области, показали, что государственный распределительный механизм, обеспечивающий сбалансированный спрос и предложение кадров для предприятий региона, отсутствует, а рыночный механизм подготовки и привлечения специалистов, способных эффективно реализовать функции производственного менеджмента на предприятиях, не создан. Этот фактор сдерживает инновационное развитие экономики региона.

Указанную проблему можно решить путем развития рынка образовательных услуг как инфраструктуры рынка знаний. Данные рынки совместно образовали бы экономическую систему, обеспечивающую сбалансированность спроса и предложения специалистов на рынке труда.

Понятие «рынок знаний» обозначает экономическую систему, инфраструктура которой позволяет сбалансировать спрос и предложение на специалистов, активно участвующих в формировании и развитии муниципальной и региональной экономики. Основой инфраструктуры рынка знаний является рынок образовательных услуг». Иными словами, субъекты рынка образовательных услуг являются одновременно субъектами инфраструктуры рынка знаний. К субъектам рынка образовательных услуг относятся потребители образовательных услуг – организации-работодатели, органы государственной власти и муниципального управления и производители образовательных услуг – образовательные учреждения.

К субъектам рынка знаний как составляющей рынка труда относятся специалисты, предлагающие рабочую силу, то есть способность к интеллектуальному труду, а также организации, формирующие спрос на обладающих знаниями специалистов.

Препятствиями на пути развития рынка образовательных услуг и формирования рынка знаний в регионе является следующее.

Во-первых, высшие учебные заведения не готовы к работе в рыночных условиях, поскольку для них характерна линейно-функциональная структура управления и административно-командный стиль управления. Во-вторых, продукт деятельности учреждений высшего профессиональ-

Ефремова Анна Александровна – консультант департамента экономики Правительства Вологодской области.

ного образования – образовательные услуги и знания – не рассматриваются рынком труда как экономические категории, то есть продукты, обладающие стоимостью. В-третьих, отсутствуют инфраструктура рынка образовательных услуг и рынка знаний, экономические механизмы, которые позволили бы реализовать взаимодействие элементов указанной инфраструктуры.

Относительно первой проблемы необходимо отметить, что в Вологодской области расположены образовательные учреждения, которые, в случае интеграции в экономическую систему региона на основе реализации инновационного менеджмента, могли бы стать полноценными участниками рынка образовательных услуг и рынка знаний. В этих целях предлагается освоение организационно-экономического механизма самоуправления в высших учебных заведениях, основанного на рыночных отношениях между участниками реализации образовательного процесса и между участниками реализации научных исследований и разработок, позволяющего формировать обоснованные бюджеты вузов.

Предпосылкой для решения второй проблемы является происходящее в настоящее время изменение отношения к продуктам деятельности образовательных организаций – образовательным услугам и знаниям, которые в условиях формирования экономики знаний рассматриваются как один из экономических ресурсов, наряду с природными ресурсами, трудом, капиталом и предпринимательскими способностями.

В дальнейшем для решения проблемы необходима разработка подходов к оценке стоимости знаний. Следует отметить, что стоимость знаний как результата оказания образовательных услуг, представляющего собой совокупность сведений в различных областях и способность использовать их на практике, определить достаточно сложно. Несмотря на предлагаемые некоторыми исследователями затратный и другие подходы, с нашей точки зрения знание само по себе оценить невозможно. Такая возможность появляется только при условии использования на практике имеющегося знания как ресурса. В этой связи считаем целесообразным рассматривать метод оценки знаний системы высшего профессионального образования на основе анализа оплаты труда выпускников высших учебных заведений [1]. Аналогичным образом можно определять стоимость знаний специалистов, занимающихся научными разработками, – в зависимости от результатов научно-исследовательских работ. Для решения третьей проблемы в настоящее время предпринимаются отдельные шаги, в частности осуществляется дифференциация механизмов финансирования субъектов рынка образовательных услуг, изменяется правовое поле.

В рамках дальнейшей работы в данном направлении предлагаем модель взаимоотношений элементов инфраструктуры инновационных процессов региона, включающих субъекты рынка научных разработок, рынка образовательных услуг и рынка знаний, а также отраслевой фонд финансирования научных исследований и опытно-конструкторских работ в качестве элемента инфраструктуры, реализующего финансовый механизм на указанных рынках.

Рынок образовательных услуг и рынок знаний реализуются путём свободного доступа предприятий и организаций к участию в учредительстве фонда, созданного на основе Закона РФ № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» или на основе Закона № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», который финансирует учебный процесс.

Учебные заведения имеют возможность привлекать для финансирования образовательного процесса и научной деятельности бюджетные и внебюджетные средства путем создания фондов, в рамках которых объединяются привлеченные средства.

Преимущество вложения средств в фонд целевого капитала – освобождение от налогообложения взносов в фонд, доходов от инвестирования средств фонда и средств, получаемых из фонда целевыми учреждениями. Коммерческая организация, осуществившая вложения, не получает при этом налоговых льгот.

Другим вариантом фонда, созданного для финансирования высшего учебного заведения, может быть внебюджетный отраслевой и межотраслевой фонд финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (фонд инновационного развития).

В статье 15 Закона «О науке и государственной научно-технической политике» записано, что в федеральных органах исполнительной власти и коммерческих организациях могут создаваться внебюджетные отраслевые и межотраслевые фонды финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

В данном случае учредителями могут выступить коммерческие организации, осуществляющие вложения в фонд для финансирования деятельности высшего учебного заведения. Получателем средств будет являться вуз. Как и в случае создания фонда целевого капитала, средства, поступившие в фонд инновационного развития, не облагаются налогом на прибыль.

В отличие от случая создания фонда целевого капитала, целевые поступления осуществляются на возмездной основе.

В соответствии с пунктом 1 статьи 262 НК РФ, при создании фонда инновационного развития предприятие, которое осуществляет вложения в фонд, включает эти расходы в затраты (группа прочих затрат), то есть они не облагаются налогом на прибыль. Однако указанные расходы признаются для целей налогообложения лишь в пределах 1,5 % доходов налогоплательщика.

Средства, полученные из фонда вузом, также не облагаются налогом на прибыль, в соответствии с пунктом 1 статьи 251 НК РФ.

Как и в случае создания фондов целевого капитала, внебюджетные фонды имеют ограничения в области операций, которые можно совершать с целью получения доходов фонда (доходы формируются только за счет возвращенной части доходов научных организаций, которые финансировались из фонда, а также за счет начисленных процентов при вложении средств в банк).

Создание внебюджетного фонда является предпочтительным (реально осуществимым) по сравнению с фондом целевого капитала ввиду того, что осуществляющие вложения предприятия освобождаются от налога на прибыль, вложения осуществляются на возмездной основе.

Схема может предусматривать как кредитное, так и венчурное инвестирование в инновационный процесс (рисунок). В случае кредитного инвестирования доход, полученный фондом от инвестирования в промышленное производство, направляется на финансирование подготовки кадров в вузе, которые в дальнейшем будут работать на предприятиях учредителей фонда, и на конкурсной основе – на кредитование инновационного центра, малых инновационных предприятий при ставке три или менее процента годовых.

В случае венчурного инвестирования инвестиционный фонд выступает в качестве соучредителя инновационного предприятия с долей уставного капитала инновационного предприятия менее 50%.

При завершении инновационного процесса и начале производственной деятельности инновационное предприятие отчисляет долю дохода инвестору (фонду). Затем фонд продаёт свою долю инновационного предприятия по рыночной стоимости.

Таким образом, предложена модель взаимодействия элементов инфраструктуры инновационных процессов в регионе с использованием

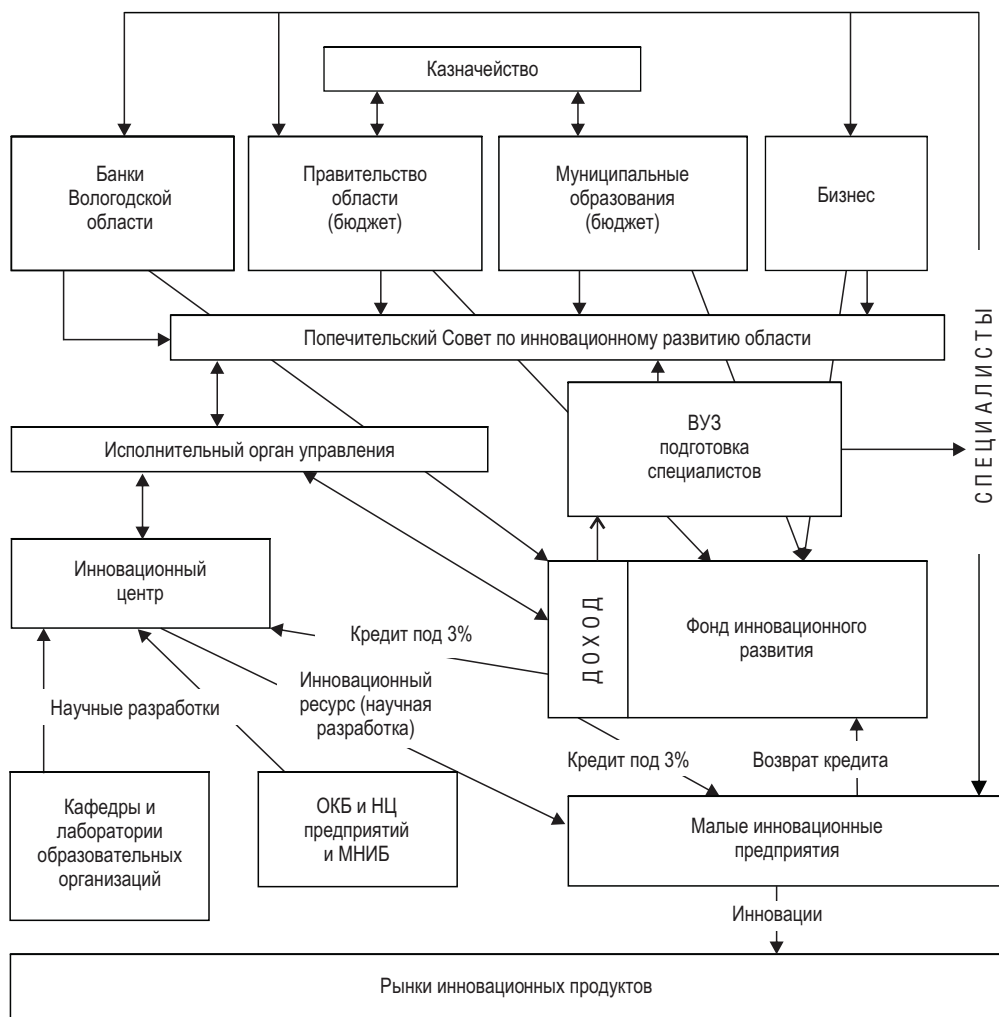

Схема взаимодействия элементов инфраструктуры инновационных процессов в регионе при кредитном инвестировании инновационного бизнеса [2]

кредитования и венчурного инвестирования из бюджетов двух уровней, т.е. инновационные процессы являются способом увеличения доходной базы регионального бюджета и бюджетов муниципальных образований [2].

Литература

1. Ефремова, А.А. Оценка стоимости знаний системы высшего профессионального образования / А.А. Ефремова, Н.А. Кремлёва // Инновации: специальный выпуск. – 2009. – Январь. – С. 13-18.
2. Ефремова, А.А. Формирование инфраструктуры инновационной экономики в регионе в условиях изменений законодательной базы / А.А. Ефремова, А.Н. Шичков // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 15. – С. 60-63.

В.В. Гончаров, В.А. Колотухин, Д.В. Никеенко

Направления и перспективы совершенствования системы научно-технического сотрудничества регионов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и Республики Беларусь

Проведенные в рамках гранта БРФФИ «Создание системы научно-технического сотрудничества регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Беларуси» исследования показывают, что для инновационных систем Беларуси и Северо-Западного федерального округа Российской Федерации характерны однопорядковые проблемы в воспроизводстве и использовании научно-технического потенциала. Можно заключить, что на данный момент наши страны не формируют достаточных условий для сокращения качественного отставания от уровня развития инновационной сферы ведущих стран мира. В каждом из объектов данного исследования продолжают действовать долговременные негативные тренды: отток работников, занятых исследованиями и разработками; низкий уровень наукоемкости ВВП; недостаточный удельный вес в ВВП добавленной стоимости наукоемких производств; сокращение количества инновационно активных предприятий; неразвитость высокотехнологичного сектора экономики; отрицательное сальдо торгового баланса по инновационной продукции. Все это в конечном счете сдерживает повышение конкурентоспособности белорусской и российской экономик.

Для СЗФО, Российской Федерации и Республики Беларусь характерны неоправданно длительный срок использования технологий, применяющихся в промышленности, высокая степень износа техники и оборудования, преобладание низкоукладных производств, низкая инновационная активность предприятий.

Гончаров Валерий Валерьевич – к.э.н., заведующий отделом ГНУ «Институт экономики» НАН Беларуси.

Колотухин Владимир Александрович – заведующий сектором ГНУ «Институт экономики» НАН Беларуси.

Никеенко Дарья Васильевна – м.э.н., начальник отдела Управления научно-инновационной деятельности НИЧ-ГУН БГУ.

В определенной мере это связано с недостаточным финансированием НИОКР и нехваткой у предприятий средств для приобретения высокоэффективных технологий. Кроме того, они не имеют достаточной мотивации для активного инвестирования в научные разработки. Эффективная инновационная инфраструктура практически не развита, темпы создания ее субъектов крайне невысоки.

В Беларуси и России сегмент малых инновационных предприятий развит явно недостаточно, причем темпы его формирования неудовлетворительные.

Перечисленные факторы напрямую определяют недостаточно высокую конкурентоспособность белорусских и российских товаров на мировых рынках, что отражается и на результатах внешнеторговой деятельности.

В индустриально развитых странах объем производства новых знаний превосходит их естественный износ. Одним из направлений обеспечения расширенного воспроизводства белорусского и российского научно-технического потенциала является обеспечение приоритетности государственной поддержки сферы исследований и разработок, включая устойчивое многолетнее поддержание его уровня выше порогового значения. Целесообразны также стимулы бизнес-сектору для активизации инвестирования в инновационную сферу. Это позволит снизить долю государственного участия в финансировании науки, увеличить абсолютные объемы вовлеченных в инновационную сферу средств, придать исследованиям предметно ориентированный характер.

Очевидно, что научный потенциал не может развиваться вне связи с национальной экономикой, которая, в свою очередь, станет конкурентоспособной только при условии опоры на науку. По мнению западных аналитиков, в настоящее время не столько сектор исследований и разработок способствует экономическому росту, сколько экономика постсоветской России не позволяет динамично развиваться этому сектору. В определенной мере такой вывод может быть справедливым и для Беларуси. При сохранении подобного положения дел высокую вероятность приобретет возможность необратимой деградации как науки, так и высокотехнологичных отраслей. Поэтому скорейшая модернизация национальных инновационных систем становится первоочередной задачей формирования постиндустриальных экономик.

Одним из главных препятствий на пути вовлечения научно-технического потенциала в решение задач модернизации белорусской и российской экономик является существующая разобщенность взаимосвязей хозяйствующих субъектов и научных организаций. Необходимо интенсифицировать деятельность по созданию совместных инновационных производств на территории наших стран, в том числе в рамках субъектов инновационной инфраструктуры.

Существует специфика, которую следует учитывать при организации кооперации субъектов хозяйствования двух регионов в целях повышения эффективности функционирования научно-технических потенциалов:

- специализация отраслей реального сектора экономики регионов и потребности в научном обеспечении;
- направления (приоритеты) научно-технического и инновационного развития регионов;
- возможность создания и реализации отдельных результатов научно-технической деятельности;
- связи международного научно-технического сотрудничества и потенциальные возможности их использования для углубления развития двух регионов.

В настоящее время средняя продолжительность использования определяющих технологий в промышленной сфере России и Беларуси составляет около 20 лет. Для сравнения: в США, в целях обеспечения конкурентоспособности продукции, замена оборудования на приоритетных наукоемких производствах происходит каждые 5 лет.

Снижается спрос на результаты научно-технической деятельности со стороны производственной сферы, сокращаются масштабы внедрения новых разработок. Промышленность России и Беларуси – основной потребитель инноваций – сегодня не имеет финансовых ресурсов для технологического переоснащения и освоения новой продукции: собственные средства предприятий крайне ограничены, бюджетные капиталовложения в производства остаются на низком уровне, инвестиционные возможности национальных банков крайне незначительны. Государственные органы этих стран пока не выработали соответствующих мер, стимулирующих использование новейших технологий. Так, например, по некоторым оценкам, в российской экономике реально используется не более 2% создаваемых научных знаний.

По оценкам экспертов, без кооперационных связей с другими членами Содружества даже Россия, наиболее самодостаточная из бывших советских республик, способна производить лишь две трети продукции, кроме того 80% продукции отечественных компаний конкурентоспособно только на рынках России и СНГ.

Осуществить переход к инновационной модели развития в России и Беларуси возможно лишь на основе тесного сотрудничества в реализации проектов и программ, а также при формировании единого научно-технологического пространства.

Для этого необходима новая концепция экономического сотрудничества, опирающаяся на создание постоянно действующих совместных производственных и научно-технических структур, учитывающих законы рынка. Главным содержанием такого взаимодействия может стать восстановление научно-технического потенциала, адекватного задачам инновационной политики государств, и его адаптация к условиям рыночной экономики.

Для совершенствования среды функционирования белорусских и российских малых и средних предприятий (МСП), ориентированных на сотрудничество, целесообразно:

- организовать проведение совместных узкоспециализированных выставок, причем государство должно финансировать часть затрат на их проведение и участие в них МСП;
- создать условия для повышения уровня компетентности руководителей и менеджеров МСП в сфере инноваций, регулярно проводить для них бесплатные или частично оплачиваемые тренинги на базе как белорусских, так и российских вузов или институтов повышения квалификации;
- разработать, при участии банков и лизинговых компаний, кредитные и лизинговые продукты, отвечающие требованиям МСП;
- ввиду начальной стадии формирования венчурного финансирования в Беларуси активизация сотрудничества напрямую связана с расширением кооперации с представителями рынка венчурного финансирования России.

Важным элементом национальных инновационных систем России и Беларуси, способствующим развитию сотрудничества двух стран, является национальная инновационная инфраструктура. Она представляет собой совокупность юридических лиц, ресурсов и средств, обеспечиваю-

щих материально-техническое, финансовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное обслуживание инновационной деятельности. Опыт зарубежных стран показывает, что доля высокотехнологичной продукции, поставляемой на мировые рынки, находится в прямой зависимости от развитости национальной инновационной инфраструктуры. Однако объекты инновационной инфраструктуры обеих стран пока в полной мере не выполняют своих функций, в том числе по поиску партнеров и поддержке международного научно-технического сотрудничества. В Беларуси функции действующих технопарков в основном сведены к поддержке малых предприятий, уже наладивших выпуск своей продукции. В этом их основное отличие от зарубежных аналогов. Кроме того, в соответствии с международной практикой, для полной самокупаемости технопарку отводится примерно пять лет и в первый год необходимо 100-процентное финансирование деятельности субъектов инновационной инфраструктуры (СИИ), а это условие из-за ограниченности финансовых ресурсов в Беларуси трудновыполнимо. Практика создания в Беларуси центров трансфера технологий и инновационных центров также показала, что большинство таких структур, существующих как самостоятельные юридические лица, терпят неудачу, т.к. оказываются неспособными выдерживать высокие текущие затраты. Между тем сейчас государство сосредоточило основное внимание на инновационных центрах, в то время как остальным вопросам уделяется гораздо меньше внимание.

Субъекты инновационной инфраструктуры, помимо их главной целевой функции, предполагающей содействие диффузии технологий внутри страны, должны приступить к активному освоению нового, межстранового вектора. Пока инновационная инфраструктура обеих стран в большей мере ориентирована на информационное сопровождение, чем на предметную работу по коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, поиску партнеров, выращиванию наукоемкого бизнеса.

Большинство технопарков в России и Беларуси еще только проходят этап становления и с трудом накапливают свой инновационный потенциал. Так, в России зарегистрировано почти 80 таких структур, но большинство из них не выросло за пределы фазы наличия оформленных документов. В последние годы аккредитацию сумели пройти только 30, а отвечающими международным стандартам признаны немногим более 10.

В Беларуси на сегодняшний день осуществляют деятельность 10 технопарков, но эффективно работают не более 3-х. Финансовые институты сейчас не готовы к поддержке венчурного инновационного бизнеса, нет эффективно работающего законодательства, регулирующего деятельность субъектов хозяйствования в этой сфере. В итоге результаты деятельности отечественных технопарков значительно скромнее ожидаемых.

Поэтому создание на базе белорусских станкостроительных и приборостроительных предприятий инновационной инфраструктуры Союзного государства – одно из основных направлений по организации новых субъектов научно-технической деятельности, ориентированных на сотрудничество между Россией и Беларусью, между СЗФО и регионами Республики Беларусь. Для их организации есть все предпосылки: свободные мощности на станкостроительных (уровень использования среднегодовой мощности предприятий колеблется от 28 до 77%) и приборостроительных (уровень использования среднегодовой мощности предприятий колеблется от 49 до 56%) предприятиях, квалифицированные кадры (Республика Беларусь), свободные финансовые ресурсы, опыт создания аналогичных структур (Российская Федерация).

К настоящему моменту назрела необходимость акцентировать внимание не только на количественном расширении сети субъектов инновационной инфраструктуры, но и на качественных аспектах их деятельности, прежде всего, по отбору коммерчески эффективных проектов с малым сроком окупаемости и низкой степенью риска (для чего потребуются разработка специальной методики), нахождению действующих организаций и предпринимателей, готовых к их реализации, и инвесторов. В данном контексте одним из направлений развития трансфера технологий должно стать создание сети специализированных подразделений в инновационно активных организациях. Перспективы развития системы технологического трансфера могут быть ассоциированы также с организацией на базе научных учреждений и высших учебных заведений ярмарок инноваций и бирж интеллектуальной собственности.

Считаем целесообразным создать совместные институты, реализующие элементы рискованного венчурного финансирования, и организации по коммерциализации инноваций. Планируется, что некоммерческие структуры, создаваемые в рамках проектов по коммерциализации результатов научно-технической деятельности, будут получать от промышленных компаний запросы на ту или иную технологию (инновацию) и, ис-

пользуя информацию о разработках научных центров, «сводить» ученых с фирмами, заинтересованными в рыночном использовании их разработок. Кроме того, на базе разработок новаторов они будут создавать малые инновационные предприятия, выполняя функцию управленца (финансовый менеджмент, юридические вопросы, сопровождение экспорт/импортных операций, управление интеллектуальной собственностью) и соинвестора, а со временем выставлять на продажу предприятия, которые достигают определенных параметров. В результате будет продаваться бизнес: не идея, не разработка, даже если она получила правовую защиту, а фирма с уже готовой продукцией. Вырученные от реализации проекта ресурсы будут вкладываться в коммерциализацию следующих проектов.

Необходимо продолжить совершенствование информационной составляющей функционирования инфраструктуры. Для этого, наряду с мероприятиями в рамках упомянутых ярмарок инноваций, целесообразно следующее.

- Создание и постоянное обновление структурированной по научным направлениям и видам практической деятельности совместной базы данных (банка технологий) по действующим программам и проектам, а также по результатам завершенных НИОКР. Первым шагом к созданию такой базы должна стать инвентаризация готовых к внедрению разработок и свободных производственных мощностей, способных выпускать новую продукцию.

- Формирование специальной ветви «СЗФО – Беларусь» в структуре совместных исследований по линии конкурсов РФФИ, РГНФ и БРФФИ.

- Создание специального интернет-ресурса, посвященного совместным программам и проектам, размещению запросов потребителей научной продукции и предложений по готовым к практическому применению результатам НИОКР.

Предстоит создать российско-белорусскую сеть организаций инновационного сервиса, включающую консалтинговые (оказывающие консультации и проводящие экспертизу в сфере экономики и производства; предоставляющие услуги по подготовке бизнес-планов, поиску партнеров и инвесторов, оказывающие содействие в области продвижения научно-технических разработок и наукоемкой продукции на рынки сбыта, включая маркетинг, рекламу, выставочную и патентно-лицензионную деятельность), инжиниринговые (предоставляющие комплекс инженерно-консультационных услуг, касающихся оптимизации производственных

инвестиций, главным образом в строящиеся объекты, организации производства и освоения технологий, а также выполняющие предпроектные и проектные разработки) и контроллинговые организации (обеспечивающие повышение отдачи от введенных в действие активов специальными приемами контрольного сопровождения регулируемых процессов в системе управления и производства).

В перспективе взаимодействие субъектов научно-технической деятельности может получить новый импульс для развития в рамках таких программных инструментов, как Программа Союзного государства по техническому перевооружению отраслей экономики России и Беларуси или Межгосударственная целевая программа инновационного сотрудничества государств-участников СНГ.

Инновационное развитие промышленности как основа системной модернизации экономики Севера и Арктики

Переход к инновационной модели развития промышленности предполагает принципиальную трансформацию экономики промышленности в целом. Постепенно уходит в прошлое эпоха безоговорочного доминирования крупных транснациональных компаний, которые ориентируются, прежде всего, на объемные капиталовложения и крупномасштабный сбыт. Им на смену приходит наукоемкое производство, в котором решающее значение имеет способность компании к постоянному обновлению продукции за счет внедрения новых технологий. В этой новой ситуации проявляются преимущества предприятий малого и среднего бизнеса.

На протяжении всего развития человечества движущей силой его развития были инновации. Однако, несмотря на то что инновационная практика существует много тысячелетий, предметом специального научного изучения инновации стали лишь в XX в.¹

Исследования, непосредственно связанные с региональным инновационным развитием промышленности, авторам обнаружить не удалось. Аналогичную попытку предпринял В. Герасимов², который обобщил работы ученых, связанные с теорией и методологией инновационного развития экономики. Из рассмотренных теорий можно отметить, посвященные изучению инновационной динамики и инноваций в ритме циклично-генетических закономерностей развития общества. Эти исследования были проведены такими учеными-экономистами, как Й. Шумпетер, Ф. Бродель, Г. Меншу, С. Кузнец, Н. Кондратьев, П. Сорокин и др.³

¹ Яковец Ю.В. Эпохальные инновации 21 века. – М.: Экономика, 2004. – С. 18.

² Герасимов А.В. Инновационное развитие экономики: теория и методология. – Режим доступа: <http://oad.rags.ru/vestnikrags/issues/issue0307/030718.htm>

³ Schumpeter, History of Economics Analysis, 1912; Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвиденья. – М.: Экономика, 2002; Simon Kuznetz. Modern economic growth: Findings and reflections. Nobel lecture delivered in Stockholm, Sweden, December 1971 and published in the American Economic Review 63 (Sep-tember 1973); Mensch G. Das Technologische Patt: Innovationen ubervinden die Depression. – Frankfurt, 1975; Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997.

Цукерман Вячеслав Александрович – к.т.н., доцент, зав. отделом Института экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН.

Период с 40-х до середины 70-х годов характеризуется работами английского ученого Д. Бернала, в которых он отмечал, что «периоды расцвета науки обычно совпадают с периодами усиления экономической активности и технического прогресса, как следствия применения инноваций»⁴.

Проблеме взаимосвязи инноваций с экономическим ростом посвящены работы Саймона Кузнеця⁵. В них сформулирован ряд новых подходов к теории инноваций, развивающих идеи Й. Шумпетера и Д. Бернала.

На современном этапе существенный вклад в развитие теории инноваций внесли такие ученые-экономисты, как Б. Твисс, А. Яффе, Д. Лернер, С. Штерн, М. Гяратана, С. Торриси и А. Пагано, А. Арора и А. Гамбардела, которые в исследованиях по экономическому благосостоянию привели яркий пример экономического роста развивающихся стран за счет инноваций, а также попытались выделить факторы экономического роста. Одним из факторов инновационного развития экономики, по их мнению, является образование. Специальное образование играет определяющую роль в поддержке технического прогресса, как и расходы крупных компаний на исследования и разработки вкупе с усилиями частных предпринимателей оказываются ценным дополнением к инновационному процессу. Во всех странах, где развивается высокотехнологичный сектор экономики, по мнению ученых, присутствуют высокообразованные специалисты относительно уровня развития региона.

Известные американские ученые-экономисты К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю, в свою очередь, назвали фактором инновационного пути развития экономики крупные компании⁶, основываясь на том, что новейшие технологии, как правило, требуют использования крупного капитала, крупных рынков, комплексного, централизованного и строгого интегрированного рынка, богатых и надежных источников сырья.

Интернациональная команда экономистов М. Гяратана, С. Торриси и А. Пагано придерживаются той же теории.

Исследовали проблемы инновационного развития и отечественные ученые. Еще при плановой экономике проводились фундаментальные

⁴ Бернал Д. Наука в истории общества. — М.: Иностранная литература, 1956.

⁵ Кузнец С. Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений. Нобелевская лекция // Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России / под ред. Ю.В. Яковца. — СПб.: Гуманитика, 2003.

⁶ Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: в 2 т.: пер. с англ. — М., 1997. — Т. 2. — С. 89.

исследования долговременных тенденций в динамике науки, техники и экономики. В этом отношении особого внимания заслуживают работы академика А.И. Анчишкина⁷.

Современные российские ученые П. Сорокин и Ю. Яковец разработали теорию и систему, объясняющие темп и характер инноваций во времени, добавив технологические, экологические, экономические, социально-политические и государственно-правовые инновации⁸. Большой вклад в развитие инноваций внесли академики С.М. Алдошин и С.Ю. Глазьев.

Говоря об инновационном развитии промышленности региона, следует учесть такой немаловажный фактор, как окружающая среда, кластер или экономическое пространство, в котором действует инноватор. М.Е. Портер, анализируя влияние экономической среды региона на активность предпринимателя-инноватора, пришел к выводу, что чем более развито географическое пространство региона, тем больше возможностей для его инновационного развития⁹.

Основными проблемами, характерными для инновационного развития промышленности, являются следующие:

- не сформирована региональная инновационная система;
- отсутствуют инновационные механизмы функционирования предпринимательских структур;
- практически отсутствует система страхования инвестиционных и инновационных рисков;
- не решены вопросы государственно-частного партнерства;
- не развита инновационная инфраструктура и не создана информационно-консультативная система;
- несовершенство законодательного обеспечения и правовых механизмов;
- слабо развит малый и средний инновационный бизнес;
- не решены вопросы структурной перестройки экономики и отсутствует ее системная модернизация.

Имеющиеся проблемы свидетельствуют о необходимости совершенствования инновационного развития промышленности как основы системной модернизации экономики Севера и Арктики.

⁷ Анчишкин А.И. Наука-Техника-Экономика. – М.: Экономика, 1986.

⁸ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва. – М.: Экономика, 2004. – 632 с.

⁹ Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. – New-York: Free Press, 1990.

При реализации модели инновационного развития промышленности следует принимать во внимание необходимость решения вопросов, имеющих долгосрочный характер, таких как структурный кризис, низкий уровень жизни населения, ограниченные финансовые средства предприятий, значительный износ производственных фондов и особенно дефицит высококвалифицированных кадров.

Для разработки механизмов управления инновационным развитием промышленности северных регионов и необходимой для этого законодательной базы требуется в первую очередь разработать научно обоснованную Стратегию социально-экономического развития Севера и Арктики на средне- и долгосрочный периоды. При этом следует отметить, что законодательные акты субъектов РФ не могут обеспечить единого подхода к инновационному развитию, поэтому создание экономических и правовых условий для реализации инновационной промышленной политики должно базироваться на законе РФ «Об инновациях и инновационной деятельности». Такой закон, к сожалению, отсутствует.

Необходима активизация инновационной системы регионов Севера и Арктики, призванной обеспечить координирующие функции и сформировать основы институционального взаимодействия субъектов инновационной деятельности, обеспечивая одновременно действие принципов независимости и комплиментарности региональных функций по отношению к национальным. Региональная инновационная система (РИС) призвана стать одним из эффективных инструментов системной модернизации экономики Севера и Арктики:

- за счет обеспечения рационального сочетания и эффективного использования научно-технического, интеллектуального, промышленного потенциала и природных ресурсов;
- формирования научно-технической базы и организационно-экономических механизмов, направленных на развитие инновационного предпринимательства.

Формирование инфраструктуры региональной инновационной системы предполагает развитие производственно-технологической поддержки инноваций, продвижения на рынок инновационной продукции, информационного обеспечения, кредитно-финансовой системы и кадрового обеспечения инновационной деятельности¹⁰.

¹⁰ Цукерман В.А., Козлов А.А. О формировании региональной инновационной системы регионов Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2009. – № 1 (22). – С. 80-83.

Как показывает зарубежный и отечественный опыт, одним из действенных инструментов системной модернизации экономики Севера и Арктики могут стать целевые комплексные программы инновационного развития промышленности.

Разработана методика оценки уровня развития промышленного производства, основанная на сопоставлении его со средним уровнем по России с использованием метода статистического анализа гипотезы о значении генерального среднего совокупности данных¹¹.

Согласно данному методу были проанализированы пять отображенных на первом этапе экономических показателей для регионов Севера. Результаты проведенного исследования по ранжированию регионов и оценки их состояния по сравнению со средним по России показали, что первое место занимает Магаданская область, второе – Мурманская область и Республика Саха, третье – Ямало-Ненецкий АО, четвертое – Республика Коми, пятое – Архангельская область.

Следует активизировать инновационную деятельность институтов РАН и ее центров, расположенных на Севере, для повышения уровня развития промышленности. Необходимо содействовать расширению связей между наукой и производством, разработке и реализации наукоемких технологий. Этому должны способствовать элементы региональной инновационной системы, субъекты инновационной деятельности и инновационной инфраструктуры. В регионах Севера на сегодняшний момент таких структур явно недостаточно (таблица). Они позволяют управлять жизненным циклом инноваций, который представляет собой совокупность последовательных этапов инновационного процесса – преобразование научных знаний в инновацию, ее распространение, насыщение и замещение.

Практика показывает, что многие промышленные предприятия недооценивают важность первых этапов жизненного цикла инноваций (от фундаментальных исследований до испытаний) и связанных с ними управленческих решений. В российской практике НИОКР обоснованно проводятся в научно-исследовательских и опытно-конструкторских организациях.

¹¹ Цукерман В.А., Фридман А.Я., Фридман О.В. Экспресс-анализ промышленного инновационного потенциала регионов Севера как один из способов оценки их устойчивого развития // Экономический рост, ресурс-созависимость и социально-экономическое неравенство: материалы II Всероссийской конференции, Санкт-Петербург, 27-29 октября 2010 г. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 184 с. – С. 170-173.

Объекты инновационной инфраструктуры регионов Севера

Наименование объектов инфраструктуры	Россия	Регионы Севера	
		Количество	Доля в общем объеме, %
Центры трансфера технологий	350	9	0,6
Органы координации инновационной деятельности	371	10	0,7
Технопарки, бизнес-инкубаторы	217	9	0,6
Финансовые компании, венчурные фонды	221	3	0,2
Центры научно-технической информации	321	18	1,2
Всего	1480	49	3,31

В этом плане без участия РАН как системообразующего элемента невозможно обеспечить технологическую модернизацию экономики Севера и Арктики.

Фирмы успешных стран, особенно японские, уделяют особое внимание новым научным знаниям и эффективно используют значительные резервы начальных этапов цикла. Период от идеи до момента выхода на рынок, называемый ТАТ («turn around time»), составляет одну из важнейших задач, на решение которой нацелены фирмы, функционирующие в сфере производства наукоемких технологий. Например, Япония осуществляет весь исследовательский цикл от фундаментальных до прикладных НИОКР одной и той же компанией, затрачивая на эти цели громадные средства¹².

Инновационное развитие промышленности как основа системной модернизации экономики Севера и Арктики — это не только практическое использование новых научных знаний и реализация прорывных технологий, но и совершенствование системы подготовки и повышения квалификации кадров, прежде всего в научно-технической и промышленной сферах. Кадровое обеспечение инновационного развития в значительной степени влияет на жизнеспособность регионов Севера, является одним из основных факторов развития всех секторов экономики. Однако следует признать, что дефицит кадров для системной модернизации экономики Севера и Арктики из года в год увеличивается по всей иерархической цепи — от квалифицированных рабочих до инженерно-технических работников и управленцев.

¹² Нижегородцев Р.М., Никитина С.М., Шевцов Д.С. Инновационные формы в современной российской экономике. — Москва, Кемерово: Сибирская издательская группа, 2010. — 311 с.

Рассчитывать на решение проблемы дефицита кадров для инновационного развития за счет переезда специалистов из других регионов не приходится. В этой ситуации образовательные учреждения регионов являются основой для подготовки профессионалов. Новые экономические реалии породили в регионах Севера процесс создания сети высших учебных заведений и филиалов университетов в малых городах, что является положительной тенденцией (удачный опыт северных стран тому подтверждение).

Существующая система высшего профессионального образования слабо ориентирована на запросы реального сектора экономики и не соответствует потребностям рынка труда. Отсутствует государственная система прогнозирования потребности в кадрах. Уменьшение в последние годы количества бюджетных мест в средних и высших учебных заведениях на Севере привело к существенной деформации структуры образовательных услуг, по которым ведется подготовка специалистов.

Исходя из существующих проблем, подчеркнем, что региональная политика Севера должна включать в себя разработку и реализацию мер, стимулирующих приток новых кадров, в первую очередь из числа молодежи. Экономическая привлекательность для специалистов работы на Севере фактически исчезла.

Необходимо создать новые формы экономических и социальных стимулов привлечения кадров на Север.

Анализ, проведенный в организациях, предприятиях и властных структурах, показывает, что высококвалифицированных специалистов на Севере крайне недостаточно.

В работе¹³ предлагаются конкретные меры Правительству РФ, Министерству образования и науки РФ и органам государственной власти северных регионов, связанные с совершенствованием системы подготовки и переподготовки менеджеров и специалистов в рамках системной модернизации экономики Севера.

¹³ Цукерман В.А. Проблемы подготовки и переподготовки инновационных менеджеров // Совершенствование системы подготовки и переподготовки менеджеров и специалистов для инновационного развития Мурманской области: материалы Международной научно-практической конференции, Апатиты, 11 – 13 ноября 2009 года /сост. В.А. Цукерман, И.О. Волченко, Е.С. Горячевская. – Мурманск: МОИПКРОиК, 2010. – 319 с. – С. 274-280.

Формирование института социальных технологов в геронтологической социальной работе Вологодской области

На территории Вологодской области проживают более 350 тысяч пожилых граждан, нуждающихся в постоянной социальной поддержке со стороны государства. Согласно исследованиям тенденций и проблем развития населения региона в начале XXI века, основными характеристиками условий проживания пожилых граждан было: чрезмерное экономическое неравенство между поколениями; невысокий, с тенденцией к понижению, средний уровень человеческого и социального капитала; потеря социального статуса и ухудшение финансового положения стариков. Негативные демографические процессы заставляют квалифицировать ситуацию с пожилыми людьми в области как кризис. Подтверждают такой вывод установленные факты: сокращение продолжительности жизни населения, прежде всего мужчин; рост самоубийств среди стариков; значительное количество разводов, низкий уровень повторных браков; увеличение количества вдов, массовом одиночестве женщин пожилого возраста [1].

Структура социальной защиты пожилого населения Вологодской области включает в себя: Департамент труда и социального развития области; Департамент труда и социального развития города Вологды; 27 городских и районных комитетов, отделов социальной защиты населения; 4 общежития для престарелых и инвалидов, в т. ч. специальное общежитие для престарелых и инвалидов, требующих постоянной заботы, из числа людей, освобожденных из мест заключения; Центра комплексной реабилитации людей с ограниченными возможностями; Центра социальной адаптации людей без определенного места жительства; ночлежные дома; 18 общежитий для малоимущих граждан преклонного возраста и инвалидов.

Королев Игорь Юрьевич – к.ф.н., доцент кафедры социально-гуманитарных наук Вологодского государственного технического университета.

Такая сложная и разветвленная структура поддержки лиц пожилого возраста вынуждена активно использовать в сфере решения разнообразных проблем пожилых людей определенные технологии. Без института менеджеров со специализацией «социальные технологии» невозможна оптимизация и увеличение эффективности системы геронтологической работы в области. Главная функция социальных технологов – разработка и внедрение в администрирование социальной геронтологической работы современных, научно обоснованных инноваций. Во-вторых, что не менее важно, их функция связана с требованием быстро и повсеместно распространять на территории региона социальные новшества (идеи, программы, проекты и т.д.). Следующая функция таких менеджеров – модернизация геронтологической социальной деятельности, т.е. включение в неё только тех процессов и операций, которые являются необходимыми для геронтологической социальной работы в целом. На практическом уровне главное предназначение социальных технологов состоит в обслуживании научной и функциональной взаимосвязи процессов менеджмента с конкретными методами планирования, организации и контроля в геронтологической социальной работе. Дефицит подобных экспертов среди социальных работников характерен для начальной стадии формирования региональной системы социальной защиты старшего поколения. Острая нехватка социальных технологов – существенный фактор, препятствующий совершенствованию системы геронтологической социальной защиты в области.

Одновременно с умножением мер по поддержке старшего поколения региональный департамент труда и социального развития предпринимает определенные усилия по развитию компетентности социальных работников. Система совершенствования профессиональных знаний, умений, навыков социальных работников была сформирована в 2000 году в рамках реализации на территории области русско-шведского проекта «Система совершенствования профессионального мастерства социальных работников согласно международным стандартам».

Университетской общественностью Вологды совместно с немецкими коллегами был подготовлен «Лексикон социальной работы». К настоящему моменту вышло в свет третье его издание. Словарь содержит 310 статей и предназначен для просвещения широкого круга социальных работников [2]. Данный специальный словарь послужил одним из источников для выпуска «Современной энциклопедии социальной работы» [3].

Знакомство с зарубежным опытом позволяет узнать, во-первых, какие социальные технологии в геронтологической социальной работе в области уже применяются; во-вторых, что еще возможно применить (когда, при каких обстоятельствах); в-третьих, что вызывает сомнения в применении различных путей, методов, способов решения социальных проблем; в-четвертых, что вообще неприемлемо из иностранной практики. Изучение мирового опыта помогает существенно обогатить возможности решения социальных проблем, заимствуя все лучшее, имеющее место в решении социальных проблем различных групп населения. Устойчивое внимание к иностранной практике не исключает учета тех социальных технологий, которые имели место (в непрофессиональных и профессиональных формах) на различных стадиях развития российского общества, не игнорируя предреволюционное время и советский период.

Формирование института социальных технологов в области связано с учреждением в 2000 г. в Вологодском государственном техническом университете гуманитарного факультета. Первая открытая на факультете профессия – менеджер организации со специализацией «социальные технологии». Не только в нашей области, но и в других субъектах Российской Федерации нет ни одного образовательного учреждения, которое готовило бы подобные кадры.

Штат преподавателей гуманитарного факультета открывает перед студентами горизонты возможного применения социальных технологий. Во время обучения студенты самостоятельно разрабатывают различные проекты актуальных социальных технологий. Будущие социальные менеджеры постоянно проявляют интерес к работе над экспертизой различных осуществляемых или предлагаемых реформ, законов, инициатив. Экспертиза проводится обязательно на материалах Вологодской области в целом или же отдельного муниципального образования, отдельного административного района в частности. Например: «Экспертиза реформы монетизации социальных льгот», «Социальная экспертиза реформы жилищно-коммунальных услуг в (конкретном) городе». Работа над предложениями по решению актуальных проблем пожилого населения – обязательное требование к организации научных изысканий студентов. В ежегодных потоках студентов всегда есть кто-то, кто целеустремленно развивает систему контроля уровня жизни населения или определяет механизм изучения бедности различных страт.

Компетентность дипломированного специалиста данной профессии делает возможным независимый сбор и анализ социальной информации, изучение общественного мнения по различным вопросам. Студенты серьезно относятся к изучению технологий управления персоналом (подбор кадров, обучение, сплочение трудового коллектива, преодоление конфликтов и т.п.). Гуманитарный факультет готовит специалистов к работе с различными социальными группами, старики – одна из них. Геронтологическая социальная работа, представленная как набор социальных технологий, является одним из направлений обучения будущих социальных технологов.

В 2007 году впервые на базе ВоГТУ была сформирована группа (23 человека) из лиц, получающих второе высшее образование по «Социальному менеджменту». Учебный план данной группы соответствует программе переподготовки магистров в Европе. Группа будущих дипломированных социальных технологов состоит преимущественно из местных уроженцев, которые прибыли для обучения из различных уголков области. Все они – эксперты по социальным проблемам. У большинства из них имеется опыт работы в профессии от 2 до 10 лет.

В списке профессий российского социального работника нет такой позиции, как «менеджер организации со специализацией «социальные технологии»». Но сущность данного института уже фактически реализуется в профессиональной деятельности слушателей. Список их должностей показателен: специалисты в сфере решения социальных проблем, учителя-организаторы, глава организационно-методического отдела муниципального центра социального обеспечения населения, руководители департаментов труда и социальной защиты, директор муниципального центра социальной защиты и т.д. Судя по номенклатуре должностей, слушатели специализируются на работе с различными категориями населения: детьми, подростками, женщинами, а также с лицами преклонного возраста.

Слушатели посвящают свои дипломные проекты разработке конкретных социальных технологий, применимых к различным социальным категориям. Темы заключительных квалификационных проектов, посвященных проблемам пожилых людей, очень интересны. Среди них: «Социальная модель участия волонтеров старшего поколения в экспертизе качества социального обслуживания на дому», «Знание города Вологды для пенсионеров (участники клуба краеведов)» «Туризм в реабилитации

людей с ограниченными возможностями», «Предоставление медицинской социальной поддержки по принципу “одно окно”», «Социальное общежитие». Все технологии, развитые в дипломных проектах, имеют инновационный характер и полезны для организации досуга, увеличения количества организационных форм активного участия пожилых граждан в общественной жизни, для борьбы с бюрократизмом при решении различных жизненно важных вопросов лиц преклонного возраста.

Сравнивая два потока, официально формирующие институт социальных технологов в геронтологической работе в области, можно констатировать следующее. С одной стороны, люди, занимающие далеко не последние места в региональной структуре социального сектора, чувствуют настоятельную потребность в современном технологическом способе мышления в своем профессиональном деле. С другой стороны, дипломированные социальные технологи, выпускники гуманитарного факультета, не вовлечены в активную геронтологическую работу области. Здесь нет никакого парадокса. Фактически формирование института социальных технологов находится только на начальной стадии. О роли профессии социального технолога потенциальные наниматели просто не знают. Миссия подобного эксперта в сфере решения социальных проблем стариков, тем временем, уже четко определена. Профессиональная карьера у слушателей группы-практиков социальной работы развивается хорошо, а дипломированные выпускники гуманитарного факультета полны оптимизма относительно их будущей профессиональной карьеры.

Продолжая портретирование социального технолога, заметим, что семья – необходимое условие его жизни. Если одним словом попытаться выразить кредо, это будет гуманизм. Непременная норма его профессиональной, да и частной, деятельности – предохранять старшее поколение от любого вида социальной дискриминации, включая дискриминацию по возрасту, полу, состоянию психического, физического, ментального здоровья. В ходе данного исследования, во время взаимных контактов с настоящими и будущими социальными технологами, зафиксирован факт наличия согласия данной группы относительно их профессиональной системы норм, ценностей, ролей. Таким образом, в геронтологической работе области происходит формирование нормативной структуры социальных технологов.

Процесс целенаправленного формирования института социальных технологов в Вологодской области начался с момента, когда было принято официальное решение открыть гуманитарный факультет в ВоГТУ. Первая профессия, которую стал готовить факультет, – менеджер организации со специализацией «социальные технологии». Данное решение было сразу одобрено региональным общественным мнением как хорошее, правильное, достойное. Тем самым признавалась необходимость значительных изменений в существующей практике регионального управления социальной сферой. Оказалось, что социальный работник, прошедший профессиональное обучение, может быть посредником между государством и конкретными людьми, может быть способным помочь некоторым бедным людям. Однако этого было явно недостаточно для эффективного решения социальных проблем престарелых в современных условиях. Организовать решение многих насущных проблем населения социальный работник, подготовленный в прошлом столетии, был неспособен. Настоятельно требовалось профессиональное обучение менеджменту социальной сферы в Вологодской области.

Основными легитимирующими аргументами для открытия гуманитарного факультета послужили следующие резоны: необходимо готовить резерв управленческих кадров; требуется развитие структуры менеджмента социальной сферы области, его диверсификация; персонал, вовлеченной в структуры социального управления должен обладать ментальным потенциалом работников высшей школы и университетской науки; информационно-аналитическая поддержка и конструктивная критика политических решений и практических действий государственных, региональных и муниципальных властей; профессиональная экспертиза политических решений, оценка их социальных последствий, моделирование и прогнозирование ситуаций; создание альтернативных социальных технологий решения административных проблем; изучение, описание исторических, юридических, других традиций, уроков развития мировой цивилизации; модернизация отечественного опыта.

Проведенное автором исследование позволяет выделить некоторые типы субъектов, инициировавших создание института социальных технологов в Вологодской области. Среди многих отдельных людей, активно и целеустремленно способствовавших рождению нового социального института, отметим прежде всего декана гуманитарного факультета ВоГТУ профессора В.Н. Асташова. Он начал неведомое дело с нуля, организовал

факультет. Он должен был доказать региональной администрации необходимость открытия гуманитарного факультета, лоббировать принятие соответствующего решения в Министерстве просвещения Российской Федерации, подобрать штат кафедр факультета.

Вторым типом субъектов, продвигавших формирование новшества, предстают преподаватели в инновационной роли интеллектуалов и экспертов кафедр факультета. Здесь предрасположенность и прерогативы для формирования инновации встроены в структуру их профессиональной роли независимо от того, кто собственно играет эту роль. Креативность, способность к созданию нового института социальных технологов стали не просто ожиданием общественности, а превратились в должностные обязанности преподавателей кафедры социально-гуманитарных наук университета, независимо от их индивидуальных, субъективных качеств. Данная кафедра является выпускающей кафедрой и отвечает за подготовку профессии «менеджер организации со специализацией “социальные технологии”». Кафедру социально-гуманитарных наук вполне можно рассматривать в качестве инновационной организации. Обязанность инициирования новшества является конституционным компонентом статуса кафедры. Образовательные, организационные, методические и другие кафедральные действия имеют коллективный характер, и формирование института социальных технологов появляется в результате совместных усилий членов кафедры.

Следующим типом субъектов формирования института социальных технологов выступает группа энтузиастов, определенный круг инновационного характера среди работников социального сектора области. Их не удовлетворяет неэффективность существующих стандартов, привычек, канонов, практики их профессиональной деятельности. В силу этого данный круг старается преобразовать идеологию своей профессии, ищет альтернативные образцы или технологии решения проблем престарелых. В нашем случае это группа слушателей, добровольно изъявивших желание специализироваться на разработке и внедрении новых технологий в социальной геронтологии.

Каждый из вышеупомянутых субъектов обладает различным инновационным потенциалом для формирования института социальных технологов в геронтологической социальной работе. Раскрытие этого потенциала зависит как от внешней, так и внутренней ситуации и отношений к системе социальной работы, которая становится объектом изменений.

Изменения этой системы в направлении формирования института социальных технологов могут быть стимулированы и силами, которые находятся вне этой системы. Региональный департамент труда и социального развития активно сотрудничает с иностранными партнерами в этом направлении. В таком случае происходит «импорт» успешного зарубежного опыта. Однако многие задуманные практикуемые альтернативные образцы социальных технологий имеют корни в отечественной практике.

Источники изменений, которые находятся в региональной системе социального менеджмента, являются существенными. Их генезис связан с возникновением различного рода противоречий, конфликтов, диссонансов в социальной сфере. Такие явления, как аномия в российском обществе; антиномия и амбивалентность по отношению к старости; конфликт в понимании роли менеджеров социальной сферы, существуют в этой среде маргиналы, которым не нравится существующий порядок вещей в их профессии, и они пытаются, так или иначе, улучшить статус-кво; элементы раскола между поколениями; внутренняя дисгармония нормативной структуры, мотивируют создание института социальных технологов в геронтологической социальной работе Вологодской области. Формирование института официальных социальных технологов суть целеустремленная попытка нейтрализации, смягчения особенно острых конфликтов и давления, присутствующих в геронтологической социальной работе.

Процесс формирования анализируемого института может быть квалифицирован как медленный, постепенный и эволюционный. Подобная скорость формирования нового социального института типична для ситуации преобразования, инициированного «сверху». На основе официального решения открыть на гуманитарном факультете ВоГТУ государственной программы подготовки «менеджера организации со специализацией “социальные технологии”», благодаря заинтересованной деятельности регионального департамента труда и социального развития, институт технологов в геронтологической социальной работе области развивается, хотя и медленно, шаг за шагом.

После стадии инициирования института социальных технологов следует стадия его раскрытия. Общественность, таким образом, знакомится с его потенциалом и возможностями. В настоящее время институт технологов геронтологической работы в области находится именно на таком этапе.

Рассматриваемый институт из состояния «частного дела» инициаторов перешел уже в состояние, которое становится «общественным». Несколько лет успешной подготовки социальных технологов в ВоГТУ не позволяют новому социальному институту оставаться незамеченным, эта инновация достигает определенной известности среди региональной общественности. О социальных технологах теперь знает не только узкий круг преподавателей и студентов гуманитарного факультета. Некоторые оригинальные идеи и технологии находятся сегодня в стадии практической реализации. Таким образом, можно фиксировать первые значимые общественные последствия от создания данного института.

Литература

1. Тенденции и проблемы развития региона: научные труды: в 3 ч. — Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005.
2. Лексикон социальной работы: учебное пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — Вологда: Полиграфист, 2005.
3. Современная энциклопедия социальной работы / под ред. академика РАН В.И. Жукова. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Издательство РГСУ.

**И.Н. Медведева, О.И. Мартынюк,
С.В. Панькова, И.О.Соловьева**

Студентоцентрированный подход как основа организации учебного процесса в условиях перехода на Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования

Официальное включение российской высшей школы в процесс Болонских реформ ставит задачу обеспечения качества и управления качеством на одно из центральных мест в модернизации высшего образования.

Современные преобразования в обществе, новые стратегические линии в развитии экономики, политики, социокультурной сферы привели к необходимости модернизации многих социальных институтов, и в первую очередь системы образования. Одной из главных задач приоритетного национального проекта «Образование» является повышение качества образования. Внедрение инновационных подходов в образовании, развитие инновационного потенциала образовательных учреждений, формирование готовности учителя к инновационной педагогической деятельности являются необходимым условием повышения качества. Одним из новых концептуальных ресурсов, адекватных поставленным задачам, является компетентностный подход в образовании. Учитывая, что принятие решений происходит в комплексных динамичных системах, таких, как большинство сегодняшних предприятий и организаций (в частности, школ), компетенции можно понимать в контексте современной теории самоорганизации, где они выступают важным персональным ресурсом.

Современные условия предъявляют к выпускникам новые требования, среди которых все больший приоритет получают требования системно организованных, интеллектуальных, коммуникативных, рефлектирующих, самоорганизующих начал.

Медведева Ирина Николаевна – кандидат физико-математических наук, доцент, декан факультета Псковского государственного педагогического университета имени С.М. Кирова.

Мартынюк Оксана Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент ПГПУ им. С.М. Кирова.

Панькова Светлана Витиславовна – кандидат физико-математических наук, доцент ПГПУ им. С.М. Кирова.

Соловьева Ирина Олеговна – кандидат педагогических наук, зав. кафедрой ПГПУ им. С.М. Кирова.

Все чаще работодателям нужна не квалификация, которая слишком часто ассоциируется с умением осуществлять те или иные операции, а компетентность, в которой сочетаются квалификация в строгом смысле этого слова и социальное поведение, способность работать в группе, инициативность.

С 2004 года в Псковском государственном педагогическом университете ведутся исследования в области компетентностного подхода в образовании, накоплен опыт по формированию модели специалиста в области образования в контексте компетентностного подхода¹. С учетом Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, отечественного и зарубежного опыта, результатов опроса администрации ряда школ и представителей управления образования Псковской области, с привлечением мнения академического персонала и точки зрения выпускников нами была построена модель выпускника физико-математического факультета. Для каждой компетенции были определены уровни (базовый и продвинутый) с целью их поэтапного формирования, представлена оценка уровня сформированности компетенций у выпускников физико-математического факультета, проведен анализ важности выделенных показателей.

Построенная модель легла в основу разработки вузовской компетентностно-ориентированной основной образовательной программы, реализующей ФГОС ВПО по направлению подготовки «Педагогическое образование», профиль «Математическое образование»².

Эффективная и полноценная реализация компетентностно-ориентированных основных образовательных программ ВПО, разработанных на основании ФГОС ВПО, невозможна без мотивированного и заинтересованного участия студентов.

¹ Опыт формирования компетентностной модели выпускника педагогического вуза как нормы качества и базы оценки результатов образования / О.И. Мартынюк, И.Н. Медведева, С.В. Панькова, И.О. Соловьева // XI симпозиум «Квалиметрия в образовании: методология, теория, практика». – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 48 с.; Компетентностная модель выпускника физико-математического факультета / О.И. Мартынюк, И.Н. Медведева, С.В. Панькова, И.О. Соловьева. – Псков, 2008. – 160 с.

² Формирование компетентностно-ориентированной основной образовательной программы по направлению «Педагогическое образование». Опыт Псковского государственного педагогического университета / руководитель авторского коллектива и науч. ред. канд. физ.-мат. наук, доцент И.Н. Медведева // Материалы XIX Всероссийской научно-методической конференции «Проблемы качества образования. Проектирование образовательных программ высшего профессионального образования». – М., Уфа: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. – 78 с.

Центром и единицей измерения процесса и результата образования становится сегодня студент как социальный субъект общественных отношений. Включение студентов в реализацию компетентностного подхода и формирование индивидуальных образовательных программ является необходимым условием успешного освоения компетентностно-ориентированной основной образовательной программы. Инновационное образование требует непрерывного мониторинга показателей социальной адаптации студентов, мотивированности на обучение и саморазвитие, получение профессиональных знаний, здоровья, психологического комфорта, развития творческих способностей, знаний, умений работать с информационным потоком, самодиагностики, что в совокупности можно назвать мониторингом становления мировоззрения на временном отрезке периода обучения.

Необходимо способствовать освоению студентами идей компетентностного подхода, содействовать их включению в проектирование индивидуальной компетентностной модели выпускника, умению планировать и осуществлять процесс формирования компетенций, способности проводить самодиагностику и презентовать достигнутые результаты. Представляется чрезвычайно актуальной разработка инструментария, который позволил бы проводить мониторинг уровня сформированности компетенций студентов в процессе обучения.

На физико-математическом факультете было проведено исследование мотивации и готовности студентов первого курса к реализации компетентностного подхода к результатам их образования. На первом этапе исследовались: мотивация поступления в вуз, нацеленность на саморазвитие, уровень сформированности социально-коммуникативной компетентности. По результатам исследования в структуре мотивов студентов на первое место выходит получение высшего образования и направленность на процесс приобретения знаний. Большинство студентов характеризуются высоким уровнем готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию. Это может быть связано с тем, что на первом курсе студенты адаптируются в вузе, стремятся занять активную позицию в отношениях с однокурсниками и преподавателями. На втором этапе студентов познакомили с компетентностным подходом в образовании, компетентностной моделью выпускника, паспортами и программами формирования компетенций, основными идеями студентоцентрированного

подхода в образовании, самооценкой уровня сформированности компетенций и др. Первокурсникам был задан ряд вопросов о их роли в построении учебного процесса. Анализ ответов показывает, что они хотели бы строить свой индивидуальный учебный план, как выбирая последовательность прохождения дисциплин (93%), так и добавляя дисциплины сверх программы (86%); студентам интересно проводить самодиагностику результатов обучения. Таким образом, можно сделать вывод, что первокурсники заинтересованы в построении своей образовательной траектории, проведении самодиагностики.

Необходимо стимулировать студентов к самостоятельной деятельности по освоению индивидуальной образовательной программы и формированию необходимых компетенций. Этому может способствовать создание наддисциплинарного курса для студентов. Он должен изучаться на протяжении всего периода обучения и предназначен для того, чтобы сформировать у студентов представление о компетентностном подходе в образовании, индивидуальной образовательной траектории, индивидуальной компетентностной модели. В процессе изучения курса студенты знакомятся со средствами формирования обязательных и добавленных компетенций, средствами диагностики и самодиагностики уровня сформированности компетенций³.

Основная часть занятий курса должна проводиться в начале первого года обучения. В дальнейшем в начале каждого учебного года проводится проектировочное занятие для уточнения индивидуальной образовательной программы (модели, плана) и постановки задач на год. В конце каждого этапа выявляется компетентностная составляющая результатов образования в ходе анкетирования, выполнения компетентностно-ориентированных заданий, решения профессиональных задач, самопрезентации, представления портфолио, результатов проектной деятельности и др. Данный курс предполагает значительную самостоятельную работу студента, его саморефлексию по отношению к образовательному процессу в течение всего периода обучения, способность самостоятельно диагностировать уровень сформированных компетенций.

³ Участие студентов в реализации компетентностного подхода к результатам их образования в вузе / О.И. Мартынюк, И.Н. Медведева, С.В. Панькова, И.О. Соловьева // Компетентностный подход в интеллектуально-развивающем образовательном пространстве региона: Материалы международной научно-методической конференции, 23-24 апреля 2009 г. – Псков: ПГПУ, 2009. – 432 с. – С. 422-424.

По окончании курса студенты должны:

- *иметь представление:* о компетентностном подходе в образовании, о результатах образования по выбранному направлению подготовки ВПО на языке компетенций, о компетентностно-ориентированной модели выпускника по выбранному направлению подготовки ВПО;
- *знать:* основные понятия, связанные с компетентностным подходом, этапы формирования компетенций, пути их формирования, пути диагностики уровня сформированности компетенций;
- *понимать:* значимость компетенций для дальнейшей профессиональной деятельности;
- *уметь:* спроектировать индивидуальную компетентностно-ориентированную модель выпускника, составить индивидуальную образовательную программу (ИОП), проводить самодиагностику уровня сформированности компетенций;
- *владеть:* навыками презентации результатов образования (учебных достижений).

Авторами разработаны подробный тематический план курса на весь период обучения, методические указания к самостоятельной работе. Разработанный курс вошел в научно-методическое обеспечение проектирования нового поколения основных образовательных программ высшего профессионального образования⁴.

Формирование компетенций у студентов происходит в течение всего периода обучения в университете. Однако в развитии и становлении компетенций студента можно выделить ряд этапов, на каждом из которых преобладает формирование и развитие определенного набора компетенций. Это позволяет провести декомпозицию компетентностной модели выпускника, получив тем самым возможность диагностики и коррекции развития студента в условиях непрерывного образовательного процесса, и построить компетентностные модели студента для каждого этапа.

В течение года фиксируются как общие данные (накопление зачетных единиц, рейтинговые баллы, экзаменационные оценки и т.п.), так и сведения о ходе формирования компетенций (результаты мониторингов, тестирований, самооценки, экспертных оценок преподавателей, результаты по компетентностным составляющим результатов обучения по отдельным дисциплинам и т.п.) и экспертные оценки.

⁴ Проектирование основных образовательных программ, реализующих федеральные государственные образовательные стандарты ВПО: Методические рекомендации для руководителей и актива учебно-методических объединений вузов. – М.: ИЦПКПС, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2009. – 84 с. – С. 56-63.

Необходимы новые подходы к информационной поддержке учебной деятельности студентов, в частности необходимо разработать информационно-справочную систему, сопровождающую студента в процессе всего периода обучения и позволяющую проводить мониторинг поэтапного формирования компетенций. Для обеспечения качества образования и управления качеством необходима информационно-справочная система, предоставляющая возможность наблюдения и фиксирования изменяющегося уровня сформированности компетенций студента в течение всего периода обучения. Данная система позволит усилить степень индивидуализации обучения, оперативно получать информацию о формировании компетенций, прогнозировать промежуточные и конечные результаты их формирования, вносить коррективы в процесс обучения, будет способствовать развитию творческого потенциала студентов⁵.

Информационно-справочная система содержит справочную часть, индивидуальные образовательные программы студентов, результаты освоения образовательной программы.

Справочная часть информационной системы включает в себя: модель выпускника; краткое содержание компетенций; паспорта компетенций; программы формирования компетенций; учебный план; глоссарий; ответы на типовые вопросы.

Первокурсники знакомятся со справочной частью информационной системы в рамках указанного выше наддисциплинарного курса.

Раздел «Результаты освоения ООП» включает в себя следующую информацию:

- базовую: общие сведения об успеваемости по отдельным предметам (накопленные зачетные единицы, рейтинговые баллы, экзаменационные оценки и т.п.);
- компетентностную: результаты оценивания компетентностной составляющей результатов обучения по отдельным дисциплинам и различным видам деятельности студентов, формирующим его как профессионала;
- экспертную: характеристики, отзывы с мест прохождения практики и т.п.

⁵ Построение информационной системы для поддержки учебной деятельности студентов в условиях компетентностного подхода // Информационные технологии в обеспечении нового качества высшего образования: сб. научных статей. – Кн. 2: Труды Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Информационные технологии в обеспечении нового качества высшего образования (14-15 апреля 2010 г., Москва, НИТУ «МИСиС»). – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. – 328 с. – С. 194-198.

Федеральный государственный образовательный стандарт предполагает участие студентов на каждом этапе, в том числе и на этапе завершения процесса обучения. При этом важной составляющей является самооценка студентом результатов своего образования.

На физико-математическом факультете Псковского государственного педагогического университета на протяжении ряда лет (с 2005 года) разрабатываются и совершенствуются методы самооценки студентами выпускных курсов сформированных у них компетенций.

Так, например, в течение трех лет проводилось изучение уровня сформированности общекультурных и профессиональных компетенций у студентов старших курсов физико-математического факультета на основе самооценки, в анкетировании приняло участие около 200 человек.

Начиная с 2006 года нами проводится мониторинг формирования профессиональных компетенций у студентов старших курсов в ходе педагогических практик. Студентам предлагается ответить на вопросы одной и той же анкеты (до педагогической практики и после нее), они должны оценить степень своей готовности к осуществлению разных видов педагогической деятельности по 46 показателям.

Кроме того, проводится анкетирование студентов пятого курса по анкете, разработанной совместно с Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова и Российским государственным социальным университетом. В процессе анкетирования исследуются:

- мотивация поступления в вуз, отношение к обучению в вузе и т.д.;
- значимость общекультурных и профессиональных компетенций для обучения по выбранной специальности и будущей профессиональной деятельности;
- самооценка степени сформированности компетенций и оценки степени влияния вуза (факультета) на формирование компетенций;
- оценка условий, необходимых для успешного формирования компетенций.

Мониторинг процесса формирования компетенций студентов является важной составляющей реализации компетентностного подхода, поскольку призван контролировать качество образовательного процесса и служить основой для своевременной корректировки индивидуальной образовательной траектории.

Логичным завершением реализации компетентностного подхода в подготовке будущего учителя является **итоговая аттестация**, проверяющая уровень сформированности компетенций у выпускника.

С целью комплексной оценки качества подготовки выпускников, определения уровня сформированности профессиональных компетенций проводится комплексный государственный экзамен по математике.

Экзаменуемый должен ответить на вопрос по математике и решить профессионально ориентированную задачу в форме методического задания, сформулированную на базе математического вопроса.

В связи с переходом на федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования, построенные на компетентностной основе, возникает необходимость проанализировать имеющийся опыт проведения итоговой государственной аттестации, соотнести его с компетентностным подходом в образовании, при необходимости внести коррективы.

Так, например, в качестве составной части государственного экзамена может быть добавлена защита соответствия освоенных компетенций требованиям ФГОС ВПО на основании личного портфолио и индивидуального мониторинга качества результатов образования.

Портфолио представляет собой набор материалов, которые структурированы определенным образом и служат для фиксирования, накопления и оценки индивидуальных достижений студента, дающих представление об уровне сформированности компетенций, готовности к профессиональной карьере. Количество разделов и рубрик, а также их тематика могут быть различными и определяются в зависимости от выбора выпускника. Портфолио достижений формируется в течение всего периода обучения и представляется государственной экзаменационной комиссией.

Таким образом, необходимо использовать все возможности образовательной среды для реализации студентоцентрированного подхода, привлечения студентов к построению собственной образовательной траектории, к участию в реализации компетентностного подхода к результатам их образования.

Пути модернизации регионального машиностроения

Каковы бы ни были точки зрения различных экспертов относительно того, что первично в предстоящем модернизационном процессе страны – технология или политика, очевидно, что без развитого машиностроения прогресс социально-экономической системы является невозможным. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» – в этом высказывании К. Маркса подчеркивается главенствующая роль средств труда и способов производства в развитии общества, приоритетность развития машиностроительного производства. Фундаментальная экономическая теория подтверждена практикой: опыт промышленно развитых стран показывал и показывает, что технологическое лидерство, обеспеченное машиностроением, и прежде всего тяжелым, подразумевает лидерство государства. Отметим, что специализация советского государства на развитии тяжелого машиностроения (энергетического, горного, металлургического, транспортного) обусловила включение страны в число развитых в период четвертого технологического уклада (1930 – 1980 гг.).

Региональное машиностроение призвано решать региональные задачи. Они не являются специфическими, но все же в каждом регионе должны быть направлены в первую очередь на обеспечение внутреннего спроса. В Вологодской области развитие машиностроения началось в 30-х гг. XX века с создания мастерских и небольших заводов по изготовлению механизмов для лесопиления и деревообработки. Переросшие после окончания Великой Отечественной войны в крупные станкостроительные предприятия, на протяжении нескольких десятков лет они обеспечивали почти половину потребности страны в лесопильном оборудовании. Значительный потенциал был накоплен в Вологодском машиностроении в 1960 – 1980 гг. за счет строительства новых заводов в областном центре: подшипникового, оптико-механического и электротехнического. К началу рыночных реформ машиностроение стало одной из лидирующих отраслей промышленности региона, заняв в 1990 году третье место по выпуску промышленной продукции и численности работников.

Грибанова Ольга Александровна – к.э.н., доцент кафедры экономики и менеджмента Вологодского государственного технического университета.

Проведенные в стране реформы создали новые институциональные и экономические условия для развития регионального машиностроения. В результате изменяется структура промышленности области: в три с половиной раза возрастает доля электроэнергетики, почти в полтора раза – черной металлургии. При этом в два раза снижается удельный вес машиностроения в производстве промышленной продукции (табл. 1).

Таблица 1. Вклад машиностроения в промышленность Вологодской области, в %

Наименование показателей	1990	1995	2000	2005	2009
Объем выпуска продукции	10,5	5,3	3,5	3,9	5,5
Численность работников	21,9	18,5	17,8	17,5	20,3
Стоимость основных производственных фондов	9,1	7,7	8,4	4,7	...
Инвестиции в основной капитал	14,0	3,2	3,9	0,4	0,8

Источники: Статистические ежегодники Вологодской области 1999, 2000, 2009 гг.; Производство машин и оборудования: статистический сборник / Вологдастат. – Вологда, 2010. – С. 74.

Статистические данные свидетельствуют об уменьшении вклада машиностроения в промышленность за период с 1990 по 2009 г. по всем показателям, кроме численности работников: по выпуску продукции вклад уменьшился примерно вдвое, по стоимости основных производственных фондов – в 2,5 раза, по инвестициям в основной капитал – более чем в 14 раз. Заметен дисбаланс показателей доли машиностроения в общепромышленных показателях основных производственных фондов и инвестиций: в исследуемом периоде первый показатель превышает второй в два раза и более. Такое соотношение означает, что объем инвестиций в основной капитал явно недостаточен, чтобы периодически осуществлять техническое перевооружение машиностроительного производства в соответствии с современным уровнем.

Отсутствие достаточного финансирования, впрочем, не единственная причина отставания машиностроения. За годы рыночных реформ в машиностроении организационно распался самый крупный сектор науки – отраслевой. Отраслевая наука призвана быть проводником результатов фундаментальных исследований в практику, осуществляя научное сопровождение производства, и закрытие отраслевых научно-исследовательских институтов означало выпадение из инновационного цикла целого звена.

Так, в Вологодской области с началом рыночных реформ прекратили существование крупнейшее на Северо-Западе головное конструкторское бюро деревообработки и четыре филиала научно-исследовательских

проектных институтов, специализировавшихся на конструкторско-технологических разработках автоматизированных комплексов и роторных машин, оптико-механического приборостроения, оборудования для мясомолочной и лесоперерабатывающей промышленности. Вологодское машиностроение лишилось коллективов исследователей и разработчиков, которые не только генерировали технические идеи, но и доводили идеи, конструкторские и технологические решения до практического освоения.

Отраслевая наука – необходимое соединительное звено между фундаментальной наукой и производством. Отраслевые научно-исследовательские институты были мозговыми центрами соответствующих министерств, а это значит, что отрасли развивались на научной основе. Вместе с ликвидацией НИИ разрушаются создававшиеся годами и десятилетиями научные школы, бесследно пропадает накопленный в ходе проведения прошлых исследований ценный научный материал. Последствия утраты отраслевой науки не замедлили сказаться: объем выпуска профильной для вологодского машиностроения продукции (машины и оборудование для лесопиления и деревообработки) за двадцать лет снизился в разы и десятки раз. Экспорт машин и оборудования практически отсутствует. Одновременно в импорте всех ввозимых в область товаров преобладает машиностроительная продукция иностранных производителей, ее удельный вес в общем объеме импортируемых товаров к 2009 г. достиг 67,4% (табл. 2).

Таблица 2. Основные технико-экономические показатели машиностроения Вологодской области

Наименование показателей	1990г.	1995г.	2000г.	2005г.	2009г.
Объем продукции, млн. руб.	0,7*	1294*	3057	9183,8	13087
Численность работников, тыс. чел.	46,8	33,1**	30,0**	25,1**	23,9**
Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	...	60,1*	139,6	116,0	152,7
Производство основных видов продукции:					
- деревообрабатывающие станки, штук	195	229	266	69	1
- деревообрабатывающее оборудование, тыс. руб.	53233	2000
- подшипники качения, млн. штук	96,0	65,8	30,4	30,0	11,8
- троллейбусы, штук	-	-	51	78	140
Доля машиностроительной продукции в экспортных поставках промышленной продукции	2,0	0,6	0,4	0,6	1,4
Доля машиностроительной продукции в импортных поступлениях промышленной продукции	36,6	41,1	66,6	56,6	67,4
* В млрд. руб. ** Включая малые предприятия. Источники: Статистические ежегодники Вологодской области 1999, 2000, 2009 гг.; Производство машин и оборудования: статистический сборник / Вологдастат. – Вологда, 2010. – С.74.					

Модернизацию регионального машиностроения, если понимать под модернизацией совершенствование в соответствии с современными требованиями, на наш взгляд, необходимо начинать с реорганизации прикладной научной деятельности и превращения науки в реальную производительную силу. Как всякая производительная сила, она становится таковой только в процессе производственной деятельности, в ходе которой управляющие производством неизменно решают три задачи: они принимают решения о том, какие товары производить, организуют производство и сбыт продукции. На основании этого в экономическом отношении деятельность машиностроительной фирмы должна включать разработки, производство и сбыт.

В данном контексте термин «разработка» используется применительно к подразделению, осуществляющему конструирование изделий, и подразумевает под этим проектирование и разработку новой продукции, а также совершенствование (модернизацию) выпускаемой продукции.

Международный стандарт системы менеджмента качества ИСО 9000 расширяет традиционное для машиностроительных компаний понятие разработки: «Проектирование и разработка – совокупность процессов, которая преобразует требования в установленные характеристики или в спецификацию на продукцию, процесс или систему»¹. Из данного определения следуют два важных вывода.

1. Процессы разработки на предприятии не ограничиваются конструкторским проектированием, они распространяются на все процессы жизненного цикла продукции, начиная с изучения рынков сбыта и заканчивая эксплуатацией машины в производственных условиях и ее последующей утилизацией.

2. Если исходить из того, что разработка в форме технической документации является первоначальной материализацией научных исследований, то преобразованию требования в установленные характеристики или в спецификацию на продукцию, процесс или систему (суть разработки) предшествуют научные исследования. Научные исследования органически встроены в процесс разработки и проектирования и для их эффективного существования требуются координирующие воздействия специальной службы, известной из зарубежной практики как подразделение НИОКР.

¹ Международный стандарт ISO 9000. Системы менеджмента качества – основные положения и словарь. – С.18.

Наши практические рекомендации по модернизации регионального машиностроения вытекают из осмысления организации прикладных научных исследований в условиях действующей на машиностроительных предприятиях системы менеджмента качества.

1. Идентификация прикладных научных исследований в виде процесса, в наибольшей степени влияющего на достижение заданных целей в соответствии с методологией системы менеджмента качества. Идентификация и измерение «входов» и «выходов» процесса обеспечивают взаимосвязи научных исследований с другими процессами, предотвращают их разобщенность и неэффективность. Таким образом, посредством механизма системы менеджмента качества достигается функционирование и результативность научных исследований.

2. Проведение научных исследований на протяжении всего жизненного цикла машиностроительной продукции. Это обеспечит систематическое исследование рынков сбыта, качества закупаемых ресурсов, технологических процессов производства, испытания и эксплуатации продукции, техногенного воздействия машин на окружающую среду и др. При таком расширенном представлении о содержании прикладных научных исследований подразделение НИОКР должно быть подчинено главному управляющему (директору) машиностроительной компании. Это позволит высшему руководству рассматривать НИОКР как важнейший элемент хозяйственной стратегии, направленной на развитие.

В данной статье, делающей акцент на реорганизации прикладной части НИОКР на предприятии, проблема поиска путей модернизации регионального машиностроения не исчерпывается.

В условиях рыночных отношений существует насущная необходимость коммерциализации отраслевой науки. Региональные власти должны создать **законодательную возможность** встраивания отраслевой науки в рынок и финансирования её из разных источников. В ответ на инновационный спрос машиностроительных компаний задачей региона является выход с инициативой солидарного финансирования проектов из разных уровней бюджета, так как без государственной поддержки отраслевых научных исследований и разработок модернизацию регионального машиностроения осуществить практически невозможно.

Социальный потенциал развития малого предпринимательства в регионе

В развитых странах (США, страны ЕС, Япония и др.) малое и среднее предпринимательство получает весомую помощь со стороны государства. Благодаря этому бизнес в этих странах развивается стабильными темпами, что служит основой прочного положения их экономик. Так, малые и средние предприятия производят в США около 40% валового продукта, обеспечивая занятость около половины трудоспособного населения. Аналогичная картина наблюдается также в Германии, Канаде, Великобритании, где доля малого бизнеса в производстве составляет 60–80%. В целом по 27 странам Европейского союза доля малых и средних предприятий в общем количестве малых, средних и крупных организаций нефинансового сектора в 2008 г. составила 99,8%, в валовом внутреннем продукте – 54%, в общей численности работников – 67%. Для сравнения: в России удельный вес малых предприятий в ВВП составил немногим более 11%.

Для повышения эффективности мероприятий, направленных на содействие развитию малого предпринимательства, необходимо прежде всего найти ответ на вопрос: «В каких масштабах существует возможность вовлечения населения в занятие предпринимательством?», поскольку вполне возможно, что те, кто может заниматься бизнесом, уже ведут свое дело. Иными словами, становится актуальной проблема изучения и оценки социального потенциала развития малого предпринимательства на уровне региона, определения целевых групп населения, в наибольшей степени предрасположенных к занятию бизнесом и открытию собственного дела.

Не каждый человек способен быть предпринимателем. Предпринимательство, как вид деятельности, предполагает наличие у людей определенного образа мышления, особого типа хозяйственного поведения, проявляющихся в творческом отношении к делу, инициативности, стремлении к новаторству, поиску новых решений и возможностей, расширению

масштабов и сфер деятельности, постоянной готовности к риску и поиску способов его преодоления. Все эти характеристики относятся к предпринимательским способностям человека.

Исследованием предпринимательства и предпринимательских способностей занимались такие зарубежные ученые, как Р. Кантильон, А. Смит, Ж.Б. Сэй, Дж.С. Мил., В. Зомбарт, П. Друкер, Й. Шумпетер и многие другие.

А. Смит охарактеризовал предпринимателя как собственника, который идет на экономический риск ради реализации какой-то коммерческой идеи и получения прибыли и самостоятельно планирует и организует производство, распоряжается его результатами и т.п.

Предприниматель по В. Зомбарту – это «завоеватель» (обладает готовностью к риску, духовной свободой, богатством идей, волей и настойчивостью), «организатор» (умение соединять многих людей для совместной работы) и «торговец» (умение убеждать людей купить свои товары, пробуждать их интерес, завоевывать доверие) .

Предпринимательские способности определяют особое качество управленческой деятельности в условиях рыночной экономики, выбор наиболее рациональной и эффективной трансформации производственных ресурсов в готовый продукт для максимизации получаемого предпринимателем дохода.

Предпринимательские способности людей как характеристика принятия успешных экономических решений для любого вида хозяйственной деятельности в условиях рыночной экономики определяются трудовым потенциалом, под которым понимается обобщающая характеристика меры и качества совокупности способностей населения к труду. Из этого следует, что оценку предпринимательской способности населения возможно проводить через измерение его трудового потенциала.

Вопрос структуры и оценки трудового потенциала региона в настоящее время остается дискуссионным и взгляды на него отличаются существенным многообразием. Например, в исследованиях Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН; Н.М. Римашевская, Д.И. Зюзин, Е.Б. Бреева и др.) система компонентов трудового потенциала представляется в виде «дерева» свойств, вершиной которого является наиболее общее свойство – социальная дееспособность – интегральный показатель качества трудового потенциала.

В основе такой структуры лежит разработанная специалистами ИСЭПН концепция качественных характеристик населения, подлежащих непосредственному измерению:

- физическое здоровье;
- психическое здоровье;
- когнитивный (образовательно-квалификационный) потенциал;
- творческие способности (креативность);
- коммуникабельность;
- культурный уровень;
- нравственный уровень;
- потребность в достижении (социальные притязания), т. е. стремление человека занять определенное место в социальной структуре общества.

Данная методика была использована в рамках настоящего исследования для измерения состояния трудового потенциала Вологодской области и оценки предпринимательской способности ее населения.

С целью измерения состояния трудового потенциала проводился его мониторинг путем анкетирования населения трудоспособного возраста¹. Согласно методике ИСЭПН РАН, на базе мониторинга были измерены перечисленные ранее качественные характеристики населения – компоненты трудового потенциала. Для оценки перечисленных качеств была использована шкала Лайкерта². Анкета (опросник) состоит из блоков суждений с пятибалльными рейтинговыми шкалами оценивания (по степени согласия респондента с предложенными ему суждениями). Каждому из качеств соответствует свой блок вопросов. В результате мониторинга компоненты трудового потенциала получают численную оценку в виде индексов от нуля до единицы, которые рассчитываются как отношение фактического числа баллов по шкале к максимально возможному. Максимальное значение каждого индекса – единица.

Основные результаты мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области в 2009 г. обобщенно представлены в таблице 1.

¹ Объектом опросов является трудоспособное население Вологодской области в возрасте старше 16 лет. Опросы проходят ежегодно в августе – сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объем выборки составляет 1500 человек.

² Шкала Лайкерта – метод шкалирования социально-психологических характеристик индивидов, представляющий собой адаптацию теста к измерению установки. Метод предполагает, что респондент выражает свое согласие или несогласие с каждым суждением из предложенного набора по пяти- или семибалльной шкале оценок, а его место на итоговой шкале установки определяется суммой оценок каждого отдельного суждения.

Таблица 1. Качество трудового потенциала населения Вологодской области в 2009 г.

Качество	Значение индекса	Ранг
Нравственный уровень	0,757	1
Психическое здоровье	0,739	2
Коммуникабельность	0,736	3
Физическое здоровье	0,728	4
Культурный уровень	0,674	5
Потребность в достижении	0,643	6
Когнитивный потенциал	0,614	7
Творческий потенциал	0,572	8

Значимость качеств, необходимых для ведения предпринимательской деятельности, была оценена самими бизнесменами (табл. 2)³. Наиболее высокую оценку получили физическое здоровье, коммуникабельность и психическое здоровье. Эти качества большинство предпринимателей считают очень важными для занятия бизнесом.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Каких качеств требует предпринимательство?» (в баллах: 0 баллов – совсем не важно; 4 балла – очень важно), в 2009 г.

Ранг	Название признака	Средняя балльная оценка	Доля предпринимателей, отметивших качество как «очень важное», в %
1	Физическое здоровье	3,56	61,5
2	Коммуникабельность	3,53	57,5
3	Психическое здоровье	3,38	52,5
4	Культурный уровень	3,33	47,5
5	Нравственный уровень	3,30	42,5
6	Потребность в достижении	3,18	42,5
7	Когнитивный потенциал	3,08	40,0
8	Творческий потенциал	3,03	30,0

Для предпринимателей, в отличие от населения в целом, характерна большая развитость всех качеств личности в целом, за исключением физического здоровья (табл. 3), что можно объяснить более нервной и нерегламентированной работой, связанной с чрезмерным напряжением сил организма.

Для того чтобы определить, насколько человек склонен к ведению предпринимательской деятельности, нами рассчитывался на основе индексов трудового потенциала индекс предпринимательских способностей – интегральный показатель, представляющий собой средневзвешенное индексов качественных характеристик населения трудоспособного возраста с весами, пропорциональными степени значимости каждого качества, установленной по данным опроса предпринимателей Вологодской области (табл. 4).

³ В рамках упомянутого опроса населения.

Таблица 3. Индексы трудового потенциала

Качество	Значение индекса в 2009 г. у населения	Значение индекса в 2009 г. у предпринимателей
1. Физическое здоровье	0,728	0,711
2. Коммуникабельность	0,736	0,782
3. Психическое здоровье	0,739	0,776
4. Культурный уровень	0,674	0,728
5. Нравственный уровень	0,757	0,800
6. Потребность в достижении	0,643	0,692
7. Когнитивный потенциал	0,614	0,620
8. Творческий потенциал	0,572	0,613

Таблица 4. Расчет индекса предпринимательских способностей населения Вологодской области в 2009 г.

Критерий	Группа	Физическое здоровье	Коммуникабельность	Психическое здоровье	Культурный уровень	Нравственный уровень	Потребность в достижении	Когнитивный потенциал	Творческий потенциал	Индекс предпринимательских способностей
Территория	Область	0,728	0,736	0,739	0,674	0,757	0,643	0,614	0,572	0,687
	Вологда	0,751	0,723	0,771	0,669	0,755	0,635	0,604	0,567	0,689
	Череповец	0,734	0,765	0,757	0,698	0,797	0,672	0,652	0,624	0,716
	Районы	0,715	0,726	0,715	0,663	0,737	0,631	0,599	0,548	0,671
Пол	Мужчины	0,742	0,730	0,757	0,660	0,736	0,636	0,600	0,567	0,683
	Женщины	0,714	0,742	0,721	0,689	0,779	0,650	0,629	0,578	0,692
Возраст	До 35 лет	0,756	0,737	0,758	0,676	0,756	0,679	0,614	0,576	0,698
	Старше 35 лет	0,699	0,735	0,720	0,672	0,759	0,605	0,614	0,569	0,676
Образование	Ниже среднего и среднее	0,751	0,730	0,754	0,639	0,727	0,599	0,582	0,539	0,671
	Среднее специальное	0,707	0,734	0,727	0,672	0,762	0,635	0,612	0,558	0,680
	Высшее и н/высшее	0,730	0,744	0,738	0,710	0,782	0,696	0,649	0,621	0,712

* Значения индексов качеств личности приведены с учетом весовых коэффициентов.

Значение индекса предпринимательских способностей различных социально-демографических групп в Вологодской области колеблется от 0,671 до 0,716. Более высокими значениями индекса обладают следующие социально-демографические группы: жители г. Череповца, женщины, лица моложе 35 лет, специалисты с высшим и незаконченным высшим профессиональным образованием.

Согласно упомянутой шкале оценки индекса предпринимательских способностей, можно утверждать, что человек склонен к ведению биз-

неса, если индекс его предпринимательских способностей превышает или равен 0,7. По расчетам, доля трудоспособного населения Вологодской области, подпадающая под данный критерий, составляет 38,6% или 283,3 тыс. чел. (включая тех, кто уже ведет свой бизнес), что является первой возможной оценкой социального потенциала развития малого предпринимательства в регионе.

Вторая оценка сформирована нами исходя из данных опроса населения – учитывались ответы респондентов на прямой вопрос: «Считаете ли Вы возможным при благоприятных обстоятельствах заняться малым предпринимательством?». Согласно данной оценке социальный потенциал развития малого предпринимательства в Вологодской области составляет 35,6% общего числа жителей региона трудоспособного возраста или чуть более 261 тыс. чел. (табл. 5).

Таблица 5. Оценка социального потенциала развития малого предпринимательства в Вологодской области в 2009 г.

Оценка	Численность трудоспособного населения, тыс. чел.	% населения, обладающего предпринимательскими способностями	Численность населения, обладающего предпринимательскими способностями, тыс. чел.	Численность индивидуальных предпринимателей и руководителей малых предприятий, тыс. чел.	Потенциал роста предпринимательства, в размах (стр. 4/стр. 5)
1	2	3	4	5	6
По методике оценки трудового потенциала ИСЭПН РАН	734,0	38,6	283,3	49,4	5,7
На основе опроса населения, проведенного ИСЭРТ РАН		35,6	261,4		5,3
По методике Ю. Попова, С. Рощина*		8,0	58,7		1,2

* Методика основана на том, что не более 8% населения обладают необходимыми для предпринимательства качествами.

Очевидно, что без принятия каких-либо мероприятий уровень развития малого и среднего бизнеса в регионе останется неизменным и потенциал его роста не будет реализован. Исходя из этого считаем целесообразным разработать и осуществить комплекс практических мероприятий по созданию условий для реализации предпринимательских способностей населения Вологодской области.

Использование результатов гидрометеорологического моделирования для экономической оценки возможных ущербов

Паводки – это естественные процессы, продуцируемые климатом. В течение последних десятилетий во всей Европе наблюдались разрушительные наводнения, приведшие к человеческим жертвам, переселению людей и к значительным экономическим ущербам. С начала века паводки повлияли на жизнь более чем 3 млн. человек в регионе Европейской экономической комиссии Организации Объединённых Наций, включая 1,9 млн. человек только в Восточной Европе. В последние годы катастрофические паводки участились, усугубились их экономические, социальные и экологические последствия и выросло число вызванных ими человеческих жертв. На амплитуду, периодичность, продолжительность и последствия паводков влияют как природные характеристики, так и человеческое вмешательство. Поведение человека часто снижает способность земельных и водных ресурсов к восстановлению [1].

При этом, однако, не следует забывать и о пользе, которую паводки могут приносить обществу. Они необходимы для выживания и сохранения здоровья экосистемы. Являясь частью круговорота воды в природе, паводки обеспечивают поступление в поймы рек ила и питательных веществ. Благодаря этому прибрежные зоны привлекательны для заселения людьми: именно здесь имеются плодородные сельскохозяйственные угодья, а сами реки являются превосходными транспортными артериями.

Для того чтобы найти баланс между потребностями в развитии и рисками паводков, нужны соответствующие стратегии управления паводками. Такой целостный подход должен интегрировать в себе управление земельными и водными ресурсами, расширять осведомлённость о рисках паводков и быть направленным на снижение уязвимости к последствиям паводков с одновременным пониманием движущих сил системы в целом.

Мамадкулов Юсуф Очилбоевич – ассистент кафедры ВоГТУ, инженер-программист ГУ «Вологодский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды».

Данная проблема имеет глобальный характер. Поскольку паводки не признают каких-либо административных или политических границ, то административно-территориальные единицы в рамках одной страны и стран, расположенных в бассейнах рек, должны совместно бороться с паводками. Водная Конвенция ЕЭК ООН является основным элементом структуры трансграничного сотрудничества. Она обязывает стороны предотвращать, контролировать и снижать трансграничное воздействие. За время, прошедшее после вступления Конвенции в силу, эти ключевые обязанности были проработаны более детально и подробно освещены в ряде руководств, которые, в свою очередь, сопровождались деятельностью по развитию потенциала.

Таким образом, интегрированное управление рисками паводков – это циклический процесс наблюдения и управления рекой. Цикл управления рисками паводков описан, например, в Директиве об оценке и управлении рисками паводков (Директива ЕС о паводках), а также в Руководстве ЕЭК ООН по адаптации к изменениям водных ресурсов и изменению климата. Этот циклический процесс состоит из следующих шагов:

- предотвращение паводков;
- защита от паводков;
- готовность к паводкам;
- реагирование на чрезвычайную ситуацию;
- устранение ущерба от паводков.

Интегрированный подход к управлению паводками (в котором, с одной стороны, признаются возможности, предоставляемые пойменными территориями для развития, и, с другой стороны, учитываются соответствующие риски) очень важен для устойчивого развития бассейнов рек. Основной задачей должно являться сведение к минимуму человеческих жертв, а также экономического и экологического ущерба, приносимого паводками, с одновременным максимальным повышением эффективности использования пойменных территорий.

Для принятия решений по вопросам интегрированного управления рисками паводков требуется актуальная, достоверная и полная информация о гидрологических аспектах, характеристиках потока и оценке воздействия на весь бассейн реки. Странам было рекомендовано совместно работать над созданием базы сопоставимых знаний для совместного проведения анализа и планирования, например, под руководством совместного органа вроде международной речной комиссии.

В качестве примера здесь можно привести Комиссию по гидрологии Рейнского бассейна.

Риск, связанный с наводнениями, прорывами плотин и ледоставом, может быть снижен:

- за счет свободного и неограниченного предоставления метеорологических и гидрологических данных и продуктов и обмена ими;
- информирования территорий, находящихся ниже по течению и могущих оказаться под воздействием паводка, критических уровней воды и дрейфа льда, без каких-либо задержек;
- предоставления прогнозов уровня воды, стока и ледовой опасности;
- прогнозирования чрезвычайных ситуаций (ЧС), что возможно только на основе решения задач мониторинга.

Мониторинг окружающей среды – это система наблюдений и контроля, проводимых регулярно по определенной программе для оценки состояния окружающей среды, анализа происходящих в ней процессов и своевременного выявления тенденций ее изменения.

За гидрометеорологической обстановкой и состоянием природных ресурсов на территории Вологодской области проводит наблюдение и мониторинг ГУ «Вологодский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» (Вологодский ЦГМС). Основной задачей данной структуры является организация и осуществление единой государственной службы наблюдения за гидрометеорологическими процессами и мониторинга загрязнения окружающей среды, а также информирование органов власти, оборонных и других организаций, населения информацией о сложившихся и ожидаемых гидрометеорологических условиях [2].

Весеннее половодье на реках Севера – это природное явление, происходящее ежегодно в апреле – июне. Основная опасность периода – значительный подъем уровня воды в реках и затопление населенных пунктов, объектов экономики, попадающих в зону подтопления, мощные и продолжительные заторы льда на больших реках, угроза разрушения защитных гидротехнических сооружений, повреждение мостов, размыв дорог.

Именно поэтому в период весеннего половодья большое внимание уделяется обеспечению потребителей гидрологической информацией о фактическом уровне рек, льда, данных снегомерных съемок. Прогнозируются сроки вскрытия рек, максимальные уровни и даты прохождения паводка.

Весеннее половодье начинается еще при ледоставе и обычно имеет два пика. Первый — обусловлен таянием снега на открытых частях и вызывает начало ледохода. На этот пик накладывается второй, который вызывается осадками и таянием снега в лесу и проходит уже на чистой воде, после окончания ледохода. Подъем уровня воды продолжается обычно 15–25 дней.

Со второй декады апреля и до конца мая вскрываются такие крупные реки Вологодской области, как Сухона, Северная Двина. Природные процессы определяют, что будет решающим при формировании половодной волны: заторы или накопленные снегозапасы.

Подъем уровня воды в период прохождения максимальных уровней весеннего половодья составляет 5,0–8,00 м, наибольшего значения величина подъема достигает в местах формирования заторов и над зимним уровнем может подняться на 12 м.

Наиболее достоверные сведения о характере прохождении ледохода и о высоких уровнях весеннего половодья могут быть получены за 5–15 суток. Однако в случае образования или прорыва мощных заторов льда рост уровня воды происходит очень быстро, что сложно предусмотреть и предупредить.

Одно из наиболее крупных наводнений за последние 20 лет, произошедшее в 1998 г. в районе слияния рек Сухона и Юг, привело к затоплению значительной части территории г. Великий Устюг и окрестных деревень [3]. Причиной наводнения стало образование во время весеннего ледохода ледовой плотины (затора) в узле слияния притоков и на перекатах реки ниже по течению. Ледяной затор, достигший максимума 4–6 мая 1998 г., вызвал повышение уровня воды в реке и затопление обширной территории ее поймы. Для контроля ситуации и выработки решений, направленных на устранение последствий наводнения, применялись космические снимки. Космические снимки являются быстрым и относительно дешевым путем получения оперативной и точной информации о ходе наводнений. Частота съемок радиометром MODIS со спутников Terra и Aqua (два–четыре раза в сутки для одной и той же территории) позволяет проводить мониторинговые наблюдения, дает возможность оперативно принимать решения, например направлять взрывотехников для уничтожения ледовых заторов на реках. Космическая информация позволяет не только наблюдать развитие паводка или половодья, но и получать оперативный прогноз зон затопления, оценивать принесенный

ущерб, решать задачи выбора защитных дамб для сдерживания наводнения, выявлять участки, которым еще угрожает затопление и т.д. Применение компьютерных алгоритмов обработки данных делает возможным автоматическое определение границы воды и суши, площадей затопленных земель, а также выявление территорий, находящихся в опасности из-за поднимающегося уровня воды.

Однако данный метод оказался недостаточным, поскольку он является в большей степени корректирующим, чем прогнозирующим. Наводнение 1998 года лишь еще раз указало на необходимость более точного прогнозирования гидрологической ситуации и в связи с этим на актуальность применения новых, современных методов и методик прогнозирования вероятного сценария гидрологической ситуации.

Информационно-техническая структура наблюдательной сети ГУ «Вологодский ЦГМС» является естественно распределенной территориальной структурой. Для составления точного прогноза обрабатывается большой объем информации, динамически поступающей от разных источников (67 гидрологических постов, 16 метеорологических, 5 авиаметеорологических станций [2]), а также учитывается статистика за прошлые периоды наблюдений. Для визуального представления динамики изменений происходящих процессов необходимо интегрировать все существующие методы и программно-аппаратные комплексы.

На сегодняшний день большинство рабочих процессов, связанных со сбором и обработкой данных, и дальнейшая передача данных от наблюдательных постов частично автоматизированы. Это дает возможность включать в работу в режиме онлайн только что полученные данные и производить трансформирование, например, картографических изображений с целью получения по ним более обобщенной метеорологической информации в окрестностях станции при сложных метеорологических условиях.

Анализ данных и выбор вероятного сценария развития ситуации, связанной с природными явлениями, достаточно сложный процесс. Применение интеллектуальных подходов при решении таких задач снижает время анализа и повышает надежность. Интеллектуальные системы способны без участия человека или в интерактивном режиме найти оптимальное решение поставленной задачи исходя из определяемых условий.

Модель для анализа весеннего паводка можно представить в виде трехуровневой мультиагентной системы, каждый из уровней которой является последовательным и выполняет определенную функцию [4].

Первый уровень представляет собой модель физического уровня.

Второй уровень – программно-аппаратный уровень (сбор, хранение и передача данных).

На третьем уровне разрабатывается интеллектуально-информационная система, предназначенная для прогнозирования и визуального представления динамики гидрометеорологических ситуаций.

Многослойная модель позволяет не только хранить большой объем пространственной информации, но и проводить селекцию данных, их анализ, осуществлять визуализацию, повышать эффективность интерактивной обработки. В любое время тематические слои могут пополняться новыми данными, а имеющиеся данные можно корректировать и тут же отображать на экране по мере необходимости.

Описанный нами подход к прогнозированию гидрометеорологических ситуаций позволяет упростить представление сложных процессов.

Таким образом, предлагаемый мультиагентный подход позволит реализовать интеллектуальный мониторинг, на основе полученных данных станет возможным моделирование гидрометеорологической ситуации и визуальное представление полученных результатов моделирования об окружающей среде в реальном времени.

Литература

1. <http://www.un.org/ru/ecosoc/unece>
2. <http://вцгмс.рф>
3. <http://www.agps-mipb.ru>
4. Сборник тезисов докладов конференции молодых ученых. – Выпуск 1. Труды молодых ученых / гл. ред. д.т.н., проф. В.О. Никифоров. – СПб: СПбГУ ИТМО, 2010. – 116 с.

Развитие рынка интеллектуальной собственности в Вологодской области

Центральное место в долгосрочной стратегии принадлежит инновационному обновлению. Россия не сможет добиться ведущей роли на международной арене без развития своего научного потенциала. Мировой финансово-экономический кризис отбросил российскую экономику на пять лет назад. Стало ясно, что огромные доходы, полученные в начале прошлого десятилетия от экспорта энергетических ресурсов, не были использованы для диверсификации и модернизации экономики. Тем временем мировые лидеры стремятся выйти из кризиса на новой технологической основе. Поэтому движение к инновационной экономике диктуется не модой или капризом, а суровой реальностью и необходимостью. Только на этом пути Россия в состоянии слезть с нефтегазовой иглы и освоить высокотехнологичное производство.

Сегодня порядка 40% ВВП России формируется за счет экспорта сырья. Экспорт высокотехнологичной продукции составляет всего 2,3% промышленного экспорта страны. В США этот показатель равен 32,9%, в Китае – 32,8%. Удельный вес России в глобальном экспорте наукоемкой продукции составляет всего 0,3%. Одна из причин такого неутешительного положения будет понятна, если рассмотреть расходы на НИОКР ведущих мировых стран. В США данный показатель достигает 2,7% от ВВП, а у таких стран, как Япония, Швеция, Израиль – порядка 3,5-4,5%. Высокие темпы роста расходов на НИОКР демонстрирует Китай (1,7% ВВП). Планируется, что к 2012 году данный показатель в Индии составит 2%, а Европейский Союз поставил задачу увеличить расходы на НИОКР до 3% от ВВП. Причины следует искать как в бессистемной политике государства по финансированию науки, так и в крайне низкой активности частного сектора в области разработки и внедрения новых технологий.

В последние годы современная экономика перешла в новую фазу развития – в инновационную экономику, в которой инновации занимают до 85% прироста ВВП в высокотехнологичных странах.

Ильин Петр Владимирович – младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

Главный инструмент инновационной экономики – рынок интеллектуальной собственности, который различными авторами трактуется по-своему: понятие «интеллектуальная собственность» заменяется на такие понятия, как «знания», «инновации», «технологии».

В настоящий момент в научной литературе нет точного определения рынка интеллектуальной собственности. Его понимают, в том числе, как рынок знаний или как рынок инноваций. Однако данные понятия либо не раскрываются вовсе, либо трактуются по-своему. Так Нечаев В.И. определяет рынок интеллектуальной собственности как совокупность объектов интеллектуальной собственности (ИС), субъектов рынка, правовых механизмов и информационных средств, с помощью которых формируется уровень цен на объекты ИС и осуществляются акты их купли-продажи. В работах академика В.Л. Макарова рынок знаний понимается как совокупность институтов собственности на знания, кадрового обеспечения, посреднических организаций, организованных специфическим образом и тесно взаимосвязанных с другими рынками. Для дальнейшего определения структуры рынка интеллектуальной собственности, выявления его проблем и выработки путей их решения необходимо сформулировать данное понятие и руководствоваться им в ходе данной статьи.

Рынок интеллектуальной собственности – совокупность участников процесса трансфера и коммерциализации технологий, формирующих цену на объекты интеллектуальной собственности в результате акта купли-продажи покупателей и продавцов, действующих под воздействием спроса и предложения на различные технологии и услуги.

Основываясь на определении, данном выше, следует отметить, что *субъектом* рынка интеллектуальной собственности являются различные предприятия, государственные органы, институты и учреждения, генерирующие знания, организации-посредники, финансовые компании и частные инвесторы, а также международные участники. *Объектом* рынка интеллектуальной собственности являются инновационные процессы. Как и на любом рынке, на рынке интеллектуальной собственности существуют как *продавцы* интеллектуальной собственности (участники, которые генерируют знания с целью получения материальной выгоды с помощью коммерциализации или трансфера технологий), так и *покупатели* (действующие субъекты экономики, которые выводят на рынок новые товары или услуги, модернизируют производство и т.д.).

Одна из особенностей рынка интеллектуальной собственности заключается в том, что продавцы могут выступать в качестве покупателей и наоборот. Например, организации-посредники могут выступать сразу в двух ролях: покупать технологии у разработчиков и продавать их с помощью своих сетей трансфера различным предприятиям или за рубеж. Как в покупке, так и в продаже интеллектуальной собственности заинтересованы иностранные партнеры, которые, с одной стороны, могут продавать технологии, успешно работающие на Западе, а с другой стороны, покупать отечественные разработки.

В структуре рынка интеллектуальной собственности выделяют шесть различных блоков его участников, тесно взаимодействующих друг с другом. Блок *государство* представлен как региональными, так и федеральными властями. Сюда входят государственные фонды поддержки инновационного развития страны (РФФИ, РГНФ, Фонд Бортника); различные правительственные и президентские гранты, федерально-целевые программы по поддержке инноваций; законодательные нормы, регулирующие инновационную деятельность, в том числе оформление интеллектуальной собственности (Роспатент), и её правовую охрану. Различные научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, вузовская и академическая наука, самостоятельные исследователи и разработчики объединены в блок *генерация интеллектуальной собственности*. Участники рынка интеллектуальной собственности, занимающиеся посредническими функциями в процессе трансфера и коммерциализации технологий, такие как центры трансфера технологий, технопарки, технологические центры, бизнес-инкубаторы и другие, представлены в блоке *организации-посредники*. В другом блоке, *экономика региона*, находятся предприятия различных отраслей промышленности, частный бизнес, государственные и муниципальные учреждения, транспортная инфраструктура, сельское хозяйство и т.д. *Финансовая инфраструктура* рынка интеллектуальной собственности региона представлена венчурными фондами и различными бизнес-ангелами. Международные связи и взаимодействия представлены в блоке *международные рынки интеллектуальной собственности*.

Наиболее важными участниками рынка интеллектуальной собственности, на наш взгляд, являются организации-посредники (бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, технопарки и т.д), так как они служат связующим звеном между остальными участниками.

Организации-посредники формируют базы как технологических предложений, так и технологических запросов, ведут работы по их оформлению и отбор, взаимодействуют с потенциальными инвесторами и будущими учредителями новых компаний на базе интеллектуальной собственности. Государству следует обратить самое пристальное внимание на развитие данных организаций, поскольку их работа является необходимым, но недостаточным условием для развития рынка интеллектуальной собственности. Особое внимание стоит уделить центрам трансфера технологий, потому что данные центры по отношению затрат на их создание и развитие к потенциальному объему функций и обязанностей, которые они могут выполнять, являются наиболее привлекательными.

Если рассматривать рынок интеллектуальной собственности именно Вологодской области, то следует отметить, что посреднические функции возложены здесь на 3 организации:

- Бизнес-инкубатор Вологодской области в сфере поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства;
- Центр трансфера технологий Института социально-экономического развития территорий РАН;
- Инновационно-технологический центр Вологодского государственного технического университета.

Финансовая инфраструктура представлена на рынке Региональным центром венчурных инвестиций «Вологодчина» и Северо-Западным центром венчурных инвестиций (филиал в г. Череповце). Правительство региона – исполнительными органами власти, в том числе управлением по науке и инновационной политике. Экономика представлена как крупнейшими предприятиями области (Северсталь, Аммофос, ВПЗ, ВОМЗ, ЧМЗ и др.), так и средним и малым бизнесом. К сектору генерации знаний рынка интеллектуальной собственности области можно отнести крупнейшие вузы города Вологды и Череповца (ВГТУ, ВГПУ, ВГМХА, филиал СПбГИЭУ, ЧГУ), а также Институт социально-экономического развития территорий РАН и различные немногочисленные научные коллективы предприятий региона.

Судя по количественным показателям рынка интеллектуальной собственности области, внутренние затраты на исследования и разработки по отношению к ВРП крайне низки и составляют 0,14% за 2009 г., что примерно в 9 раз ниже, чем в среднем по России, и в 14 раз меньше, чем в СЗФО.

Для сравнения: в 2007 г. расходы на науку в Великобритании составили 1,78% ВВП, Франции – 2,08%, Германии – 2,53%, США и Японии – 2,68 и 3,39% ВВП соответственно. Особенно велика доля расходов на НИОКР в Финляндии – 3,48% в ВВП. Достаточно низок также удельный вес персонала, выполняющего исследования и разработки, в общем числе занятых в экономике региона – 0,08% за 2009 г. против 1,1% по России и 1,45% по СЗФО. Для сравнения: в 2006 г. доля научных работников в общем числе занятых в экономике во Франции составляла 1,75%, в Германии и Финляндии – 1,84 и 3,19% соответственно. Таким образом, на рынке интеллектуальной собственности области недостаточно сформирован и развит сектор, отвечающий за генерацию новых знаний, о чем говорит количество выданных охранных документов на изобретения и полезные модели на 100 тыс. населения – в 2009 г. оно было равно 11, тогда как в России – 26, а в СЗФО – 25. В качестве примера можно привести показатели за 2006 г. ряда зарубежных стран: Великобритании – 13, Франции – 22, Германии – 26, США – 58, Японии – 111.

Среди проблем развития рынка интеллектуальной собственности Вологодской области стоит отметить следующие:

1. Отсутствие системной подготовки кадров для рынка интеллектуальной собственности.

В настоящее время в регионе крайне мало специалистов в области коммерциализации технологий и еще меньше людей, которые способны таких специалистов подготовить. При развитии системы подготовки кадров необходимо обеспечивать сбалансированную подготовку кадров по всем направлениям, обеспечивающим инновационную деятельность. В качестве одной из основных проблем следует отметить отсутствие на большинстве промышленных предприятий (как крупных, так и малых) специалистов, которые могут грамотно обеспечить продвижение наукоемкой продукции на рынок. Общая потребность в таких кадрах в регионе составляет несколько тысяч человек. Проблему можно решить, только организовав целенаправленную работу по подготовке этих кадров с горизонтом планирования 5 – 10 лет (время на базовое обучение кадров и приобретение ими практических навыков работы). Это потребует открытия в образовательных учреждениях соответствующих специальностей, курсов повышения квалификации персонала, а также разработки необходимого методического инструментария.

2. Недостаточное развитие инфраструктуры рынка интеллектуальной собственности.

Некоторые элементы рынка интеллектуальной собственности Вологодской области отсутствуют либо слабо развиты. Так, например, его финансовая составляющая представлена различными разрозненными элементами, необходимо формирование и развитие технопарка региона, создание дополнительных организаций-посредников и развитие уже существующих. Для этого требуется использовать опыт, накопленный как внутри страны, так и за рубежом.

3. Отсутствие реальных каналов продвижения технологий.

При развитии рынка интеллектуальной собственности Вологодской области следует всегда понимать, кому и зачем вообще нужны новые технологии. Региональная промышленность в настоящее время не готова к масштабному восприятию разработок. Основной причиной этого является недостаток ресурсов у большинства промышленных предприятий на модернизацию производства и разработку новой продукции. Обычно это формулируется как «невосприимчивость промышленных предприятий к инновациям». Не вдаваясь в подробное обсуждение этого вопроса, отметим что «невосприимчивость» может иметь как минимум две причины, одна из которых – низкий уровень разработок, а вторая – отсутствие средств на проведение инноваций. Поднять уровень подготовки предложений как раз и должны организации-посредники, такие как центры трансфера технологий и инновационная инфраструктура в целом.

Еще один канал продвижения научно-технической продукции и разработок – выход на зарубежные рынки. В этом плане рынок интеллектуальной собственности также нельзя назвать достаточно развитым; здесь имеются значительные сложности, определяемые разным менталитетом российских и зарубежных ученых и бизнесменов, отсутствием устойчивых связей с инновационными кругами в зарубежных странах, складывающихся, как показывает опыт, за достаточно длительное время.

Организации-посредники на рынке интеллектуальной собственности предполагалось использовать как источник проектов для венчурных фондов. Однако в настоящее время реализованные в инновационной сфере области венчурные проекты исчисляются единицами.

4. Внутреннее сопротивление научных коллективов развитию коммерциализации технологий.

В научных кругах российского общества до сих пор существует непонимание того, что развивающийся процесс коммерциализации техно-

логий необратим: государство все равно поменяет систему бюджетного финансирования науки. Другой мотив противодействия этому процессу заключается в опасении научных институтов потерять кадры. Причина такого страха понятна. Привлечь кадры в научные или образовательные институты очень тяжело. Возможно, стоит посмотреть на эти вопросы с более оптимистичной стороны. Во-первых, уход разработчика в компанию вовсе не означает, что он перестает быть ученым в конкретном институте. Во-вторых, проявится эффект обратной связи. Пойдет постоянное кадровое обновление, институт начнет работать и зарабатывать в рыночных реалиях, будет понимать, что нужно рынку и какие технологии разрабатывать.

Таким образом, видно, что при развитии рынка интеллектуальной собственности существует множество проблем. В экономической ситуации, сложившейся в России и в мире, актуальным становится вопрос об эффективности использования государственных средств на инновационное развитие. Вместе с тем необходимо точное понимание того, сколько должно быть сформировано элементов рынка интеллектуальной собственности, из каких источников они должны быть профинансированы, какое взаимодействие они будут осуществлять с другими участниками инновационной инфраструктуры, какой должна быть роль государства в подобных процессах. Хотелось бы более подробно перечислить необходимые для развития рынка интеллектуальной собственности меры и действия:

1) Разработать концепцию формирования организаций-посредников рынка интеллектуальной собственности, таких как центр трансфера технологий, позволяющую определить роль данных центров в инновационной инфраструктуре, выработать взаимосвязь с другими участниками процесса, установить роль и ответственность региональных властей. Особое внимание требуется уделить финансированию данных организаций, а также вопросам о том, в какой организационно-правовой форме они могут быть сформированы и, что наиболее важно, как будет решаться проблема острой нехватки кадров для этих центров и других участников инфраструктуры.

2) Способствовать увеличению удельного веса товаров, работ и услуг, выполненных с использованием интеллектуальной собственности.

3) Поддерживать проведение научно-исследовательских работ и региональную систему образования, которые являются источниками инноваций для области.

4) Жизненно важно развивать технологические кластеры и территории освоения высоких технологий в регионе.

5) Развивать и совершенствовать региональную систему финансирования и стимулирования малых инновационных компаний через различные гранты и фонды.

6) Обеспечить информационную поддержку внедрения инноваций в экономику региона, которая будет осуществляться в интересах всех участников инновационного процесса.

7) Сформировать систему эффективной подготовки специалистов в области интеллектуальной собственности.

Перечисленные предложения по развитию рынка интеллектуальной собственности Вологодской области в основном относятся к региональным органам власти, так как при становлении данного рынка государственная поддержка наиболее важна для всех участников процесса.

Промышленная политика как основа модернизации экономики региона

Современная мировая экономика характеризуется глобализацией, интеграцией и обострением конкурентной борьбы не только между странами, но и между регионами. Место конкретного государства на международной арене определяется уровнем развития отдельных регионов, который зависит от эффективности деятельности на территориях хозяйствующих субъектов. Территории ведут борьбу за рынки сбыта, инвестиции, кадровый и интеллектуальный потенциал и другие ресурсы. Это свидетельствует о необходимости применения инструментов поддержания и повышения конкурентоспособности регионов.

Практика показывает, что лишь регионы с развитым промышленным комплексом могут обеспечить достойный уровень жизни населения и экономическую безопасность региона. Именно поэтому промышленность является важнейшей составной частью хозяйственного комплекса России в целом и ее регионов в частности.

Промышленность является важнейшей составной частью хозяйственного комплекса Вологодской области. На долю промышленности в 2009 году приходилось 42% валового регионального продукта (рис. 1). В 2009 г. область находилась на 10 месте в России по объему отгруженной продукции промышленности на душу населения и 3 месте среди регионов Северо-Западного федерального округа. В промышленности занята почти треть экономически активного населения области.

Ключевым приоритетом развития промышленности является обеспечение высоких и устойчивых темпов роста. При этом одновременно с повышением количественных показателей функционирования промышленности региона необходимы качественные преобразования в ее структуре.

Мазилев Евгений Александрович – аспирант, младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН.

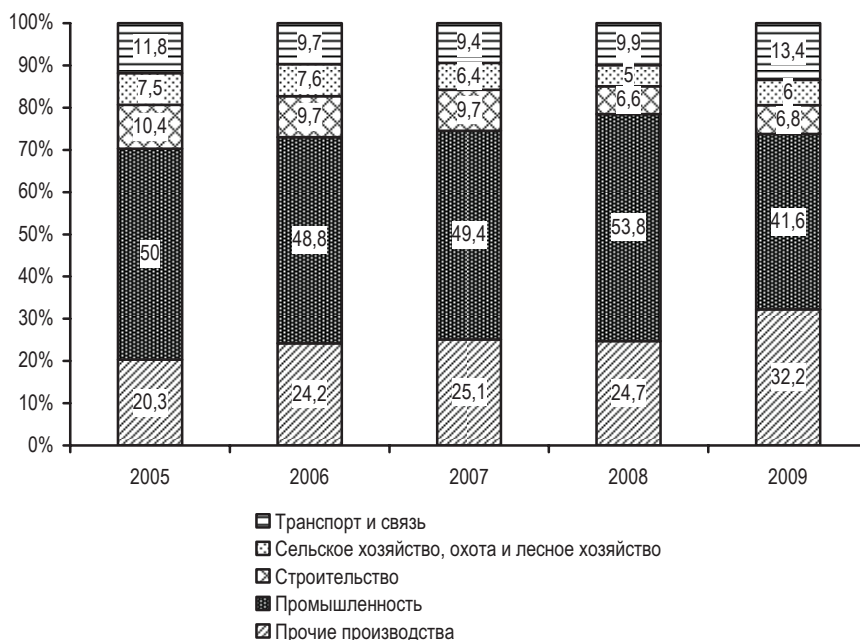

Рис. 1. Структура валового регионального продукта Вологодской области, %

Источник: Основные показатели системы национальных счетов (СНС) по Вологодской области: стат. сб./ Вологдастат. – Вологда, 2011. – С. 30

Опыт экономических реформ в развитых и развивающихся зарубежных странах однозначно указывает на активную промышленную политику государства как главную институциональную и хозяйственную основу успешных системных преобразований. Из этого следует, что крайне важным является разработка и реализация программы промышленной деятельности региона. В общем понимании промышленность представляет собой ведущие отрасли материального производства; предприятия, занятые добычей сырья, производством и переработкой материалов и энергии, изготовлением машин и т.д. [1]

Формирование промышленной политики на федеральном и региональном уровнях является важнейшей составляющей современного этапа развития России. Реализация политики определяет не только текущее соотношение потребления и накопления в обществе, но и стратегические приоритеты развития структуры национальной экономики, закладывает фундамент национальной безопасности государства.

Термин «промышленная политика» определяется учеными, предпринимателями и политическими деятелями неоднозначно.

А.И. Татаркин дает следующее определение: «Промышленная политика в современных условиях — это национальная промышленная политика,

т.е. система отношений между государственными и муниципальными органами власти, хозяйствующими субъектами, научными и общественными организациями по поводу формирования структурно-сбалансированной, конкурентоспособной промышленности, интеллектуальное ядро которой представлено новейшим технологическим укладом» [2].

Таким образом, *государственная промышленная политика* – это программа действий государства по развитию промышленности, а сегодня уже не только промышленности, но и реального сектора экономики¹ в целом.

Основной целью промышленной политики региона должно являться формирование на базе системной модернизации современного высокотехнологичного промышленного комплекса, способного обеспечить к 2020 году качественный рост валового регионального продукта, удовлетворение потребностей области в основных видах конкурентоспособной продукции, а также значительное увеличение поступлений денежных средств в областной бюджет и, как следствие, существенное повышение качества жизни населения.

Таким образом, современное развитие экономики требует усиления значения интенсивного пути развития: необходимо добиваться сокращения издержек, активизировать модернизацию используемых технологий, повышать конкурентоспособность продукции. Этому препятствует ряд негативных тенденций, присутствующих в промышленности региона.

Во-первых, сохраняющиеся в промышленном комплексе структурные диспропорции. За период прошедших трансформаций последних 20-ти лет в структуре промышленности Вологодской области произошло увеличение доли отраслей, связанных с первичными переделами сырья, и сокращение доли обрабатывающих и перерабатывающих производств. Почти на 20% возросла доля черной металлургии, в два раза (до 14%) – химической отрасли. Таким образом, суммарная доля двух этих отраслей составляет 77%, что, безусловно, свидетельствует о моноструктурности промышленности региона. В то же время, как показывает анализ развитых стран, чем диверсифицированнее промышленный комплекс, тем устойчивее экономика к воздействию различных внешних и внутренних шоков (табл. 1).

¹ Реальный сектор экономики – отрасли экономики, производящие материально-вещественный продукт, нематериальные формы богатства и услуги, за исключением операций в финансово-кредитной и биржевой сферах, не относимых к данному сектору. Источник: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 495 с.

Поэтому сложившаяся в регионе структура противоречит тенденциям развития мировой экономики, характеризующимся дифференциацией выпускаемой продукции, ростом доли машиностроения, высокотехнологичной продукции.

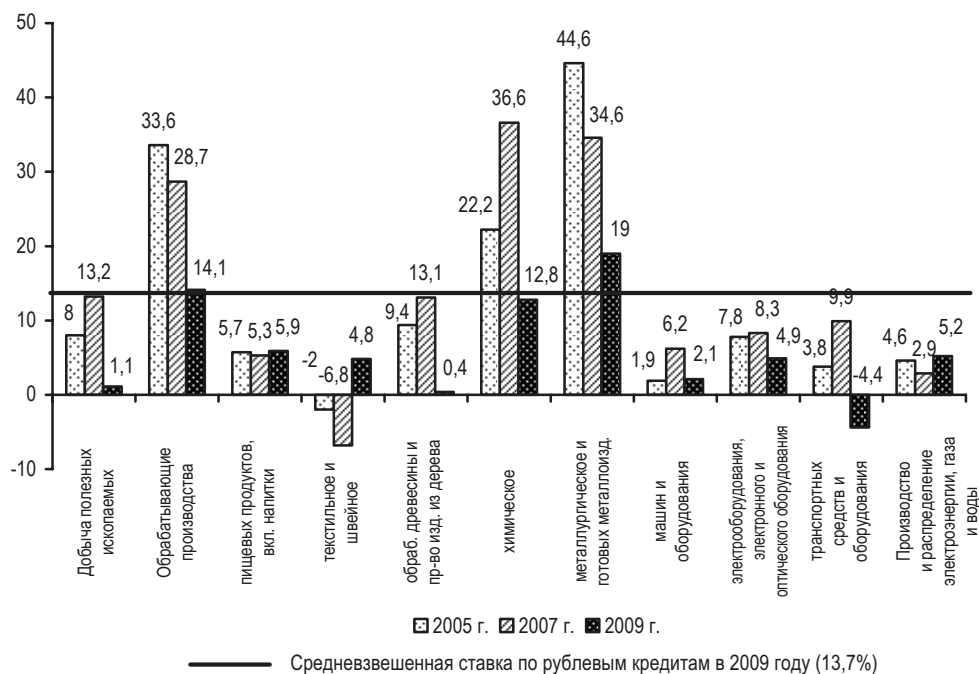
Таблица 1. Структура промышленного комплекса ведущих развитых стран мира, стран «БРИК» и Вологодской области, %

Отрасль промышленности	США 2006 г.	Германия 2006 г.	Финляндия 2005 г.	Индия 2005 г.	Китай 2007 г.	Бразилия 2007 г.	Россия 2009 г.	Вологодская область 2009 г.
Машиностроительная	32,5	44,9	37,5	20,9	33,7	26,9	19,1	5,5
Металлургическая	10,6	12,8	13,1	16,6	18,9	12,6	16,7	59,9
Химическая	17,4	13	8,3	15,9	13,3	16,3	10	15,5
Пищевая	13,2	10	7,5	13,1	9	20,3	19,7	9,5
Легкая	2,2	1,6	1,2	9,2	9,5	5,6	1,3	0,3
Деревообработка	7,7	6,7	21,6	2,5	4,3	6,4	5,0	3,8
Топливо-энергетическая	10,5	6,2	5,3	15,9	4,8	7,4	18,5	0,3
Прочие	2,9	2,4	2,8	3	4,2	2,8	9,7	5,2

Источник: Россия и страны мира. 2010.: стат.сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 158 – 159.

Во-вторых, к негативным тенденциям относится низкая эффективность деятельности промышленных предприятий, что выражается в значительной доле низкорентабельных предприятий. В 2005 г. уровень рентабельности обрабатывающих производств региона составлял 34% (рис. 2). Такой достаточно высокий уровень обеспечивался высокой рентабельностью химического и металлургического производства. Однако под влиянием мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., а также из-за осложнения реализации металлопродукции на зарубежных рынках показатель рентабельности предприятий обрабатывающих производств в 2009 г. снизился до 14%.

Убыточными стали предприятия по производству кожи и изделий из кожи и обуви, транспортных средств и оборудования (-4,4%), неметаллических минеральных продуктов (-3,2%). Предприятия текстильной и швейной промышленности, имевшие в 2008 г. отрицательный уровень рентабельности, в 2009 г. начали получать прибыль. Во многом это связано с активной поддержкой отрасли правительством области, формированием и развитием в регионе кластера легкой промышленности.

Источники: Промышленность Вологодской области: стат. сб. Вологдастат. – Вологда, 2011. – С. 8; Промышленность России. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 87.

Рис. 2. Динамика уровня рентабельности в разрезе основных отраслей промышленности Вологодской области за 2005 – 2009 гг.

В-третьих, малая инновационная активность предприятий, свидетельствующая об отсутствии стратегии повышения производительности труда на основе внедрения наукоемких технологий и гибкости производственных систем.

В настоящее время уровень инновационной активности обрабатывающих производств составляет 10%, что на 5 п.п. ниже, чем в 2000 г. (табл. 2). Высокий уровень инновационной активности предприятий химической отрасли (40%) объясняется малым количеством предприятий, входящих в отрасль. Значительное снижение количества инновационно-активных предприятий металлургии (на 40 п.п.) обусловлено изменением методики расчета количества организаций, относящихся к той или иной отрасли, и, как следствие, перераспределением инновационно-активных организаций. Уровень инновационной активности в наиболее высокотехнологичной отрасли – машиностроении – также показал значительное снижение (в 2009 г. он составил 14,3%).

Таблица 2. **Уровень инновационной активности организаций***
в Вологодской области (по данным опроса руководителей и экспертов, в %)

Отрасль промышленности	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	Абс. откл. 2010 г. – 2000 г.
Обрабатывающая В том числе:	15	9,3	14,7	11,2	9,8	-5,2
Пищевая	16,7	13,7	12,9	10,0	12,9	-3,8
Легкая	9,7	8,3	42,9	10,0	25,0	15,3
Обработка древесины и производ- ство изделий из дерева	4,5	9,1	14,3	9,1	3,4	-1,1
Химическая	66,7	–	20,0	40,0	40,0	-26,7
Металлургическая и производство готовых металлических изделий	50	19,0	23,8	10,0	9,5	-40,5
Машиностроительная	21,9	10,5	27,3	14,3	14,3	-7,6

* Без субъектов малого предпринимательства.
Источник: Промышленность Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2010. – С. 102.

В-четвертых, в регионе продолжают прогрессировать процессы старения и износа основных производственных фондов (ОПФ). По сравнению с уровнем 2000 г. степень износа ОПФ снизилась во всех отраслях, кроме пищевой (табл. 3). Максимальный уровень износа наблюдался на предприятиях машиностроительного комплекса, где его значение превышало 50%. Несмотря на небольшие колебания, общая картина за анализируемый период значительно не изменилась.

Коэффициент обновления производственных фондов обрабатывающих производств в регионе выше, чем в среднем по стране. Однако в 2009 г. по сравнению с 2005 г. он сократился с 20 до 8% при том же значении коэффициента выбытия (в 2005, 2009 гг. – 5%).

Таблица 3. **Уровень износа и коэффициенты обновления и выбытия основных производственных фондов промышленности Вологодской области, %**

Отрасли промышленности	2000 г.	2005 г.	2009 г.	Абс. откл. 2009 г. – 2000 г.
Обрабатывающие производства, всего	н.д.	38,5	36,6*	-1,9
Пищевая	37,4	32,7	39,9	2,5
Легкая	42,5	56,4	30	-12,5
Обработка древесины и производство изделий из дерева	48,2	33,1	31,4	-16,8
Химическая	50,1	46,4	42,1	-8
Металлургическая и готовых металлоизделий	42,6	32,1	33,3	-9,3
Машиностроительная	55,3	47	53,7	-1,6
Средний уровень износа ОПФ в экономике	45,5	50,1	43,8	-1,7
Коэффициент обновления	6,1	20,4	8,4	2,3
Коэффициент выбытия	8,3	5	5,4	-2,9

* Отклонение посчитано от уровня 2005 года.
Источник: Промышленность Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2010. – С. 38, 39.

Следовательно, показатели состояния основных производственных фондов свидетельствуют о сохранении тенденции деградации материальной базы предприятий региона. Становится очевидным, что на таком изношенном оборудовании создание наукоемкой и инновационной продукции не представляется возможным. В случае ввода конкретных технологических стандартов, принятых в развитых странах, большая часть предприятий просто закроется.

Большинство из этих проблем становятся еще более актуальными в связи с активизацией процесса присоединения России к ВТО, что, в свою очередь, ведет к региональной интеграции, в частности и в сфере производства.

Таким образом, промышленная политика в регионе должна быть ориентирована на решение представленных выше основных проблем развития промышленности.

Обзор зарубежного опыта реализации промышленной политики показал, что локомотивом индустриального развития стран в разное время становились различные инструменты государственного стимулирования. Выбор конкретной группы механизмов осуществления государственных задач в направлении повышения конкурентоспособности страны зависит от ее стартового социально-экономического положения. В основе концепции государственной промышленной политики ряда стран (Индия, Япония, США, Франция) лежит принцип создания благоприятных условий для развития приоритетных отраслей.

Основными направлениями реализации промышленной политики, наиболее эффективными на региональном уровне, являются:

1. Создание условий для улучшения инвестиционного климата.
2. Установление благоприятного налогового режима.
3. Предоставление льгот предприятиям приоритетных отраслей развития по кредитным ставкам и упрощение системы кредитования в целом.
4. Увеличение инвестиций в НИОКР.
5. Реализация государственной политики в области инноваций и научно-технического прогресса.

На наш взгляд, для решения существующих сегодня в промышленном комплексе региона проблем необходима реализация следующих основных направлений программы промышленной политики (табл. 4).

Таблица 4. Приоритетные направления, которые должны найти отражение в программе промышленной политики

Проблемы	Приоритетные направления
1. Специализация промышленности региона на выпуске ненаучоемкой низкоукладной продукции с низкой добавленной стоимостью.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Направление инвестиций предприятия на инновации и научно-технические разработки. 2. Создание и координация деятельности областного фонда поддержки научной и научно-технической деятельности промышленных предприятий. 3. Предоставление налоговых льгот, государственных гарантий, компенсации процентной ставки, инвестиционного налогового кредита и прочих возможностей инициаторам, разработчикам инноваций и предприятиям. 4. Организация и проведение конкурсов, программ, конференций, форумов, семинаров и круглых столов по вопросам активизации научно-технической деятельности.
2. Старение производственных фондов.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Организация кластерных образований с целью снижения транзакционных издержек и, как следствие, себестоимости продукции. 2. Привлечение инвестиций из крупных промышленных центров России (Москва, Московская область, Мурманская область и прочие регионы). 3. Развитие на территории региона отношений лизинга и кредитования.
3. Дефицит рабочих ведущих профессий вследствие низкого уровня подготовки кадров для промышленных предприятий региона.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Размещение заказов на подготовку специалистов в техникумах и профучилищах области. 2. Организация корпоративного университета на предприятии. 3. Мониторинг потребностей региона в профессиональных кадрах для промышленности. 4. Разработка и реализация механизмов по привлечению, поддержке и закреплению кадров (в особенности молодежи) в промышленности.
4. Существующая кредитно-финансовая система затрудняет активное развитие промышленности.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Государственное регулирование уровня банковских процентных ставок. 2. Совершенствование системы налогообложения. 3. Внедрение государственных механизмов регулирования цен.
5. Низкая рентабельность выпускаемой продукции.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Снижение транзакционных издержек за счет производственной кооперации. 2. Снижение затрат на производство за счет повышения энергоэффективности. 3. Поддержка реализации высокотехнологичных инновационных проектов. 4. Создание новых производств, выпускающих продукцию с высокой добавленной стоимостью.
6. Крайне низкий уровень инновационной активности предприятий промышленного комплекса региона.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Финансирование научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. 2. Формирование, реализация и координация инновационных программ, проектов. 3. Координация инновационной деятельности в промышленном комплексе совместно органами государственной власти и управления и представителями промышленных предприятий. 4. Создание, развитие и финансирование инфраструктуры инновационной деятельности. 5. Государственная поддержка инновационной деятельности.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, важнейшей составляющей экономики Вологодской области является промышленность. Однако существующие сегодня проблемы тормозят ее эффективное функционирование.

Во-вторых, один из ключевых инструментов повышения эффективности промышленного потенциала любого региона – промышленная политика. Зарубежный опыт указывает на инновации и научно-технический прогресс как ориентир для разработки и реализации успешной промышленной политики.

В-третьих, обозначенные проблемы позволили определить главную цель промышленной политики Вологодской области – рост эффективности промышленного производства и конкурентоспособности продукции за счет активизации инновационной активности предприятий, повышения кадрового потенциала отрасли и привлечения инвестиционных ресурсов.

В-четвертых, основой региональной промышленной политики является программа промышленной политики. Она включает идейные и ценностные ориентиры развития промышленного комплекса региона.

Литература

1. Большой экономический словарь / под. ред. А.Н. Азрилияна. – 7-е изд., доп. – М.: Институт новой экономики, 2008. – С. 453.
2. Татаркин, А.И. Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход / А.И. Татаркин, О.А. Романова // Экономика региона. – 2007. – №3(11). – С. 19-31.
3. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь. – 5-е изд., перераб. и доп. / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 495 с. – (Б-ка словарей «ИНФРА-М»).
4. Промышленность Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2011. – С. 8.
5. Промышленность Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2010. – С. 38, 39, 102.
6. Промышленность России. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 87.
7. Основные показатели системы национальных счетов (СНС) по Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2011. – С. 30.
8. Россия и страны мира. 2010.: стат.сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 158-159.

Инновационно-ориентированное развитие сельского хозяйства региона

Вологодская область – один из развитых регионов России с весомым производственным и аграрным потенциалом. Сельское хозяйство, производящее продукцию, пользующуюся спросом на внутреннем и мировом рынках, играет значительную роль в развитии экономики региона.

В условиях глобализации и информатизации регион становится не только самостоятельно действующим экономическим агентом, но и одним из ведущих участников национальных мировых конкурентных процессов. Поэтому достижение конкурентоспособности сельского хозяйства на основе инновационно-ориентированного развития становится основным направлением стратегического управления конкурентоспособностью региона.

Финансовый кризис 2008 года, закономерно перекинувшийся из сферы денежного обращения в сектор реальной экономики, наложил свои отпечатки на достаточно сложную экономическую ситуацию в сельском хозяйстве Вологодской области (рис. 1).

Экономическая ситуация в сельском хозяйстве области в последние годы не претерпела кардинальных изменений, она остается неоднозначной и сохраняет характеристики системного кризиса, который можно определить как спад производства:

- индекс сокращения посевных площадей – 31,5%;
- индекс сокращения поголовья крупного рогатого скота – 20,2%;
- индекс сокращения квалифицированной рабочей силы – 48,3%;
- низкая покупательная способность заработной платы работников сельского хозяйства – в 2 раза ниже среднеобластной;
- низкий уровень интенсификации производства, ежегодное снижение объёмов производства на 3-5%;
- исключительно высокий диспаритет цен, устойчивая тенденция сохранения высокой доли убыточных предприятий (2000 г. – 49%, 2005 г. – 38%, 2009 г. – 45%);

¹ Гордеева Анна Александровна – аспирант ФГОУ ВПО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина».

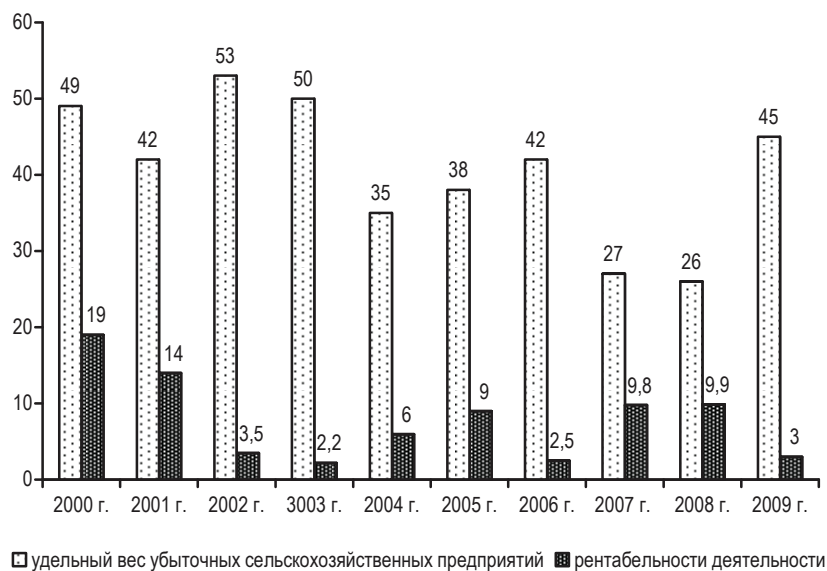

Рис. 1. Экономическая ситуация в сельском хозяйстве Вологодской области в 2000 – 2009 гг.*

* Составлено нами на основании материалов Департамента сельского хозяйства Вологодской области.

- ежегодный отрицательный результат основной деятельности у большинства сельскохозяйственных предприятий, отсутствие возможности самофинансирования, необходимость государственной поддержки.

Такая экономическая ситуация таит в себе угрозу необратимости кризиса как в сельском хозяйстве, так и в целом в агропромышленном комплексе области, с одной стороны, а с другой – определяет необходимость пересмотра устоявшихся стереотипов, поиск приоритетов и выбор методов и направлений выхода из кризисной ситуации, перехода к устойчивому экономическому росту и повышению конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий и самой отрасли.

Альтернативы последнему нет, есть определяющие этот выбор предпосылки и методологическая основа. Сельское хозяйство всегда остается перспективным сектором экономики и не может исчезнуть в результате кризисных ситуаций. Сельскохозяйственная продукция является незаменимым условием жизни общества, а ее достаточность и качество – незаменимым фактором независимости государства.

Методологическая основа строится на теории экономической эффективности. Этот выбор обосновывается следующим. Приведенные выше характеристики системного кризиса сельского хозяйства позволяют сделать вывод о том, что в производстве понятие кризиса, как правило,

связывается со снижением эффективности производства, его спадом, ухудшением социальных и других условий в зависимости от выбранного критерия. И наоборот, повышение эффективности производства является основным фактором торможения кризиса и создания условий для экономического роста.

В экономической теории и практике принято выделять два типа экономического роста: экстенсивный и интенсивный, соответственно две большие группы факторов влияния на экономический рост: экстенсивные и интенсивные. Эти факторы существенно различаются по своему содержанию и характеру, а следовательно, и по влиянию на уровень экономического роста [6].

Не вдаваясь в известную сущность каждой из групп названных факторов экономического роста, следует показать, что главный отличительный признак интенсивного типа экономического роста – повышение эффективности производственных факторов на основе научно-технического прогресса и, как следствие, рост производительности труда.

Именно за счет роста производительности труда при других качественных факторах производства (земля, капитал, предпринимательская способность) в сельском хозяйстве развитых стран достигается основной объем экономического роста, а снижение рассматривается как явление, которое подталкивает к сосредоточению инновационных, финансовых, организационных усилий на решении проблемы повышения производительности труда через научно-технический прогресс как условие экономического роста и социального развития.

Проблема роста производительности труда в сельском хозяйстве России игнорировалась в течение всего периода аграрных реформ. В условиях спада производства, диспаритета цен, снижения фондовооруженности и численности высококвалифицированной рабочей силы существующий сегодня в сельском хозяйстве технологический уклад является энергоемким и трудозатратным, базирующимся на экстенсивном типе развития производства, производной от которого является усиление отставания российских аграриев от аграриев развитых стран по уровню производительности труда. По оценкам отдельных исследователей, это отставание составляет более чем 10 раз [7].

Для сельского хозяйства Вологодской области в период 2000 – 2009 гг. характерны тенденции снижения производительности труда, что показывает соотношение производительности и фондовооруженности труда (таблица).

**Соотношение производительности и фондовооруженности труда
в сельском хозяйстве Вологодской области в 2000 – 2009 гг.***

Показатель	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Численность работников сельского хозяйства всего, тыс.чел	24,05	22,00	21,68	21,59	21,55	21,30
Приведенная производительность труда, тыс. руб. вал. прод. на 1 раб.	692	679	674	685	666	659
Приведенная фондовооруженность труда, тыс. руб. ОПФ/1 раб.	390	736	740	743	707	680
Индекс изменения приведенной фондовооруженности труда в ценах 2009 г. по отношению к 2000 г.	1,0	1,886	1,898	1,904	1,812	1,743
Индекс изменения приведенной производительности труда в ценах 2009 г. по отношению к 2000 г.	1,0	0,981	0,973	0,989	0,962	0,952
Соотношение темпов роста производительности и фондовооруженности труда	1,0	0,520	0,512	0,519	0,530	0,546
* Составлено нами на основании материалов Департамента сельского хозяйства Вологодской области.						

Приведенные показатели отражают в динамике все большее отклонение от оптимального уровня интенсификации производства, низкое качество системы машин и применяемых технологий. Это не отвечает реализации технологической и экономической составляющих эффективности производства и препятствует росту производительности труда.

На актуальность решения проблемы стимулирования и роста производительности труда в сельском хозяйстве в современных условиях хозяйствования обращено внимание в исследованиях таких экономистов-аграрников, как И.Г. Ушачев, А.П. Зинченко, В.В. Милосердов, И.Н. Буздалов, М.В. Селин, В.Т. Топоров, А.Н. Семенов и др.

И.Г. Ушачев подчеркивает: «...в настоящее время конкурентоспособность отечественного сельского хозяйства не основывается на высоком и постоянно повышающемся уровне производительности труда. Повышение ее уровня, или, иначе говоря, сокращение затрат труда на единицу произведенной продукции при прочих равных условиях было и остается важнейшим показателем и условием стабильного развития аграрной экономики» [7].

М.В. Селин убедительно аргументирует: «В условиях конкуренции, борьбы за выживание у каждого предприятия есть только один путь – это повышение производительности труда и, соответственно, снижение себестоимости продукции» [4].

В.В. Милосердов отмечает: «Чтобы развиваться более динамично, нужно уходить от инерционного режима экономического роста: создавать условия для более высоких темпов производительности труда...» [3].

Данные положения позволяют показать, что экстенсивный, инерционный тип экономического роста, который характерен сегодня для сельского хозяйства региона, ни в коей мере не может быть стратегией, обеспечивающей долгосрочное повышение эффективности и конкурентоспособности отрасли в условиях рынка. Известно, что основная проблема производительности труда в сельском хозяйстве заключается в высокой трудоемкости производства продукции. Отсюда следует вывод, что этой в этой сфере для повышения производительности труда требуется переход от трудоемких технологий к наукоемким, ресурсосберегающим, что приведет к сокращению затрат на единицу конечного продукта. На первый план выходит прогресс техники и технологий, а новыми факторами устойчивого экономического роста и повышения эффективности сельскохозяйственного производства выступают инновации и знания.

На наш взгляд, в плане устойчивого стратегического развития представляется целесообразным внедрение в сельскохозяйственное производство стратегий, обеспечивающих создание условий для адаптации сельскохозяйственных предприятий, находящихся в системном кризисе, к самоорганизации на основе всесторонней интенсификации производства и повышения его эффективности путем прорывного роста производительности труда.

Наиболее перспективной является инновационно-ориентированная стратегия развития при оптимальной инвестиционной поддержке государства. Логика предложения данной стратегии определяется экономической ситуацией в сельском хозяйстве региона, где почти 50% хозяйствующих субъектов находятся в состоянии депрессии в условиях системного кризиса.

В рамках теории цикличности развития экономики влияние инновационных факторов проявляется в способности экономической системы выходить из кризисной фазы и преодолевать фазу депрессии. От инновационной насыщенности данных процессов зависит продолжительность и глубина кризиса.

Капитал как фактор экономического роста традиционно относят к числу факторов экстенсивного типа. Но капиталовложения необходимы и для индуцирования экономического роста интенсивного типа. Инвестиции, направленные на качественное совершенствование производительных сил, создают предпосылки для дальнейшего использования капитала как экстенсивного фактора.

На этом основании можно утверждать, что капитал может выступать как интенсивным, так и экстенсивным фактором экономического роста в зависимости от фазы цикла, на которой был осуществлен инвестиционный процесс (рис. 2).

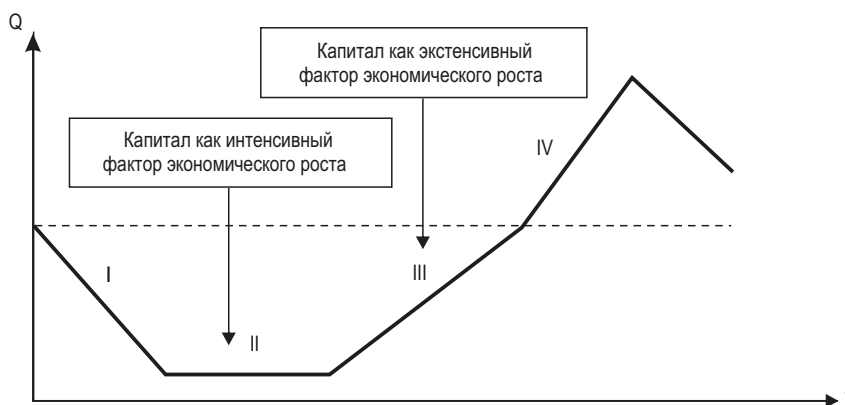

Рис. 2. Интенсивный и экстенсивный характер инвестиций на различных фазах циклического развития экономики: I – фаза кризиса; II – фаза депрессии; III – фаза оживления; IV – фаза подъема

Инвестиции в сельскохозяйственное производство, осуществленные на стадии депрессии, несут в себе инновационную направленность, т.к. они способствуют экономическому росту сельскохозяйственных предприятий, и, наоборот, инвестиции в экстенсивном режиме не отвечают их развитию, т.к. имеют низкую экономическую эффективность.

Наши исследования позволяют выделить следующие особенности сущности инновационно-инвестиционной стратегии развития предприятий сельского хозяйства региона на современном этапе:

1. Инновационный процесс должен быть неразрывно связан с инвестиционным процессом как его неотъемлемая составная часть.

2. Инвестиции в условиях ограниченности финансовых источников следует концентрировать на создании и освоении ограниченного числа инноваций, прежде всего тех, что обеспечивают максимальный мультипликационный эффект от вложенных средств и осуществляемых мероприятий. Такими «точками роста» в сельском хозяйстве Вологодской области могут стать прежде всего льноводство и молочное скотоводство как исторически сложившиеся и сочетаемые отрасли. Вложение средств в их развитие благоприятно отразится на эффективности большинства производственных структур АПК, обеспечивая в нем при этом подъем общего научно-технического уровня, повышение квалификации кадров и конкурентоспособность производства [5].

3. Регулирующая роль в реализации стратегии должна принадлежать государству, координирующему сочетание инвестиций инновационного (интенсивного) и неинновационного (экстенсивного характера), в связи с тем, что экономическая эффективность для собственника вложенного капитала различна в зависимости от фазы цикла, на которой осуществляется вложение, и от характера инвестиций (рис. 3).

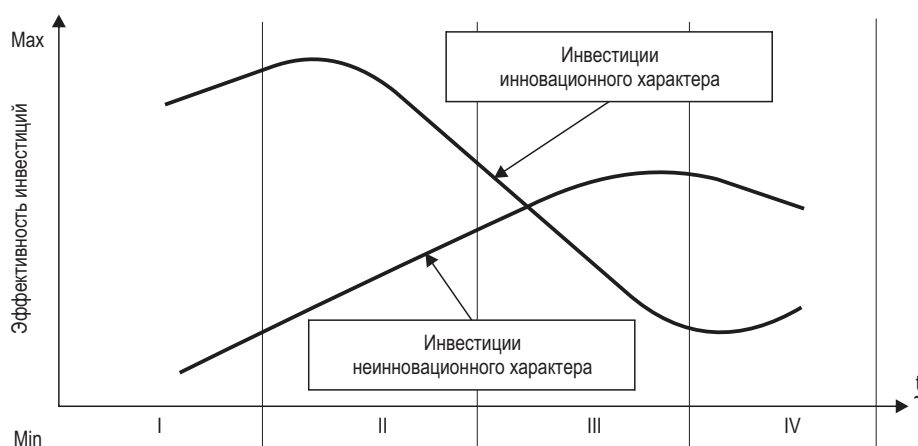

Рис. 3. Эффективность инвестиций различного характера на разных фазах циклического развития экономики: I – фаза кризиса; II – фаза депрессии; III – фаза оживления; IV – фаза подъема

Анализ тенденций изменения эффективности инвестиций с переходом из одной фазы циклического развития в другую позволяет сделать следующий основополагающий вывод: инвестиции в период депрессии следует направлять на обновление активной части основных фондов, что позволит поднять производительность труда, снизить себестоимость и повысить конкурентоспособность продукции (предприятия, отрасли).

Однако из этого не следует, что нужно автоматически реализовывать любые варианты, которые обеспечивают снижение себестоимости продукции. Необходимо реализовывать оптимальный вариант развития, который обеспечил бы и минимум капиталовложений, и наиболее эффективное использование трудовых ресурсов.

Инновационно-ориентированный подход находит свое отражение в целевых региональных программах развития сельского хозяйства Вологодской области на 2009 – 2012 гг. и практике сельскохозяйственных предприятий. В качестве примера может быть показана деятельность предприятий, входящих в состав клуба «Агро-300»: СПК «Агрофирма «Красная звезда», Колхоз «Племзавод «Родина» Вологодского района.

Они добиваются высоких показателей социально-экономического развития на основе технической переоснащенности производства и роста производительности труда.

Обобщая изложенное, необходимо отметить, что приоритетное место среди новых задач по развитию сельского хозяйства региона в условиях глобализации и открытого рынка должно занимать изменение вектора экономического развития сельскохозяйственных предприятий в сторону усиления инновационных процессов при оптимальной инвестиционной поддержке государства и последовательного перехода от отдельных «опорных точек» инновационно-ориентированного развития к кластерному подходу к реализации инновационной политики в аграрной сфере экономики региона.

Литература

1. Глазьев, С.Ю. Кризис, антикризисные меры и стратегия инновационного народно-хозяйственного развития в зеркале теории долгосрочной мегатехнологической динамики / С.Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2008. – №12. – С. 3-9.
2. Красильников, О.Н. Проблемы структурных преобразований в экономике / О.Н. Красильников // Экономист. – 2001. – №8. – С. 8-10.
3. Милосердов, В.В. Удвоение ВВП России: каковы роли в нем сельского хозяйства? / В.В. Милосердов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2004. – №10. – С. 9-12.
4. Селин, М.В. Производительность труда: методология определения и резервы роста / М.В. Селин. – Вологда: ВГМХА, 2002. – С. 109.
5. Советов, П.М. Агропромышленная интеграция: концепции, механизмы, эффективность / П.М. Советов. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. – С. 117.
6. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
7. Ушачев, И.Г. Производительность и мотивация труда в сельском хозяйстве / И.Г. Ушачев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2008. – №2. – С. 7-11.
8. Ушачев, И.Г. Экономический рост и конкурентоспособность сельского хозяйства России / И.Г. Ушачев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2009. – №3. – С. 1-9.

Проблемы активизации инновационной деятельности в сельском хозяйстве региона

Состояние сельского хозяйства страны отражает результативность общей аграрной политики правительства и предопределяет уровень продовольственной безопасности. К тому же сельскохозяйственное производство обладает мультипликативным эффектом, когда каждое новое рабочее место в нем отзывается открытием 7 – 9 новых рабочих мест в других отраслях народного хозяйства. Отсюда проистекает важность и значимость задач функционирования и развития сельского хозяйства.

В современных условиях глобализации и открытости экономики обеспечение конкурентоспособности отечественного сельскохозяйственного производства, а значит, инновационное развитие страны становится возможным лишь на основе масштабной активизации инновационно-инвестиционного процесса в агропромышленном комплексе. Отрасли экономики требуется совершить качественный скачок посредством перехода к инновационному типу функционирования, осуществить ускоренную модернизацию производства, освоить потенциально новые технологии в производстве и в управлении [1].

Отброшенный на десятки лет назад, отечественный аграрный сектор оказался не готовым к формированию эффективной инфраструктуры, что привело к существенным потерям и ослаблению во всех его сферах. Решение задач перехода к инновационной стратегии развития АПК чрезвычайно усложняется сохраняющимся кризисным состоянием сельского хозяйства, вызванным переходом на «рыночные рельсы» в 1990-х годах. Из этого состояния не позволяет выйти либерально-монитаристский вектор экономической политики Правительства Российской Федерации.

В настоящее время научными исследованиями отмечается ряд факторов, отрицательно влияющих на разворачивание процесса инновационного преобразования АПК: диспаритет цен на производимую сельхоз-

Волкова Светлана Анатольевна – соискатель, ФГОУ ВПО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина».

продукцию и потребляемую селом промышленную продукцию; недостаточность бюджетной поддержки сельхозпроизводителей; износ и устаревание материально-технической базы; большая задолженность и низкая платежеспособность; высокий уровень налогообложения; введение новых норм технического регулирования качества сельхозпродукции; отсутствие субсидии на повышение плодородия почвы; низкий уровень материального стимулирования труда (зарплаты); неразвитость социальной инфраструктуры; преграды для формирования сельскохозяйственных кооперативов; некачественный и дорогостоящий агросервис; отсутствие контроля государства за переработчиками, посредническими и торговыми организациями в вопросах ценообразования на продукцию сельского хозяйства; нехватка оборотных средств; неблагоприятные природные условия; несвоевременность расчетов за поставку сельхозпродукции.

Основной причиной, сдерживающей проникновение инноваций в АПК, является отсутствие финансовых источников у сельхозорганизаций не только для расширения, но и простого воспроизводства (за последние пять лет удельный вес убыточных организаций увеличился до 42%). Не случайно сохраняется высокий уровень износа основных производственных фондов сельхозорганизаций, достигающий 43%.

В общей структуре затрат на инновации преобладают направления, связанные с производственно-технологическими усовершенствованиями: реконструкция и модернизация цехов, приобретение новой техники и оборудования и незначительные ассигнования на нововведения в управление кадрами, в сбытовой политике, информационно-техническом обеспечении и др. [2].

Сложность и особенности сельскохозяйственного производства обуславливают высокий уровень рисков инновационных процессов в аграрном секторе. Риск финансирования научно-производственных результатов, риск временного разрыва между затратами и результатами, неопределенность спроса на инновационную продукцию не заинтересовывают частных инвесторов вкладывать капитал в развитие сельского хозяйства.

Вопросы о переходе страны на инновационный тип развития остаются нерешенными. Хотя они уже затрагиваются в Концепции социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, нацио-

нальном проекте «Развитие АПК», Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008 – 2012 годы и т.д.

Существующая бюджетная поддержка сельского хозяйства не является эффективной: имеющиеся выплаты не своевременны, бюджетные дотации и компенсации выплачиваются не всем сельскохозяйственным товаропроизводителям.

Действующие сегодня инструменты государственной поддержки не способствуют развитию инновационной деятельности сельхозтоваропроизводителей. В сельском хозяйстве наблюдается крайне слабая ориентация на инновационный потенциал производства. Основные трудности в реализации инновационного потенциала связаны как с ограниченностью государственной поддержки, так и с нехваткой собственных ресурсов у организаций.

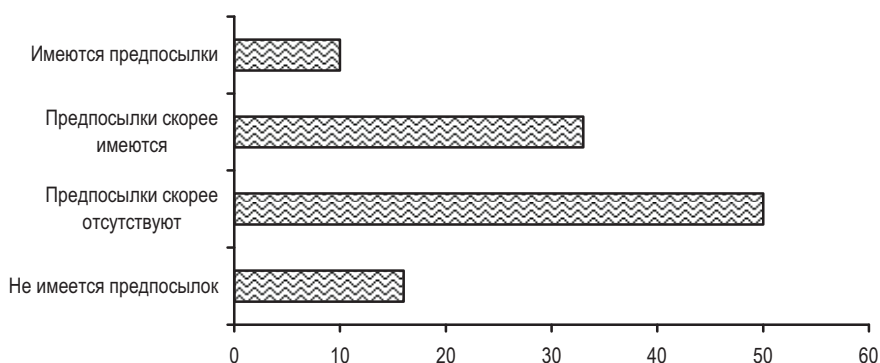
Проблеме активизации инновационной деятельности в сельском хозяйстве Вологодской области посвящено выполненное на кафедре управления производством ФГОУ ВПО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н. В. Верещагина» научное исследование, поддержанное Департаментом сельского хозяйства, продовольственных ресурсов и торговли Вологодской области. Научное исследование проводилось на основе экспертного опроса по исследованию проблем инновационно-инвестиционной деятельности сельскохозяйственных организаций Вологодской области. Анкеты для опроса были разосланы руководителям крупных и средних сельскохозяйственных организаций различных организационно-правовых форм собственности, в которых ранее осуществлялась инвестиционно-инновационная деятельность. На вопросы анкеты ответили респонденты из 19 муниципальных районов региона.

Среди реализованных инновационных проектов сельхозтоваропроизводителей Вологодской области 28,6% занимает приобретение новой техники, 16,4% – освоение новых технологий производства и использование улучшенных сортов (табл. 1).

Для оценки предпосылок перехода к инновационному производству респондентам был задан вопрос: «Существуют ли в организации предпосылки к переходу на инновационную модель развития?» На рисунке представлены результаты ответов руководителей сельхозорганизаций Вологодской области.

Таблица 1. Участие сельскохозяйственных организаций Вологодской области в реализации инновационных проектов в 2006 – 2010 гг.

Функциональная направленность инновационных проектов	В % к итогу
Внедрение нового типа структуры управления	2,04
Освоение новой технологии производства	16,36
Приобретение техники нового поколения	28,63
Внедрение новых схем оплаты труда	10,22
Улучшение породности животных	12,27
Использование улучшенных сортов растений, гибридов, кроссов	16,36
Использование модифицированных материалов (удобрений, гербицидов, кормовых добавок и т.д.)	14,31

Наличие предпосылок для перехода к инновационной модели развития сельскохозяйственных организаций Вологодской области (по результатам анкетного опроса руководителей; в % от числа ответивших)

Из рисунка видно, что 1/3 респондентов положительно оценивают свои возможности в переходе к инновационной модели развития. Но большинство сельхозорганизаций не имеют в настоящее время предпосылок для инновационного развития. Таким образом, есть основания полагать, что предприятия агросектора обладают возможностями для инновационного развития производства и повышения его эффективности.

Остается проблемой распределение инноваций по сферам деятельности АПК. Все чаще производственными организациями используются такие производственно-технологические усовершенствования, как реконструкция и модернизация цехов, приобретение новой техники и оборудования. В результате в тени остаются важные направления: управление кадрами, сбытовая политика, информационно-техническое обеспечение и т.д.

Таблица 2. Структура затрат на инновации в АПК (в % к итогу)

Виды инновационной деятельности	Вологодская область		Россия	
	2003 г.	2009 г.	2003 г.	2009 г.
Исследования и разработки новых продуктов	1,7	5,8	6,4	15
Приобретение новых машин, оборудования, технологий и программных средств	80,2	83,6	59,9	63,2
Производственное проектирование и другие виды подготовки производства	12,8	6,9	7,1	12,9
Обучение и подготовка персонала	0,1	0	0,5	1,5
Маркетинговые исследования	0,1	0,1	0,5	0,5
Прочие затраты	5,1	3,6	15,6	6,9

Инновационная деятельность — это один из рычагов, с помощью которого предстоит преодолеть спад производства в АПК Вологодской области и Российской Федерации в целом, обеспечить его структурную перестройку, насытить рынок разнообразной конкурентоспособной продукцией. Переход к инновационной модели экономики означает не только стабилизацию, но и постоянное повышение технического и технологического уровня отечественного производства.

Действующие сегодня инструменты воздействия не способствуют благополучному развитию инновационной деятельности сельхозтоваропроизводителей. В сельском хозяйстве существует крайне слабая ориентация на инновационный потенциал производства. Основные трудности в реализации инновационного потенциала связаны как с ограниченностью государственной поддержки, так и с нехваткой собственных ресурсов у организаций.

Литература

1. Воротников, И. Тенденции трансформации в АПК России / И. Воротников, И. Родионова // Экономика сельского хозяйства. — 2009. — № 5. — С. 67-73.
2. Голубев, А. Научные основы инновационного развития АПК / А. Голубев // АПК: экономика, управление. — 2010. — №10. — С. 30-35.

Содержание

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>Позгалёв В.Е., Некителов А.Д.</i> Обращение к читателям	5
--	---

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Маевский В.И.</i> Ключевые проблемы формирования стратегии социально-экономического развития России до 2020 года	8
<i>Сулакшин С.С.</i> О новой модели экономического роста России (в связи с поручением В.В. Путина научному сообществу России)	15
<i>Ильин В.А.</i> Проблемы социально-экономического развития территорий России в посткризисный период	27
<i>Окрепиллов В.В.</i> Экономика качества и региональное развитие	44
<i>Никитенко П.Г., Платонова Л.А.</i> Конкурентоспособность территориальных социально-экономических систем Российской Федерации	58
<i>Суслов В.И.</i> Синергия региональных инновационных систем	70
<i>Лаженцев В.Н.</i> Оценка уровней социально-экономического развития регионов Европейского Севера	79
<i>Лаврикова Ю.Г.</i> Кластерные принципы в реализации стратегии регионального развития	94
<i>Шишкин А.И.</i> Развитие Севера начинается с модернизации науки	104
<i>Гайнанов Д.А., Атаева А.Г.</i> Антикризисное управление муниципальными образованиями: сущность, значимость, инструменты	110
<i>Егоров В.К.</i> Корпоративная социальная ответственность как основа конструктивного взаимодействия власти, бизнеса и общества	121
<i>Кузнецов С.В.</i> Комплексная научно-техническая программа СЗФО до 2030 г. как инструмент региональной политики	129
<i>Ларичкин Ф.Д., Фадеев А.М., Череповицын А.Е.</i> Формирование концепции рационального недропользования, обеспечивающей конкурентоспособность регионов Севера и Арктики в глобальной рыночной экономике	139

Секция 1. ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

<i>Губанова Е.С.</i> Проблемы интенсификации инвестиционного процесса в регионе	146
<i>Толстогузов О.В.</i> Дифференциация регионов России и проблемы развития приграничных регионов	153

<i>Фомичева Л.Д.</i> Диалог власти и бизнеса	163
<i>Асанович В.Я., Дедков С.М.</i> Моделирование социально-экономического развития региона на примере Минской области	167
<i>Бено Ростислав.</i> Эргономика как вспомогательный инструмент обеспечения устойчивой конкурентоспособности предприятий в Словакии	173
<i>Староверова Г.С.</i> Роль сельского строительства в устойчивом развитии сельских территорий	181
<i>Поромонова А.Н.</i> Факторы устойчивости социально-экономического развития сельских территорий Вологодской области	190
<i>Солдатова Н.В.</i> Динамика расселения и системы местных центров Вологодской области	195
<i>Порохова А.Н.</i> Миграционные процессы как фактор развития территорий	202
<i>Сорокина И.Э.</i> Глобализация и ее воздействие на формирование конкурентной среды	207
<i>Ермолов А.П.</i> Оценка конкурентных преимуществ региона	215
<i>Булатова Ю.Н.</i> Туризм – генератор развития территорий на примере проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза»	219
<i>Леонидова Е.Г.</i> Приоритеты развития туризма в районах Вологодской области	223

Секция 2. ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВЕННОГО РОСТА РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

<i>Маклахов А.В.</i> Развитие льняного кластера Вологодской области	228
<i>Советов П.М.</i> Декомпозиция проблем и факторов экономического роста в сельском хозяйстве	237
<i>Жестянников С.Г.</i> Трудовая миграция. Региональные механизмы управления	247
<i>Цибулка Вильям.</i> Практические результаты применения комплексной методик для повышения качества товаров в интересах компании и клиентов	256
<i>Барина О.И., Юренева Т.Г.</i> Совершенствование информационной системы управления предприятием	263
<i>Моронова О.Г.</i> Вопросы обеспечения продовольственной безопасности регионов Европейского Севера России	269
<i>Гулый И.М.</i> Стратегический анализ отраслей машиностроительного комплекса	278
<i>Горина Я.М., Кирик О.Б.</i> Методы и способы оценки конкурентоспособности текстильной промышленности Вологодской области (на примере ОАО «Вологодский текстиль»)	287
<i>Климова А.В.</i> Тенденции изменения характера труда в условиях современных трансформационных процессов	292
<i>Карпов С.Г.</i> Личные хозяйства населения в аграрной экономике России начала XXI века	297
<i>Селименков Р.Ю.</i> Лесная сертификация как фактор устойчивого развития лесного комплекса региона	304

**Секция 3. РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА
И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

<i>Безнин М.А., Димони Т.М.</i> Механизмы формирования интеллектуального капитала российской деревни: советский опыт	311
<i>Кондаков И.А.</i> Сущность модернизации российской экономики и необходимость ее проведения в современных условиях хозяйствования	319
<i>Ковач Тамаш.</i> Связь между социальным капиталом и экономикой	326
<i>Чафор Хайналка.</i> Корпоративная социальная ответственность как потенциальное средство для социально-экономического развития стран Центральной и Восточной Европы	338
<i>Углицкая М.А.</i> Научно-методическое обеспечение модернизации региональной системы образования	347
<i>Ефремова А.А.</i> Механизмы развития регионального рынка знаний	352
<i>Гончаров В.В., Колотухин В.А., Никееенко Д.В.</i> Направления и перспективы совершенствования системы научно-технологического сотрудничества регионов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и Республики Беларусь	357
<i>Цукерман В.А.</i> Инновационное развитие промышленности как основа системной модернизации экономики Севера и Арктики	365
<i>Королев И.Ю.</i> Формирование института социальных технологов в геронтологической социальной работе Вологодской области	372
<i>Медведева И.Н., Мартынюк О.И., Панькова С.В., Соловьева И.О.</i> Студентоцентрированный подход как основа организации учебного процесса в условиях перехода на Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования	381
<i>Грибанова О.А.</i> Пути модернизации регионального машиностроения	389
<i>Подолькин О.В.</i> Социальный потенциал развития малого предпринимательства в регионе	394
<i>Мамадкулов Ю.О.</i> Использование результатов гидрометеорологического моделирования для экономической оценки возможных ущербов	400
<i>Ильин П.В.</i> Развитие рынка интеллектуальной собственности в Вологодской области	406
<i>Мазилев Е.А.</i> Промышленная политика как основа модернизации экономики региона	414
<i>Гордеева А.А.</i> Инновационно-ориентированное развитие сельского хозяйства региона	423
<i>Волкова С.А.</i> Проблемы активизации инновационной деятельности в сельском хозяйстве региона	431

Научное издание

**СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**Материалы VI Международной
научно-практической конференции
(г. Вологда, 6 – 8 октября 2011 г.)**

Вторая часть

Ст. редактор	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Т.Е. Езовских

Подписано в печать 01.12.2011.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 38,5. Тираж 200 экз. Заказ № 40.

Учреждение Российской академии наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН
Тел. 54-43-85, e-mail: common@vscc.as.ru

ISBN 978-5-93299-187-9

9 785932 991879